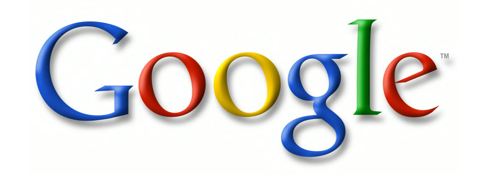
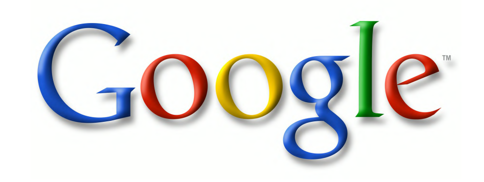
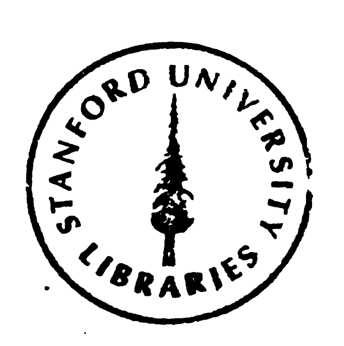
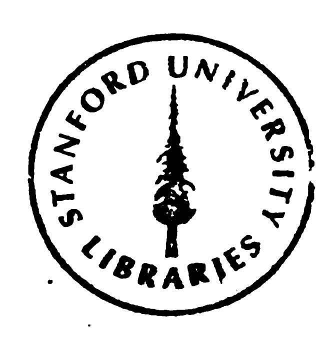

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

ВОСТОЧНАЯ ВОЙНА

1853—1856 годовъ.

СОЧИНЕНІЕ

ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТА

М. И. Богдановича.

Томъ I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ Ф. СУЩИНСКАГО.
Екатерининскій каналъ, 168.

1876.

ВОСТОЧНАЯ ВОЙНА

1853—1856 годовъ.

СОЧИНЕНІЕ

ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТА

М. И. Богдановича.

Томъ I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ Ф. СУЩИНСКАГО.
Екатерининскій каналъ, 168.

1876.

Хе

ТИПОГРАФІЯ Ф. СУЩИНСКАГО.
КАНАЛЪ ЕКАТЕРИНИНСК. 168.
С.ПЕТЕРБУРГЪ

Вмѣсто предисловія.

Восточная война 1853—1856 годовъ, въ которую столь блистательно выказались военныя дарованія многихъ изъ нашихъ частныхъ начальниковъ и самоотверженіе офицеровъ и нижнихъ чиновъ Русской арміи, окончилась Парижскимъ миромъ, ослабившимъ наше вѣковое вліяніе на дѣла Востока. Причинами тому были отчасти недостаточное вооруженіе войскъ и плохое устройство хозяйственнаго управленія нашей арміи, въ особенности по части призрѣнія больныхъ и раненыхъ; но главною причиною неудовлетворительнаго результата нашихъ усилій было то, что мы не успѣвали пользоваться благопріятными случаями для пораженія непріятеля, неоднократно встрѣчавшимися въ продолженіи войны.

Цѣль предлежащаго сочиненія — доказать эту истину на основаніи несомнѣнныхъ фактовъ, для изложенія коихъ послужили матеріалами: во 1-хъ, всѣ лучшія русскія и иностранныя сочиненія, относящіяся къ послѣдней восточной войнѣ; во 2-хъ, офиціальныя донесенія о военныхъ дѣйствіяхъ; въ 3-хъ, записки, какъ изданныя, такъ и остающіяся въ рукописяхъ, и въ 4-хъ, словесныя показанія многихъ лицъ, при-

нимавшихъ дѣятельное участіе въ изложенныхъ событіяхъ. Долгомъ считаю изъявить признательность удостоившимъ мой трудъ замѣчаніями и совѣтами: Г. Г. Багговуту (А. Ѳ.), Баумгартену (А. К.), Бутакову (Г. И.), Воеводскому (П. В.), Гончарову (С. І.), Жигмонту (С. О.), Затлеру (Ѳ. К.), Керну (Ѳ. С.), Клугину (Л. Н.), Ольшевскому (М. Я.), Романовскому (Д. И.), Тотлебену (Э. И.), Ушакову (А. К.), Фрейгангу (А. В.), Циммерману (А. Э.), Черкесову (М. Н.) и Шильдеру (Н. К.).

Въ числѣ неизданныхъ записокъ, послужившихъ основаніями для моего сочиненія, были труды генераловъ: Бриммера, Услара и полковника Де-Сажè.

Въ Приложеніяхъ, кромѣ подробныхъ свѣдѣній о составѣ армій и отрядовъ, помѣщены: Журналъ дѣйствій русскихъ войскъ при осадѣ Силистріи въ 1854 году; Записки, поданныя начальниками частей русской арміи передъ сраженіемъ на Черной, и проч.

Къ сочиненію моему приложены слѣдующія карты и планы:

Къ 1-му тому:

1. Карта для объясненія дѣйствій на Дунаѣ въ 1853 и 1854 годахъ.
2. Планъ сраженія при Ольтеницѣ.
3. Планъ сраженія при Четати и Фонтына-Банулуй.
4. Планъ дѣла при Баяндурѣ.
5. Планъ дѣла при Ацхурѣ.
6. Планъ сраженія при Ахалцыхѣ.
7. Планъ сраженія при Башъ-Кадыкларѣ.

Ко 2-му тому:

8. Карта переправы русскихъ войскъ черезъ Дунай, въ мартѣ 1854 года.

9. Планы батарей съ анвелопами построенныхъ генераломъ Шильдеромъ въ 1854 году.

10. Планъ перехода русскихъ войскъ черезъ Дунай, у Измаила.

11. Планъ осады крѣп. Силистріи въ 1854-мъ году.

12. Детальный планъ атаки Арабскаго форта.

13. Планъ сраженія на рѣкѣ Чолокѣ.

14. Планъ сраженія на Чингильскихъ высотахъ.

15. Планъ сраженія при Кюрукъ-Дара.

16. Планъ укрѣпленій Бомарзунда.

17. Карта Таврической губерніи.

18. Карта театра военныхъ дѣйствій въ окрестностяхъ Севастополя.

19. Планъ окрестности Севастополя.

Къ 3-му тому:

20. Планъ сраженія на рѣкѣ Алмѣ.

21. Планъ сраженія при Кадикіой (Балаклавѣ).

22. Планъ сраженія при Инкерманѣ.

Къ 4-му тому:

23. Планъ сраженія на рѣкѣ Черной.

24. Карта театра дѣйствій 1853, 1854 и 1855 годовъ въ Азіятской Турціи.

25. Планъ окрестностей крѣпости Карса.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВАГО ТОМА.

ГЛАВА I.

Отношенія Россіи къ Турціи. Восточный вопросъ.

Еще въ XV столѣтіи, непосредственно по водвореніи Турокъ въ Константинополѣ, возбуждаемые Оттоманскою Портою Крымскіе Татары начали производить губительные набѣги въ Россію, а въ 1591 году прошли наши южныя области огнемъ и мечемъ до самой Москвы. Въ послѣдствіи возникли въ Крыму раздоры и междоусобія, пользуясь коими Русскіе не только успѣли оградить свои предѣлы отъ варварскихъ нашествій, но и предпринимали сами походы въ Крымъ, которые однакоже были неудачны нестолько отъ сопротивленія Татаръ, сколько отъ климатическихъ и мѣстныхъ свойствъ сѣверной части Крымскаго полуострова. При Петрѣ Великомъ, русскія войска овладѣли Азовомъ; но въ послѣдствіи, когда наша армія, подъ личнымъ начальствомъ самаго Государя, была окружена на Прутѣ въ шесть разъ болѣе сильными турецкими полчищами, мы принуждены были возвратить Азовъ и срыть укрѣпленія, построенныя нами на низовьяхъ Днѣпра и Дона. При Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, Минихъ, въ челѣ многочисленной арміи, глубоко проникалъ въ Крымъ, но каждый разъ принужденъ былъ отступать об-

ратно съ огромною потерею въ войскахъ, отъ недостатка въ водѣ и чрезмѣрнаго зноя. Побѣда его надъ Турками при Ставучанахъ и взятіе имъ Хотина утвердили на вѣки превосходство русскаго оружія надъ грозными Европѣ поклонниками Ислама, но недоставили Россіи никакихъ положительныхъ выгодъ. При Императрицѣ Екатеринѣ Великой, побѣды Румянцева, завершившіяся славнымъ Кучюкъ-Кайнарджискимъ миромъ, открывъ во всей наготѣ безсиліе Турціи, подали Монархинѣ мысль объ изгнаніи Турокъ изъ Европы и о возстановленіи Греческой Имперіи на развалинахъ Оттоманской Порты. Такъ называемый *греческій проектъ* сдѣлался любимою мечтою удостоеннаго неограниченнымъ довѣріемъ Императрицы Потемкина. Побуждаемый ненасытнымъ честолюбіемъ столько же сколько и глубокимъ религіознымъ чувствомъ, Потемкинъ горѣлъ желаніемъ освободить отъ мусульманъ прекрасную страну, откуда православіе было внесено въ Россію. Первымъ шагомъ къ исполненію такого гигантскаго плана былъ 3-й пунктъ Кучюкъ-Кайнарджискаго трактата: „Татары крымскіе, буджакскіе и кубанскіе признаны свободными и независимыми отъ всякой посторонней власти“. Спустя девять лѣтъ, когда крымскій ханъ Шагинъ-Гирей отрекся за себя и свое потомство отъ ханскаго достоинства, и когда Турція была принуждена отказаться отъ всякаго притязанія на Крымъ, эта богатая дарами природы страна сдѣлалась достояніемъ Россіи. Оттоманская Порта однако же долго не могла освоиться съ мыслью потери Крыма и рѣшилась снова открыть войну, послѣдствіями которой было признаніе турецкимъ правительствомъ, по Ясскому трактату, прежнихъ уступокъ и присоединеніе къ Россіи земель по рѣку Днѣстръ. За тѣмъ наступило затишье, продолжавшееся цѣлые

пятнадцать лѣтъ, съ 1791 по 1806-й годъ. Турція, ослабленная прежними войнами и внутренними неустройствами, оставила безъ вниманія присоединеніе Грузіи къ Россійской Имперіи. Но несоблюденіе Турками условій Ясскаго трактата повело къ новой войнѣ, продолжавшейся нѣсколько лѣтъ съ перемѣннымъ успѣхомъ, пока уничтоженіе турецкой арміи при Слободзеѣ Кутузовымъ и его-же искусная дипломатія не окончили борьбу Россіи съ Турціею, наканунѣ другой, болѣе опасной, борьбы съ Наполеономъ, Бухарестскимъ договоромъ, отодвинувшимъ наши границы до нижняго Дуная и Прута. Этотъ договоръ былъ свято соблюдаемъ Императоромъ Александромъ I-мъ, не смотря ни на многократныя нарушенія его условій Турками, ни на угнетеніе единовѣрныхъ съ нами Грековъ, имѣвшее послѣдствіемъ ихъ возстаніе противъ Порты. Объявивъ себя защитникомъ сонма представителей законной власти, Александръ считалъ вѣроломствомъ вооруженное вмѣшательство въ пользу подданныхъ—Грековъ противъ ихъ Монарха — Султана. Ни мольбы къ нему о помощи страдавшаго цѣлые вѣка народа. ни общественное мнѣніе Россіи, стремившейся на избавленіе отъ неволи православныхъ Грековъ, ничто не могло измѣнить, усвоеннаго Русскимъ Монархомъ, убѣжденія въ несправедливости какого-либо покушенія съ нашей стороны противъ Оттоманской Порты.

Императоръ Николай Павловичъ, ревнитель русской народности и православія, не могъ оставаться безучастнымъ свидѣтелемъ истребленія Грековъ кровожадными мусульманами. Не будучи связанъ, подобно своему предмѣстнику, ни прежними обязательствами, ни вліяніемъ внѣшней политики, юный Монархъ подавалъ надежду, что въ немъ угнетенные

единовѣрцы найдутъ усерднаго защитника. Но ему было не безъизвѣстно, что всякая попытка въ пользу Грековъ, сообща съ прочими державами, была-бы парализирована абсолютизмомъ Австріи, равнодушіемъ Франціи и завистью Англіи, и потому, оставляя до времени въ сторонѣ Греческій вопросъ, какъ подчиненный общему вмѣшательству Европы, онъ высказывалъ намѣреніе ограничиться рѣшеніемъ другихъ спорныхъ дѣлъ, возникшихъ между Россіею и Портою. Сообразно тому онъ потребовалъ: во 1-хъ, чтобы въ Дунайскихъ Княжествахъ были соблюдаемы всѣ права́ и преимущества, дарованныя имъ по Бухарестскому трактату; во 2-хъ, чтобы освобождены были сербскіе депутаты, задержанные съ 1820 года въ Константинополѣ, и въ 3-хъ, чтобы высланы были отъ Порты коммисары для точнаго опредѣленія обоюдныхъ границъ, Россіи и Турціи, на основаніи Бухарестскаго трактата. Этотъ ультиматумъ не встрѣтилъ сопротивленія со стороны нашихъ союзниковъ: Каннингъ надѣялся безучастно рѣшить Греческій вопросъ, а Меттернихъ полагалъ, что Греки, дерзнувшіе возстать про́тивъ своего законнаго властителя—Султана, будучи лишены защиты русскаго правительства, падутъ, рано или поздно, подъ ударами Турокъ.

Турецкое правительство, обрадованное нашимъ умолчаніемъ объ умиротвореніи Греціи, высказало уступчивость по всѣмъ прочимъ вопросамъ. Но прежде еще, нежели открылись въ Аккерманѣ переговоры между уполномоченными Россіи и Порты, подписанъ былъ въ Петербургѣ, 4-го апрѣля н. ст. 1826 года, чрезвычайнымъ посломъ великобританскимъ Велингтономъ, прибывшимъ изъ Лондона русскимъ посломъ графомъ Ливеномъ и графомъ Несельродомъ, протоколъ о посредничествѣ Россіи

и Англіи по умиротворенію Греціи. Предложенія, кои условлено было сдѣлать турецкому правительству, ограничивались дарованіемъ Грекамъ свободы самоуправленія, съ оставленіемъ ихъ подданными и данниками Порты. Этотъ важный документъ былъ одобренъ Каннингомъ 3-го (15) мая, немедленно по возвращеніи Веллингтона въ Лондонъ. Не смотря на обоюдное обязательство союзниковъ—содержать протоколъ въ тайнѣ, онъ вскорѣ сдѣлался извѣстнымъ всѣмъ прочимъ дворамъ европейскимъ. Между тѣмъ, Султанъ Махмудъ не уклонился отъ принятаго имъ намѣренія — уничтожить янычаръ и преобразовать свои вооруженныя силы, не смотря на то, что, въ ожиданіи успѣха этой реформы, Турки не имѣли почти никакихъ войскъ. Въ іюнѣ 1826 года взбунтовавшіеся янычары были частью истреблены, частью разсѣяны, и тогда-же приступлено къ набору новой арміи.

Въ концѣ 1826 года, прибытіе изъ Египта въ Наваринскій портъ Ибрагима-паши, съ сильнымъ флотомъ и десантнымъ войскомъ, поставило Грековъ въ отчаянное положеніе. Паденіе Миссолонги, послѣ геройской защиты, поразило ужасомъ приверженцевъ Греціи—Филеллиновъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, усугубило ихъ дѣятельность; общественное мнѣніе во всей западной Европѣ болѣе и болѣе склонялось на сторону Грековъ, по мѣрѣ претерпѣваемыхъ ими бѣдствій. Напрасно Меттернихъ старался отвратить опасность угрожавшую Портѣ, возбуждая подозрѣнія Англіи противъ Россіи, и остерегая Россію и Пруссію отъ демагоговъ, которые, по словамъ его, покушались произвести въ Греціи такое-же народное возстаніе, какія неудались имъ въ Италіи и Испаніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ подавалъ надежду западнымъ державамъ, что Австрія присоединится къ Россіи, Вели-

кобритании и Франціи, изъявившимъ намѣреніе умиротворить Грецію, а втайнѣ содѣйствовалъ Турціи, стараясь выиграть время, необходимое для совершеннаго подавленія Грековъ войсками Султана и Ибрагима-паши. Но эта двуличная политика удалась австрійскому канцлеру только въ отношеніи къ берлинскому кабинету. Прочія-же державы, Англія, Россія и Франція, не обращая вниманія на внушенія Меттерниха, заключили въ Лондонѣ, 6-го іюля н. ст. 1827 года, трактатъ, условясь между собою предложить сообща свое посредничество Портѣ, для спасенія Греціи, и немедленно потребовать прекращенія враждебныхъ дѣйствій. На основаніи этого договора, были посланы инструкціи представителямъ союзныхъ дворовъ въ Константинополѣ, въ началѣ (въ половинѣ) августа 1827 года.

Императоръ Николай раздѣлялъ убѣжденія наиболѣе знакомыхъ съ дѣлами Турціи государственныхъ людей, Каподистрія и Григ. Александр. Строгонова. Никогда, по ихъ мнѣнію, Порта не находилась въ такомъ опасномъ положеніи, какъ въ 1827 году, когда, по уничтоженіи янычаръ, Турки еще не успѣли сформировать новую армію, когда ежечасно готовы были возстать приверженцы старыхъ мусульманскихъ уставовъ, и когда финансы Оттоманской Имперіи были совершенно разстроены. Но хотя, на переговорахъ въ Аккерманѣ, турецкіе уполномоченные были принуждены безусловно согласиться на всѣ требованія русскаго правительства, однакоже эта невольная уступчивость усилила въ Туркахъ ненависть къ Россіи и недовѣрчивость къ Англіи и Франціи. Представленія союзныхъ резидентовъ въ Константинополѣ въ пользу Грековъ, по заключеніи лондонскаго трактата, встрѣтили отпоръ, не смотря на ихъ объявленія, что: „въ случаѣ от-

каза въ перемиріи союзники будутъ принуждены прибѣгнуть къ силѣ оружія“. Эта угроза была немедленно приведена въ исполненіе: эскадры Кодрингтона и Риньи въ Средиземномъ морѣ получили подкрѣпленія; адмиралу Сенявину, стоявшему съ русскою эскадрою въ Портсмутѣ, повелѣно отрядить контръ-адмирала графа Гейдена, съ 4-мя линейными кораблями, 4-мя фрегатами и двумя бригами, въ Средиземное море. Инструкціи, данныя Гейдену, отличались крайнею умѣренностью: цѣль отправленія его эскадры ограничивалась покровительствомъ русской торговли въ Архипелагѣ и соблюденіемъ строгаго нейтралитета въ войнѣ между Турками и Греками. Но въ послѣдствіи, графъ Гейденъ получилъ предписаніе, на случай, если Порта отвергнетъ посредничество Союзныхъ державъ — дѣйствовать сообща съ англійскою и французскою эскадрою, не дозволяя высылать въ море изъ Турціи и Египта войска́ противъ Грековъ. Результатомъ этихъ распоряженій было морское сраженіе, 8 (20) октября 1827 года, въ Наваринской бухтѣ, гдѣ союзники истребили турецко-египетскій флотъ; тамъ погибли лучшіе моряки Оттоманской Порты. Эта битва довершила слабость турецкихъ вооруженныхъ силъ и казалась предвѣстіемъ паденія монархіи султановъ. Если-бы турецкое правительство вполнѣ сознало угрожавшую ему опасность, послѣ сраженія при Наваринѣ, и согласилось заключить перемиріе съ Греками, признавъ автономію Греціи подъ верховнымъ владычествомъ Порты, то могло бы избѣжать войны. Но, вмѣсто того, на вопросъ Союзныхъ министровъ, предписано-ли было султаномъ Ибрагиму-пашѣ нарушить конвенцію 14 (26) сентября, и считаетъ-ли Порта наваринское столкновеніе поводомъ къ войнѣ, рейсъ-эфенди (турецкій министръ иностранныхъ дѣлъ) отвѣ-

чалъ, что „паша не получалъ никакихъ приказаній, которыя давали-бы ему право заключить такую конвенцію“. Вслѣдъ за тѣмъ, рейсъ-эфенди объявилъ, что „Порта согласится возобновить дружественныя сношенія съ тремя державами только тогда, когда онѣ вознаградятъ нанесенные ими убытки и откажутся отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла Турціи“ (1). На совѣщаніи съ французскимъ посланникомъ Гильемино, рейсъ-эфенди, желая поселить раздоръ между союзниками, сказалъ, что „можетъ быть Порта согласится принять посредничество двухъ западныхъ державъ, устранивъ третью державу, съ которою надѣется управиться“. На всѣ убѣжденія союзныхъ министровъ по поводу Греціи, турецкіе сановники отвѣчали, что „греческій вопросъ, какъ одно изъ внутреннихъ дѣлъ государства, можетъ быть рѣшенъ только волею султана“, и что „они, съ своей стороны, не въ состояніи обѣщать ничего, кромѣ возстановленія въ Греціи прежняго порядка, потому что всякое домогательство измѣнить положеніе райевъ (иновѣрцевъ) не сообразно съ исламизмомъ“.

Союзные уполномоченные, убѣдясь въ невозможности преодолѣть упорство Турокъ, оставили Константинополь; но еще до отъѣзда ихъ Порта обнаружила враждебное расположеніе противъ трехъ державъ, изгнавъ всѣхъ ихъ подданныхъ изъ столицы и другихъ городовъ Турціи. Нѣсколько дней спустя, болѣе шестидесяти аяновъ (правителей округовъ), созванныхъ изъ Румеліи и Анатоліи въ Константинополь, получили манифестъ, которымъ правительство вызывало дикій фанатизмъ мусульманъ противъ христіанъ, и въ особенности противъ Русскихъ. Тогда-же диванъ призвалъ къ оружію на защиту ислама племена Курдовъ и Друзовъ и открылъ сношенія съ разбойниками-Лезгинами, въ надеждѣ на

содѣйствіе Персіянъ. Но заключеніе мира въ Туркманчаѣ, 9 (21) февраля 1828 года, положивъ конецъ войнѣ Россіи съ Персіей, дозволило намъ обратить противъ Турокъ армію стоявшую въ Закавказьѣ. Участіе-же Австріи, на которую возлагали упованіе турецкіе дипломаты, ограничилось *дружескимъ* совѣтомъ—даровать Грекамъ амнистію и согласиться на предложенное Союзниками перемиріе.

Какъ, между тѣмъ, обѣ Западныя державы продолжали переговоры съ Портою объ освобожденіи Греціи, не приступая, послѣ Наваринской битвы, къ рѣшительнымъ мѣрамъ для достиженія своей цѣли, то Императоръ Николай, получивъ свѣдѣніе о враждебномъ Россіи воззваніи турецкаго правительства, рѣшился поддержать свои требованія силою оружія. Извѣстивъ о томъ союзныя державы, Государь далъ имъ торжественное увѣреніе, что онъ не желаетъ расширить предѣлы Россіи на счетъ Турціи, а домогается единственно вознагражденія за убытки, понесенные его подданными, и признанія Портою ненарушимости заключенныхъ съ нею трактатовъ.

Такимъ образомъ коалиція трехъ державъ, имѣвшая цѣлью умиротвореніе Греціи, обратилась въ борьбу Россіи съ Портою. Въ первую кампанію (1828 г.), русскія войска овладѣли Браиловымъ и Варною; во вторую (1829 г.)—перешли черезъ Балканы, заняли Адріанополь и приблизились на сто двадцать верстъ къ столицѣ Султановъ; но потерявъ отъ неблагопріятныхъ климатическихъ свойствъ театра войны значительную часть вооруженныхъ силъ, и оставя еще бóльшую въ госпиталяхъ, считали въ своихъ рядахъ не болѣе тридцати тысячъ человѣкъ, изъ коихъ пришлось отдѣлить треть противъ Скодринскаго паши, шедшаго съ 30-ти-тысячнымъ корпусомъ изъ Албаніи въ тылъ нашей арміи. Въ та-

кихъ обстоятельствахъ, дальнѣйшее наступленіе къ сильно укрѣпленному и занятому, по меньшей мѣрѣ пятидесятью тысячами вооруженныхъ Турокъ, Константинополю, было предпринято Дибичемъ не для дѣйствительнаго покушенія овладѣть симъ городомъ, а съ тою цѣлью, чтобы, устрашивъ непріятеля, побудить его къ заключенію мира. Русскій главнокомандующій искусно воспользовался столько-же невѣдѣніемъ Турокъ о силѣ нашихъ войскъ, преувеличенной молвою, сколько и вліяніемъ на диванъ европейскихъ державъ, не желавшихъ довести дѣло до послѣдней крайности и подвергнуть мщенію Турокъ христіанское населеніе Константинополя. Оттоманская Порта устрашилась призрака арміи, которой главныя силы, не превосходившія числомъ пятнадцати тысячъ человѣкъ, оставляли ежедневно за собою по нѣскольку сотъ больныхъ, и поспѣшила заключить миръ.

По условіямъ трактата, подписаннаго уполномоченными воюющихъ державъ, 2 (14) сентября 1829 года, въ Адріанополѣ, поставлена граница въ Европѣ по рѣкамъ Пруту и нижнему Дунаю, а въ Азіи -- по чертѣ, проведенной такимъ образомъ, чтобы городъ Ахалцыхъ и крѣпость Ахалкалаки остались отъ ней на сѣверѣ (т. е. во владѣніи Россіи), въ разстояніи не ближе двухъ часовъ пути. Дунайскимъ Княжествамъ предоставлены: свобода Богослуженія, совершенная безопасность, независимое управленіе и право безпрепятственной торговли. Подтвержденъ отдѣльный актъ, приложенный къ V-й статьѣ Аккерманской конвенціи, на основаніи коего постановлено возвратить Сербіи шесть округовъ отторгнутыхъ отъ сей области. Объявлено плаваніе чрезъ Константинопольскій каналъ и Дарданельскій проливъ свободнымъ для купеческихъ су-

довъ, какъ русскихъ, такъ и всѣхъ прочихъ державъ, состоящихъ въ дружбѣ съ Оттоманскою Портою. Наконецъ Порта изъявила совершенное согласіе на постановленія договора, заключеннаго въ Лондонѣ, 24 іюня (6 іюля) 1827 года, между Россіею, Великобританіею и Франціею, объ освобожденіи Греціи (2).

Адріанопольскій трактатъ, по которому Порта была принуждена согласиться на всѣ требованія Россіи, не вознаградилъ ни нашихъ военныхъ издержекъ, ни ужаснаго урона, понесеннаго нашими войсками въ кампаніи 1828 и 1829 годовъ. По прибытіи въ Адріанополь, русская армія, побѣдоносная на всѣхъ поляхъ сраженій, но истощенная повальными болѣзнями, состояла изъ однихъ лишь кадровъ. Хотя и трудно исчислить вполнѣ потери нашихъ войскъ, однако-же можно почти безошибочно опредѣлить число умершихъ (не считая павшихъ въ бояхъ), въ первую европейскую кампанію 28,000 и во вторую — до 57,000 человѣкъ (3). Ежели Императоръ Николай, въ первые годы своего царствованія, и увлекался надеждою осуществить завѣтную мечту своей великой прародительницы Екатерины — изгнанія Турокъ изъ Европы, то результаты войны 1828 и 1829 годовъ, безъ сомнѣнія, убѣдили Русскаго Монарха въ трудности такого предпріятія. Полагая, что уже наставалъ конецъ Оттоманскому владычеству въ Константинополѣ, онъ ожидалъ этой катастрофы не съ надеждою воспользоваться наслѣдіемъ Порты, а съ опасеніемъ послѣдствій внезапной смерти *больнаго человѣка*, какъ называлъ Государь въ короткой бесѣдѣ Турцію.

И дѣйствительно — со времени Адріанопольскаго мира, въ продолженіи многихъ лѣтъ, Императоръ Николай не только не содѣйствовалъ постепенному разложенію Оттоманской Порты, но даже, напро-

тивъ того, поддерживалъ ея существованіе. Имѣя въ виду слова Веллингтона, что „легко было-бы устроиться съ Турціею, еслибъ было два, а не одинъ Константинополь“, Русскій Монархъ не хотѣлъ имѣть, вмѣсто Турокъ, какихъ-либо другихъ, болѣе опасныхъ, сосѣдей, и потому два раза явился защитникомъ Порты отъ нападеній ея мятежнаго вассала—паши египетскаго. Признательность турецкаго правительства выразилась заключеніемъ въ 1833 году, оборонительнаго трактата, на восемь лѣтъ, въ Ункяръ-Искелесси (близъ Скутари), на основаніи котораго Россія обязалась содѣйствовать Портѣ, въ случаѣ надобности, такимъ количествомъ вооруженныхъ силъ, какое обѣ стороны признаютъ нужнымъ а Оттоманская Порта, въ замѣнъ помощи войсками, обѣщала не дозволять никакимъ иностраннымъ военнымъ кораблямъ входить въ Дарданельскій проливъ, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ ([4]). Когда-же, послѣ пораженія турецкой арміи Ибрагимъ-пашею при Низибѣ, и по смерти Султана Махмуда, сами Турки отчаявались въ спасеніи Оттоманской Имперіи, Россія, оставивъ безъ вниманія исключительныя выгоды ей предоставленныя Ункяръ-Искелескимъ трактатомъ, вошла въ соглашеніе съ великобританскимъ, австрійскимъ и прусскимъ дворами, на счетъ ручательства въ цѣлости владѣній Турціи. По конвенціи, заключенной въ Лондонѣ, 3 (15) іюля 1840 года, было условлено, чтобы союзныя державы ввели въ Босфоръ и Дарданеллы такое количество военныхъ судовъ, какое потребуется султаномъ для защиты его столицы ([5]). Въ слѣдующемъ году, заключена въ Лондонѣ, тѣми-же державами, къ которымъ присоединилась и Франція, другая конвенція, по условіямъ которой подтверждено древнее правило Оттоманской Имперіи, закрыть для всѣхъ воен-

ныхъ судовъ, какой-бы то ни было иностранной державы, проходъ чрезъ проливы Босфоръ и Дарданеллы (6).

По достиженіи общей цѣли—неприкосновенности владѣній Порты, возобновилось соперничество Англіи съ Россіею. Хотя съ обузданіемъ властолюбивыхъ замысловъ египетскаго паши наступило на Востокѣ спокойствіе, прерываемое лишь изрѣдка внутренними волненіями разноплеменныхъ подданныхъ Турціи, однакоже не трудно было предвидѣть, что достаточно было самой маловажной причины для возбужденія общей войны.

Случай къ тому вскорѣ представился. Въ 1848 году, когда большая часть Европы была объята вспышками революцій, во Франціи былъ избранъ президентомъ республики на 4 года племянникъ Императора Наполеона I, Людовикъ Наполеонъ. Будучи одолженъ своимъ возвышеніемъ огромному большинству поданныхъ въ его пользу голосовъ (болѣе двухъ третей), Людовикъ Наполеонъ могъ упрочить свое владычество, сообразуясь съ бывшимъ на его сторонѣ общественнымъ мнѣніемъ; но зная, до какой степени оно непостоянно вездѣ, и особенно во Франціи, онъ рѣшился принять совершенно иную систему. Чтобы пріобрѣсти власть, независимо отъ наиболѣе вліятельныхъ людей и образованнаго средняго сословія, Людовикъ Наполеонъ старался угодить рабочимъ и мало развитому сельскому населенію производствомъ публичныхъ работъ въ большомъ размѣрѣ и разными мелочными льготами, привлечь на свою сторону войска щедрыми наградами и такъ-называемыми *военными банкетами*, и снискать расположеніе духовенства усердіемъ къ религіознымъ интересамъ и экспедиціей, посланною въ 1849 году въ Римъ, для возстановленія тамъ папской власти.

Сначала президентъ республики хотѣлъ достичь продолженія ввѣренной ему народомъ власти законными средствами, посредствомъ пересмотра конституціи, открывавшаго ему путь къ болѣе продолжительному, либо даже пожизненному призиденству; когда же подозрѣвавшее его замыслы національное собраніе отвергло пересмотръ конституціи, Людовикъ-Наполеонъ прибѣгъ къ насилію и совершилъ переворотъ въ ночь на 20-е ноября (2-е декабря) 1851 года. Многіе изъ непріязненныхъ ему депутатовъ и другихъ вліятельныхъ лицъ были арестованы, и хотя въ Парижѣ произошло возстаніе демократической партіи, однако же она, будучи лишена главныхъ вождей своихъ, была подавлена силою оружія, при чемъ истреблено множество мирныхъ гражданъ, и даже дѣтей и женщинъ. Народъ, подъ вліяніемъ страха, внушеннаго военною силою, утвердилъ семью милліонами голосовъ избраніе Людовика-Наполеона въ президенты республики на десять лѣтъ. За тѣмъ, когда въ слѣдующемъ году былъ возбужденъ имъ вопросъ: желаетъ-ли народъ передать ему наслѣдственное императорское достоинство, послѣдовалъ, какъ и надлежало ожидать, утвердительный отвѣтъ почти 8-ми милліоновъ голосовъ, т. е. почти всѣхъ французскихъ гражданъ-избирателей. Людовикъ-Наполеонъ принялъ императорскій титулъ, 20 ноября (2 декабря) 1852 года подъ именемъ Наполеона III, но сознавая непрочность власти, основанной насильственными средствами, чувствовалъ необходимость занять склонныхъ къ увлеченію французовъ дѣлами внѣшней политики. Съ этою цѣлью, онъ, скрывая тщательно свои планы, объявилъ во всеуслышеніе, что „Имперія есть миръ“ (l'Empire c'est la paix); но всѣ его послѣдующія дѣйствія, отъ возбужденной имъ въ 1853 году коалиціи противъ Россіи до се-

данской катастрофы, противорѣчили его торжественному обѣту. Безъ всякаго сомнѣнія, самою популярною войною для французовъ могла быть предпринятая противъ издревле имъ ненавистныхъ Англичанъ, но война противъ Англіи требовала долговременныхъ приготовленій, да и самый успѣхъ ея былъ подверженъ большому сомнѣнію. Неудача булонской экспедиціи оставила печальныя воспоминанія во французскомъ народѣ, и предпринимать вторично такое же покушеніе было немыслимо еще не утвердившемуся на зыбкомъ престолѣ властителю. Къ тому же Людовикъ-Наполеонъ, гонимый въ юности на материкѣ Европы, нашелъ убѣжище въ Англіи; тамъ онъ встрѣтилъ сочувствіе къ дѣлу Наполеонидовъ, казавшемуся несбыточнымъ, и хотя, по своему характеру, онъ мало былъ доступенъ сердечнымъ увлеченіямъ, однако же не могъ вдругъ отрѣшиться отъ англоманіи, усвоенной имъ въ первые годы своей политической жизни. Напротивъ того, онъ не переставалъ питать ненависти къ Россіи, которой усилія имѣли столь важное вліяніе на паденіе его дяди. Къ тому же—Императоръ Николай призналъ Людовика-Наполеона Императоромъ позже прочихъ европейскихъ монарховъ и въ такой формѣ, которая возбудила неудовольствіе и злобу новаго властителя. Наполеонъ III, рѣшаясь возжечь пламя войны на Востокѣ, надѣялся имѣть на своей сторонѣ Англію, постоянно тамъ соперничавшую съ Россіею. Поводъ къ несогласію между французскимъ и русскимъ правительствами уже существовалъ, и Наполеонъ не замедлилъ имъ воспользоваться.

Издавна уже послѣдователи православной и римско-католической церквей соперничали между собою, по поводу различныхъ льготъ и преимуществъ, коими пользовались поклонники обоихъ исповѣданій при по-

сѣщеніи Святыхъ мѣстъ, бывшихъ поприщемъ земной жизни Спасителя. Рѣшеніе возникавшихъ между Христіанами спорныхъ вопросовъ нерѣдко затрудняло Оттоманскую Порту, навлекавшую на себя въ чуждомъ для нея дѣлѣ неудовольствіе одной изъ сторонъ, а иногда и обѣихъ. Еще въ 1740 году, Франція успѣла исходатайствовать у султана для латинской церкви новыя привиллегіи въ ущербъ православію.

Но, въ послѣдствіи, при общемъ равнодушіи Французовъ къ религіознымъ дѣламъ, послѣдователи греческаго исповѣданія исходатайствовали нѣсколько фирмановъ (указовъ), возстановившихъ древнія права ихъ: въ такомъ положеніи оставались дѣла по Святымъ мѣстамъ до половины настоящаго столѣтія, когда Людовикъ-Наполеонъ, сдѣлавшись властелиномъ Франціи, предпринялъ возобновить остававшіяся въ забвеніи притязанія латинской церкви.

Въ 1850 году, появилась въ Парижѣ брошюра отцаБорé, весьма враждебная Россіи и Православію: въ ней указанъ былъ путь, слѣдуя которому французское правительство могло положить предѣлъ мнимымъ посягательствамъ Россіи на права латинской церкви. Вслѣдъ за тѣмъ, французскій посланникъ въ Константинополѣ, генералъ Опикъ (Aupick) сообщилъ Портѣ ноту, въ коей, на основаніи 33-й статьи договора (capitulation), заключеннаго въ 1740 году между Франціей и Турціей, домогался, чтобы католическому духовенству возвращены были слѣдующія Святыя мѣста: большая церковь въ Виѳлеемѣ; святыня Рождества Господня, съ правомъ поставить тамъ новую звѣзду, перемѣнить ковры въ вертепѣ, и вообще имѣть въ исключительномъ владѣніи гробъ Пресвятой Богородицы и камень помазанія; а также право сдѣлать необходимыя починки въ большомъ куполѣ церкви

Св. Воскресенія и возстановить въ ней все, какъ было до пожара 1808 года (7). Замѣтимъ, что въ договорѣ, на который ссылался генералъ Опикъ, не были исчислены помянутыя святыни, а просто сказано, что французскіе монахи будутъ владѣть тѣми Святыми мѣстами, кои уже состоятъ у нихъ во владѣніи (8). Диванъ, вмѣсто того, чтобы отказать въ исполненіи столь неопредѣлительнаго условія, призналъ обязательнымъ для себя договоръ 1740 года, но, желая ослабить его значеніе, объявилъ, что, вмѣстѣ съ тѣмъ, должно принять во вниманіе прежніе и послѣдующіе документы, установляющіе нынѣшнее положеніе дѣлъ въ Святыхъ мѣстахъ. Когда же французскій министръ потребовалъ безусловное исполненіе трактата, признаннаго обязательнымъ Портою, Турки предложили составить коммисію изъ лицъ уполномоченныхъ отъ обѣихъ сторонъ (une commission mixte), для обсужденія обоюдныхъ правъ, что̀ было крайне опасно, по невозможности согласить противоположныя притязанія Россіи и Франціи. Впрочемъ, французское правительство, затѣявъ споръ о Святыхъ мѣстахъ, повидимому, имѣло въ виду только угодить клерикаламъ, которые могли оказать вліяніе на предстоявшіе выборы. Весьма естественно сдѣлать такой выводъ изъ отзывовъ французскаго министерства, заключавшихъ въ себѣ увѣренія, что Франція нисколько не преувеличиваетъ важность вопроса о Святыхъ мѣстахъ“.

Послѣ государственнаго переворота 2-го декабря, президентъ французской республики положительно объявилъ, что его представитель въ Константинополѣ будетъ отозванъ за превышеніе даннаго ему полномочья, и что самое обсужденіе вопроса о Святыхъ мѣстахъ отложено впредь до того времени, пока оно можетъ быть разрѣшено дружественнымъ соглашеніемъ обоихъ кабинетовъ. Но французскій

резидентъ, не смотря на то, еще настойчивѣе домогался, чтобы мнимыя права католиковъ были признаны Портою.

Съ своей стороны, Порта расточала предъ нашимъ правительствомъ увѣренія въ ненарушимости правъ, дарованныхъ греческой церкви наслѣдниками первыхъ калифовъ и подтвержденныхъ въ недавнее время предмѣстникомъ нынѣшняго Султана; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, обнаруживала явное пристрастіе къ Франціи.

Если даже допустить, что обѣ стороны имѣли равныя права на требуемыя ими привиллегіи, то всетаки не должно упускать изъ вида, что обладаніе этими привиллегіями было несравненно важнѣе для Россіи, нежели для Франціи, какъ по большему числу нашихъ богомольцевъ, посѣщающихъ Іерусалимъ, такъ и потому, что Россійскій Монархъ, будучи Государемъ единственной самостоятельной страны, исповѣдующей ученіе греческой церкви, былъ природнымъ защитникомъ Православія и православныхъ. Къ томуже русское правительство не щадило значительныхъ суммъ на сооруженіе и содержаніе греческихъ и славянскихъ церквей и монастырей, въ чужихъ краяхъ, и пользовалось справедливымъ сочувствіемъ православныхъ народовъ, связанныхъ съ Россіей неразрывными узами единовѣрія и благодарности. Посягать на права ихъ значило – посягать на права Россіи.

Императоръ Николай, желая прекратить неудовлетворительное положеніе дѣла, столь близко касавшагося православной церкви, отнесся къ Султану, выразивъ въ письмѣ своемъ (lettre de cabinet) удивленіе и прискорбіе, возбужденныя въ немъ поступками турецкихъ министровъ, и изъявляя надежду, что Порта сохранитъ ненарушимо права своихъ подданныхъ греческаго исповѣданія. Это письмо, вру-

ченное Султану г. Титовымъ, вмѣстѣ съ энергическими представленіями въ пользу греческой церкви нашего уполномоченнаго, оказало благопріятное вліяніе на образъ мыслей Султана. Справедливыя требованія Россіи тогда же были поддержаны прошеніемъ, поданнымъ отъ имени греческаго духовенства и Грековъ, живущихъ въ Константинополѣ, и доказывавшимъ, на основаніи историческихъ фактовъ и новѣйшихъ документовъ, права греческой церкви. Вмѣсто прежней коммисіи, была наряжена другая изъ турецкихъ сановниковъ и улемовъ, которая изслѣдовала съ большимъ безпристрастіемъ притязанія Французовъ, и, найдя въ архивахъ подлинные документы въ пользу православныхъ, отказала католикамъ почти во всѣхъ ихъ требованіяхъ (9). Тѣмъ не менѣе Порта, устрашенная угрозою французскаго посланника де Лавалетта — послать французскій флотъ къ берегамъ Сиріи, желая польстить его самолюбію какимъ-либо вознагражденіемъ, предложила дать латинскому духовенству право отправлять Божественную службу въ вертепѣ Геѳсиманіи, котораго они доселѣ не имѣли. Но, принявъ во вниманіе представленія недовольнаго этою уступкою русскаго министра Титова, Порта тогда-же обѣщала Грекамъ право совершать литургію въ церкви Вознесенія, до того времени исключительно принадлежавшей католикамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, турецкое правительство положительно принимало на себя обязательство обезпечить обоюдныя уступки такими ручательствами, которыя не подавали-бы въ будущемъ повода ни къ какимъ нарушеніямъ обоюдныхъ правъ и утвердили бы существующее положеніе дѣла (statu quo).

По совѣщаніи о томъ греческаго духовенства, оно отозвалось чрезъ своего патріарха совершенно согласно съ мнѣніемъ Титова, что лучше было при-

нять предложенныя обоюдныя уступки, нежели оставить дѣло въ неопредѣленномъ положеніи и дать поводъ въ будущемъ латинскимъ притязаніямъ, которыми католики могли воспользоваться, благодаря слабости и колебаніямъ Порты.

Россійское правительство, одобривъ это мнѣніе, изъявило согласіе на предложенія Порты съ условіемъ, однакоже, чтобъ были соблюдены въ точности обязательства, принятыя на себя Турціею, и требуя сверхъ того: во 1-хъ, чтобы исполненіе помянутыхъ мѣръ происходило не иначе, какъ по сношеніи съ іерусалимскимъ патріархомъ, и во 2-хъ, чтобы, въ вознагражденіе своихъ пожертвованій, Греки имѣли право обновить большой куполъ, безъ всякаго вмѣшательства со стороны католическаго духовенства. Въ такомъ именно смыслѣ проектъ фирмана былъ составленъ въ Петербургѣ и по совѣщаніи нашего уполномоченнаго съ министрами Порты подписанъ Султаномъ. Въ этомъ документѣ были устранены, *какъ несправедливыя*, многія изъ французскихъ требованій. Обоюдныя права различныхъ христіанскихъ общинъ были положительно означены и подтверждены въ пользу тѣхъ, кои ими прежде пользовались, за исключеніемъ двухъ помянутыхъ уступокъ. Католикамъ даровано вновь только право, наравнѣ съ Греками и Армянами, имѣть ключи отъ юговосточныхъ и сѣверныхъ вратъ большой Виѳлеемской церкви, которой главный входъ исключительно принадлежалъ Грекамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Порта, въ проектѣ конфиденціальной инструкціи пашѣ іерусалимскому, сообщенномъ офиціально нашему правительству, предписала не давать латинскому духовенству помянутыхъ ключей, подъ предлогомъ того, что католики, пользуясь исключительно ключемъ для входа въ вертепъ Рождества Господня, не имѣли надоб-

ности въ другомъ входѣ въ верхнюю церковь. Къ тому же, въ заголовкѣ фирмана, было собственноручно приписано Султаномъ, что онъ признаетъ и подтверждаетъ всѣ прежнія преимущества, дарованныя Грекамъ, въ различныя эпохи и въ недавнее время.

Съ нашей стороны, оставалось только наблюдать за точнымъ исполненіемъ этого фирмана. Со стороны-же Франціи, де-Лавалеттъ, оставляя Константинополь, въ февралѣ 1852 года, формально протестовалъ противъ распоряженій Порты, какъ несогласныхъ съ трактатомъ 1740 года.

Наполеонъ III, не одобривъ поступковъ своего министра, приказалъ ему однакоже возвратиться въ Константинополь. Въ продолженіи отсутствія де-Лавалетта, заступившій временно его мѣсто г. Бенедетти изъявилъ Портѣ, въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ, неудовольствіе своего правительства, по поводу фирмана, дарованнаго Грекамъ, и названія *несправедливыми* требованій Франціи. Слѣдствіемъ того были новыя колебанія Порты, по вопросу о куполѣ, на который нашему резиденту предписано было особенно настаивать. Турецкое правительство, опасаясь раздражить Францію, рѣшило, чтобы куполъ былъ обновленъ на счетъ Султана греческими архитекторами и рабочими, подъ непосредственнымъ надзоромъ патріарха іерусалимскаго, съ которымъ тогда-же Порта вела тайно переписку о возвращеніи изъ его казны необходимой на сей предметъ суммы.

Но, вмѣсто исполненія этой работы и обнародованія фирмана, Порта отдѣлывалась уклончивыми отзывами. Турецкое правительство обѣщало, что посланный въ Каиръ, по дѣламъ Египта, Афифъ-бей, отправится оттуда въ Іерусалимъ, въ качествѣ комисара, вмѣстѣ съ инженеромъ, чтобы приступить къ

обнародованію фирмана, а равно къ составленію плановъ и смѣтъ, для обновленія купола. Но проектъ инструкціи Афифъ-бею былъ составленъ такъ пристрастно въ пользу католиковъ, что нашъ резидентъ счелъ себя обязаннымъ требовать, чтобы Порта замѣнила его другимъ, болѣе удовлетворительнымъ.

Эти колебанія очевидно выказывали двуличіе Турокъ, и вскорѣ мы убѣдились, что они, стараясь провести насъ льстивыми увѣреніями, не только были готовы сдѣлать новыя уступки въ пользу Франціи, но даже были связаны положительными обязательствами, принятыми на себя тайно отъ нашей миссіи, и, по всей вѣроятности, безъ вѣдома самаго Султана. Все это обнаружилось по возвращеніи де-Лавалетта въ Константинополь. Онъ прибылъ, въ августѣ 1852 года, на военномъ кораблѣ Charlemagne (Карлъ Великій), что́ явно противорѣчило статьѣ I-й лондонской конвенціи 1841 года, и вскорѣ потомъ потребовалъ отъ Порты формальнаго объявленія, что гатти-шерифъ, дарованный Грекамъ, не отмѣняетъ ноты, сообщенной французскому посольству, и договора 1740 года. Великій визирь, подъ вліяніемъ страха, наведеннаго угрозою де-Лавалетта—отправить флотъ къ берегамъ Сиріи, вручилъ ему ноту, заключавшую въ себѣ помянутое объявленіе.

Между тѣмъ, наконецъ, прибылъ въ Іерусалимъ турецкій коммисаръ Афифъ-бей. Для наблюденія за ходомъ дѣла о Святыхъ мѣстахъ, туда-же отправились нашъ генеральный консулъ въ Сиріи г. Базили и патріархъ греческій. Афифъ-бей сообщилъ имъ, что приступитъ къ обнародованію фирмана тотчасъ по полученіи окончательной инструкціи, которую долженъ былъ привезти изъ Константинополя турецкій инженеръ, назначенный для составленія плановъ и смѣтъ купола. Но, вмѣсто того, Порта рѣшилась

отмѣнить фирманъ. На совѣщаніи въ іерусалимскомъ храмѣ, 12 (24) октября 1852 года, послѣ двухъ-часоваго куренія трубокъ, Афифъ-бей объявилъ, что Султанъ принялъ на свой счетъ обновленіе купола, и что три довѣренныхъ лица отъ христіанскихъ общинъ, греческой, армянской и латинской, будутъ наблюдать за работами. О фирманѣ—ни слова.

На запросъ нашего консула о прочтеніи фирмана въ муниципальномъ совѣтѣ, Афифъ-бей отвѣчалъ, что *онъ ничего не знаетъ о фирманѣ*, и что въ данныхъ ему инструкціяхъ нѣтъ о томъ и помина. За тѣмъ, онъ предложилъ русскому консулу обратиться къ пашѣ іерусалимскому, который, съ своей стороны, отозвался, что, по этому дѣлу, слѣдуетъ отнестись къ Афифъ-бею.

Въ Константинополѣ, представленія нашего резидента были столь-же безуспѣшны ([10]). Сначала верховный визирь изъявилъ негодованіе на гнусную измѣну, о которой обѣщалъ донести Султану. Но вскорѣ за тѣмъ онъ принужденъ былъ уступить пагубному вліянію министра иностранныхъ дѣлъ Фуадъ-эфенди. Французскій посланникъ, между тѣмъ, угрожалъ Портѣ отъ лица всѣхъ католиковъ, которыхъ представителемъ, по словамъ его, былъ Людовикъ - Наполеонъ. Визирь не смѣлъ противодѣйствовать ему. „Предмѣстники мои — сказалъ онъ — обѣщали не придавать гласности фирману; они сдѣлали дурно; но я не могу исправить ихъ ошибку. Пусть рѣшитъ самъ Султанъ!“

Получивъ о томъ донесеніе русскаго повѣреннаго въ дѣлахъ въ Константинополѣ г. Озерова, наше правительство немедленно снабдило его открытыми и секретными наставленіями: въ первыхъ было предписано выразить неудовольствіе Государя Императора, по поводу столь явнаго вѣроломства Порты;

а въ послѣднихъ—успокоить Турокъ на счетъ угрозъ французскаго посланника, обѣщая имъ помощь, въ случаѣ несправедливаго нападенія Французовъ, которое, сверхъ того, по словамъ нашего дипломата, вооружило-бы противъ нихъ всю Европу и заставило-бы возстать на защиту Порты всѣ православные народы.

Но, между тѣмъ, на совѣщаніи Дивана, Фуадъ-эфенди горячо стоялъ за требованія Франціи; онъ старался выказать силу французской имперіи, рѣшительный характеръ Наполеона III, воинственный духъ Французовъ, опасность ихъ вторженія въ Сирію, либо въ Тунисскую область. По словамъ его, чтобы не подать Франціи повода къ неудовольствію, надлежало отдать католикамъ ключъ отъ главныхъ воротъ виѳлеемской церкви. Верховный визирь, забывъ обѣщанія имъ данныя нашему резиденту, изъявилъ почти такое-же мнѣніе; немногіе лишь изъ сановниковъ Порты отважились говорить въ пользу Россіи. Фуадъ-Эфенди поставилъ на видъ необъятную для Турціи выгоду—избавиться отъ религіознаго вліянія Россіи на единовѣрныхъ съ нею подданныхъ Султана. По его убѣжденію, въ случаѣ враждебныхъ покушеній россійскаго правительства противъ Турокъ, вся Европа была готова возстать на защиту Порты, которая, при содѣйствіи Франціи, могла достигнуть благопріятнаго рѣшенія современныхъ вопросовъ, по дѣламъ Сиріи, Черногоріи и Дунайскихъ Княжествъ. Совѣщаніе кончилось, не рѣшивъ ничего. Тогда Фуадъ обратился къ иностраннымъ резидентамъ, которые, не вникнувъ въ сущность дѣла, выразили мнѣніе противное Россіи. Пользуясь тѣмъ, хитрый дипломатъ склонилъ на свою сторону большую часть сановниковъ Порты, и даже все еще колебавшагося верховнаго визиря. Самъ Султанъ, напуганный опасностью—прогнѣвить

Францію и раздраженный сочувствіемъ къ Россіи своихъ православныхъ подданныхъ, согласился на предложеніе Фуада-эфенди: главный ключъ отъ виѳлеемской церкви былъ присужденъ католикамъ и рѣшеніе совѣта министровъ Порты утверждено Султаномъ, котораго указъ (ираде) по сему предмету немедленно отправленъ въ Іерусалимъ. Такимъ образомъ латинскому духовенству предоставленъ былъ ключъ, вмѣстѣ съ коимъ они получали обладаніе виѳлеемскимъ храмомъ.

Но въ тоже самое время пришло въ Константинополь донесеніе изъ Іерусалима — о прочтеніи фирмана въ муниципальномъ совѣтѣ и занесеніи его въ реестръ, при чемъ однакоже не была соблюдена формальность, требуемая патріархомъ Кирилломъ — чтобы, при чтеніи этого документа, находились, по обще-заведенному порядку, депутаты отъ латинскихъ общинъ. Въ Константинополѣ, турецкіе министры притворялись, будто-бы намъ дано было совершенное удовлетвореніе, и громко возглашали о прочтеніи фирмана, между тѣмъ какъ де-Лавалеттъ старался выказать, что онъ ничего не знаетъ о его существованіи. Донесеніе нашего генеральнаго консула въ Сиріи, приложенное къ депешѣ г. Озерова, объяснило послѣдствія прибытія новаго турецкаго коммисара, съ порученіемъ исполнить повелѣніе (ираде) Султана. Вмѣстѣ съ тѣмъ пришло извѣстіе, что серебряная звѣзда, пожертвованная, за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ, французскою королевою, въ замѣну похищенной изъ виолеемской церкви, была отправлена въ Іерусалимъ, чтобъ быть поставленною на прежнемъ мѣстѣ. Нашъ генеральный консулъ, узнавъ о томъ, немедленно предложилъ греческому патріарху запечатать главный входъ въ виѳлеемскую церковь и протестовать противъ отдачи ключа отъ этихъ во-

ротъ латинскому духовенству; въ случаѣ-же, если-бы представленія его не были уважены, онъ долженъ былъ неотлагательно отправиться въ Константинополь и жаловаться самому Султану.

Турецкое правительство, нарушивъ обѣщанія, данныя нашему правительству, и отчаясь въ возможности поправить дѣло, разрѣшило своему коммисару дозволить тайно Грекамъ распорядиться въ Святыхъ мѣстахъ по ихъ усмотрѣнію, и такимъ образомъ, исполнивъ волю Россіи, вмѣстѣ съ тѣмъ, отклонить отъ Порты неудовольствіе Франціи.

Въ такомъ положеніи находился вопросъ о Святыхъ мѣстахъ, когда Императоръ Николай повелѣлъ князю Меншикову отправиться, въ качествѣ чрезвычайнаго посла, для переговоровъ въ Константинополѣ (11).

Князь Александръ Сергѣевичъ Меншиковъ, правнукъ свѣтлѣйшаго князя Ижорскаго, любимца Петра Великаго, бывшій въ 1826 году полномочнымъ посланникомъ въ Тегеранѣ, въ 1828 году назначенъ исправляющимъ должность начальника (въ послѣдствіи начальникомъ) главнаго морскаго штаба Его Императорскаго Величества; въ первомъ походѣ Турецкой войны, онъ овладѣлъ Анапою и участвовалъ въ осадѣ Варны; въ 1831 году, назначенъ генералъ-губернаторомъ Финляндіи, передъ открытіемъ Восточной войны былъ отправленъ съ чрезвычайнымъ порученіемъ въ Константинополь, а потомъ командовалъ морскими и сухопутными силами въ Крыму, имѣя тогда уже 65 лѣтъ. Одаренный замѣчательными природными способностями, острымъ умомъ и быстрымъ соображеніемъ, онъ обладалъ многосторонними свѣдѣніями и имѣлъ случай проявить свои дарованія на поприщахъ: административномъ, дипломатическомъ и военномъ. Вездѣ онъ показалъ себя

государственнымъ человѣкомъ, вѣрно цѣнившимъ положеніе, въ которое былъ поставленъ, и если не всегда достигалъ предположенной имъ цѣли, то главную причину его неудачъ должно искать преимущественно въ затруднительности обстоятельствъ, въ которыхъ ему доводилось дѣйствовать.

ГЛАВА II.

Переговоры князя Меншикова въ Константинополѣ.

При отъѣздѣ князя Меншикова изъ Петербурга въ Константинополь, ему поручено было, вручивъ письмо нашего Государя Султану, потребовать отъ Порты, чтобы Турецкое правительство заключило съ Россіей конвенцію слѣдующаго содержанія.

Ст. 1. Императорскій Всероссійскій Дворъ и Блистательная Порта, движимые желаніемъ предупредить и устранить навсегда все, что могло-бы подать поводъ къ спору, недоразумѣнію либо несогласію, на счетъ льготъ, правъ и преимуществъ, дарованныхъ и обезпеченныхъ Оттоманскими Падишахами, въ ихъ владѣніяхъ, Православной Греко-Россійской Вѣрѣ, исповѣдуемой всею Россіей, а равно жителями Молдавіи, Валахіи и Сербіи, и другими христіанами, подданными Турціи, постановили, на основаніи настоящей конвенціи, что Православная Христіанская Вѣра будетъ постоянно пользоваться покровительствомъ Блистательной Порты, и что министры Императорскаго Всероссійскаго Двора будутъ, какъ и прежде, облечены правомъ ходатайствовать въ пользу церквей константинопольскихъ и другихъ, а такъ-же въ пользу духовенства, каковыя

просьбы будутъ уважены, какъ приносимыя отъ имени сосѣдней и искренно дружественной державы.

Ст. 2. Патріархи Константинопольскій, Антіохійскій, Александрійскій и Іерусалимскій, а равно митрополиты, епископы и другія духовныя лица, свободно избранные и посвященные по правиламъ и уставамъ Восточной церкви и древнему обычаю, будутъ признаваемы и уважаемы сообразно своему званію, исполняя безпрепятственно обязанности занимаемыхъ ими должностей и пользуясь вполнѣ всѣми льготами и правами, дарованными имъ и утвержденными на основаніи бератовъ (грамотъ), полученныхъ ими при ихъ назначеніи, согласно съ уставами Блистательной Порты.

Ст. 3. Какъ патріархъ Константинопольскій и прочіе патріархи, избранные свободно синодами, назначаются пожизненно, сообразно церковнымъ уставамъ, и утверждаются такъ же пожизненно бератами Блистательной Порты, на основаніи издревле существующаго обычая, то ничто не будетъ измѣнено въ этомъ отношеніи, и смѣна патріарха не можетъ имѣть мѣста впредь, за исключеніемъ случаевъ обозначенныхъ въ жалованныхъ имъ бератахъ, гдѣ сказано: „пока не окажется, что патріархъ притѣсняетъ раіевъ, либо нарушаетъ уставы ихъ вѣры, либо виновенъ въ измѣнѣ Государю, онъ остается пожизненно въ своемъ званіи.“

Ст. 4. Какъ уже признано и доказано историческими преданіями и многими документами, что Православная Греческая церковь въ Іерусалимѣ, а равно тамошній патріархъ и состоящіе въ его вѣдѣніи епископы, со времени Калифовъ и при всѣхъ Императорахъ Оттоманскихъ, всегда были покровительствуемы, признаваемы и утверждаемы, во всѣхъ ихъ правахъ и льготахъ, то Блистательная

торой слѣдовалъ и которой предполагаетъ и впредь слѣдовать Императоръ.

„Самая форма признанія Французской Имперіи нами принята въ этомъ духѣ. Она была послѣдствіемъ вызова, брошеннаго Наполеономъ съ перваго его шага державамъ, низложившимъ первую Имперію, и его притязанія — поставить свой демократическій принципъ выше принципа древнихъ Монархій (d'élever son principe democratique au dessus de celui des vieilles monarchies). Нашъ Августѣйшій Монархъ, принявъ въ дипломатическихъ сношеніяхъ съ Франціею такую форму и заставя новаго Императора удовольствоваться ею, не только поступилъ согласно съ своимъ искреннимъ убѣжденіемъ, но имѣлъ въ виду политическую цѣль — ослабить то обаяніе страха и силы, которое оказываетъ новое французское правительство на слабыя государства, и въ числѣ ихъ на Турцію.

„Трудно рѣшить намъ—принадлежитъ-ли нынѣшній образъ дѣйствія Франціи въ Константинополѣ умышленной политикѣ Наполеона, или только его представителю... Почти невозможно сомнѣваться въ томъ, чтобы домогательства французскаго правительства отъ Турціи не были слѣдствіемъ намѣренія Наполеона принять на себя исключительное покровительство католиковъ на Востокѣ, какъ для того, чтобы утвердить тамъ свое преобладаніе надъ нашимъ, такъ и на основаніи льстивой системы (systeme de captation), въ отношеніи къ французскому духовенству, новаго Императора, въ качествѣ главы Католической Церкви. Можно даже опасаться, что Людовикъ-Наполеонъ, нуждаясь въ смутахъ для достиженія, во что-бы то ни стало, своихъ властолюбивыхъ видовъ, и опасаясь возбудить противъ себя коалицію великихъ державъ, если какія-либо замѣ-

шательства возникли-бы въ Бельгіи, или на Рейнѣ, предпочитаетъ возбудить ихъ на Востокѣ, доведя тамъ дѣло до крайности... Ежели сколько нибудь таковы его намѣренія въ дѣйствительности, то мы не можемъ ожидать отъ него никакой уступчивости въ Константинополѣ. Правда, на дняхъ, онъ предлагалъ намъ уладить вопросъ о Св. мѣстахъ по частному съ нами соглашенію. Но мы не видимъ никакихъ практическихъ средствъ придти къ подобному результату, пока тюльерійскій кабинетъ не перестанетъ ставить въ основаніе своихъ притязаній договоры, коихъ заключеніе восходитъ къ XVI столѣтію, не обращая вниманія на послѣдующія событія, сперва измѣнившія прежніе договоры, а потомъ сдѣлавшія невозможнымъ ихъ буквальное исполненіе. Впрочемъ, отозваніе г. де-Лавалета и замѣщеніе его въ Константинополѣ другимъ представителемъ быть-можетъ дадутъ намъ средства судить о большей или меньшей искренности миролюбивыхъ намѣреній, изъявленныхъ намъ французскимъ правительствомъ. Дѣйствія новаго посла послужатъ вамъ указаніемъ положенія, которое вы примете....

„Касательно нашихъ политическихъ отношеній къ англійскому правительству, они хороши, но такъ еще новы, что нельзя ихъ опредѣлить въ точности. Нынѣшнее великобританское министерство едва лишь успѣло вступить въ исполненіе своихъ обязанностей. Лордъ Руссель, повидимому, занимаетъ только временно мѣсто министра иностранныхъ дѣлъ, и потому наше политическое положеніе въ Лондонѣ еще не обозначилось. Тѣмъ не менѣе могу вамъ сказать, что личный характеръ и прежнія дипломатическія дѣйствія лорда Эбердина, главы новаго министерства, подаютъ вѣрное ручательство въ его благоразуміи и умѣренности. Возстановленіе Напо-

леонидовъ во Франціи и воспоминанія первой Имперіи достаточны для упроченія между нами и Англіею общности видовъ. Не смотря на неосновательную поспѣшность, съ которою великобританское правительство признало Наполеона III, не выждавъ трехъ прочихъ державъ и не условясь съ ними въ необходимыхъ ограниченіяхъ, оно не разумѣло чрезъ то отдѣлиться отъ нихъ. Оно, по необходимости, пожертвовало правилами имъ принятыми въ отношеніи первой Имперіи, но Англія не питаетъ къ Франціи такого сочувствія, какое, благодаря сходству правленія, существовало между нею и конституціонною монархіею Людовика-Филиппа. Она опасается Наполеона, не довѣряетъ ему и слѣдитъ за нимъ, рѣшась вмѣстѣ съ нами связать его трактатами 1815 года и уваженіемъ настоящаго положенія дѣлъ (respect du statu quo). Безъ сомнѣнія, если-бы на Востокѣ дѣло шло только о перемѣщеніи вліянія, то для Англіи было-бы не важно преобладаніе католической Франціи надъ православною Россіею. Но она не можетъ стольже равнодушно видѣть, подъ маскою религіознаго вліянія, господство политики Франціи надъ своею собственною...

„Все это заставило насъ, при вступленіи въ должность новаго англійскаго министерства, сообщить ему съ полною откровенностью наши виды и цѣль посольства князя Меншикова, чтобы успокоить Англію на счетъ намѣреній нашего правительства въ отношеніи Оттоманской Порты, объяснить вѣроятные замыслы Людовика-Наполеона и просить великобританское правительство дѣйствовать съ твердостью въ Парижѣ и Константинополѣ, особенно-же въ Парижѣ, отнявъ у Наполеона всякую надежду на содѣйствіе Англіи, въ случаѣ если-бы вздумалось ему возжечь войну на Востокѣ. Сколько можно судить

по послѣднимъ извѣстіямъ изъ Лондона, лордъ Эбердинъ усердно старается отвратить послѣдствія высокомѣрныхъ и дерзкихъ поступковъ французскаго посланника. Онъ питаетъ совершенное довѣріе къ умѣреннымъ и консервативнымъ намѣреніямъ нашего Августѣйшаго Монарха, которыя доказаны столь убѣдительно прежними событіями, и мы имѣемъ право надѣяться, что инструкціи въ такомъ-же смыслѣ будутъ сообщены великобританскимъ министерствомъ англійскому резиденту въ Константинополѣ.

„Что-же касается до прочихъ двухъ великихъ европейскихъ державъ, вамъ извѣстно, что мы состоимъ съ ними въ тѣсномъ союзѣ, и потому было-бы излишне сообщать вамъ, что между ихъ кабинетами и нашимъ существуютъ совершенное тождество видовъ и прочность взаимныхъ обязательствъ, во всѣхъ главныхъ вопросахъ европейской политики. Это относится наипаче къ Австріи, которая, по своему географическому положенію, преимущественно предъ Пруссіею, можетъ оказывать дѣятельное вліяніе на дѣла Востока. Конечно—въ спорѣ, возникшемъ по поводу Св. мѣстъ, Австрія, какъ держава католическая, не можетъ слишкомъ явно поддерживать права грекороссійскаго исповѣданія противъ притязаній католиковъ. Но вѣнскій кабинетъ, руководясь свойственною ему проницательностью, легко могъ усмотрѣть, что въ этомъ вопросѣ для Франціи шло дѣло не столько о религіозномъ сомнѣніи, сколько о политической цѣли, и мы должны были заключить, что Австрія, именно какъ держава католическая, никогда не признаетъ исключительнаго покровительства, которое домогается присвоить Франція надъ всѣми христіанами одного съ нею исповѣданія. А потому, нисколько не колеблясь, мы обратились къ Австріи съ такими-же объясненіями, какія сообщены были нами Англіи, и

высказалъ, по дѣлу о Св. мѣстахъ, недоброжелательство къ Россіи, то князь Меншиковъ далъ знать верховному визирю, что желаетъ имѣть съ нимъ *частное*, дружеское свиданіе и проситъ назначить для того день. Визирь, вѣроятно, не понявъ намѣренія посла — видѣть его за-просто, принялъ князя Меншикова со всѣми почестями, обычными при церемоніальныхъ посѣщеніяхъ. Посолъ, не предвидя такого недоразумѣнія, поѣхалъ къ визирю во фракѣ, сверхъ котораго на немъ было необходимое по тогдашнему времени года верхнее платье (пальто), и не снималъ его въ длинномъ нетопленомъ корридорѣ, полагая, что передъ пріемною залою есть передняя, либо какая другая комната, гдѣ можно будетъ снять верхнюю одежду. Но, когда онъ дошелъ до конца корридора и приподнялась завѣса изъ чернаго сукна, за которою на порогѣ стоялъ верховный визирь въ парадномъ мундирѣ, Меншиковъ, прежде, нежели подойти къ нему, снялъ пальто и перекинулъ его чрезъ лѣвую руку, а потомъ, сѣвъ на предложенное ему мѣсто въ углу софы, положилъ пальто подлѣ себя. Бесѣда съ визиремъ, не знавшимъ никакого изъ европейскихъ языковъ, продолжалась не болѣе четверти часа, однакоже посолъ успѣлъ сообщить ему, что, желая исполнить успѣшно данное Императоромъ порученіе, не можетъ вести переговоровъ съ Фуадомъ, котораго недобросовѣстность и двуличіе постоянно обнаруживались въ сношеніяхъ съ русскимъ посольствомъ. Когда же визирь, по выходѣ князя Меншикова, провожавшій его по корридору, поравнявшись съ комнатою министра иностранныхъ дѣлъ, указалъ чрезъ драгомана на Фуада-эфенди, стоявшаго въ мундирѣ, посолъ прошелъ мимо, какъ бы не замѣчая турецкаго министра. Такой рѣшительный поступокъ князя Меншикова заставилъ Фуада-

эфенди подать въ отставку, на что немедленно послѣдовало соизволеніе Султана: случай до того времени безпримѣрный въ Турціи. На мѣсто Фуада, министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ назначенъ Рифаатъ-паша, уже исправлявшій эту должность, а также бывшій прежде посланникомъ въ Вѣнѣ.

Нѣсколько дней спустя, 24 февраля (8 марта), князь Меншиковъ былъ принятъ Султаномъ въ Чераганскомъ дворцѣ. Въ офиціальной аудіенціи, русскій посолъ, предъявивъ свою кредитивную грамату, сказалъ: „Императоръ, повелѣвъ мнѣ предстать предъ Ваше Величество, поручилъ, прежде всего, выразить его дружескія чувства къ Вашей Особѣ, а равно принимаемое имъ участіе въ благополучіи Вашего царствованія и въ прочности Оттоманской Имперіи.

„За тѣмъ, повелѣно мнѣ заняться упроченіемъ согласія и дружескаго сосѣдства обоихъ государствъ. Ваше Величество можете быть увѣрены, что съ моей стороны будетъ сдѣлано все возможное къ достиженію этой цѣли, и что я считаю за счастье порученіе мнѣ данное — передать Вашему Величеству такія чувства моего Государя“.

За этою аудіенціей непосредственно послѣдовала другая—приватная, при которой находились только рейсъ-эфенди (министръ иностранныхъ дѣлъ) и драгоманы (переводчики). Князь Меншиковъ вручилъ Султану письмо нашего Государя, слѣдующаго содержанія:

„Всепресвѣтлѣйшій Государь, Падишахъ Оттоманскій.

„Исполняю въ отношеніи Вашего Величества долгъ союзника и истиннаго друга, обращаясь къ Вамъ съ этимъ письмомъ и посылая къ Вашей Особѣ моего генералъ-адъютанта, адмирала князя Меншикова, въ качествѣ чрезвычайнаго и полномочнаго

посла. Облеченный вполнѣ моимъ довѣріемъ, онъ передастъ Вашему Величеству словесно чувства прискорбія и удивленія, мною испытанныя при полученіи извѣстій о рѣшеніи Вами принятомъ въ послѣднее время по дѣлу о Св. мѣстахъ въ Палестинѣ.

„Соблюдая добросовѣстно всѣ мои обязательства и договоры съ Оттоманскою Портою, всегда готовый помогать ей и скрѣплять болѣе и болѣе искренній союзъ, завѣщанный Вашему Величеству Вашимъ славнымъ родителемъ, я не могу вѣрить, чтобы отвѣтомъ на мои чувства и намѣренія были уклоненія отъ данныхъ обѣщаній и такіе поступки, которые мнѣ прискорбны какъ другу, обидны какъ союзнику, и кои налагаютъ на меня, какъ Государя, весьма тяжкія обязанности.

„По всей вѣроятности, неопытные либо неблагонамѣренные министры представили Вашему Величеству въ ложномъ видѣ положеніе дѣла, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, скрыли послѣдствія отмѣны либо искаженія фирмана, утвержденнаго Вашимъ хатти-шерифомъ (Высочайшею граматою), документами, которые, незадолго предъ симъ, сообщены турецкимъ министерствомъ моему представителю въ Константинополѣ.

„Я поручилъ моему послу обратить вниманіе Вашего Величества на эти послѣдствія, которыя Вы еще имѣете возможность отклонить; съ своей стороны, желая предупредить ихъ, прошу Васъ вѣрить словамъ его и обдумать, съ свойственною Вашему Величеству мудростью, предметъ моего нынѣшняго отзыва и важность рѣшенія по этому дѣлу.

„Весьма далекъ я, Высокій и державный другъ, отъ намѣренія подвергнуть Ваше правительство распрямъ съ другими державами, либо предложить Вамъ нарушеніе какого-либо условія, основаннаго

на трактатѣ, состоящемъ донынѣ въ силѣ и обязательномъ для Турціи.

„Но, съ другой стороны, въ нынѣшнемъ вопросѣ, я долженъ совѣтовать Вамъ сохраненіе правъ, освященныхъ вѣками, признанныхъ всѣми Вашими славными предшественниками и подтвержденныхъ Вами самими, въ пользу Православной Церкви, которой догматы исповѣдуютъ многіе изъ состоящихъ подъ Вашимъ владычествомъ христіанъ, а равно и наибольшая часть моихъ подданныхъ.

„Ежели сохраненіе сихъ правъ и документовъ, дарованныхъ Вашею волею и верховною властью, повело-бы къ какому-либо замѣшательству, или еслибы вслѣдствіе того Ваши владѣнія были угрожаемы опасностью, то подобныя событія укрѣпилибы еще болѣе Вашъ союзъ съ нами и повели бы къ соглашенію, которое положило бы конецъ требованіямъ и притязаніямъ, несовмѣстнымъ съ независимостью Вашего правительства и со внутреннимъ спокойствіемъ Вашей Имперіи.

„Позволяю себѣ надѣятся, что Ваше Величество, убѣдясь въ справедливости этихъ замѣчаній и въ искренности словъ моихъ, устраните съ твердостью коварные и недоброжелательные извѣты, клонящіеся къ разрыву дружества и добраго сосѣдства, кои столь благополучно доселѣ существовали между нами.

„Въ ожиданіи того, прошу Ваше Величество принять увѣреніе въ моемъ высокомъ уваженіи и ненарушимой привязанности“ ([4]).

Письмо нашего Государя, повидимому, достигло своей цѣли, сдѣлавъ сильное впечатлѣніе на Султана. Замѣтивъ его смущеніе, Меншиковъ сказалъ ему, что хотя Императоръ имѣлъ поводъ къ неудовольствію на турецкихъ министровъ, однакоже не измѣнилъ своего всегдашняго дружескаго расположенія

къ Турціи, и что даже онъ будетъ доволенъ увеличеніемъ сухопутныхъ и морскихъ силъ Султана, съ цѣлью обезпечить независимость его Монархіи (5). Султанъ отвѣчалъ нашему послу въ такомъ смыслѣ, что если и произошли какія-либо недоразумѣнія, то безъ всякаго намѣренія съ его стороны. Затѣмъ, князь Меншиковъ откланялся Султану, испросивъ у него дозволеніе посѣтить давнишняго своего знакомаго, стараго Хозрева-пашу.

Отставка Фуада-эфенди, обнаруживъ важность вліянія Россіи на Порту, возбудила неудовольствіе англійскаго повѣреннаго въ дѣлахъ въ Константинополѣ, полковника Роза, который, въ разговорѣ съ нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, г. Озеровымъ, сказалъ ему: „Намѣренія вашего правительства по дѣламъ Турціи должны были предварительно быть извѣстны и, по выраженію депеши лорда Сеймура, одобрены великобританскимъ кабинетомъ. Я такъ объяснился съ турецкими министрами“. Г. Озеровъ, обративъ вниманіе полковника Роза на неумѣстный терминъ *одобренія*, неупотребительный въ сношеніяхъ дворовъ, независимыхъ одинъ отъ другаго, и предположивъ, что это, по всей вѣроятности, произошло отъ описки, ограничился отзывомъ, что „всякое постороннее вмѣшательство въ предстоящіе переговоры Россіи съ Турціею не могло послужить ни къ чему, а только усложнило-бы положеніе дѣла, повергнувъ Турокъ въ лабиринтъ сомнѣній и проволочекъ, вредныхъ для соглашенія, мирнаго, но сообразнаго съ достоинствомъ Россійскаго Правительства“. Когда же полковникъ Розъ выразилъ мнѣніе, что Порта должна предоставить рѣшеніе вопроса о Св. мѣстахъ переговорамъ Россіи съ Франціею, тогда князь Меншиковъ, узнавъ о томъ отъ г. Озерова, поручилъ ему передать англійскому

агенту, что, по убѣжденію нашего кабинета, согласно съ мнѣніемъ лорда Русселя, мы не могли согласиться на требованія французскаго правительства. Полковникъ Розъ, недовольствуясь этими объясненіями, настаивалъ на своихъ притязаніяхъ, что̀ заставило Озерова напомнить ему, что представители великихъ державъ, искренно дружественныхъ Турціи, неоспоримо должны стремиться къ одной и той же цѣли, не расходясь между собою въ мнѣніяхъ на счетъ важнаго и непремѣннаго основанія — сохраненія Оттоманской Имперіи, которое всегда соблюдалось русскимъ правительствомъ; но что дѣйствія различныхъ посольствъ совершенно свободны, и что мы не могли допустить никакого вмѣшательства по вопросамъ касающимся особенно нашего правительства.

Великобританскій повѣренный въ дѣлахъ снова отнесся къ г. Озерову, настаивая на сообщеніе инструкцій данныхъ князю Меншикову, но встрѣтивъ такой же отпоръ, просилъ, чтобы переговоры, порученные нашему послу, были отложены до предстоящаго вскорѣ прибытія лорда Редклифа. Въ отвѣтъ на такую просьбу, Озеровъ сказалъ ему, что, напротивъ того, князь Меншиковъ долженъ стараться исполнить какъ можно поспѣшнѣе порученіе своего Государя (6).

Вслѣдъ затѣмъ, повѣренный въ дѣлахъ Франціи, г. Бенедетти, посѣтивъ князя Меншикова, старался склонить его къ соглашенію по вопросу о Св. мѣстахъ и выразилъ мнѣніе, что ежели Порта, по настоянію чрезвычайнаго русскаго посла, отмѣнитъ уступки сдѣланныя въ пользу Франціи, то французское правительство будетъ поставлено въ безвыходное положеніе (dans une position inacceptable). Князь Меншиковъ отвѣчалъ, что ему не поручено вести переговоры

о Св. мѣстахъ съ французскимъ посольствомъ. Когда же Бенедетти завелъ рѣчь о вооруженіяхъ Россіи, которыя—по словамъ его—устрашали Порту и обезпокоивали прочія державы, русскій посолъ сказалъ, что „вѣроятно, — кабинеты ихъ объяснятся о томъ между собою“—и прибавилъ, что „движеніе Омера-паши съ 50-ю тысячами человѣкъ къ австрійскимъ границамъ (*), присутствіе въ его арміи иностранныхъ революціонеровъ и покушеніе Турокъ овладѣть Черногоріею вполнѣ оправдывали мѣры нами принятыя для собственной безопасности.“

10-го (22) марта, князь Меншиковъ, приступивъ къ переговорамъ, имѣлъ совѣщаніе съ Рифаатъ-пашею въ его домѣ; при этой бесѣдѣ находились логофетъ (патріаршій секретарь) Аристархи и драгоманъ Порты Нурединъ-бей. Изложивъ наканунѣ турецкому министру оскорбленія, нанесенныя его правительствомъ Россіи, Меншиковъ вручилъ ему ноту, съ приложеніемъ проекта окончательнаго рѣшенія Порты по вопросу о Св. мѣстахъ: въ этомъ проектѣ были изложены слѣдующія требованія русскаго правительства: во 1-хъ, чтобы полученный католиками ключъ отъ виѳлеемской церкви не давалъ имъ права на владѣніе большимъ престоломъ храма, и чтобы не было сдѣлано никакого измѣненія въ существовавшемъ доселѣ порядкѣ Богослуженія, въ часахъ на то ежедневно опредѣленныхъ и въ охраненіи главнаго входа греческимъ духовенствомъ, по древнему обычаю. Во 2-хъ, чтобы звѣзда, вновь поставленная въ виѳлеемскомъ вертепѣ, была объявлена дарованною отъ щедротъ Султана и недавала католикамъ никакого новаго права. Въ 3-хъ, чтобы

(*) Незадолго предъ тѣмъ Омеръ-паша съ сильнымъ турецкимъ корпусомъ былъ направленъ противъ Черногоріи.

въ Геѳсиманіи первенство осталось за Греками и очередь въ Богослуженіи соблюдалась, какъ предлагалъ патріархъ Іерусалимскій, именно: чтобы отъ восхода солнца первые четыре часа служили Греки и Армяне, а потомъ два или три часа — католики, при чемъ, когда настанетъ время католикамъ приступить къ Божественной службѣ, врата храма будутъ открыты и все нужное для греческаго церковнаго служенія должно быть убрано. Въ 4-хъ, чтобы виѳлеемскіе сады, по точному смыслу фирмана, основанному на древнихъ и новѣйшихъ документахъ, были во владѣніи обѣихъ сторонъ, безъ всякаго преимущества въ пользу латинской церкви. Въ 5-хъ, ежели дарованы какія-либо новыя права католикамъ, намъ неизвѣстныя, то они отмѣняются. Въ 6-хъ, Блистательная Порта исполнитъ свое обѣщаніе, на счетъ разрушенія гаремовъ, загромождающихъ террасы Гроба Господня. Въ 7-хъ, какъ хатти-шерифъ (высочайшая грамота), дарованный въ сентябрѣ 1841 года, не былъ отмѣненъ никакимъ послѣдующимъ указомъ, а, напротивъ, въ подтвержденіе его послѣдовалъ хатти-гумаюнъ (Августѣйшая грамота), въ концѣ января ст. ст. 1852 года, то древнія права Грековъ на обновленіе большаго купола должны быть формально признаны. Пособіе, пожалованное на сей предметъ отъ щедротъ Султана, въ пользу его православныхъ подданныхъ, долженствуетъ упрочить дарованныя имъ права, и потому надзоръ за обновленіемъ купола, будетъ порученъ патріарху Іерусалимскому, либо назначеннымъ отъ него лицамъ. Въ 8-хъ, всѣ святыни, кои, на основаніи существующаго порядка (statu quo), должны быть предоставлены Грекамъ, будутъ обозначены съ такою опредѣлительностью, чтобы впредь не было повода къ какимъ либо притязаніямъ другихъ христіанскихъ общинъ.

Князь Меншиковъ, сообщивъ этотъ документъ Рифаатъ-пашѣ, сказалъ ему, что опытъ прошедшихъ событій поставляетъ наше правительство въ прискорбную необходимость искать, для сохраненія дружественныхъ сношеній съ Портою, ручательство болѣе прочное, нежели обѣщанія, столь часто нарушаемыя, и увѣренія, остающіяся безъ исполненія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ вручилъ турецкому министру, въ переводѣ на турецкій языкъ, проектъ конвенціи, сообразно съ инструкціей, ему данною при отправленіи его изъ Петербурга въ Константинополь.

На слѣдующій день, Рифаатъ-паша, въ разговорѣ съ первымъ переводчикомъ нашей миссіи, г. Аргиропуло, сказалъ насчетъ вопроса о Св. мѣстахъ, что по разсмотрѣніи этого дѣла въ Совѣтѣ, оно будетъ представлено на утвержденіе Султана, и рѣшеніе его сообщено французскому резиденту. „Что же касается до конвенціи — продолжалъ Рифаатъ — то едвали намъ удастся побѣдить препятствія, которыя не позволяютъ намъ принять ее, и все-таки я принужденъ сознаться въ томъ, что, по моему искреннему убѣжденію, вы правы. Наше вмѣшательство и наши происки въ дѣлахъ греческаго духовенства, наша экспедиція противъ Черногорцевъ, и проч. не могутъ быть оправданы, а неловкость Аали-паши, признавшаго силу французскаго договора, довела насъ до требованія конвенціи русскимъ правительствомъ. Меня нестрашатъ предлагаемыя вами условія; они не заключаютъ въ себѣ ничего чрезвычайнаго, но будучи предложены въ такой формѣ, едва-ли могутъ быть нами приняты (7).

Въ слѣдующемъ совѣщаніи князя Меншикова съ Рифаатъ-пашею, 19-го (31) марта, турецкій министръ изъявилъ согласіе на всѣ наши требованія, по вопросу о Св. мѣстахъ, за исключеніемъ слѣдующихъ:

турецкія власти, согласно съ католиками, желали, чтобы въ Геѳсиманіи каждая изъ христіанскихъ общинъ пользовалась правомъ отправлять божественную службу *два дня въ недѣлю*, а князь Меншиковъ настаивалъ, чтобы соблюдалась очередь, предложенная патріархомъ Іерусалимскимъ, т. е. чтобы служба отправлялась каждою общиною, *въ извѣстные часы, ежедневно:* послѣ долгаго спора, положено принять это условіе къ рѣшенію въ будущемъ (ad referendum). На счетъ обновленія большаго купола, турецкіе министры, предлагая исполнить эту работу на счетъ Султана, домогались, чтобы внутри купола не было ни образовъ, ни надписей, потому что куполъ — по словамъ ихъ—принадлежалъ вообще всему христіанству, а не греческому исповѣданію. Князь Меншиковъ не согласился на то, ссылаясь на фирманъ 1841 года, коимъ повелѣно обновить куполъ въ настоящемъ его положеніи; что же касается до права на куполъ вообще всѣхъ христіанскихъ общинъ, онъ объявилъ, что оно не отмѣняетъ издревле признаннаго права права Грековъ на эту Святыню. Не могли согласиться тоже на счетъ надзора Патріарха за работами обновленія купола. Вообще вопросъ о куполѣ остался нерѣшеннымъ. Наконецъ — послѣднее условіе, о соблюденіи точнаго *statu quo* (прежняго порядка), было только слегка затронуто, потому что совѣщаніе уже продолжалось около семи часовъ (8).

Князь Меншиковъ былъ вполнѣ увѣренъ, что Порта согласится принять всѣ наши предложенія, по дѣлу о Св. мѣстахъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, насчетъ коихъ не трудно будетъ сойтиться съ турецкими министрами. Не то думалъ онъ о прибывшихъ въ началѣ апрѣля н. ст. въ Константинополь, резидентахъ западныхъ державъ, лордѣ Стратфордѣ Редклифѣ и де-Лакурѣ, хотя, прежде свиданія съ

послѣднимъ, нашъ посолъ, въ бесѣдѣ съ Редклифомъ, (который посѣтилъ его на другой день по прибытіи въ Константинополь), отозвался о французскомъ посланникѣ, какъ о сговорчивомъ человѣкѣ. Редклифъ не выразивъ на этотъ счетъ своего мнѣнія, завелъ рѣчь о Св. мѣстахъ и сказалъ, что не слѣдовало-бы затрогивать вопросъ о куполѣ, потому что онъ находился въ довольно удовлетворительномъ состояніи и могъ обойтись безъ починки лѣтъ семь. Князь Меншиковъ не принялъ этого предложенія и вскорѣ послѣ того узналъ, что Редклифъ совѣтовалъ Верховному визирю угождать паче всего Императору Наполеону, котораго пылкость и своенравіе могли быть весьма вредны для Порты, но и не оставлять безъ вниманія справедливыхъ требованій Россіи. Вообще-же весьма замѣтно было, что Редклифъ побывалъ въ Парижѣ, гдѣ его приняли съ большимъ почетомъ. По словамъ князя Меншикова — Турки были довольно сговорчивы на счетъ Св. мѣстъ, но опасались связать себя конвенціею, и чтобы избѣжать того, Султанъ — (какъ увѣрялъ самъ Верховный визирь) — готовъ былъ писать къ нашему Государю въ покорномъ тонѣ, послать довѣренное лицо съ извиненіемъ и обратиться къ великодушію Императора. Князь Меншиковъ, предвидя большія трудности въ исполненіи даннаго ему порученія, былъ намѣренъ дѣйствовать постепенно, сперва ограничиваясь рѣшеніемъ дѣла о Св. мѣстахъ, потомъ—хотѣлъ потребовать объяснительный фирманъ, стараясь включить въ сей документъ условіе объ учрежденіи русскаго странно-пріимнаго дома въ Іерусалимѣ, и наконецъ,—приступить къ переговорамъ о ручательствахъ въ будущемъ.

„По всей вѣроятности—писалъ князь Меньшиковъ--мнѣ откажутъ въ Сенедѣ (правительственномъ

указѣ), чтобы не поссориться съ Франціей, и тогда я употреблю всевозможныя усилія, чтобы заключить конвенцію".

Затѣмъ князь Меншиковъ предложилъ на разрѣшеніе канцлера графа Нессельрода слѣдующіе вопросы: „Должно-ли доводить настоянія до прекращенія дипломатическихъ сношеній съ Портою? Можно-ли довольствоваться нотою, либо другимъ документомъ, вмѣсто формальнаго трактата? Въ случаѣ разрыва, согласно-ли будетъ съ видами Императорскаго кабинета—объявить Портѣ, что всякое нарушеніе льготъ Восточной церкви, противное смыслу Кайнарджискаго трактата, заставитъ Россію требовать отъ Порты удовлетвореніе средствами, кои будутъ прискорбны Императору, какъ по дружбѣ его къ Султану, такъ и по всегдашнему сочувствію къ Оттоманской Портѣ, но кои обязательны для него какъ Православнаго Государя".

Тогда-же князь Меншиковъ сообщилъ, что безъ поддержанія нашихъ требованій силою (sans une crise de contrainte), трудно Императорскому посольству снова имѣть такое вліяніе на Диванъ, какимъ оно пользовалось въ прежнее время (9).

Какъ министерство Порты сообщило французскому посольству всѣ статьи по дѣлу о Св. мѣстахъ, на счетъ коихъ Рифаатъ паша согласился съ княземъ Меншиковымъ, то русскій посолъ счелъ нужнымъ объясниться о томъ съ де-Лакуромъ. Главные предметы совѣщанія между ними были:

Во 1-хъ, *виѳлеемская церковь*. На изъявленіе французскимъ министромъ опасенія, что привратникъ изъ греческихъ духовныхъ станетъ затруднять входъ чрезъ главныя врата латинскому духовенству, причемъ де-Лакуръ выразилъ желаніе, чтобы привратникъ былъ изъ католиковъ, князь Меншиковъ отвѣ-

чалъ что виолеемская святыня есть церковь греческаго монастыря, и потому привратникъ долженъ быть того же исповѣданія. Къ тому-же—сказалъ Меншиковъ—католики не пользуются правомъ отправлять богослуженіе въ этой церкви, да и не имѣютъ въ томъ надобности, потому что у нихъ въ своемъ монастырѣ есть большая церковь.

Во 2-хъ, *порядокъ, предложенный патріархомъ Іерусалимскимъ, для отправленія Божественной службы общинами различныхъ исповѣданій въ геосиманскомъ вертепѣ.* Коммисаръ Порты въ Іерусалимѣ Афифъ-бей, по совѣщаніи съ латинскимъ духовенствомъ, безъ участія православныхъ, постановилъ, чтобы Греки, Армяне и Католики вели очередь между собою по днямъ, такъ чтобы на каждую общину приходилось по два дня въ недѣлю. Г. де-Лакуръ отстаивалъ это распоряженіе и не допускалъ первенства Грековъ, какъ посягательства на права католиковъ. Съ своей стороны, князь Меншиковъ возразилъ, что веденіе очереди по днямъ лишило-бы многихъ православныхъ богомольцевъ возможности слушать литургію ежедневно, и сократило-бы число дней, въ которые отправляется служба, съ 365-ти на 120 дней въ годъ; что же касается первенства Грековъ, они имѣли на то право, какъ первоначально владѣвшіе святынею, въ которую католики получили доступъ недавно. Въ подтвержденіе своихъ словъ, Меншиковъ прибавилъ, что, на такомъ-же основаніи, мы не требуемъ первенства въ храмѣ Вознесенія, куда Греки были допущены позже Католиковъ. Французскій посолъ оспаривалъ князя Меншикова, ссылаясь на мнимое первенство римской церкви, на что Меншиковъ возразилъ замѣчаніемъ, что на почвѣ права мы не могли придти къ соглашенію, и что мы имѣемъ такъ же права свои; по этому—прибавилъ онъ—слѣ-

довало принять за основаніе факты и statu quo (настоящее положеніе дѣла), и для избѣжанія затрудненій соглашался, чтобы въ указѣ Порты было выпущено слово *первенство*, а сказано, что Греки будутъ имѣть въ своемъ распоряженіи съ восхода солнца опредѣленное число часовъ, по прошествіи котораго могутъ отправлять Божественную службу Католики. Французскій посолъ, не сказавъ ничего на это предложеніе, принялъ его *ad referendum*.

Въ 3-хъ, *Обновленіе купола Святыни Гроба Господня, подъ наблюденіемъ Греческаго патріарха.* Латинское духовенство постоянно противилось этому обновленію, домогаясь, чтобы нынѣшніе образа, написанные внутри купола, были замѣнены другими, католическими, съ латинскими надписями. Въ отвѣтъ на такое необычайное требованіе, князь Меншиковъ возразилъ, что неотлагательное исправленіе купола необходимо только въ кровлѣ свода, гдѣ нѣтъ ни образовъ, ни надписей. Такимъ образомъ удалось устранить это затрудненіе; напротивъ того, условіе о надзорѣ патріарха встрѣтило сопротивленіе со стороны де-Лакура, но, послѣ нѣсколькихъ совѣщаній съ княземъ Меншиковымъ, французскій посолъ наконецъ согласился, чтобы, при обновленіи купола, все осталось въ прежнемъ видѣ, и чтобы патріархъ Іерусалимскій имѣлъ право не допускать никакого нововведенія въ архитектурѣ свода. Вмѣстѣ съ тѣмъ князь Меншиковъ продолжалъ настойчиво домогаться отъ Порты окончательнаго рѣшенія по дѣлу о Св. мѣстахъ и совѣщался съ Рифаатъ-пашею на счетъ объяснительнаго фирмана, котораго черновой проектъ условлено сообщить предварительно русскому посольству. Сдѣдствіемъ переговоровъ съ турецкимъ министромъ была словесная нота князя Меншикова, отъ

7 (19) апрѣля, заключавшая въ себѣ слѣдующія требованія нашего правительства:

Объяснительный фирманъ, съ указаніемъ: во 1-хъ, что ключъ виѳлеемской церкви и возобновленіе серебряной звѣзды на алтарѣ Рождества Господня недаютъ католикамъ никакихъ преимуществъ надъ христіанами другихъ исповѣданій; во 2-хъ, что дозволеніе католикамъ отправлять Божественную службу въ геѳсиманскомъ вертепѣ не отмѣняетъ первенства (préséance) православныхъ и права ихъ отправлять первыми церковныя требы въ семъ храмѣ (et leur priorité pour la célébration du service Divin dans ce sanctuaire), и въ 3-хъ, что Греки будутъ владѣть совмѣстно съ католиками виѳлеемскими садами.

Повелѣніе Султана — немедленно исправить, на счетъ государственной казны, куполъ храма Гроба Господня, съ участіемъ греческаго патріарха, безъ вмѣшательства уполномоченныхъ отъ другихъ христіанскихъ общинъ; заградить стѣною слуховыя окна, выходящія на эту святыню, и разрушить, если окажется удобно, гаремы прилежащіе къ храму.

Сенедъ (правительственный указъ), или конвенцію, въ обезпеченіе точнаго *Statu quo* (соблюденія) привилегій Восточной Церкви и Святыней, принадлежащихъ Грекамъ въ Іерусалимѣ, исключительно, либо совмѣстно съ прочими христіанскими общинами.

Въ заключеніе совѣщанія съ турецкимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, князь Меншиковъ повторилъ, что Россія не требуетъ отъ Порты никакихъ политическихъ уступокъ, и что единственное желаніе нашего Государя заключается въ томъ, чтобы успокоить религіозныя сомнѣнія своихъ единовѣрцевъ увѣренностью въ сохраненіи того, что̀ есть, и что̀ соблюдалось до нашего времени.

Между тѣмъ Редклифъ, при свиданіи съ нашимъ

повѣреннымъ въ дѣлахъ г. Озеровымъ, выразилъ ему свою радость о соглашеніи, по дѣлу о Св. мѣстахъ, между княземъ Меншиковымъ и де-Лакуромъ, и не скрылъ, что и онъ, съ своей стороны, настойчиво убѣждалъ Турокъ приступить, по возможности, скорѣе къ заключенію, т. е. къ фирману. „Мнѣ сказывали — продолжалъ онъ — что онъ уже готовъ и будетъ вамъ сообщенъ въ нотѣ, составленной въ самыхъ приличныхъ выраженіяхъ, которую —надѣюсь— вы примете съ довѣріемъ въ будущемъ".

Замѣтивъ невольный жестъ сомнѣнія со стороны г. Озерова, Редклифъ продолжалъ съ видимымъ оттѣнкомъ нетерпѣнія: „Я знаю, что вы хотите развязки болѣе важной (un dénouement plus solennel): это — ни благоразумно, ни справедливо. Положеніе ваше, по сочувствію къ вамъ христіанъ, подданныхъ Турціи, всегда будетъ внушать подозрѣнія. Всякой одержанный вами на этой почвѣ успѣхъ возбудитъ недовѣріе не только Порты, но и всѣхъ насъ, людей Запада. Если вы желаете исправить какое-либо нарушеніе заключенныхъ съ вами трактатовъ, требуйте, и, безъ сомнѣнія, вы получите немедленное удовлетвореніе; но если вы домогаетесь новыхъ правъ, то встрѣтите сильное противодѣйствіе и вооружите противъ себя коалицію... Скажу вамъ прямо, слишкомъ тѣсная дружба между вами и Турціею возбудитъ столько-же подозрѣній въ Европѣ, сколько разрывъ, который поведетъ за собою войну".

Г. Озеровъ былъ совершенно готовъ къ пылкой выходкѣ англійскаго дипломата, узнавъ отъ повѣреннаго въ дѣлахъ Австріи, Г. Клецля (Kletzl) о сообщенномъ ему въ откровенной бесѣдѣ Редклифомъ намѣреніи Западныхъ державъ — поддерживать Турцію. Редклифъ старался вывѣдать у Клецля, какъ думаетъ поступить австрійское правительство

въ случаѣ войны Англіи и Франціи съ Россіею; но Клецль прервалъ его распросы, сказавъ на отрѣзъ, что, на основаніи полученныхъ имъ отъ своего двора инструкцій, онъ долженъ настойчиво побуждать Порту къ согласію на наши требованія. Такимъ образомъ Озеровъ, зная сокровенные замыслы Западныхъ державъ и пользуясь короткимъ знакомствомъ съ лордомъ Редклифомъ, рѣшился объясниться съ нимъ откровенно, выразивъ скорбь, которую причинялъ ему образъ мыслей великобританскаго посла о нашихъ дѣлахъ съ Турціею. „Нѣтъ ничего удивительнаго — сказалъ онъ — что газеты позволяютъ себѣ язвительные отзывы о мнимыхъ захватахъ Россіи; но мы не ожидали встрѣтить такую-же недовѣрчивость къ нашему правительству въ представителѣ державы, имѣющей столь несомнѣнные доводы великодушныхъ намѣреній нашего Августѣйшаго Государя. Гдѣ-же воспоминанія нашей послѣдней войны съ Турціей? Какія непомѣрныя выгоды получили мы по Адріанопольскому трактату? Что̀ доставили намъ одержанные нами блистательные успѣхи? Что̀ пріобрѣли мы отъ сочувствія православныхъ народовъ? Гораздо лучше поступили-бы вы, побудивъ Турцію къ избѣжанію разрыва съ Россіею. Ежели сочувствіе къ намъ христіанъ, подданныхъ Султана, наводящее вамъ столько опасеній, существуетъ въ дѣйствительности, то не безразсудно-ли въ высшей степени возбуждать и усиливать его? Неужели тогда, когда чужеземное вмѣшательство въ дѣла Турціи столь очевидно, нашъ Государь будетъ лишенъ права выражать открыто свое участіе въ дѣлѣ религіи, исповѣдуемой имъ вмѣстѣ съ большею частью его подданныхъ?“ Эти доводы Озерова были такъ убѣдительны, что Редклифъ принужденъ былъ сознаться въ неосновательности своихъ опасеній. Тѣмъ не ме-

нѣе однакоже князь Меншиковъ, которому извѣстны были всѣ происки англійскаго посла, полагалъ, что: „Порта, болѣе нежели когда-либо, предана слѣпо внушеніямъ лорда Стратфорда, что турецкіе министры сообщаютъ ему въ подробности все, что касается до нашихъ переговоровъ, и что великобританскій посолъ, принимая на себя явно роль миротворца, побуждаетъ въ тайнѣ Диванъ противиться намъ въ самомъ важномъ изъ нашихъ требованій" (10).

Таково было положеніе дѣлъ въ Константинополѣ при полученіи княземъ Меншиковымъ новыхъ инструкцій изъ Петербурга. Графъ Нессельродъ, сообщивъ ему волю Государя — соображаться съ точнымъ смысломъ инструкціи ему данной при отправленіи его въ Константинополь, писалъ, что Императоръ все еще надѣется получить отъ Порты должное удовлетвореніе за вѣроломство и неуваженіе къ Россіи, въ дѣлѣ о Св. мѣстахъ, и ручательство въ будущемъ заключеніемъ конвенціи, въ томъ видѣ, въ какомъ нашъ посолъ былъ уполномоченъ принять ее. Въ случаѣ же отказа въ удовлетвореніи и ручательствѣ, повелѣно было князю Меншикову, сообразно съ содержаніемъ данной ему при отъѣздѣ инструкціи, *назначить министрамъ Султана трехъ-дневный срокъ для принятія нашихъ предложеній, изложенныхъ въ его послѣднемъ отзывѣ Рифаатъ-пашѣ*, и по минованіи этого срока, безъ точнаго, удовлетворительнаго отвѣта, объявить данное ему порученіе оконченнымъ и уѣхать изъ Константинополя (11).

Еще до полученія этихъ инструкцій княземъ Меншиковымъ, Рифаатъ-паша сообщилъ ему объ утвержденіи Султаномъ двухъ фирмановъ: одного объяснительнаго, по поводу хатти-шерифа 1852 года, о Св. мѣстахъ, на которыя изъявляли притязанія католики, и другаго, на счетъ обновленія большаго ку-

пола церкви Гроба Господня. На основаніи перваго изъ сихъ фирмановъ, почти все, по нашему желанію, было оставлено безъ измѣненія (in statu quo). Для окончательнаго соглашенія съ Портою, оставалось намъ заключить договоръ, который обезпечивалъ-бы наши права въ будущемъ. Князь Меншиковъ, убѣдясь въ рѣшительномъ нежеланіи Турокъ подписать конвенцію въ такомъ видѣ, въ какомъ она была составлена въ нашемъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, измѣнилъ нѣсколько ея форму и предложилъ Рифаатъ-пашѣ вновь составленный имъ проектъ, въ формѣ Сенеда (указа), въ которомъ были исключены нѣкоторыя мѣста, возбуждавшія сомнѣніе въ совѣтникахъ Порты. Такъ, наприм., въ этомъ проектѣ была вовсе выпущена статья 1-я, которою давалось русскимъ резидентамъ въ Константинополѣ право ходатайства въ пользу Греко-россійской церкви и православнаго духовенства, а въ замѣну того, въ статьѣ 6-й, сказано, что „всѣ предшествовавшіе договоры Россіи съ Портою, утвержденные отдѣльнымъ актомъ Адріанопольскаго трактата, остаются во всей своей силѣ“. Слѣдовательно — по точному смыслу этой статьи — Порта „дозволяла министрамъ Россійскаго Императорскаго Двора дѣлать, по всѣмъ обстоятельствамъ въ пользу какъ воздвигнутой въ Константинополѣ церкви, такъ и служащихъ оной, разныя представленія и обѣщала принимать оныя въ уваженіе, яко чинимыя довѣренною особою сосѣдственной и искренно дружественной державы“. (Трактата заключ. въ Кучукъ-Кайнарджи, статья 7-я). Статьи 2-я и 3-я прежняго проекта, относящіяся къ порядку выбора и правамъ патріарховъ Константинопольскаго, Антіохійскаго, Александрійскаго и Іерусалимскаго, замѣнены 2-ю статьею новаго проекта, гдѣ сказано: „права и преимущества, дарованныя

Оттоманскимъ правительствомъ, а равно и тѣ, которыя будутъ дарованы впредь прочимъ христіанскимъ исповѣданіямъ, трактатами, конвенціями и особыми распоряженіями Блистательной Порты, будутъ считаться такъ же принадлежащими православному исповѣданію". Въ статьѣ 3-й новаго проекта, замѣнившей статью 4-ю прежняго, на счетъ покровительства Іерусалимской православной церкви турецкимъ правительствомъ, вмѣсто словъ: „Блистательная Порта обязывается передъ Россійскимъ Императорскимъ Дворомъ (la sublime Porte s'engage vis-a-vis la cour Impériale de Russie), и проч.", сказано: „Блистательная Порта, заботясь о религіозныхъ убѣжденіяхъ своихъ подданныхъ, исповѣдующихъ это ученіе (*), которыхъ набожность была встревожена различными событіями, обѣщаетъ, и проч.". Князь Меншиковъ не отважился сдѣлать болѣе существенныхъ измѣненій въ полученномъ имъ при отъѣздѣ изъ Петербурга проектѣ конвенціи, тѣмъ болѣе, что, состоя въ неблагопріятныхъ отношеніяхъ съ канцлеромъ, опасался, чтобы уклоненіе отъ составленныхъ имъ инструкцій не было выставлено предъ Государемъ въ видѣ произвольнаго толкованія Высочайшей воли.

Князь Меншиковъ, сообщая проектъ Сенеда Рифаатъ-пашѣ, 23-го апрѣля (5-го мая), писалъ ему:

„Въ этомъ актѣ, возраженія и замѣчанія, сдѣланныя въ различное время Е. П. Рифаатъ-пашею и нѣкоторыми изъ прочихъ министровъ Порты, приняты во вниманіе, что̀ явствуетъ изъ черноваго прежняго Сенеда, прилагаемаго къ настоящей нотѣ.

„Князь Меншиковъ ласкаетъ себя надеждою, что отнынѣ впредь справедливыя ожиданія его Августѣйшаго Государя не будутъ обманутьі, и что Блиста-

(*) Греко-Россійской церкви.

тельная Порта, оставя всякое колебаніе и недовѣріе, оскорбительныя для сана и великодушныхъ чувствъ нашего Монарха, сообщитъ неотлагательно Императорскому посольству верховное рѣшеніе Е. В. Султана по сему предмету. Въ надеждѣ на то, Россійскій посолъ проситъ Е. П. Рифаатъ-пашу удостоить его отвѣтомъ не позже 28-го апрѣля (10-го мая). Дальнѣйшее-же отлагательство онъ сочтетъ неуваженіемъ къ своему правительству, что̀ возложило-бы на него самыя тяжкія обязанности".

Въ отвѣтъ на ноту князя Меншикова, послѣдовалъ, ввечеру 28-го апрѣля (10-го мая), отзывъ Рифаатъ-паши, въ которомъ турецкій министръ, изъявляя готовность Султана удовлетворить требованіямъ Россіи и обезпечить права и преимущества Греческой церкви, писалъ, что ручательства, въ видѣ присланнаго къ нему проекта Сенеда, несовмѣстны съ верховными правами Султана. Такой отзывъ былъ непосредственнымъ слѣдствіемъ аудіенціи, испрошенной лордомъ Редклифомъ у Султана, въ которой англійскій министръ, одобривъ возбужденное имъ самимъ сопротивленіе Дивана требованіямъ Россіи, выразилъ мнѣніе, что, по всей вѣроятности, князь Меншиковъ оставитъ со всѣмъ русскимъ посольствомъ Константинополь, и что, быть можетъ, русскія войска временно займутъ Дунайскія Княжества, но что Императоръ Николай не рѣшится объявить войну, потому что это не согласовалось-бы съ его торжественными увѣреніями и вооружило-бы противъ него всю Европу. „Въ случаѣ-же дѣйствительной опасности — сказалъ Редклифъ — мнѣ разрѣшено потребовать отъ командующаго морскими силами Ея Величества въ Средиземномъ морѣ, чтобы онъ прибылъ сюда со всею своею эскадрою" (12).

Князь Меншиковъ, сообщивъ, 29-го апрѣля (11

мая), о непринятіи имъ отзыва Рифаатъ-паши за отвѣтъ на посланную, 23-го апрѣля (5-го мая), ноту, поставилъ на видъ турецкому министру важность послѣдствій его поступка, и давъ ему новый срокъ, до 2-го (14-го) мая, для отвѣта сообразнаго съ достоинствомъ державы, который былъ представителемъ, предупредилъ его, что, въ случаѣ отказа или замедленія въ исполненіи этого требованія, будетъ считать порученіе свое оконченнымъ и дипломатическія сношенія между Россіею и Портою прерванными ([13]).

На слѣдующій день, Рифаатъ-паша предложилъ князю Меншикову съѣхаться, въ пятницу 1-го (13-го) мая, для совѣщанія, на дачу верховнаго визиря. Русскій посолъ изъявилъ согласіе на это свиданіе, но потерявъ всякое довѣріе къ Оттоманскому кабинету и въ особенности къ визирю, рѣшился обратиться прямо къ Султану и испросить у него аудіенцію. Султанъ по пятницамъ посѣщалъ мечеть, и потому князь Меншиковъ, ненадѣясь быть принятымъ прежде субботы, переѣхалъ на пароходъ *Громоносецъ*. Но въ пятницу, около 11-ти часовъ утра, получивъ неожиданно увѣдомленіе, что Султанъ ждетъ его, посолъ отправился къ нему во дворецъ. При этой аудіенціи находились только первый драгоманъ русской миссіи и адъютантъ Султана Одгемъ-паша. Въ началѣ, князь Меншиковъ изложилъ всѣ поводы къ неудовольствію, поданные нашему правительству Портою, и выказалъ необходимость дать Его Величеству Императору вѣрныя ручательства въ соблюденіи преимуществъ православнаго исповѣданія турецкимъ правительствомъ. „Воля моего Государя по этому дѣлу непоколебима — сказалъ онъ. Его расположеніе къ Оттоманской Портѣ, недопускающее и тѣни помышленія о преобладаніи, требуетъ формальнаго опроверженія злорадливыхъ толковъ о его намѣреніяхъ. Онъ домогается явнаго

доказательства вашей довѣренности. Никогда мой Августѣйшій Государь недумалъ, какъ доносили Вашему Величеству, мѣшаться въ дѣла между Вами и вашими подданными. Какъ въ мирное, такъ и въ военное время, онъ воздерживался отъ призыва къ столь естественному сочувствію своихъ единовѣрцевъ въ Турціи. Агенты Его Величества всегда склоняли ихъ къ слѣпому повиновенію верховной власти, и въ настоящихъ обстоятельствахъ, мой Августѣйшій Государь, желая согласить свою высокую набожность и свои религіозныя убѣжденія съ поддержаніемъ и утвержденіемъ Вашей Монархіи, обращается единственно къ могуществу и справедливости Вашего Величества, чтобы обезпечить и охранить подъ вашею защитою вѣковыя льготы и преимущества православнаго исповѣданія".

Султанъ, видимо смущенный правдивою рѣчью русскаго посла, изъявилъ свое искреннее желаніе возстановить сердечное и прочное согласіе съ своимъ Августѣйшимъ союзникомъ, а равно увѣренность въ безкорыстныхъ видахъ нашего правительства.

За тѣмъ—князь Меншиковъ обратилъ вниманіе Султана на опасный оборотъ, данный его совѣтниками переговорамъ, отъ чего дѣло, которое могло прямо уладиться между двумя дружественными Государями, превратилось въ вопросъ европейскій. Онъ представилъ Турцію, подобно Греціи, Бельгіи и другимъ мелкимъ государствамъ, подчиненною офиціально ареопагу великихъ державъ и управляемою протоколами, имѣющими силу формальныхъ трактатовъ. Султанъ, казалось, былъ пораженъ столь мрачною картиною положенія его Имперіи. Въ заключеніе аудіенціи, Меншиковъ испрашивалъ опредѣлительнаго отвѣта и не скрылъ тягостныхъ послѣдствій дальнѣйшей проволочки дѣла. Султанъ, благо-

склонно выслушавъ его, обѣщалъ дать ему отвѣтъ на другой или на третій день. „Вы получили-бы его сегодня-же—сказалъ онъ—если-бы отставка верховнаго визиря, данная по его прошенію, не лишила меня моего главнаго совѣтника“. Но, повидимому, визирь Мехмедъ-Али былъ отставленъ не по собственному своему желанію, а вслѣдствіе мнѣнія, выраженнаго русскимъ посломъ о совѣтникахъ Порты.

Откланявшись Султану, князь Меншиковъ возвратился на пароходъ и послалъ сказать Рифаатъ-пашѣ, что, получивъ лично отъ Султана обѣщаніе немедленнаго отвѣта, считаетъ излишнимъ предположенное совѣщаніе, и потому проситъ извиненіе въ томъ, что не пріѣдетъ къ визирю. Въ Буюкъ-дере, гдѣ князь Меншиковъ уже нѣсколько дней имѣлъ пребываніе на пароходѣ *Громоносецъ*, онъ узналъ вечеромъ о перемѣнахъ въ высшей администраціи Порты, именно: президентъ совѣта Мустафа-паша былъ назначенъ верховнымъ визиремъ, а прежній визирь Мехмедъ-Али—сераскиромъ (главнымъ начальникомъ регулярныхъ войскъ), на мѣсто Мехмеда-Рушди-паши, получившаго командованіе гвардіей; министерство иностранныхъ дѣлъ было поручено Решидъ-пашѣ.

На слѣдующій день, 2-го (14) мая, князь Меншиковъ отправился къ Решидъ-пашѣ и потребовалъ яснаго и точнаго отвѣта на свою ноту. Послѣ него пріѣхалъ лордъ Редклифъ и пробылъ у министра иностранныхъ дѣлъ цѣлые два часа. Между тѣмъ, Озеровъ, будучи посланъ въ Диванъ—привѣтствовать новыхъ сановниковъ Порты—объяснился рѣшительно съ новымъ визиремъ и съ бывшимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ Рифаатомъ.

Князь Меншиковъ, прождавъ двое сутокъ отвѣта отъ Решидъ-паши, вмѣсто того, получилъ, 3-го (15) мая, ноту, съ просьбою новой отсрочки. Хотя рус-

скій посолъ, въ строгомъ смыслѣ, имѣлъ право, оставя безъ вниманія эту ноту, немедленно уѣхать со всѣмъ посольствомъ, однакоже этого не сдѣлалъ, узнавъ, что наканунѣ, въ совѣщаніи Дивана, Решидъ настаивалъ на необходимости удовлетворить требованіямъ Россіи и представлялъ въ яркихъ чертахъ опасность угрожавшую Портѣ. Его доводы нашли отголосокъ въ рѣчахъ новаго визиря, а такъ же Ахмедъ-Фети-паши и Шеика-уль-Ислама, но встрѣтили сильное сопротивленіе со стороны прежняго визиря и его партіи. Такое положеніе дѣла заставило князя Меншикова отнестись въ тотъ же день къ Решидъ-пашѣ съ отзывомъ, въ которомъ писалъ, что разрывъ дипломатическихъ сношеній уже былъ совершившимся фактомъ, но что, принимая во вниманіе трудное положеніе новаго министерства и личное доброхотство самаго министра, русское посольство отложитъ до 6-го (18) мая сообщеніе офиціальной ноты о своемъ отъѣздѣ, который послѣдуетъ въ случаѣ неудовлетворительнаго рѣшенія дѣла.

5-го (17) мая, по повелѣнію Султана, происходило чрезвычайное собраніе Верховнаго Совѣта, для окончательнаго рѣшенія по *ultimatum'*у князя Меншикова. Въ этомъ совѣщаніи участвовали всѣ министры и высшіе сановники Порты, какъ состоящіе на службѣ, такъ и отставные, въ числѣ коихъ старый Хозревъ и Фуадъ-эфенди, а также Шеикъ-уль-Исламъ, главные улемы и пять областныхъ правителей, всего же 48 лицъ. Наканунѣ и утромъ въ день совѣщанія, лордъ Редклифъ посѣтилъ многихъ изъ этихъ сановниковъ, убѣждая ихъ отвергнуть требованія русскаго посла и дать ему отвѣтъ, составленный въ англійской миссіи и переданный бывшему верховному визирю Мехмеду-Али. Огромное большинство членовъ Совѣта (42) подало голоса со-

гласно съ желаніемъ Редклифа; немногіе же, отважившіеся изъявить противное мнѣніе, подверглись обвиненію въ московитизмѣ.

На другой день, 6-го (18) мая, Решидъ-паша, посѣтивъ князя Меншикова, сообщилъ ему словесно, что Совѣтъ постановилъ: „Провозгласить верховное рѣшеніе, коимъ обезпечивалось *statu quo* (настоящее положеніе) Іерусалимскихъ Святыней, недопускавшее никакихъ измѣненій безъ предварительнаго соглашенія съ русскимъ и французскимъ дворами; даровать патріарху Константинопольскому фирманъ, съ обозначеніемъ правъ греческаго исповѣданія; сообщить князю Меншикову, въ заключеніе переговоровъ, объяснительную ноту (une note explicative) и предложить ему Сенедъ, въ силѣ формальнаго трактата, объ уступкѣ мѣста на сооруженіе церкви и странно-пріимнаго дома для русскихъ въ Іерусалимѣ.

Вслѣдъ за тѣмъ, князь Меншиковъ, получивъ ноту, въ смыслѣ словеснаго объясненія Решида-паши, считалъ свое порученіе совершенно оконченнымъ, однако же, уступая желанію турецкаго министра — возобновить прерванные переговоры—и просьбѣ австрійскаго резидента, отъ имени представителей четырехъ державъ, согласился на новую отсрочку, и даже на нѣкоторую уступку въ прежнихъ условіяхъ. Сообразно тому, русскій посолъ сообщилъ, 8-го (20) мая, Решиду-пашѣ проектъ новой ноты, въ которой была исключена статья, относившаяся къ соблюденію всѣхъ прежнихъ договоровъ, подтвержденныхъ Адріанопольскимъ трактатомъ ([14]). Решидъ, несмѣвшій ступить ни шага безъ вѣдома лорда Редклифа, отправился къ нему, и сообщивъ ему проектъ ноты, умолялъ его одобрить этотъ документъ, что̀ прекратило-бы всѣ колебанія и сомнѣнія Порты. Но, вмѣсто того, Редклифъ прислалъ къ

Решиду-пашѣ своего секретаря г. Ализона, съ объявленіемь, что нота князя Меншикова, сообщенная какъ послѣднее слово уступокъ русскаго правительства, имѣетъ вполнѣ важность трактата, и потому не можетъ быть принята безъ нарушенія верховной власти Порты. Вмѣстѣ съ тѣмъ, лордъ Редклифъ пригласилъ къ себѣ представителей Франціи, Австріи и Пруссіи и склонилъ ихъ „принять рѣшеніе, совершенно тожественное съ мнѣніемъ турецкихъ министровъ". Представители великихъ державъ, подъ вліяніемъ мнимой опасности угрожавшей Турціи, подписали меморандумъ, въ которомъ объявили что „въ вопросѣ столь близко касавшемся свободы дѣйствій и охраненія верховной власти Е. В. Султана, Решидъ-паша былъ лучшимъ судьею положенія дѣлъ, и что потому они несчитали себя въ правѣ выразить свое мнѣніе" ([15]).

Получивъ отказъ Решида-паши въ принятіи предложеннаго ему проекта ноты, князь Меншиковъ, 9-го (21) мая, отправился въ Одессу.

Князь Меншиковъ не поѣхалъ въ Петербургъ, а оставался въ Одессѣ, откуда онъ могъ возратиться въ Константинополь въ двое сутокъ; но переговоры имъ прерванные не были возобновлены, а, вмѣсто того, графъ Нессельродъ послалъ, 19-го (31) мая, турецкому министру иностранныхъ дѣлъ, ноту, въ коей требовалъ, чтобы послѣдній проектъ князя Меншикова былъ подписанъ и отправленъ ему въ Одессу не позже восьми-дневнаго срока. Въ противномъ-же случаѣ—писалъ канцлеръ—русскія войска получатъ приказаніе перейти границу, не для открытія военныхъ дѣйствій, а чтобы пріобрѣсть матеріальный залогъ до полученія отъ Турціи нравственнаго ручательства въ исполненіи требованій нашего Государя. Между тѣмъ Порта, утвердивъ, 4-го іюня

н. ст., новымъ фирманомъ права и привилегіи греческой церкви, отвѣчала на *ultimatum* графа Нессельрода, что „проектъ ноты князя Меншикова заключалъ въ себѣ обязательства, несовмѣстныя съ верховными правами независимаго государства; что упрекъ въ недовѣріи, сдѣланный Портѣ, можетъ быть обратно отнесенъ къ Россіи, которая, не довольствуясь самыми торжественными обѣщаніями Султана, домогается утвердить ихъ формальнымъ договоромъ, и что, въ случаѣ вторженія русскихъ войскъ въ предѣлы Турціи, Порта будетъ протестовать и вооружится только для собственной защиты, но приметъ всякое условіе, не нарушающее ея верховной власти, и готова послать, съ этою цѣлью, въ Петербургъ, чрезвычайнаго посла, ежели на то изъявитъ согласіе русское правительство“ ([16]).

Непосредственнымъ слѣдствіемъ угрозъ, нашимъ правительствомъ Турціи, было появленіе англо-французской эскадры у входа въ Дарданеллы, въ заливѣ Бешика, въ началѣ (въ половинѣ) іюня ([17]). Предписанія находившимся въ Средиземномъ морѣ Союзнымъ адмираламъ Ласюссу и Дундасу—приблизиться къ Дарданелламъ—были посланы въ концѣ мая (въ началѣ іюня), тогда, когда еще не было объявлено о намѣреніи нашего правительства занять Дунайскія Княжества.

ГЛАВА III.

Первоначальныя соображенія дѣйствій со стороны Россіи.

Императоръ Николай, при всемъ желаніи своемъ избѣжать войны, принялъ мѣры для поставленія части арміи на военное положеніе, чтобы, въ случаѣ неудачи порученія, даннаго князю Меншикову, поддержать наши справедливыя требованія, не только расположеніемъ войскъ на турецкихъ границахъ, но занятіемъ Дунайскихъ Княжествъ, и даже высадкою у Константинополя. Съ этою цѣлью были поспѣшно укомплектованы безсрочно-отпускными 4-й пѣхотный корпусъ, рсположенный въ волынской и подольской губерніяхъ, и 5-й пѣхотный, занимавшій Бессарабію, Крымъ, Херсонъ и Одессу; 13-я дивизія 5-го корпуса, постоянно состоявшая на работахъ въ Севастополѣ, получила приказаніе приготовиться къ посадкѣ на суда Черноморскаго флота, для отплытія въ Закавказье. Легкимъ кавалерійскимъ дивизіямъ, 4-й и 5-й, предписано присоединиться къ своимъ корпусамъ Тогда же, по распоряженію военнаго министерства и интендантства дѣйствующей арміи, сдѣланы большія заготовленія провіанта и фуража на Днѣстрѣ и въ южныхъ уѣздахъ подольской губерніи (1).

Самъ Государь начерталъ, на случай войны, слѣдующій планъ дѣйствій:

„Могущій быть въ скоромъ времени разрывъ съ Турціей, приводитъ Меня къ слѣдующимъ соображеніямъ:

„1) Какую цѣль назначить нашимъ военнымъ дѣйствіямъ?

„2) Какими способами вѣроятнѣе можемъ мы достичь нашей цѣли?

„На первый вопросъ отвѣчаю: чѣмъ разительнѣе, неожиданнѣе и рѣшительнѣе нанесенъ ударъ, тѣмъ скорѣе положимъ конецъ борьбѣ. Но всякая медленность, нерѣшимость, дастъ Туркамъ время опомниться, приготовиться къ оборонѣ, и вѣроятно Французы успѣютъ вмѣшаться въ дѣло, или флотомъ, или даже войсками, а всего вѣроятнѣе присылкой офицеровъ, въ какихъ Турки нуждаются. И такъ быстрыя приготовленія, возможная тайна и рѣшительность въ дѣйствіяхъ необходимы для успѣха.

„На второй вопросъ, думаю, что сильная экспедиція, съ помощію флота, прямо въ Босфоръ и Царьградъ, можетъ все рѣшить весьма скоро.

„Ежели флотъ въ состояніи поднять въ одинъ разъ 16 т. человѣкъ, съ 32 полевыми орудіями, съ необходимымъ числомъ лошадей, при 2-хъ сотняхъ казаковъ, то сего достаточно, чтобъ, при неожиданномъ появленіи, не только овладѣть Босфоромъ, но и самымъ Царьградомъ. Буде число войскъ можетъ быть и еще усилено, тѣмъ болѣе условій къ удачѣ.

„Исполненіе сего должно быть слѣдующее: 13-я и 14-я дивизіи, немедля укомплектовываютъ свои первые 3 баталіона изъ четвертыхъ, причисливъ въ оные всѣхъ больныхъ и слабыхъ. 13-я артиллерійская бригада, съ однимъ запряженнымъ ящикомъ на орудіе, слѣдуетъ въ Севастополь. Здѣсь 13-я диви-

зія, въ составѣ 12-ти баталіоновъ при 32-хъ орудіяхъ, садится на флотъ. Такъ какъ артиллерія беретъ лошадей только на одинъ ящикъ, то остальные ящики нагружаются безъ лошадей, которыя къ нимъ доставлены быть могутъ позднѣе. Въ тоже время 14-я дивизія, въ 12-ти-же-баталіонномъ составѣ, при 32-хъ орудіяхъ, съ однимъ же запряженнымъ ящикомъ, 5-й стрѣлковый баталіонъ и 2 сотни Донскихъ казаковъ сбираются въ Одессѣ, и ежели будетъ возможнымъ поднять и ихъ, то равномѣрно садятся на присланную за ними эскадру.

„Въ такомъ случаѣ, оба десанта должны садиться въ одинъ уже день, и въ Севастополѣ и Одессѣ, и потомъ идти на соединеніе къ Босфору.

„Ежели турецкій флотъ вышелъ-бы въ Черное море, то прежде слѣдовать будетъ съ нимъ сразиться, и ежели удастся его разбить, тогда уже входить въ Босфоръ.

„Но буде флотъ не выйдетъ, тогда приступить прямо къ прорыву въ Босфоръ, или высадкой въ тылъ батареямъ, или прямой аттакой мимо батарей, на самый Царьградъ.

„Первое, полагаю удобнѣйшимъ, второе—отважнѣе, но зависѣть будетъ отъ такихъ обстоятельствъ, которыя впередъ предвидѣть трудно. Кажется, что оно не невозможно. Тогда, ставъ предъ городомъ, надо будетъ требовать сдачи безусловной, въ противномъ случаѣ, сейчасъ приступить къ бомбардированію, сдѣлавъ въ то-же время высадку на удобнѣйшій пунктъ, въ которомъ на-скоро укрѣпиться, и занявъ, буде можно, водопроводы.

„Ежели турецкія войска оставятъ городъ и будутъ сбираться близъ онаго, тогда, поставя городъ подъ огнемъ флота, десантный отрядъ долженъ будетъ аттаковать турецкую армію, и разбивъ, огра-

ничиться симъ, ибо составъ отряда препятствуетъ преслѣдовать и дальнимъ переходамъ, и потому далеко удаляться отъ флота, должно крайне избѣгать. Впрочемъ и мудрено полагать, что, послѣ потери города, армія турецкая попыталась-бы держаться въ полѣ; вѣроятнѣе правительство будетъ просить примиренія, или, въ противномъ случаѣ, будетъ стягивать свои силы у Галлиполя или Эноса, въ ожиданіи помощи отъ Французовъ. Тогда должно занять Дарданеллы.

„Здѣсь раждается другой вопросъ: можемъ-ли мы оставаться въ Царьградѣ, при появленіи европейскаго враждебнаго флота у Дарданеллъ, и въ особенности ежели на флотѣ семъ прибудутъ и десантныя войска? Конечно, предупредить сіе появленіе можно и должно быстрымъ занятіемъ Дарданеллъ“ (2).

Князь Меншиковъ, которому, въ качествѣ ближайшаго исполнителя предположеній Государя, сообщенъ былъ проектъ дѣйствій, донесъ, что морское предпріятіе на Царьградъ весьма трудно, и даже невозможно.

Тогда Императоръ обратился къ другой мысли— овладѣть сперва Варною и потомъ укрѣпленіями залива Бургасъ (3).

„Полагать можно — писалъ Государь, въ проектѣ дѣйствій, сообщенномъ князю Варшавскому — что оба предпріятія не представятъ особыхъ затрудненій, ибо, сколько извѣстно, укрѣпленія сихъ мѣстъ остались въ прежнемъ видѣ, и ежели не будутъ усилены гарнизоны войсками нарочно присланными, неожиданное наше появленіе можетъ имѣть желаемый успѣхъ.

„Но, вмѣстѣ съ симъ, необходимо двинуть сухопутно остальныя войска, не медля чрезъ Княжества къ переправѣ чрезъ Дунай, вѣроятно ниже Сили-

стріи, въ чемъ у насъ въ штабу должны быть подробныя свѣдѣнія. Флотилія наша на Дунаѣ должна подняться по оному къ избранному мѣсту, что удобнѣе прежняго, посредствомъ буксировки пароходами.

Оставя 10-ю дивизію, съ ея артиллеріей и 2-мя казачьими полками, для защиты Валахіи, прочимъ войскамъ, т. е. 11-й, 12-й и 15-й дивизіямъ съ 4-ю и 5-ю легкими кавалерійскими, 4-мя казачьими полками, Донской батареею и съ обозами десантныхъ войскъ, слѣдовать прямо къ мѣсту переправы.

„По совершеніи переправы, направиться прямо къ Козлуджи чрезъ Базарджикъ. Десантный отрядъ, оставивъ необходимый гарнизонъ въ Варнѣ, примѣрно 3 баталіона, долженъ присоединиться къ сухопутному отряду.

„Здѣсь рѣшится: Турки будутъ-ли имѣть по всегдашнему обыкновенію армію подъ Шумлой, или нѣтъ. Ежели у нихъ армія собрана будетъ тутъ и не бѣжитъ сраженія, слѣдовать будетъ съ ними сразиться, и дальнѣйшій ходъ дѣйствій зависѣть будетъ отъ успѣха, и въ случаѣ разбитія турецкой арміи, отъ того, куда она отступитъ. Ежели запрется въ Шумлѣ, будетъ крайне опасно слѣдовать далѣе, оставя ея у насъ на правомъ флангѣ, откуда она, при дальнѣйшемъ нашемъ движеніи, будетъ постоянно угрожать нашимъ сообщеніямъ, уже и безъ того довольно затруднительнымъ.

„Но, ежели, послѣ разбитія, турецкая армія не обратится къ Шумлѣ, но укроется за горы, тогда должно будетъ продолжать движеніе впередъ, перейдя Балканы. Съ достиженіемъ Варны и потомъ далѣе Бургаскаго залива, всѣ сообщенія наши должны быть открыты съ сими главными точками, дѣлающимися мѣстами всѣхъ нашихъ продовольственныхъ и снарядныхъ складовъ.

„Обязанность флота, во все время съ занятія Варны и Бургаса, должна состоять въ томъ, чтобы не выпускать турецкій флотъ въ Черное море, или въ уничтоженіи его, и въ прикрытіи доставки морскихъ подвозовъ къ арміи. На этотъ предметъ флотъ нашъ достаточно силенъ. Достигнувъ Бургаса, сухопутный нашъ корпусъ усиливается частію войскъ, перевезенныхъ въ Бургасъ, но часть ихъ должно оставить въ гарнизонахъ укрѣпленій сего залива, на что должно будетъ отчислить не менѣе какъ батальоновъ 8 или 6. Слѣдовательно, останется всего въ сухопутной арміи 67 батальоновъ.

„Принявъ въ соображеніе убыль, которой ожидать должно, какъ отъ болѣзней и устали, такъ и убитыхъ и раненыхъ, полагать можно, что къ приходу въ Бургасъ будетъ подъ ружьемъ въ пѣхотѣ около 34 т., а съ кавалеріей и артиллеріей не болѣе 45 т. человѣкъ.

Съ этимъ числомъ войскъ слѣдовать далѣе къ Царьграду, было-бы неосторожно; это явно доказываетъ, что, отказываясь отъ намѣренія аттаки съ моря на Царьградъ, другой образъ войны необходимо требуетъ назначенія еще одного корпуса.

„Тогда одинъ корпусъ занимать будетъ Княжества и прикрывать правый флангъ арміи къ сторонѣ Силистріи или Шумлы, а два корпуса обращены быть могутъ для дѣйствій за Балканы.

„Для сего назначаю Я 3-й корпусъ, который привесть теперь-же въ военное положеніе съ его резервами, дабы не позже 15-го мая могъ тронуться съ своихъ квартиръ.

„Для занятія гарнизона въ Кіевѣ и Бобруйскѣ послать изъ 6-го корпуса одну дивизію.

„Резервная дивизія 3-го корпуса, по сформиро-

ваніи, должна слѣдовать въ Кіевъ и расположиться въ сей и въ волынской губерніяхъ" (1).

Фельдмаршалъ, получивъ первый проектъ Государя, представилъ мысли свои, на счетъ предполагаемыхъ дѣйствій, въ особой запискѣ.

„Ваше Императорское Величество—писалъ онъ—изволили сказать мнѣ, что князь Меншиковъ находитъ десантъ и занятіе Босфора затруднительнымъ. Жаль, ибо мысль была великая. Такимъ образомъ не только война съ разу была-бы окончена, но можно бы сдѣлать завоеванія въ Европейской Турціи".

Далѣе — князь Варшавскій излагалъ разсчетъ, на основаніи котораго, предпринявъ вторженіе въ Турцію съ двумя корпусами, 4-мъ и 5-мъ, необходимо было оставить въ Княжествахъ одну дивизію, противъ Силистріи, у Шумлы — другую и даже болѣе, а еслибы флотъ не успѣлъ взять Варну, то противъ этой крѣпости — третью дивизію. За тѣмъ, не упуская изъ вида неизбѣжную въ Турціи потерю людей отъ болѣзней, оказывается, что баталіоны будутъ не болѣе, какъ въ 500 человѣкъ, слѣдовательно—останется такъ мало людей, что придется послать не только 4-й и 5-й, но и 3-й корпусъ, вмѣстѣ съ которымъ перейдутъ за Балканы всего пять или шесть дивизій, если, между тѣмъ, будетъ взята Варна; если-же нѣтъ—то четыре или пять дивизій, а шестая можетъ присоединиться впослѣдствіи, по взятіи флотомъ Бургаса.

„Съ пятью или шестью дивизіями пѣхоты можно, конечно, много сдѣлать въ Турціи, взять Варну и Бургасъ, даже Адріанополь. Но овладѣніе Адріанополемъ не такъ легко нынѣ, какъ въ 1829 году, когда, по истребленіи янычаръ, все военное поселеніе Турціи было враждебно Султану, и когда турецкіе города сдавались намъ безъ сопротивленія.

Если же, напротивъ того, Адріанополь и Кирклисса (гдѣ въ обоихъ до 100 тысячъ жителей и до 30 т. вооруженныхъ людей), станутъ защищаться, то наши пять дивизій будутъ достаточно заняты, особенно имѣя на правомъ флангѣ войска пашей Босніи и Далмаціи. Положимъ, однако, что сіи паши будутъ заняты (удержаны?) Австріею (!), и мы можемъ взять Адріанополь и Кирклиссе. По овладѣніи этими городами, въ нихъ надобно оставить гарнизоны; въ Бургасѣ—также: слѣдовательно—у насъ останется $3^1/_2$ либо 4 дивизіи, въ которыхъ по прибытіи къ Константинополю нельзя предполагать болѣе 30-ти, а съ кавалеріей и артиллеріею до 45-ти тысячъ человѣкъ. И такъ, начавъ кампанію съ тремя корпусами, въ числѣ 120-ти тысячъ человѣкъ, и, пройдя съ ними отъ Днѣстра до Константинополя восемьсотъ верстъ, мы будемъ имѣть только 45 или 50 тысячъ, которыя только лишь достаточны для овладѣнія Константинополемъ. Все это изложено въ предположеніи, что мы господствуемъ на Черномъ морѣ, ибо наша армія не можетъ идти за Балканы безъ содѣйствія флота, который снабжалъ-бы войска военными и жизненными запасами".

По занятіи Царьграда—писалъ фельдмаршалъ—три корпуса, по всей вѣроятности, будутъ надолго отдалены отъ Имперіи, и пройдетъ нѣсколько лѣтъ, пока можно будетъ замѣнить ихъ войсками вновь сформированными изъ туземныхъ христіанскихъ племенъ. Чего-же будетъ намъ стоить содержаніе тамъ трехъ корпусовъ, формированіе войскъ изъ христіанъ въ Турціи и образованіе новыхъ войскъ на западной границѣ, въ случаѣ европейской войны?

По мнѣнію князя Варшавскаго было гораздо выгоднѣе, въ возмездіе за нарушеніе турецкимъ правительствомъ заключенныхъ съ Россіею трактатовъ,

занять Дунайскія Княжества, въ видѣ залога, до исполненія Турками своихъ обязательствъ. Для этого потребовалось-бы не болѣе двухъ или трехъ дивизій, которыя могутъ содержаться на счетъ Княжествъ, или, по крайней мѣрѣ, снабжаться тамъ фуражемъ.

„Въ Княжествахъ, по слухамъ, мы найдемъ до 10-ти тысячъ человѣкъ регулярнаго войска, которое слѣдуетъ увеличить до 20-ти тысячъ: они послужатъ зерномъ христіанскаго ополченія изъ Болгаръ и Сербовъ въ Турціи, по мѣрѣ формированія коего, можно прикомандировывать вновь устроенные баталіоны къ нашимъ полкамъ, употребляя ихъ преимущественно въ стрѣлки.

„При занятіи нами Княжествъ и при вооруженіи христіанъ, Турціи остается: согласиться на исполненіе всѣхъ заключенныхъ съ нами трактатовъ, либо собрать армію и рѣшиться на сраженіе, что подастъ намъ случай разбить Турокъ, и тогда даже съ небольшими силами можно зайти далеко.

„Конечно — при такомъ способѣ дѣйствій, наша черноморская торговля потерпитъ, но, можетъ быть, менѣе, нежели въ случаѣ большой войны.

„Иностранныя державы принуждены будутъ найти сіе условное занятіе Княжествъ справедливымъ возмездіемъ за неисполненіе Турками трактатовъ“ (5).

Императоръ Николай, отказавшись отъ предположенной имъ высадки въ Босфоръ, желалъ однако же, чтобы способъ дѣйствій сохранилъ характеръ неожиданности. Предоставляя командующимъ войсками и флотомъ всѣ подробности исполненія, Государь полагалъ, что для высадки и укрѣпленія удобнѣйшаго къ тому пункту въ Бургасскомъ заливѣ, на первый случай достаточно 22-хъ баталіоновъ съ 48-ю орудіями и 200 казаковъ. „Войска эти, укрѣпясь въ избранномъ мѣстѣ, могутъ безопасно выждать при-

соединенія остальныхъ войскъ, перевозочныхъ способовъ, и въ особенности продовольствія и кавалеріи. Между тѣмъ, часть флота останется для наблюденія за Босфоромъ, а прочія суда, немедленно послѣ высадки, отправятся въ Одессу за войсками. Предполагается на обратный путь туда, посадку войскъ и плаваніе въ Бургасъ—12 дней; дессантный отрядъ, по минованіи этого времени, вѣроятно, усилится 6-ю баталіонами съ 16-ю орудіями и 4-мя эскадронами, а повторивъ, въ теченіе мѣсяца, еще двѣ такихъ перевозки, въ дессантномъ отрядѣ будетъ 38 баталіоновъ съ 96-ю орудіями и можетъ быть бригада кавалеріи съ конною батареей, или три казачьихъ полка—силы весьма значительныя.

„Въ тоже время, 4-й корпусъ долженъ вступить въ Княжества и оставя нужные гарнизоны въ Молдавіи, слѣдовать въ Валахію, гдѣ и расположиться по возможности удобно; тогда-же наша флотилія и мостъ поднимутся до Гирсова, или далѣе. Вѣроятно—появленіе нашихъ войскъ въ Княжествахъ и флотиліи на Дунаѣ заставитъ Турокъ ожидать переправы и принудитъ ихъ собрать армію у Силистріи, либо у Видина и отвлечетъ ихъ вниманіе отъ угрожаемаго дѣйствительно мѣста.

„Окончательная перевозка дессанта и занятіе Княжествъ могутъ быть довершены, вѣроятно, въ одно время—къ концу іюня.

„Ежели Французы или Англичане не вступятся за Турокъ и флоты ихъ не войдутъ въ Черное море, то къ началу іюля представятся намъ два способа дѣйствій: во 1-хъ, идти на Царьградъ, со всѣмъ высаженнымъ корпусомъ, кромѣ гарнизона, оставленнаго на избранномъ пунктѣ складовъ, какъ базисѣ военныхъ дѣйствій. Но при этомъ необходимо имѣть достаточно перевозочныхъ средствъ, для доставки

вслѣдъ за войсками провіанта, по крайней мѣрѣ дней на двадцать, чтò сомнительно. Во 2-хъ, ежели высадка въ Бургасѣ привлечетъ туда большую часть силъ и *Царьградъ оголится войскомъ*, въ такомъ случаѣ, неожиданно посадить дессантъ на флотъ и идти на прорывъ къ Босфору, овладѣть имъ и явиться подъ Царьградомъ. Полагаю это возможнымъ, писалъ Государь — но все зависитъ отъ вѣрности разсчета и положительныхъ свѣдѣній. Если же французскій или англійскій флоты вошли-бы въ Черное море, явно съ враждебнымъ противъ насъ намѣреніемъ, то не только дѣйствія моремъ на Царьградъ совершенно невозможны, но даже положеніе нашего дессанта въ Бургасѣ будетъ весьма опасно, и тогда 4-й корпусъ, оставя одну дивизію въ Валахіи, долженъ переправитъся черезъ Дунай и открыть сообщеніе съ дессантомъ, который пойдетъ къ нему на встрѣчу чрезъ Праводы, между Варною и Шумлою: все это трудно и подвержено мѣстнымъ случайностямъ.

„По тому все зависитъ отъ того, будутъ ли Французы и Англичане зрителями или участниками въ войнѣ.

„Наконецъ, можно занять Княжества 4-мъ кор пусомъ, не предпринимая ничего моремъ, но поднявъ флотилію и мостъ вверхъ по Дунаю. Морскую-же экспедицію начать, убѣдясь, что ни Англичане, ни Французы, въ дѣло не вмѣшаются, и не ранѣе, чѣмъ когда Княжества по Дунай заняты будутъ, и получатся вѣрныя свѣдѣнія — есть-ли гдѣ либо на Дунаѣ турецкая армія, и не привлекло-ли все вниманіе Турокъ занятіе нами Княжествъ, какъ бывало въ прежнія войны“ (6).

За тѣмъ, когда постепенный переходъ Западныхъ державъ на сторону Оттоманской Порты заставилъ

насъ отказаться отъ рѣшительныхъ дѣйствій и ограничиться занятіемъ Дунайскихъ Княжествъ, въ іюнѣ 1853 года, Императоръ Николай пожелалъ знать мнѣніе князя Варшавскаго о современномъ положеніи нашихъ дѣлъ съ Турціею (7). Фельдмаршалъ, въ отвѣтъ на запросъ Государя, писалъ, что „занявъ Княжества, мы не начинаемъ войны, а, между тѣмъ, можемъ выиграть время, что для насъ полезно въ двухъ отношеніяхъ: во 1-хъ, нынѣ державы Европы, если не всѣ, то, по крайней мѣрѣ, многія, противъ насъ, а другія—не за насъ. Невѣроятно однако же, чтобы хотя къ будущему году не встрѣтилось какихъ-либо поводовъ къ несогласію между европейскими державами, что должно обратиться въ нашу пользу; во 2-хъ, можемъ приготовиться къ войнѣ и избѣгнуть тѣхъ непредвидѣнныхъ препятствій, которыя, какъ показываетъ исторія всѣхъ нашихъ войнъ въ Турціи, всегда замедляли наши успѣхи, или были причиною огромныхъ потерь, такъ что когда даже мы брали верхъ, то, большею частью, были обязаны тѣмъ оплошности самихъ Турокъ.

„По занятіи Княжествъ, нѣтъ необходимости переходить черезъ Дунай и начинать военныя дѣйствія. Но если-бы Турки перешли на лѣвую сторону Дуная, то, безъ сомнѣнія, ихъ слѣдуетъ отбросить на правый берегъ; но и тогда еще должно подумать—идти-ли впередъ или остановиться; ибо едва-ли мы будемъ готовы къ переходу за Балканы. Конечно—еслибы намъ удалось разбить и совершенно разсѣять турецкую армію, то слѣдовало-бы пользоваться обстоятельствами и идти впередъ. Но на такой счастливый случай не должно разсчитывать, тѣмъ болѣе, что есть болѣе вѣрное средство къ успѣху.

„Во всѣхъ нашихъ прежнихъ войнахъ съ Турками, наши неудачи и потери происходили не столько

отъ сопротивленія непріятеля, сколько отъ недостатка жизненныхъ запасовъ въ голодномъ краю и послѣдствія того — болѣзней. Чтобы предупредить эти бѣдствія, необходимо закупить теперь-же въ Одессѣ до 100 тысячъ четвертей хлѣба и до 30-ти тысячъ четвертей овса или ячменя, такъ-же крупъ, водки, соли и прочее. Все это составитъ запасный провіантскій магазинъ для снабженія войскъ по переходѣ за Балканы. Вмѣстѣ съ тѣмъ должно учредить складъ боевыхъ припасовъ, полагая на каждое полевое орудіе по 500, а на осадное—по 800 зарядовъ. Для доставки-же жизненныхъ и военныхъ запасовъ къ арміи, необходимо заготовить по возможности большее число каботажныхъ судовъ и транспортовъ, и употребить на сей-же предметъ нашу дунайскую флотилію. Такимъ образомъ должно будетъ перевезти склады изъ Одессы въ Килію, либо Измаилъ, а потомъ, по мѣрѣ движенія нашихъ войскъ, нынѣшнею осенью или весною будущаго года, въ Кюстенджи либо Каварну, въ Варну и Бургасъ".

По мнѣнію фельдмаршала, перевозка моремъ не могла встрѣтить важныхъ препятствій, если будутъ суда способныя къ ходу вдоль береговъ. Въ случаѣ даже, еслибы непріятельскіе флоты, въ превосходныхъ силахъ, войдя въ Черное море, заперли нашъ флотъ въ портахъ, и тогда съ осени есть нѣсколько мѣсяцевъ въ году, когда корабли не могутъ держаться въ морѣ и препятствовать ходу береговыхъ судовъ. Да еслибы непріятельскіе флоты и помѣшали перевозкѣ складовъ изъ Измаила далѣе моремъ, можно перевезти ихъ вверхъ по Дунаю до того мѣста, гдѣ будетъ мостъ (примѣрно—у Гирсова), а оттуда до Варны, съ небольшимъ сто верстъ. По взятіи-же Варны, магазинъ можетъ быть перевезенъ далѣе такъ-же гужемъ.

„За тѣмъ—писалъ фельдмаршалъ—если рѣшена будетъ война, дѣйствія могутъ открыться осенью нынѣшняго года, или раннею весною, ибо въ томъ климатѣ иногда конецъ января, а февраль большею частію, бываетъ уже удобенъ..... Я не вхожу въ подробности о распредѣленіи войскъ, но скажу мимоходомъ, что лучше не занимать Малой Валахіи, въ началѣ военныхъ дѣйствій, а занять линію отъ Гирсова до Бухареста, такимъ образомъ, чтобы пространство отъ Бухареста, на Гирсовъ, Варну, Шумлу, Силистрію и Рущукъ, образующее квадратъ съ небольшимъ во сто верстъ, было театромъ нашихъ первыхъ дѣйствій“ (8).

Впослѣдствіи оказалось, что закупка хлѣба въ Одессѣ и доставка его оттуда къ арміи стоили-бы дороже, нежели заготовленіе въ Дунайскихъ Княжествахъ (9), и потому учрежденіе магазиновъ въ Одессѣ и перевозка одесскаго хлѣба были отмѣнены. Что же касается до расположенія нашихъ войскъ, предложеннаго фельдмаршаломъ, то сосредоточеніе турецкихъ войскъ у Калафата заставило насъ, въ противность его предположенія, занять Малую Валахію.

Въ сентябрѣ 1853 года, во время пребыванія Государя въ Варшавѣ, князь Варшавскій представилъ на Высочайшее Имя два проекта дѣйствій.

Въ первомъ изъ нихъ, фельдмаршалъ писалъ: „При наступательной войнѣ, лучшимъ пунктомъ для переправы черезъ Дунай я почитаю Гирсово: онъ довольно далеко входитъ въ Булгарію и близокъ къ морю; его должно укрѣпить и здѣсь устроить склады нашихъ запасовъ. Цѣлью нашихъ движеній должна быть Варна. Отъ Гирсова до Кюстенджи около 60 верстъ. Кюстенджи взять необходимо, какъ первый этапъ и пунктъ для магазиновъ. Въ 1828 году, эта крѣпостца была взята въ три дня. Отъ Гирсова до Варны

120 верстъ; на дорогѣ туда можно избрать одинъ изъ прибрежныхъ пунктовъ, какъ этапъ и магазинъ и укрѣпить его. Движеніе къ Варнѣ должно быть, по возможности, быстро, вмѣстѣ съ осадною артиллеріею, дабы не ждать ея, и съ большимъ количествомъ снарядовъ и прочихъ артиллерійскихъ запасовъ. По приходѣ къ Варнѣ, необходимо на другой-же день открыть траншеи, а на третій или четвертый день начать стрѣльбу. По опыту извѣстно, что ни что такъ не страшитъ непріятеля, какъ скорое открытіе работъ и безостановочное движеніе ихъ впередъ, по правиламъ инженернаго искусства.

„Для охраненія тыла и сообщеній, нужно будетъ оставить гарнизонъ въ Гирсовѣ и наблюдательные отряды: *одинъ*, довольно сильный, въ Валахіи, для наблюденія за гарнизонами Силистріи и Рущука. Ежели-бы сей отрядъ замѣтилъ одновременное выступленіе непріятеля изъ сихъ крѣпостей, для нападенія общими силами, то, въ такомъ случаѣ, ему должно идти на-встрѣчу ближайшему, и разбивъ его, подобно тому, какъ сдѣлалъ Милорадовичъ, въ 1807 году, подъ Обилештами, броситься на другаго. *Второй* отрядъ — впереди Траянова вала, для охраненія дороги отъ Гирсова до Кюстенджи; *третій* — у Базарджика. Подходя къ Варнѣ, отдѣлить сильный отрядъ къ Козлуджи, а съ главными силами начать осаду Варны самымъ дѣятельнымъ образомъ. На случай наступленія къ Варнѣ вспомогательной непріятельской арміи, нужно будетъ укрѣпиться такимъ образомъ, чтобы, оставя подъ крѣпостью равносильную гарнизону часть войскъ, или даже меньшую, держать его въ повиновеніи, какъ дѣлалъ Наполеонъ при осадѣ Мантуи, и какъ мнѣ удалось въ Аббасъ-Абадѣ. Еслибы встрѣтилась надобность снять временно осаду, то, оставя работы, идти на непрія-

теля, стараться его разбить и опять возвратиться къ осадѣ....

„По взятіи Варны, имѣя запасы, перевозочныя средства и вспомогательныя силы изъ христіанскихъ ополченій, которыя будутъ имѣть за себя почти всю страну, дѣйствовать далѣе сообразно обстоятельствамъ. Я очень полагаюсь на вооруженія турецкихъ христіанъ.

„Что касается нашей азіятской границы, князь Воронцовъ представляетъ, что, въ случаѣ войны съ Турціею, онъ не можетъ вывести въ поле болѣе четырехъ баталіоновъ и проситъ прислать ему шестнадцать баталіоновъ. Не разсуждая о причинѣ малаго числа свободныхъ войскъ, ибо князю Воронцову, какъ намѣстнику, ближе извѣстны мѣстныя обстоятельства, изложу только мысль мою о томъ— нельзя-ли будетъ выставить болѣе войскъ въ поле, уменьшивъ ихъ число тамъ, гдѣ возможно.

„Если предположить, что Черное море не въ нашихъ рукахъ и входъ въ него для непріятельскихъ флотовъ открытъ, то наши прибрежныя укрѣпленія будутъ первою жертвою, ибо достаточно двухъ непріятельскихъ кораблей для того, чтобы наши малыя береговыя укрѣпленія были взяты, одно за другимъ, если они будутъ атакованы одновременно съ моря и горцами съ берега. И по тому мнѣ кажется, что нѣтъ надобности содержать безсильные гарнизоны во всѣхъ занимаемыхъ нынѣ малыхъ пунктахъ. Не полезнѣе-ли будетъ избрать нѣкоторые изъ нихъ, важнѣйшіе и хорошо укрѣпленные, и въ нихъ имѣть достаточные гарнизоны, а прочіе пункты нынѣ-же упразднить и гарнизоны вывести? Кромѣ усиленія нашего отряда на границѣ, мы спасемъ, можетъ быть, до двухъ тысячъ человѣкъ и болѣе ста орудій, которые достались-бы непріятелю. Скажутъ, что эта

мѣра произведетъ дурное вліяніе, но еще хуже будетъ, когда непріятель возьметъ укрѣпленія съ плѣнными и орудіями (*).

„Равномѣрно—въ мусульманскихъ провинціяхъ, въ Дагестанѣ и Владикавказѣ, почему не уменьшить отряды, ибо взять тысячу человѣкъ изъ какого-либо пяти-тысячнаго отряда, при оборонительномъ положеніи, не трудно“.

Такимъ образомъ, по мнѣнію фельдмаршала, можно было собрать восемь баталіоновъ, а съ четырьмя свободными нынѣ—двѣнадцать. Если-же признано будетъ необходимымъ послать еще одну дивизію князю Воронцову, то съ двадцать-восемью баталіонами, при осадной артиллеріи, можно будетъ, не ограничиваясь оборонительными дѣйствіями, угрожать Карсу и Ардагану.

„Не раздѣляю мысли—писалъ фельдмаршалъ—чтобы Турки мечтали нанести намъ большой вредъ съ азіятской стороны. Разбирая ихъ тамошнія силы, найдемъ, что народы, населяющіе южное прибрежье Чернаго моря, правда, весьма бойки, но это—народы горные, и слѣдовательно, наравнѣ съ другими горцами, сильные у себя дома, но, чтобы они могли спуститься на плоскость и одержать надъ нами верхъ—этого не допускаю. Турецкая конница, Курды, всегда были биты нашими мусульманами и линейцами; разумѣется надо маневрировать, не пускать противъ нихъ прямо нашей кавалеріи, а дѣйствовать сначала артиллеріею и потомъ уже конницею: это всегда удается. Что-же касается до турецкихъ регулярныхъ войскъ, то они и въ Европѣ не страшны, а въ Азіи еще менѣе“.

(*) Впослѣдствіи, сообразно мнѣнію князя Варшавскаго, были упразднены семь укрѣпленій Черноморской береговой линіи, коихъ гарнизоны увеличили наши силы почти пятью тысячами человѣкъ отличнаго войска.

Какъ, между тѣмъ, обстоятельства измѣнились и часть англо-французскаго флота, стоявшаго у Бешики, близь входа въ Дарданеллы, вошла въ Босфоръ, то князь Варшавскій, вмѣстѣ съ изложеннымъ выше мнѣніемъ, представилъ Государю записку слѣдующаго содержанія:

„Нѣсколько кораблей французскихъ и англійскихъ прошли Дарданеллы, подъ предлогомъ защиты Султана. Мы протестовали противъ нарушенія трактатовъ 1841 года, но Франція и Англія, вѣроятно, будутъ отвѣчать, что занятіе нами Княжествъ было первымъ ихъ нарушеніемъ....

„Наше положеніе слишкомъ хорошо, чтобы спѣшить изъ него выйдти, начавъ военныя дѣйствія первыми, и тѣмъ поставить противъ себя, кромѣ Турціи, еще сильнѣйшія державы Западной Европы. Время за насъ, и мы, оставаясь въ Княжествахъ, имѣемъ еще другіе, сильнѣйшіе способы, и безъ военныхъ дѣйствій, угрожать Турецкой Имперіи. По сему не разъ имѣлъ я счастіе слышать, что Ваше Императорское Величество не желаете начать войну.

„Но еслибы непріятель самъ началъ войну, какимъ образомъ тогда дѣйствовать? Турки могутъ открыть войну: 1) съ европейской стороны; 2) съ азіатской границы, и 3) на морѣ, будучи, разумѣется, поддержаны французскимъ и англійскимъ флотами. Еслибы Турки вздумали перейти Дунай, чего въ большихъ силахъ ожидать нельзя, то, отразивъ ихъ, не будетъ-ли полезнѣе оставаться въ оборонительномъ положеніи, не допуская ихъ утвердиться на лѣвой сторонѣ Дуная? Самый опытъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что какъ-бы мы ни зашли далеко, хотя-бы взяли Варну, перешли Балканы и достигли Адріанополя, во всякомъ случаѣ, Европа не допуститъ насъ воспользоваться нашими завоеваніями. Мы бу-

демъ терять людей отъ болѣзней, понесемъ большіе расходы и можемъ подвергнуться пораженію, а пользы и пріобрѣтеній съ сей стороны, даже въ случаѣ успѣха, ожидать не можемъ.

„Спросятъ: что-же мы выиграемъ, оставаясь въ оборонительномъ положеніи? Выиграемъ очень много: не поссоримся съ Европою, не остановимъ торговли, не помѣшаемъ дипломатическимъ сношеніямъ, которыхъ результаты могутъ быть намъ выгодны. Такое положеніе дѣлъ, конечно, ново и странно: двѣ державы въ войнѣ, а союзники ихъ, держа сторону одной изъ нихъ, остаются въ мирѣ съ другою. Но почему-же не такъ? Никто нынѣ въ Европѣ не хочетъ войны (?), а наше положеніе, между тѣмъ, день ото дня дѣлается лучше. До сихъ поръ, военныя приготовленія не стоили намъ значительныхъ издержекъ: содержаніе войскъ 4-го и 5-го корпусовъ въ Княжествахъ обходится не дороже, чѣмъ въ Россіи, и разница будетъ только въ содержаніи на военномъ положеніи дивизіи, которая посылается изъ Севастополя въ Грузію....

„У насъ есть страшное для Турецкой Имперіи оружіе, успѣху котораго ни одно изъ европейскихъ государствъ не можетъ препятствовать: это—вліяніе Россіи на христіанскія племена въ Турціи“.

Зная отвращеніе Императора Николая отъ возбужденія народовъ противъ правительствъ, фельдмаршалъ объяснялъ законность такого средства противъ Турціи слѣдующимъ образомъ:

„Мѣру сію нельзя, мнѣ кажется, смѣшивать съ средствами революціонными. Мы не возмущаемъ подданныхъ противъ ихъ Государя; но если христіане, подданные Султана, захотятъ свергнуть съ себя иго мусульманъ, ведущихъ съ нами войну, то нельзя, безъ несправедливости, отказать въ помощи нашимъ еди-

новѣрцамъ, ибо христіанинъ въ Турціи, есть, по тамошнимъ законамъ, жертва фанатизма, или прихоти каждаго визиря, паши, и даже какого нибудь аяна (городничаго). Всему свѣту извѣстно, что жизнь, честь и достояніе христіанина и его семейства въ Турціи ежеминутно подвергаются опасности, и что правительство тамъ безсильно на защиту христіанъ. Ихъ надежда всегда была одна — Бѣлый Царь, и если козни и происки Запада успѣли, можетъ быть, нѣсколько ослабить ихъ влеченіе къ православному единовѣрному имъ Государю, то съ войною влеченіе сіе должно пробудиться.

„Мысль воспользоваться вліяніемъ Россіи и вооружить христіанскія племена — мысль не новая. Она естественно представлялась въ каждую турецкую войну. Еще въ кампаніи 1773 и 1774 годовъ, графа Румянцова, и впослѣдствіи, въ 1788—1791 годахъ, при князѣ Потемкинѣ, формировались христіанскія ополченія, подъ названіемъ Арнаутовъ. Въ 1806 году, князь Ипсиланти такъ-же дѣлалъ попытки вооруженій христіанъ, обѣщалъ выставить до 20 тысячъ человѣкъ пѣхоты и кавалеріи, издержалъ большія суммы и набралъ не болѣе 5 тысячъ, изъ которыхъ въ дѣлахъ никогда не участвовали и 2 тысячи человѣкъ Всѣ эти попытки, основанныя на вліяніи Россіи на христіанъ и на бѣдственномъ ихъ положеніи въ Турціи, не приносили намъ пользы. Основаніе было вѣрно, но недоставало зерна, изъ котораго могли-бы разрастаться христіанскія ополченія; не было ни инструкторовъ, ни кадровъ, и недоставало умѣнья употребить въ дѣло храбрыя, но нестройныя полчища. Нынѣ-же эти неудобства могутъ быть устранены. Войска Молдавіи и Валахіи, въ числѣ до 10 тысячъ человѣкъ, могутъ служить зерномъ христіанскихъ ополченій въ Турціи“.

чаѣ дѣйствія въ Азіятской Турціи вовсе не будутъ зависѣть отъ дѣйствій съ европейской стороны".

„Что-же касается до дѣйствій на морѣ, то переходъ черезъ Дарданеллы четырехъ кораблей Западныхъ державъ явно показываетъ, что если-бы мы вывели свой флотъ для военныхъ дѣйствій, то французскій и англійскій флоты соединились-бы съ турецкимъ противъ насъ. Очевидно, что мы не будучи достаточно сильны для дѣйствій противъ трехъ соединенныхъ флотовъ, будемъ, по необходимости, оставаться въ оборонительномъ положеніи, а, между тѣмъ, малыя суда и каботажныя флотиліи должны, пользуясь обстоятельствами, постоянно перевозить, куда потребуются, войска и запасы" (10).

Еще прежде разрыва съ Турціею, въ концѣ іюня, было послано, по Высочайшему повелѣнію, князю Воронцову, предположеніе Государя, о предлежащихъ дѣйствіяхъ въ случаѣ открытія войны съ Турками. Въ собственноручной запискѣ Императора Николая, по сему предмету, сказано, что „Государь, не желая войны, какъ по гибельному вліянію климата Турціи, такъ и по неопредѣлительности цѣли, которую можемъ назначить нашимъ военнымъ дѣйствіямъ, ежели хотимъ избѣгнуть конечнаго ниспроверженія Турецкой Имперіи, предполагалъ, въ случаѣ неуспѣха послѣдней попытки къ склоненію Оттоманской Порты на принятіе предложенныхъ нами условій, обратиться къ понудительнымъ мѣрамъ, усиливая ихъ, сообразно ходу обстоятельствъ, въ слѣдующей постепенности:

„*1-я эпоха.* По полученіи окончательнаго отказа Порты въ принятіи нашихъ условій, переправить

черезъ Прутъ войска на молдавской границѣ собираемыя и занять Дунайскія Княжества, не объявляя войны, но объяснивъ, что войска наши займутъ эти области *въ залогъ*, доколѣ Турція не удовлетворитъ справедливымъ требованіямъ Россіи. Для занятія Княжествъ назначаются: 4-й пѣхотный корпусъ, часть 15-й пѣхотной дивизіи, 5-я легкая кавалерійская дивизія и нѣсколько донскихъ казачьихъ полковъ.

„При совершеніи этого предпріятія, отнюдь не переправляться черезъ Дунай и избѣгать враждебныхъ дѣйствій, которыя допускаются только въ томъ случаѣ, ежели Турки, перейдя сами на лѣвый берегъ Дуная, не отступятъ передъ нашими войсками или первые начнутъ бой. Лучшимъ способомъ для предупрежденія подобнаго столкновенія представляется быстрое занятіе Княжествъ легкимъ авангардомъ конницы, за которою должна слѣдовать пѣхота въ ближайшемъ разстояніи... Войска 15-й дивизіи неудобно вести далѣе Галаца, ибо, въ случаѣ сбора турецкаго отряда въ Бабадагѣ, онъ могъ-бы, не встрѣтивъ сопротивленія на низовьяхъ Дуная, прорваться въ наши предѣлы. Къ тому-же расположеніе 15-й дивизіи на нижнемъ Дунаѣ, присутствіе тамъ нашей флотиліи и сооруженіе моста въ Измаилѣ будутъ держать Турокъ въ недоумѣніи — не намѣрены-ли мы переправиться тамъ черезъ Дунай, по примѣру 1828 года.

„Черноморскій флотъ, оставаясь у нашихъ береговъ, отдѣляетъ лишь крейсеровъ, для наблюденія за турецкимъ и другими иностранными флотами, и уклоняется отъ боя.

„Въ такомъ положеніи, протянувъ по Дунаю цѣпь казачьихъ постовъ, поддержанную резервами, и избравъ для прочихъ войскъ здоровыя лагерныя мѣ-

ста, будемъ ожидать *какое впечатленіе произведетъ на Турокъ занятіе Княжествъ?*

2-я эпоха. Ежели упорство Оттоманской Порты заставитъ насъ усилить понудительныя мѣры, то и тогда предполагается, не переходя черезъ Дунай, объявить блокаду Босфора и, смотря по обстоятельствамъ, разрѣшить нашимъ крейсерамъ брать турецкія суда въ Черномъ морѣ. Тогда-же имѣется въ виду предварить турецкое правительство, что дальнѣйшее его упорство можетъ имѣтъ послѣдствіемъ объявленіе независимости Дунайскихъ Княжествъ и Сербіи.

„Желательно, чтобы Австрійцы, раздѣляя наши виды, заняли Герцеговину и Сербію.

„*3-я эпоха.* Если-же не подѣйствуетъ эта угроза, то настунитъ время ее исполнить, и въ такомъ случаѣ признаніе независимости Княжествъ будетъ, безъ сомнѣнія, началомъ разрушенія Оттоманской Имперіи“ ([11]).

Таковы были соображенія Императора Николая въ то время, когда несогласія, возникшія между Россіею и Турціей, еще не угрожали обратиться въ общую европейскую войну.

ГЛАВА IV.

Занятіе русскими войсками Дунайскихъ Княжествъ.

Неудача переговоровъ, веденныхъ княземъ Меншиковымъ въ Константинополѣ, поставила наше правительство въ необходимость побудить Султана къ уступчивости силою оружія. Императоръ Николай уже имѣлъ возможность убѣдиться въ томъ, что Турція, отвергая предложенныя съ нашей стороны условія, надѣялась на помощь другихъ державъ, но полагалъ, что ни одна изъ нихъ, кромѣ Франціи, не станетъ враждебно къ Россіи, и что, въ такомъ случаѣ, естественно сблизятся съ нами вѣковые соперники Французовъ—Англичане. Австрія, послѣ венгерской войны, была столько обязана Россіи, что нашъ Государь могъ разсчитывать, ежели не на дружное содѣйствіе, то, по крайней мѣрѣ, на нейтралитетъ вѣнскаго кабинета. Пруссія, по своему географическому положенію, не принимала живаго участія въ дѣлахъ Востока, и къ тому-же дружественныя отношенія съ нею Россіи были скрѣплены родственною связью ихъ Монарховъ. Не смотря однакоже на такія, повидимому, благопріятныя обстоятельства, обѣщавшія Русскому Государю вѣрное торжество надъ слабою Турціею, онъ не желалъ войны и

надѣялся достигнуть своей цѣли—покровительства православныхъ подданныхъ Порты — не грознымъ ударомъ, а устрашеніемъ противника. Для этого онъ считалъ достаточнымъ занять войсками, въ видѣ залога, Дунайскія Княжества, Молдавію и Валахію, гдѣ не было никакихъ турецкихъ войскъ. Что въ то время нашъ Государь нисколько не помышлялъ вести войну, всего убѣдительнѣе доказывается расположеніемъ нашихъ войскъ, большею частью, въ значительномъ разстояніи отъ предѣловъ Турціи, и совершеннымъ отсутствіемъ какихъ-либо военныхъ приготовленій въ нашихъ южныхъ областяхъ.

14-го (26-го) іюня послѣдовалъ Высочайшій манифестъ о предстоящемъ занятіи русскими войсками Дунайскихъ Княжествъ.

Въ запискѣ по поводу вторженія нашихъ войскъ въ Княжества, хранящейся въ главномъ военномъ архивѣ, опредѣлительно выражена цѣль этого дѣйствія: „По полученіи окончательнаго отказа Порты въ принятіи нашихъ условій, переправить черезъ Прутъ войска на молдавской границѣ собираемыя и занять Дунайскія Княжества, не объявляя войны, но, объяснивъ, что войска наши займутъ эти области въ залогъ, доколѣ Турція не удовлетворитъ справедливыхъ требованій Россіи“.

Жребій былъ брошенъ! Не желая войны, мы начинали войну кровавую.

Въ 1853 году, Россія не была готова къ войнѣ, не смотря на громадныя цифры воинскихъ чиновъ, числившихся по спискамъ нашей арміи (*). На провіантскомъ довольствіи состояло болѣе милліона нижнихъ чиновъ и на фуражномъ — болѣе двухъ сотъ

(*) Составъ и число войскъ русской арміи показаны въ Приложеніи.

тысячъ лошадей; но разница между списочною и боевою силою была огромна; припомнимъ только, что въ рядахъ русскаго воинства находился многочисленный, но почти совершенно неспособный къ бою, корпусъ внутренней стражи. Извѣстно такъ-же, какъ тогда была неудовлетворительна у насъ система резервовъ.

Вооруженіе нашей арміи было весьма недостаточно: въ то время, когда значительная часть пѣхоты иностранныхъ армій уже имѣла нарѣзныя ружья и вся пѣхота ихъ была вооружена ударнымъ ружьемъ, у насъ въ нѣкоторыхъ частяхъ войскъ все еще существовали кремневыя ружья. Обученіе пѣхоты ограничивалось чистотою и изяществомъ ружейныхъ пріемовъ, точностью пальбы залпами; кавалерія была парализирована столь-же красивою, сколько и неловкою посадкою; артиллерія отличалась болѣе быстротою движеній, нежели мѣткостью выстрѣловъ. Манёвры, производимые въ мирное время, были эфектны, но мало поучительны. Продовольствіе нижнихъ чиновъ было весьма скудно и зависѣло отъ большаго или меньшаго довольства мѣстныхъ жителей, у которыхъ доводилось стоять войскамъ. Имѣя въ изобиліи главную изъ составныхъ частей пороха, селитру, мы, вступивъ въ борьбу съ коалиціей Европы, терпѣли крайній недостатокъ въ порохѣ. При тогдашнемъ несовершенствѣ нашихъ военныхъ силъ и способовъ, и вообще всей нашей военной системы, намъ были необходимы военные люди, которые моглибы вознаградить эти невыгоды своими способностями и боевою опытностью. Военныя способности высказываются, а равно и боевая опытность пріобрѣтается, только при веденіи большихъ войнъ, гдѣ военачальникъ силою своего генія устремляетъ сотни тысячъ воиновъ къ предначертанной имъ общей цѣ-

ли. Въ отечественную войну противъ Наполеона образовались знаменитые вожди: Воронцовъ, Паскевичъ, Ермоловъ; но всѣ они, при открытіи Восточной войны, уже были на закатѣ своей жизни.

Въ циркулярѣ россійскаго министерства иностранныхъ дѣлъ ко всѣмъ дворамъ было объявлено: во 1-хъ, что занятіе Дунайскихъ Княжествъ нашими войсками будетъ прекращено, какъ только Оттоманская Порта удовлетворитъ наши требованія; во 2-хъ, что нашъ Государь не желаетъ ни разрушенія Турецкой Имперіи, ни какихъ-либо территоріальныхъ пріобрѣтеній; въ 3-хъ, что онъ не откроетъ военныхъ дѣйствій, пока его къ тому не принудятъ, и въ 4-хъ, что, будучи далекъ отъ мысли возбуждать къ возстанію христіанскихъ жителей Турціи, онъ будетъ содержать ихъ въ повиновеніи Султану (1).

Для занятія Дунайскихъ Княжествъ и южной границы Бессарабіи, по Нижнему Дунаю, были назначены: стоявшій въ кіевской, подольской и волынской губерніяхъ 4-й пѣхотный корпусъ, генерала отъ инфантеріи Данненберга, въ полномъ его составѣ; расположенныя въ окрестностяхъ Леова 15-я пѣхотная и 5-я легкая кавалерійская дивизія, съ ихъ артиллеріей, и три казачьихъ полка, всего-же около 80,000 человѣкъ съ 196-ю орудіями (2). Кромѣ того въ распоряженіе командующаго этими войсками была отдана дунайская флотилія контръ-адмирала Мессера (3).

Командующимъ войсками 4-го и 5-го пѣхотныхъ корпусовъ (4) былъ назначенъ генералъ-адъютантъ князь Михаилъ Дмитріевичъ Горчаковъ.

Князь Горчаковъ, потомокъ знатнаго рода, происшедшаго отъ князей Черниговскихъ, принадлежалъ

къ небогатому семейству костромской губерніи. Получивъ воспитаніе сперва дома, потомъ въ частномъ пансіонѣ, онъ поступилъ въ 1807 году на службу юнкеромъ въ лейбъ-гвардіи артиллерійскій баталіонъ (нынѣ л.-гв. 1-я артиллерійская бригада) и въ томъже году произведенъ въ подпоручики гвардейской артиллеріи. Въ 1809 году, находясь адъютантомъ при маркизѣ Паулуччи, онъ началъ свою боевую жизнь въ походѣ противъ Персіянъ, а потомъ, возвратясь къ гвардейской артиллеріи, участвовалъ въ кампаніяхъ 1812, 1813 и 1814 годовъ, получилъ орденъ Св. Владиміра съ бантомъ за отличіе въ Бородинской битвѣ и чинъ штабсъ-капитана за сраженіе подъ Бауценомъ. Въ десять лѣтъ службы, военное образованіе и храбрость князя Горчакова доставили ему производство въ полковники, съ переводомъ въ свиту Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части (нынѣшній генеральный штабъ). Въ 1820 году, онъ былъ назначенъ начальникомъ штаба 3-го пѣхотнаго корпуса, и съ этими войсками, уже въ чинѣ генералъ-маіора, находился въ кампаніяхъ противъ Турокъ, 1828 и 1829 годовъ. За переправу при Сатуновѣ, гдѣ князь Горчаковъ отличился столько-же неустрашимостью сколько и дѣятельностью, онъ удостоился получить орденъ Св. Георгія 3 степени; а по окончаніи войны назначенъ генералъ-адъютантомъ Его Императорскаго Величества. За тѣмъ, въ польскую войну 1831 года, князь Горчаковъ, начавъ кампанію въ званіи начальника штаба 1-го пѣхотнаго корпуса, вступилъ послѣ дѣла при Ваврѣ, въ которомъ былъ раненъ генералъ Сухозанетъ 1-й, на мѣсто его, въ командованіе артиллеріи дѣйствующей арміи, а по окончаніи войны былъ назначенъ начальникомъ штаба дѣйствующей арміи, состоявшей подъ начальствомъ

фельдмаршала Паскевича, и оставался въ этой должности двадцать два года, до припятія, по Высочайшему повелѣнію, команды надъ войсками, посланными въ Дунайскія Княжества.

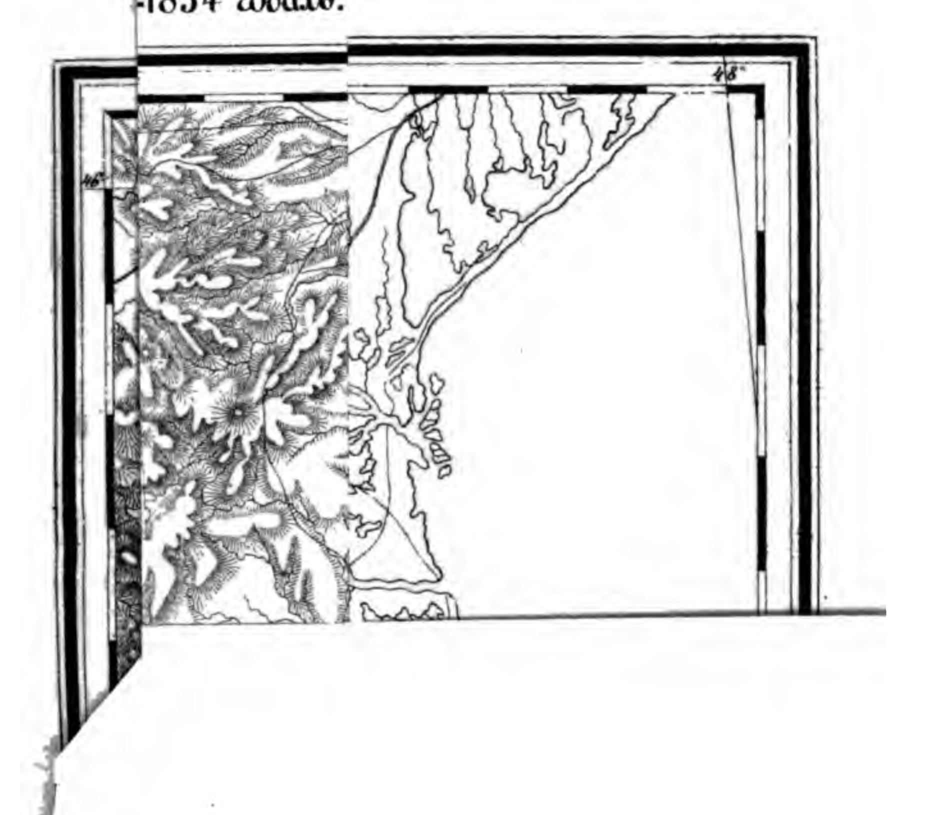
Въ 1853 году, князь Михаилъ Дмитріевичъ, 64-хъ лѣтъ отъ роду, уже былъ генералъ отъ артиллеріи съ 1843 года (*) и кавалеръ всѣхъ русскихъ орденовъ. Долговременное пребываніе его при фельдмаршалѣ князѣ Варшавскомъ, начальникѣ не терпѣвшемъ самостоятельности въ своихъ подчиненныхъ, оказало невыгодное вліяніе на характеръ князя Горчакова. Потерявъ совершенно самоувѣренность, онъ, не смотря на присущую ему личную храбрость, не оставлявшую его до конца жизни, сталъ бояться всякой отвѣтственности, не только передъ Государемъ, но и въ отношеніи къ общественному мнѣнію. „Что скажутъ при дворѣ? — Что будутъ толковать въ Петербургѣ?“ Эти вопросы стѣсняли его дѣятельность, не допуская его слѣдовать внушеніямъ своего разума, и подчиняя его рѣшимость постороннимъ внушеніямъ. Горя любовью къ Россіи и военной славѣ, прямой во всѣхъ дѣлахъ и помыслахъ своихъ, онъ заискивалъ въ случайныхъ людяхъ и нерѣдко выказывалъ неумѣстную въ его положеніи уступчивость, что много вредило ему, заставляя нѣкоторыхъ сомнѣваться въ его дарованіяхъ. Князь Михаилъ Дмитріевичъ постоянно обнаруживалъ въ военныхъ совѣтахъ и въ кабинетныхъ занятіяхъ здравый просвѣщенный умъ, но лишь только садился на коня и долженъ былъ распоряжаться войсками въ полѣ, всѣ его способности исчезали въ туманѣ

(*) Знаменитый Суворовъ былъ пожалованъ въ генералъ аншефы на 40-мъ году службы; Беннигсенъ—въ генералы отъ кавалеріи на 48-мъ, а Кутузовъ, подобно князю Горчакову, въ полные генералы на 37-мъ году жизни.

РТА

ДѢЙСТВІ

1854 годахъ.

сочайшею волею, вамъ слѣдуетъ, при первомъ сближеніи съ Турками, еслибы они перешли изъ-за Дуная, послать къ нимъ парламентера, съ предложеніемъ отойти за Дунай, и объявить имъ, что войска вамъ ввѣренныя составляютъ авангардъ цѣлой арміи, слѣдующей за вами непосредственно, что Его Величеству неугодно начинать съ Турками войну, но что я имѣю предписаніе занять Княжества, и посему, если Турки не захотятъ добровольно отступить, то, на основаніи повелѣнія вамъ даннаго, вы будете вынуждены принудить ихъ къ тому оружіемъ. Турки могутъ сдѣлать одно изъ двухъ: или послать въ Валахію небольшія партіи для произведенія тамъ безпорядковъ, или-же перейти Дунай съ нѣсколько значительными силами, дабы оспаривать ими занятіе Русскими этого края. Ни въ какомъ случаѣ и подъ строжайшею отвѣтственностью вы не должны сталкиваться съ такими турецкими силами, которыя могли-бы вступить съ вами въ бой, не только съ нѣкоторою вѣроятностью успѣха, но даже и съ такимъ числомъ войскъ, коихъ вы навѣрно и безъ всякаго риска, не можете прогнать. Въ подобномъ случаѣ, если Турки перейдутъ черезъ Дунай столь значительными силами, что, согласно съ вышеизложеннымъ, вы не можете вступить съ ними въ бой, вы должны ограничиться наблюденіемъ за ними, постоянно держась въ такомъ разстояніи отъ нихъ, чтобы непріятель не могъ васъ атаковать (?), и если онъ будетъ идти впередъ, то вы должны отходить на Фокшаны и Текучь, гдѣ я сосредоточиваю свои войска. При таковомъ вашемъ отступленіи, держите ввѣренный вамъ отрядъ въ такомъ-же разстояніи отъ непріятеля, какъ объяснено выше. Если-же предъ вами будутъ только незначительныя партіи, которыя вы можете прогнать, не подвергаясь ни ма-

лѣйшему опасенію въ неудачѣ, то, послѣ сдѣланныхъ имъ предложеній удалиться, если они сего не исполнять, вы должны будете ихъ атаковать и прогнать за Дунай.“

На счетъ валахской милиціи, предписано было генералу Анрепу, не употреблять эти войска, ни въ какомъ случаѣ, для дѣйствій противъ Турокъ, а отвести назадъ подъ прикрытіемъ нашего авангарда (7).

Авангардъ арміи (8), подъ начальствомъ графа Анрепа, переправился 21 іюня (3-го іюля) черезъ Прутъ, у Леова, и двинулся форсированнымъ маршемъ черезъ Фальчи, Текучь, Фокшаны и Рымникъ, въ Букарестъ, отдѣливъ на походѣ наблюдательный отрядъ къ Слободзеѣ.

Главныя-же силы, перейдя черезъ Прутъ, между 21 іюня и 4-мъ іюля, у Скулянъ и Леова, слѣдовали далѣе тремя колоннами: *правая*, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Липранди, состоявшая изъ 12-й пѣхотной дивизіи съ ея артиллеріею, отъ Скулянъ къ Фокшанамъ; *средняя*, подъ начальствомъ генерала отъ инфантеріи Данненберга, состояла изъ второй бригады 10-й пѣхотной дивизіи и 11-й пѣхотной дивизіи съ ихъ артиллеріей, 4-го стрѣлковаго и 4-го сапернаго баталіоновъ съ понтоннымъ паркомъ, подвижнаго артиллерійскаго парка и подвижнаго госпиталя, Донскаго казачьяго № 25-го полка и одной сотни Донскаго № 37-го полка и Донской батареи; эта колонна слѣдовала отъ Скулянъ, черезъ Яссы и Берладъ, къ Текучу; *лѣвая* колонна, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта графа Нирода, находилась въ составѣ: первой бригады 10-й пѣхотной дивизіи, пяти баталіоновъ 15-й пѣхотной дивизіи и 4-й легкой кавалерійской дивизіи съ ихъ артиллеріей, одной роты 5-го сапернаго баталіона съ понтоннымъ паркомъ и понтонною ро-

тою, подвижнаго госпиталя и пяти сотень Донскаго № 37-го полка, и двигалась отъ Леова, чрезъ Фальчи и Берладъ, такъ же къ Текучу.

Изъ войскъ 5-го пѣхотнаго корпуса, кромѣ посланныхъ на восточный берегъ Чернаго моря (13-я пѣхотная дивизія), оставленныхъ въ Одессѣ (14-я пѣхотн. дивизія) и двигавшихся въ Княжества, (5-я легкая кавалерійская дивизія генералъ-маіора Фишбаха и отрядъ генералъ-маіора Энгельгардта, въ составѣ пяти баталіоновъ, съ двумя легкими батареями 15-й артиллерійской бригады, саперною и понтонною ротами, и пяти казачьихъ сотень), остальная часть 15-й пѣхотной дивизіи съ ея артиллеріей, подъ личнымъ начальствомъ корпуснаго командира, генералъ-адъютанта Лидерса, расположилась на нижнемъ Дунаѣ, у Рени, Измаила и Киліи (9). Такимъ образомъ одинъ изъ лучшихъ генераловъ нашей арміи, столь блистательно оказавшій свои военныя дарованія въ Трансильваніи, былъ обреченъ бездѣйствію.

Графъ Александръ Николаевичъ Лидерсъ родился и выросъ въ военной обстановкѣ. Еще въ 1805 году, на 9-мъ году жизни, онъ былъ записанъ на службу въ Брянскій мушкатерскій полкъ, принадлежавшій къ составу бригады, которою командовалъ отецъ его, а 15-ти лѣтъ отъ рода, уже въ чинѣ поручика, участвуя подъ начальствомъ графа Каменскаго 2-го, въ дѣлахъ подъ Шумлою, штурмѣ Рущука и сраженіи подъ Батиномъ, получилъ золотую шпагу и переведенъ тѣмъ-же чиномъ въ Лейбъ-егерскій полкъ. Находясь въ рядахъ этого полка, Лидерсъ принималъ участіе въ бояхъ отечественной войны и войны 1813 года до Кульмскаго сраженія, въ которомъ раненъ въ ногу съ раздробленіемъ кости. Турецкая кампанія 1828 года застала Лидерса, въ чинѣ пол-

ковника, командиромъ 37-го егерскаго полка, доведеннаго имъ въ послѣдствіи до такого отличнаго состоянія, что корпусный командиръ графъ Ридигеръ, по прибытіи Лидерса подъ Шумлу, пожавъ ему руку передъ фронтомъ, сказалъ: „гдѣ вашъ полкъ, тамъ не нужно дивизіи". Въ слѣдующую кампанію, 1829 года, онъ съ своими егерями находился въ авангардѣ, сперва при переходѣ черезъ Балканы, а потомъ при взятіи Айдоса, и за это дѣло награжденъ орденомъ Св. Георгія 4-й степени, который, по свидѣтельству графа Ридигера, *заслужилъ двадцать разъ*. Въ воздаяніе оказанныхъ отличій, Лидерсъ былъ произведенъ, въ семъ году, въ генералъ-маіоры.

Въ польскую войну 1831 года, Лидерсъ командовалъ колонною, штурмовавшею укрѣпленія Воли, и былъ награжденъ орденомъ Св. Анны 1-й степени и производствомъ въ генералъ-лейтенанты; а по усмиреніи Польши назначенъ начальникомъ штаба 2-го пѣхотнаго корпуса.

Въ 1837 году, Лидерсъ, на 41-мъ году отъ рода, назначенъ командующимъ 5-мъ пѣхотнымъ корпусомъ, и съ того времени является самостоятельнымъ дѣятелемъ на боевомъ поприщѣ. Въ 1843-мъ году онъ былъ произведенъ въ генералы отъ инфантеріи; а въ 1844 и 1845 годахъ, принялъ начальство надъ войсками въ Дагестанѣ и участвовалъ въ нѣсколькихъ экспедиціяхъ. Въ 1848 году, былъ назначенъ командующимъ войсками занявшими Дунайскія Княжества, а въ 1849 году принялъ блистательное участіе въ усмиреніи Венгріи. Дѣйствія Лидерса, съ частью 5-го корпуса, въ Трансильваніи, по всей справедливости, должны быть признаны образцовыми. За этотъ славный походъ, онъ былъ награжденъ званіемъ генералъ-адъютанта, орденомъ Св. Георгія

2-й степени и Высочайшимъ рескриптомъ, въ которомъ дѣйствія войскъ 5-го пѣхотнаго корпуса были названы геройскими. Императоръ Австрійскій пожаловалъ Лидерсу орденъ Маріи Терезіи 2-й степени и Леопольда 1-й степени. Въ 1853 году, когда наступила тяжелая година для Россіи — година Восточной войны—графу Лидерсу было 57 лѣтъ ([10]).

Въ 1853 и 1854 годахъ, театромъ войны въ Европейской Турціи почти исключительно служили Дунайскія Княжества, (Молдавія и Валахія) и восточная часть Булгаріи. Значительная часть Молдавіи покрыта второстепенными горными хребтами, отдѣляющимися въ юго-восточномъ направленіи отъ Карпатовъ: одинъ изъ нихъ покрываетъ своими отрогами пространство между рѣками Прутомъ и Серетомъ, а другой развѣтвляется между притоками Серета, упираясь крутыми склонами въ эту рѣку. Рѣка Серетъ, текущая по Молдавіи съ сѣвера на югъ, дѣлитъ эту страну на двѣ полосы, совершенно различныя по своему мѣстному характеру.

Пространство, лежащее къ востоку отъ Серета, подраздѣляется горною грядою, идущею отъ запада на юговостокъ и примыкающею къ хребту, который окаймляетъ рѣку Серетъ, на двѣ части: та, которая находится къ сѣверу, пользуется умѣреннымъ климатомъ, весьма плодородна, и хотя горы тамъ вообще доступны, однакоже край изрѣзанъ въ различныхъ направленіяхъ множествомъ крутоберегихъ рѣчекъ и овраговъ Напротивъ того, страна по южную сторону хребта имѣетъ климатъ болѣе теплый и не уступаетъ въ плодородіи сѣверной части, но при недостаткѣ дождей и сильномъ знoѣ иногда лишается всякой растительности. Отъ хребта, окаймляющаго рѣку Серетъ, и отъ примыкающей къ нему гряды отходятъ многія второстепенныя высо-

ты, которыя, постепенно понижаясь къ югу, оканчиваются равниною между Текучемъ и Галацомъ. Эти высоты пологи, мѣстами обработаны, но ихъ вершины, а частью также скаты и долины, покрыты лѣсомъ. Рѣки этого пространства имѣютъ берега низкіе, мѣстами болотистые, теченіе медленное, ложе илистое, вязкое, и содержатъ воду негодную къ употребленію для питья.

По правой-же сторонѣ Серета, отроги Карпатовъ простираются между притоками этой рѣки. Достигая въ сосѣдствѣ главнаго хребта высоты 7,000 футовъ, эти горы, скалистыя и покрытыя дремучими лѣсами, постепенно понижаются и наконецъ образуютъ обширныя плато (нагорныя равнины), господствующія надъ долиною Серета. Рѣки, или—лучше сказать—горные потоки этого пространства, имѣютъ теченіе чрезвычайно быстрое, отъ дождей вдругъ наполняются, прерывая внезапно сообщеніе, а потомъ мелѣютъ стольже неожиданно.

Рѣка Прутъ, которой нижняя часть отдѣляетъ Молдавію отъ Бессарабіи, выходитъ изъ подножія одной изъ господствующихъ горъ хребта Карпатовъ. На пространствѣ выше мѣст. Рыдецца, хотя со стороны Бессарабіи берега ниже, нежели въ Молдавіи, однакоже подходятъ близко къ рѣкѣ и потому господствуютъ надъ противолежащими низменными долинами, вдоль которыхъ, въ разстояніи около версты, пролегаютъ довольно крутыя горы. Ниже Рыдеуца, берега попеременно господствуютъ одинъ надъ другимъ, образуя у сел. Стынки тѣснину, именуемую *Чортовымъ Прудомъ*. Нѣсколько выше мѣст. Скулянъ, равнина праваго берега перерѣзана многими лощинами и оврагами, кои въ ненастное время наполняются водою, что̀ можетъ затруднить устройство переправы для войскъ, но ниже

Скулянъ, до самаго устья рѣки Жижіи, этой невыгоды не существуетъ; далѣе-же, до устья Прута въ Дунай, берега рѣки вообще низки и болотисты, и въ особенности правый. Въ нижней части Прута, по причинѣ обширныхъ болотъ, немного пунктовъ удобныхъ для переправы; лучшіе изъ нихъ у Вадулуй-Исакчи и въ двухъ верстахъ выше мѣст. Рени. Ширина Прута отъ 30 до 50 сажень, а глубина отъ 5 до 20 фут., но во многихъ мѣстахъ существуютъ броды. Мосты находятся у Скулянъ и Леова, а паромы у Рыдеуца и при устьѣ рѣки, на дорогѣ изъ Рени въ Галацъ.

Въ Молдавіи много большихъ и малыхъ дорогъ, довольно удобныхъ для слѣдованія войскъ. Шоссе, которыхъ въ 1853 году было немного, почтовые тракты и вообще лучшія дороги почти вездѣ слѣдуютъ направленію рѣчныхъ долинъ, а какъ рѣки текутъ, большею частью, съ сѣвера на югъ, или съ сѣверо-запада на юго-востокъ, то продольные пути удобнѣе, нежели поперечные, и въ особенности весною, либо послѣ проливныхъ дождей.

Валахія, за исключеніемъ границы съ Молдавіею, простирающейся около 125-ти верстъ, окружена со всѣхъ прочихъ сторонъ естественными предѣлами: на сѣверѣ она отдѣляется отъ австрійскихъ владѣній (небольшой части Баната и Трансильваніи), непроходимыми Карпатами, чрезъ которые ведутъ лишь немногіе узкіе проходы: чрезъ тѣснину у села Вырчарова; черезъ гору Вулканъ; черезъ тѣснину Ротентурмъ, въ бассейнъ рѣки Алуты, и тѣснины Терцбургскую, Темешскую и Бозаескую, чрезъ которыя пролегаютъ пути изъ Кронштадта въ Валахію; на всемъ-же остальномъ пространствѣ, Валахія отдѣлена Дунаемъ: съ запада—отъ Сербіи, а съ юга и востока—отъ Булгаріи. Западная часть Ва-

лахіи (Малая Валахія) болѣе гориста, нежели восточная.

Булгарія представляетъ плоскость, болѣе возвышенную, нежели придунайскія равнины Молдавіи и Валахіи. Восточная часть Булгаріи (Бабадагская область), между Дунаемъ, Чернымъ моремъ и Траяновымъ валомъ, идущимъ отъ Черноводъ къ Кюстенджи, на сѣверѣ гориста и покрыта лѣсами и озерами, а по мѣрѣ приближенія къ югу обращает ся въ волнистую равнину, покрытую болотами и имѣющую песчаный грунтъ; эта южная часть (Добруджа) совершенно лишена растительности и проточной воды и очень мало населена. Страна, лежащая къ югу отъ Траянова вала до Базарджика, еще болѣе бѣдна и пустынна.

Дунай прикрываетъ предѣлы Валахіи отъ Орсовы до Галаца, на протяженіи около 700 верстъ.

Отъ господствующихъ вершинъ Трансильванскаго хребта, Парангу и Осло, достигающихъ высоты около 8,500 футовъ, берутъ начало многіе отроги, кои, постепенно понижаясь, наполняютъ своими вѣтвями сѣверо-западную часть Княжества, до черты идущей отъ Краіова чрезъ Плоешти къ Фокшанамъ.—Главный городъ Валахіи Букарестъ лежитъ 255 фут. выше уровня моря. Далѣе-же къ югу и востоку отъ помянутой черты, страна совершенно открыта, и лишь изрѣдка встрѣчаются волнообразныя мѣстности.

Рѣка Дунай не только образуетъ для Валахіи прочную границу, на значительномъ протяженіи, но и судоходный путь для произведеній страны. Хотя значеніе Дуная, въ отношеніи къ защитѣ Княжествъ противъ Турціи, въ настояще время ослаблено уничтоженіемъ крѣпостей на лѣвой сторонѣ рѣки, однакоже она можетъ считаться весьма важною оборо-

нительною линіей для Валахіи, какъ по значительной ширинѣ, такъ и по быстротѣ своей. Скорость теченія Дуная простирается у Новой Орсовы до 4-хъ футъ вь секунду, или болѣе 4-хъ верстъ въ часъ, а нѣсколько ниже этого пункта, у такъ называемыхъ Желѣзныхъ Воротъ, въ полтора раза болѣе; средняя-же скорость теченія въ нижнемъ бассейнѣ Дуная болѣе 4-хъ футъ въ секунду. Причина тому, при маломъ паденіи Дуная, заключается въ напорѣ множества притоковъ этой рѣки, которые всѣ, выходя изъ высокихъ горъ, стремятся съ необычайною быстротою. Глубина Дуная въ нижнемъ бассейнѣ, огибающемъ Валахію, измѣняется отъ десяти до ста футовъ. Прибыль воды въ Дунаѣ бываетъ ежегодно два раза: 1) весною, отъ таянія снѣговъ и льдовъ на притокахъ рѣки и отъ весеннихъ дождей, вода подымается до такой высоты, что часто, выходитъ изъ береговъ, и затопляя большую часть острововъ и низменную валахскую сторону, прекращаетъ до половины лѣта сообщеніе по лѣвому берегу; впослѣдствіи-же затопленныя пространства, отъ лѣтнихъ жаровъ, обращаются въ стоячія воды, испаренія коихъ пораждаютъ частыя лихорадки между прибрежными жителями. 2) Въ іюлѣ и августѣ, бываетъ вторично прибыль воды отъ таянія снѣговъ на высокихъ горахъ, откуда берутъ начало притоки Дуная, и хотя эта прибыль не столь значительна, какъ весенняя, однакоже дозволяетъ проходить небольшимъ судамъ чрезъ пороги у Желѣзныхъ Воротъ.

Переправы черезъ Дунай въ бродъ бываютъ возможны только при чрезвычайной засухѣ, иногда продолжающейся все лѣто, какъ наприм. случилось въ 1834-мъ году, когда открылись броды у Желѣзныхъ Воротъ, у Калафата и въ другихъ мѣстахъ. Но вообще можно переправляться черезъ Дунай только

по мостамъ, либо на лодкахъ и паромахъ. До войны 1828—1829 годовъ, Турки, имѣя крѣпости на лѣвомъ берегу, служившія тет-де-понами крѣпостямъ праваго берега, владѣли обезпеченными переправами: у Видина противъ Калафата, у Рущука противъ Журжи, у Браилова и проч. Въ настоящее-же время, наступающій со стороны Турціи можетъ пользоваться свойствами праваго берега, почти вездѣ господствующаго надъ лѣвымъ, и множествомъ острововъ, облегчающихъ устройство мостовъ и могущихъ прикрывать плаваніе судовъ по правымъ, ближайшимъ къ турецкому берегу, рукавамъ Дуная. Сооруженіе мостовъ и переправа значительныхъ силъ у Видина, крѣпости заботливо содержимой Турками въ хорошемъ состояніи, облегчаются островомъ Маре, лежащимъ между Видиномъ и Калафатомъ. На протяженіи отъ Калафата до устья рѣки Жіо, по лѣвому берегу Дуная, простирается равнина, олаймленная рядомъ сплошныхъ холмовъ, въ разстояніи нѣсколькихъ верстъ отъ берега; эта мѣстность способствуетъ нечаяннымъ нападеніямъ съ правой стороны Дуная, къ чему въ особенности подаетъ средства турецкая крѣпость Рахова, лежащая противъ устья рѣки Жіо. Далѣе, внизъ по теченію Дуная — на пространствѣ до устья Ольты, удобнѣйшій пунктъ для переправы есть сел. Челеи, противъ устья рѣки Искера. На пространствѣ-же отъ Ольты до Калараша противъ Силистріи, лѣвый берегъ состоитъ изъ болотистыхъ плавней, изрѣзанныхъ канавами, и большею частью непроходимъ, за исключеніемъ зимы, когда замерзаютъ болота, и знойнаго лѣта, когда они совершенно пересыхаютъ. Находящіяся на турецкомъ берегу крѣпости Никополь и Рущукъ потеряли свое наступательное значеніе противъ Валахіи, первая—съ разрушеніемъ мостовыхъ укрѣпленій Кале и Турно, а

вторая, важнѣйшая послѣ Видина турецкая крѣпость на Дунаѣ—по уничтоженіи своего мостоваго укрѣпленія Журжи. Туртукай, небольшой открытый городъ противъ устья Аржиса, гдѣ островъ, длиною три версты, дѣлитъ русло Дуная на два рукава, шириною одинъ 80, а другой 250 саж. представляетъ выгоды для устройства моста, но только въ лѣтнее время, весною-же при разлитіи водъ лѣвый берегъ совершенно недоступенъ. Сооруженіе моста у Силистріи, противъ самой крѣпости, нѣсколько облегчается тѣмъ, что ширина единственнаго рукава рѣки не болѣе 360-ти саж. Но здѣсь теченіе весьма быстро, и къ тому-же, по причинѣ отмелей, нельзя употребить, для постройки моста, ни обыкновенныхъ понтоновъ, ни лодокъ съ килями, а необходимо имѣть въ большомъ числѣ плоскодонныя барки. Переправа въ пяти верстахъ ниже крѣпости, противъ мѣст. Калараша, гдѣ нужно устроить два моста черезъ рукава Дуная и третій черезъ рѣку Борчу, еще болѣе затруднительна. Рѣка или рукавъ Борча, отдѣлясь отъ Дуная нѣсколько ниже Силистріи, снова соединяется съ нимъ близъ устья Яломицы, образуя пространство шириною отъ 10-ти до 12-ти верстъ, называемое островами Борчи. Крутыя высоты, окаймляющія лѣвый берегъ рукава, затрудняютъ переправу; но въ промежуткѣ между устьями Борчи и Яломицы высоты гораздо отложе, и потому у сел. Гура — Яломицы имѣется постоянное сообщеніе съ правымъ берегомъ. Ширина Дуная здѣсь не болѣе 350-ти саж. Но наступающій съ праваго берега, переправясь черезъ Дунай, долженъ потомъ перейти Яломицу по мосту на баркахъ. Остальная часть Дуная, до самаго устья, представляетъ важныя затрудненія для устройства мостовъ и для переправы значительныхъ силъ, по болотистому свойству лѣваго берега, исключая про-

странства въ пять верстъ длиною у Браилова. — Вообще-же лѣвый берегъ Дуная большею частью низмененъ и мало доступенъ, а правый возвышенъ и доступенъ почти на всемъ протяженіи своемъ. Тамъже гдѣ лѣвый берегъ наиболѣе доступенъ, устроены на правомъ берегу крѣпости: Видинъ, Рахова, Никополь, Рущукъ и Силистрія и укрѣплены города и селенія: Систовъ, Туртукай, Гирсово, Мачинъ, Исакча и Тульча: такимъ образомъ Дунай представляетъ для Турокъ превосходную оборонительную линію.

Главные притоки Дуная въ Валахіи: *Жіо, Ольта*, служащая границею между Большою и Малою Валахіями, *Арджисъ*, впадающій въ Дунай противъ Туртукая, и *Яломица*: всѣ эти рѣки, въ верховьяхъ своихъ, быстры, мелки и по временамъ внезапно наполняются и выходятъ изъ береговъ, а въ нижней части теченія судоходны и большею частью болотисты.

Дороги въ Валахіи такія-же, какія существуютъ и въ Молдавіи, именно: во 1-хъ, продольныя дороги въ горахъ, изъ коихъ нѣтъ ни одной, которая, на всемъ своемъ протяженіи, была-бы удобна для движенія войскъ, и въ особенности для артиллеріи и обозовъ; во 2-хъ, дороги поперечныя, ведущія въ горахъ изъ одной долины въ другую, весьма неудобныя, и въ 3-хъ, дороги, пролегающія въ низменной части Валахіи, кои можно подраздѣлить на почтовыя и просёлочныя: первыя содержатся въ исправности; просёлочныя-же никогда не исправляются и бываютъ удобны только лѣтомъ, весною-же и осенью, и во обще въ ненастное время, чрезвычайно дурны.

Изъ всего сказаннаго очевидно, что для обороны Дунайскихъ Княжествъ противъ Турокъ всего выгоднѣе расположить главныя силы въ центральныхъ пунктахъ и узлахъ главныхъ дорогъ, Букарестѣ и

Краіовѣ, наблюдая летучими отрядами удобнѣйшія мѣста переправы черезъ Дунай, именно: Калафатъ, Челеи, Журжу, Ольтеницу, Каларашъ, Гура-Яломицу и Браиловъ.

Климатъ въ Княжествахъ умѣренъ, но близость Чернаго моря и Карпатовъ имѣетъ вліяніе на погоду. Зима обыкновенно устанавливается въ декабрѣ и продолжается, большею частью, только до половины февраля; но въ январѣ и февралѣ морозы иногда доходятъ до 18° по Реомюру; а въ іюлѣ и августѣ бываютъ жары до 30°. Господствующія болѣзни — лихорадки и завалы печени.

Почва земли вообще плодородна, и особенно въ Валахіи, но земледѣліе находится въ первобытномъ состояніи; въ удобреніи-же полей, по небольшому относительно населенію страны, (менѣе 2.000 душъ на квадр. милю), жители доселѣ не чувствовали надобности. Болѣе всего сѣютъ пшеницы и кукурузы: первая родится въ Молдавіи самъ 10 и самъ 15, а въ Валахіи иногда самъ 20, вторая-же въ Валахіи иногда даетъ самъ 100 и болѣе. Въ 1852-мъ году вывезено изъ обоихъ Княжествъ за границу болѣе милліона четвертей пшеницы и изъ Валахіи 1.200,000 четвертей кукурузы. Не смотря однакоже на такое изобиліе хлѣба, продовольствованіе нашихъ войскъ, въ слѣдующемъ году, затруднялось: во 1-хъ, недостаткомъ мельницъ, въ которыхъ мало нуждаются жители, имѣющіе почти въ каждой избѣ ручные жернова, для перемалыванія кукурузы; во 2-хъ, туземные помѣщики запрещали своимъ мызникамъ продажу провіанта, съ тою цѣлью, чтобы возвысить его цѣну и извлечь изъ своихъ запасовъ большую выгоду. Виноградъ растетъ въ изобиліи, но плохо содержится, и потому вино посредственно.

Недостатокъ въ лѣсѣ заставляетъ жителей упо

треблять на топливо сухой камышъ и бурьянъ, а по затрудненію доставать матеріалы для постройки биваковъ, войска должны возить за собою палатки. Вода въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ встрѣчается рѣдко и въ недостаточномъ количествѣ, что иногда принуждало насъ дѣлать переходы въ сорокъ и болѣе верстъ.

Милиція въ Княжествахъ устроена по образу регулярныхъ войскъ. Въ 1852 году, она состояла: въ Молдавіи изъ 2-хъ баталіоновъ пѣхоты, одного эскадрона уланъ, одной батареи, въ 6 орудій, и брандвахты на Дунаѣ, а въ Валахіи — изъ трехъ пѣхотныхъ полковъ, каждый въ 2 баталіона, одного дивизіона уланъ, одной батареи, въ 8 орудій, и брандвахты. Молдавская милиція находилась въ числѣ до 2-хъ тысячъ, а валахская до 6-ти тысячъ человѣкъ. Полицейскія обязанности исполнялись драбантами (дарабанцами). Для содержанія-же кордона по Дунаю, а такъ-же по линіи Карпатовъ и по молдавской границѣ, жители пограничныхъ валахскихъ селеній выставляли отъ каждыхъ ста двадцати семействъ по одному пикету, состоявшему на Дунаѣ изъ 22-хъ, у Карпатовъ изъ 14-ти и на границѣ Молдавіи изъ 7-ми человѣкъ. Эти люди (граничары) были отъ двадцати до сорока-лѣтняго возраста ([11]).

Для продовольствія русской арміи, направленной въ Дунайскія Княжества, былъ заготовленъ двадцати-дневный запасъ сухарей, крупъ, вина, перца, уксусу и порціоннаго скота, въ Леовѣ на 30 тыс. и въ Кишиневѣ на 70 тыс. человѣкъ, и сверхъ того свезено въ Кишиневъ 35 тыс. четвертей муки съ соразмѣрнымъ количествомъ крупъ, что составляло двухъ-мѣсячный запасъ провіанта на 70 тыс. чел.

Какъ, еще во время пребыванія князя Горчакова въ Варшавѣ, предположено было нашимъ войскамъ перейти Прутъ въ Леовѣ и Скулянахъ, то, по неимѣнію въ послѣднемъ пунктѣ никакихъ провіантскихъ запасовъ, главнокомандующій дѣйствующею арміей графъ Паскевичъ приказалъ двинуть туда изъ каменецъ—подольскихъ магазиновъ 16 тыс. четвертей муки съ пропорціею крупъ, что̀ составляло двухъмѣсячный запасъ провіанта на 32 тыс. человѣкъ, Такимъ образомъ на базисѣ было заготовлено запасовъ для войскъ почти на три мѣсяца. Прочія-же всѣ средства, по Высочайшей волѣ Императора, должны были получаться отъ жителей, съ уплатою имъ денегъ, либо заготовляться на счетъ смѣтныхъ армейскихъ суммъ.

Для подвижнаго магазина назначено собрать отъ бессарабскихъ жителей 4,880 крестьянскихъ парововоловыхъ подводъ, съ уплатою за каждую, для продовольствія подводчиковъ и воловъ и для починки повозокъ, по 60 коп. въ сутки. Этотъ магазинъ, раздѣленный на 4 полубригады, каждая въ 4 роты, подъ командою строевыхъ офицеровъ, могъ поднять мѣсячную потребность провіанта и винныхъ порцій на 70 тыс. человѣкъ.

Военно-временные госпитали, всего на 4,800 больныхъ, были учреждены въ Кишиневѣ, Леовѣ и потомъ въ Скулянахъ.

По прибытіи князя Горчакова въ Кишиневъ, разосланы правила о продовольствіи войскъ въ Княжествахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по сношенію нашихъ консуловъ съ правительствами обоихъ Княжествъ, установлены постоянныя цѣны на жизненные припасы, а такъ-же за продовольствіе нижнихъ чиновъ на квартирахъ у жителей, за пастбищныя мѣста и обывательскія подводы поставляемыя по наряду.

Опредѣлено платить за пароволовую подводу: въ Молдавіи, отъ одного ночлега до другаго, 60 копѣекъ, а въ Валахіи, за разстояніе между почтовыми станціями, отъ 20-ти до 30-ти верстъ, 42 копѣйки. Войскамъ объявленъ тарифъ заграничнаго продовольствія и таблица мѣръ, вѣсовъ и монетъ въ Княжествахъ сравнительно съ нашими. Во всѣ части войскъ разосланы печатныя бланки квитанцій, для выдачи за припасы получаемые отъ земли, съ тѣмъ, чтобы уплата по нимъ денегъ производилась отъ Интендантства по представленіи квитанцій.

Съ правительствами Княжествъ сдѣлано сношеніе, чтобы по пути слѣдованія нашихъ войскъ къ Букаресту, на каждомъ ночлегѣ, и сверхъ того въ Галацѣ и Браиловѣ, было свезено отъ земли: муки, крупъ, ячменя, сѣна, соломы и дровъ столько, чтобы войска могли пополнить израсходованные въ походѣ запасы, а въ случаѣ нужды и печь хлѣбъ. Въ Букарестѣ приказано изготовить запасъ сухарей; мясныя-же и винныя порціи предоставлено войскамъ покупать самимъ по опредѣленнымъ цѣнамъ.

Чтобы войска, при движеніи къ Букаресту, не были принуждены останавливаться для печенія хлѣба, сдѣланы слѣдующія распоряженія: во 1-хъ, на время этого движенія уменьшена дача сухарей на $^1/_3$ фунта, съ замѣною четвертью фунта мяса, и во 2-хъ, двинуты одновременно съ войсками три полубригады подвижнаго магазина, съ сухарями, крупою, виномъ и солью, которыя, выступя съ передовыми войсками изъ Леова, и опередивъ главную колонну шедшую чрезъ Скуляны, сгружали припасы частями въ Бырладѣ, Текучѣ и Фокманахъ, что доставило войскамъ возможность пополнить все израсходованное ими на маршѣ. Такимъ образомъ войска, имѣя при себѣ въ полковыхъ фурахъ только десяти-дневный запасъ

сухарей, совершили переходъ отъ Прута до Букареста, нигдѣ не останавливаясь для хлѣбопеченія.

По занятіи Княжествъ нашими войсками, немедленно открыты въ Яссахъ, Бырладѣ, Галацѣ, Браиловѣ, Текучѣ, Фокшанахъ и Бузео, провіантскіе магазины, кои наполнялись отчасти подвозомъ припасовъ на подвижномъ магазинѣ изъ Бессарабіи. Но какъ армія, сосредоточившись въ окрестностяхъ Букареста, отдалилась отъ базиса на разстояніе болѣе трехъ сотъ верстъ, и нужно было не менѣе 44 дней, чтобы пройти это пространство въ два конца, (т. е. съ припасами и потомъ обратно порожнякомъ для нагрузки), то войска не могли довольствоваться подвозомъ припасовъ изъ Леова, и приходилось пользоваться средствами края. По прибытіи въ Букарестъ, войска расположились на тѣсныхъ квартирахъ и стали получать установленную дачу провіанта сполна. Первые три мѣсяца, мука, крупа и дрова доставлялись отъ земли прямо въ войска подъ квитанціи, а фуражъ, вино, соль, уксусъ и перецъ покупались по утвержденнымъ цѣнамъ. Но уже съ самаго начала реквизицій обнаружилось между жителями неудовольствіе на эту мѣру, которая такъ же была признана обременительною для края въ запискѣ, поданной князю Горчакову господаремъ валахскимъ княземъ Стирбеемъ. Какъ доставленіе запасовъ изъ Бессарабіи въ Букарестъ, на обывательскихъ подводахъ, по вольнымъ цѣнамъ, обошлось бы весьма дорого, то рѣшено обратиться къ средствамъ Княжествъ, но не реквизиціоннымъ способомъ, а заготовляя запасы посредствомъ торговъ въ департаментахъ внутреннихъ дѣлъ обоихъ Княжествъ. По неопредѣленности времени, какое войска наши могли оставаться въ Княжествахъ, первоначальное заготовленіе по подряду было сдѣлано только на два мѣсяца, съ 1-го

октября по 1-е декабря 1853 года. Торги были объявлены въ Букарестѣ на 46 тысячъ четвертей и въ Яссахъ на 4 тыс. четвертей муки. Но какъ условія, предложенныя валахскими купцами, были невыгодны для казны, то обѣ поставки отданы подрядчикамъ, прибывшимъ изъ Россіи.

Вмѣстѣ съ нашими передовыми войсками вступили въ Княжества госпитальные кадры, которые открыли госпитали, еще до прибытія главныхъ силъ, въ Бырладѣ, Бакеу, Фокшанахъ и Бузео, такъ что войска находили вездѣ готовыя помѣщенія для больныхъ. Въ Яссахъ войска оставляли больныхъ для пользованія въ городской больницѣ, при чемъ было условлено платить молдавскому правительству за каждаго изъ больныхъ ту сумму, въ которую обходилось его содержаніе въ больницѣ тамошней казнѣ. Первоначальное довольствіе больныхъ въ госпиталяхъ, открытыхъ въ Княжествахъ, производилось коммисіонерскимъ способомъ, по мѣстнымъ цѣнамъ; по прибытіи-же главной квартиры въ Букарестъ, продовольствіе госпиталей отдано съ публичныхъ торговъ подрядчикамъ, по опредѣленнымъ цѣнамъ, съ обез печеніемъ поставокъ залогами ([12]).

Занятіе Дунайскихъ Княжествъ русскими войсками было принято на Западѣ Европы въ видѣ „обычнаго постояннаго посягательства Россіи на цѣлость владѣній Оттоманской Порты", не смотря на то, что подобныя мѣры неоднократно были принимаемы въ прежнія времена другими державами. Такъ, напримѣръ въ войну за независимость Греціи, французскія войска заняли Морею, а союзный флотъ трехъ державъ истребилъ морскія силы Турціи, хотя ни одна изъ нихъ не была въ войнѣ съ Портою. Въ 1830 году, Франція и Англія остановили законныя усилія Короля Голландскаго, и послѣдствіемъ

того было отложеніе Бельгіи ([13]). Со стороны Австріи, и тѣмъ болѣе Пруссіи—являлось намѣреніе прекратить несогласія, возникшія между Россіею и Турціею, общимъ посредничествомъ великихъ державъ Европы. Напротивъ того, Наполеонъ III, желавшій заглушить громомъ побѣдъ на Востокѣ воспоминанія канонады парижскихъ бульваровъ, возвѣстившей его владычество надъ Франціей, искалъ случая возжечь войну. Не смотря на то, что министерство лорда Эбердина повидимому старалось сохранить мирныя сношенія Великобританіи съ Россіею, Наполеонъ надѣялся— и послѣдствія оправдали его дальновидность — что англійскій посолъ въ Константинополѣ Стратфордъ—Редклифъ, издавна дышавшій ненавистью къ Россіи. сдѣлаетъ все возможное, чтобы раздражитъ общественное мнѣніе въ Англіи. Еще въ началѣ іюля, по его настоянію, былъ собранъ въ Константинополѣ совѣтъ, для разсмотрѣнія несогласій Порты съ Россіей. Это собраніе, подъ вліяніемъ Мехмедъ-Али, зятя Султана, въ то время всесильнаго въ Турціи и вполнѣ преданнаго старымъ началамъ исламизма. возбудило фанатизмъ улемовъ и софтовъ, а чрезъ нихъ и общественное мнѣніе невѣжественнаго народа. 2-го (14) іюля, Порта отвѣчала на занятіе русскими войсками Дунайскихъ Княжествъ протестомъ, обращеннымъ къ державамъ готовымъ ратовать за неприкосновенность турецкихъ владѣній. Слѣдствіемъ того была конференція въ Вѣнѣ уполномоченныхъ четырехъ державъ, Англіи, Франціи. Австріи и Пруссіи, на которой, послѣ многихъ совѣщаній, былъ принятъ проектъ ноты, составленной французскимъ кабинетомъ, съ незначительными измѣненіями, сдѣланными австрійскимъ министромъ. 20-го іюля (1 августа) вѣнская нота была отправлена въ Петербургъ и вслѣдъ затѣмъ принята безу-

словно нашимъ Государемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Императоръ Николай изъявилъ согласіе на пріѣздъ въ Петербургъ турецкаго посланника. Казалось—европейской дипломатіи удалось отклонить грозу общей войны, висѣвшую надъ Востокомъ. Но, между тѣмъ, сѣмена раздора, посѣянныя Редклифомъ, принесли пагубную жатву. На совѣтѣ министровъ Порты, въ началѣ (въ половинѣ) августа, было рѣшено отвергнуть вѣнскую ноту. Турецкое правительство предложило сдѣлать въ ней такія измѣненія, какихъ наше правительство не могло допустить безъ явнаго нарушенія своего достоинства. Такъ наприм. слова: „Султанъ пребудетъ вѣрнымъ буквальному смыслу и духу условій Кайнарджискаго и Адріанопольскаго трактатовъ, относящихся къ покровительству христіанскаго богослуженія" замѣнены слѣдующими: „Султанъ пребудетъ вѣрнымъ условіямъ Кайнарджискаго трактата, подтвержденнаго Адріанопольскимъ, относящимся къ покровительству Блистательною Портою христіанской религіи". Далѣе—вмѣсто словъ: „дать участіе греческому вѣроисповѣданію во всѣхъ правахъ, коими пользуются прочія христіанскія исповѣданія, на основаніи особыхъ условій, либо распоряженій" —было сказано: „дать участіе греческому вѣроисповѣданію во всѣхъ правахъ, кои дарованы, либо даруются прочимъ христіанскимъ общинамъ, подданнымъ Оттоманской Порты". Получивъ отзывъ турецкаго правительства, вѣнская конференція сообщила нашему Государю измѣненія въ нотѣ, сдѣланныя въ Константинополѣ, при чемъ выразила мнѣніе, будтобы они такъ неважны, что нисколько не измѣняютъ существа дѣла. Но Императоръ Николай не раздѣлялъ этого убѣжденія, потому что, принявъ безусловно ноту составленную министрами четырехъ державъ, не могъ допустить, чтобы Порта

позволила себѣ дѣлать произвольныя поправки въ документѣ, утвержденномъ великими державами (14). Настойчивость нашего правительства на принятіе безъ измѣненій вѣнской ноты поселила подозрѣніе въ совѣтѣ западныхъ дипломатовъ и придала въ ихъ глазахъ особенную важность требованіямъ Россіи. Парижскій и лондонскій кабинеты, отрекшись отъ одобренной ими самими ноты, признали справедливыми измѣненія въ ней сдѣланныя Портою. Такимъ образомъ – вмѣсто посредничества четырехъ великихъ державъ, имѣвшаго — цѣлью соглашеніе Россіи съ Турціею, образовался союзъ Великобританіи съ Франціею въ защиту Турціи противъ Россіи. 9-го (21) сентября, Императоръ Наполеонъ, получивъ телеграфическую депешу о народномъ волненіи въ Константинополѣ, предложилъ великобританскому правительству перевести въ Босфоръ англо-французскій флотъ, стоявшій въ заливѣ Бешикѣ. Пять дней спустя, 14-го (26), на чрезвычайномъ совѣтѣ дивана, составленномъ изъ 172 членовъ, рѣшено объявить войну Россіи. Главнокомандующій турецкою арміей, собиравшеюся въ Булгаріи, Омеръ-паша получилъ приказаніе—потребовать отъ русскаго главнокомандующаго, чтобы онъ очистилъ Княжества въ продолженіи двухъ недѣль, и въ случаѣ отказа въ томъ, открыть военныя дѣйствія.

Императоръ Николай, въ надеждѣ противопоставить союзу Западныхъ державъ многолѣтній союзъ Россіи съ германскими державами, отправился, въ сентябрѣ 1853 года, для свиданія съ Императоромъ Францомъ Іосифомъ, на маневры въ Ольмюцъ. Графы Нессельродъ и Буоль сопровождали Государей. Послѣдствіемъ совѣщаній Монарховъ и министровъ ихъ была сообщенная австрійскимъ правительствомъ тремъ державамъ, Франціи, Англіи и

Пруссіи, нота, на основаніи которой иностранные резиденты въ Константинополѣ должны были сообщить Портѣ, что дворы ихъ убѣдились личнымъ увѣреніемъ Россійскаго Императора въ томъ, что принятіе безъ измѣненій вѣнской ноты не оскорбляетъ достоинства Порты, что Императоръ Николай не желаетъ ничего нарушающаго права Султана, и что изъ его требованій нельзя вывести никакого вмѣшательства во внутреннія дѣла Турціи ([15]).

Вслѣдъ за тѣмъ, Императоръ Австрійскій и Король Прусскій посѣтили нашего Государя въ Варшавѣ, а Императоръ Николай, нѣсколько дней спустя, поѣхалъ въ Санъ-Суси. Императоръ Францъ-Іосифъ изъявилъ намѣреніе соблюдать строжайшій неутралитетъ ([16]). Берлинскій кабинетъ уклонился отъ подписанія ольмюцской ноты, а Западныя державы отвѣчали рѣшительнымъ отказомъ, и, вскорѣ послѣ того, 8-го (20) октября, французскій и англійскій резиденты въ Константинополѣ, на основаніи полученныхъ ими инструкцій, предписали стоявшему въ заливѣ Бешикѣ флоту прибыть въ Босфоръ, что̀ и было исполнено 27-го октября (8 ноября) 1853 г. Эта демонстрація поставила обѣ Западныя державы въ непріязненныя отношенія къ Россіи. Пруссія и Австрія, напротивъ того, ограничивались посредничествомъ между Россіею и Портою съ ея союзниками; но самое признаніе германскими дворами основаній, принятыхъ Англіею и Франціею въ Восточномъ вопросѣ, невольно отклонило берлинскій и вѣнскій кабинеты отъ ихъ цѣли—умиротворенія Европы. Неумѣстная уступчивость повела обѣ державы къ участію въ протоколѣ 5-го декабря н. ст. коимъ было постановлено: обратиться къ Турціи сообща отъ четырехъ державъ, Австріи, Франціи, Великобританіи и Пруссіи, съ изъявленіемъ желанія возстановить

миръ и съ требованіемъ извѣстить, на какихъ условіяхъ правительство Оттоманской Порты согласно вести переговоры ([17]).

Такой документъ давалъ Портѣ право предрѣшить важный европейскій вопросъ, прямо касавшійся Россіи. Тѣмъ не менѣе однако-же вѣнскій кабинетъ домогался, чтобы мы вошли въ соглашеніе съ Турками на основаніи помянутаго протокола, сообщая намъ, что Наполеонъ III угрожалъ Австріи вмѣшательствомъ въ дѣла Италіи, и что, въ случаѣ нашего отказа на предложеніе четырехъ державъ, австрійское правительство будетъ принуждено исключительно заботиться о собственной безопасности ([18]).

ГЛАВА V.

Открытіе военныхъ дѣйствій. Сраженіе при Ольтеницѣ,

(23-го октября (4-го ноября) 1853 г.).

Войска русской арміи, въ концѣ сентября (въ началѣ октября) 1853 г., были расположены въ окрестностяхъ Букареста, гдѣ находилась главная квартира. Число войскъ князя Горчакова въ Дунайскихъ Княжествахъ, за отдѣленіемъ большой части 15-й дивизіи на низовья Дуная и за убылью умершими и больными, простиралось до 55 тыс. человѣкъ. Для сбереженія здоровья войскъ, стоявшихъ въ передовыхъ отрядахъ, приказано было построить землянки изъ матеріаловъ, доставленныхъ отъ жителей страны; рабочіе-же со всѣми нужными инструментами наряжались отъ войскъ (1).

На основаніи полученныхъ о непріятелѣ свѣдѣній, Турки успѣли собрать, въ концѣ сентября, на правой сторонѣ Дуная, отъ 120-ти до 130-ти тысячъ человѣкъ, изъ коихъ до 30-ти тысячъ, подъ личнымъ начальствомъ Омера-паши, находились въ Шумлѣ, столько-же стояли въ Адріанополѣ, а прочіе— по теченію Дуная отъ Видина до устья рѣки (2). Но изъ этихъ войскъ не было и половины регуляр-

ныхъ (Низамъ), большая-же часть состояла изъ ополченій (Редифъ), не только выставленныхъ жителями Европейской и Азіятской Турціи, но и прибывшихъ изъ дальнихъ областей Египта и Туниса. Эти контингенты, за исключеніемъ египетскихъ войскъ, не успѣли получить никакого тактическаго образованія, а нѣкоторые изъ нихъ, какъ напр., баши-бузуки, пріобрѣли извѣстность совершеннымъ отсутствіемъ порядка и дисциплины. Регулярныя-же войска были лучше устроены и вооружены, нежели въ прежнія войны: стрѣлковые баталіоны имѣли нарѣзныя ружья, прочая пѣхота—гладкоствольныя ударныя, и только лишь въ резервахъ оставались еще кремневыя, да и тѣ постепенно замѣнялись ударными. Въ кавалерійскихъ полкахъ фланговые эскадроны были вооружены штуцерами, а прочіе пиками. Каждый корпусъ состоялъ изъ двухъ дивизій, одной пѣхотной (въ шесть полковъ) и одной кавалерійской (въ четыре полка), и одного артиллерійскаго полка. Пѣхотные полки были въ составѣ четырехъ баталіоновъ, изъ которыхъ одинъ стрѣлковый; въ баталіонѣ было четыре роты по 204 человѣка въ каждой, а кавалерійскіе въ составѣ шести эскадроновъ по 155 человѣкъ въ каждомъ. Наилучше устроенною частью арміи была артиллерія. Однимъ изъ главныхъ недостатковъ турецкой арміи было неимѣніе тактически образованныхъ офицеровъ. Европейскіе организаторы успѣли обучить по надлежащему регулярныя войска, но не могли дать имъ офицеровъ, обладающихъ военными свѣдѣніями и нравственными качествами, необходимыми для авторитета надъ ихъ подчиненными. Европейскіе офицеры, поступающіе на службу въ турецкую армію, не пользуются довѣріемъ своихъ солдатъ, которые считаютъ ихъ гяурами (не-

вѣрными) и совершенно имъ чужды по религіи, нравамъ и обычаямъ своимъ.

Главнокомандующій турецкою арміей Омеръ-паша, родомъ Кроатъ, по фамиліи Латосъ, прежде принадлежалъ къ православному исповѣданію, и опредѣлясь въ молодости въ австрійскую службу, находился на инженерныхъ работахъ въ Зарѣ. Оттуда, когда у отца его (по словамъ другихъ—у него самаго), не оказалось части казенныхъ денегъ, молодой Латосъ, не предвидя ничего утѣшительнаго для себя на родинѣ, бѣжалъ въ Боснію и сдѣлался ренегатомъ, въ 1828 году. Въ продолженіи пяти лѣтъ, онъ былъ домашнимъ учителемъ у разныхъ турецкихъ пашей, а потомъ отправился въ Константинополь и опредѣлился писцомъ въ военное министерство, гдѣ умѣньемъ искусно чертить обратилъ на себя вниманіе военнаго министра. Въ войну противъ египетскаго паши, 1839 года, Латосъ былъ уже полковникомъ и произведенъ въ генералъ-маіоры. При возстаніи Босніи и Герцеговины, въ 1851 году, онъ умѣлъ воспользоваться взаимною ненавистью магометанъ и христіанъ, подавилъ возстаніе однихъ другими, и жестоко преслѣдуя христіанъ, заставилъ цѣлыя деревни переселиться въ австрійскія владѣнія и Черногорію. Война противъ черногорцевъ была ведена имъ весьма неудачно, и вообще Омеръ-паша нигдѣ не выказалъ военныхъ способностей, отличаясь болѣе осторожностью, нежели рѣшительностью. Въ 1853 году ему было 47 лѣтъ.

Превосходство Турокъ въ числѣ войскъ подавало имъ возможность появляться неожиданно на лѣвой сторонѣ Дуная, въ различныхъ пунктахъ, и по тому съ нашей стороны нельзя было непосредственно при-

крывать отъ вторженія Турокъ занятыя нами Княжества; а было-бы выгоднѣе, расположивъ главныя силы въ одной или двухъ центральныхъ позиціяхъ, ограничиться наблюденіемъ теченія Дуная и дѣйствовать рѣшительно противъ непріятеля не прежде, какъ допустивъ его удалиться на значительное разстояніе отъ рѣки, что̀ способствовало-бы при успѣхѣ воспользоваться побѣдою: такимъ образомъ дѣйствовали, на семъ-же театрѣ войны, Суворовъ при Фокшанахъ и Рымникѣ, и Милорадовичъ у Обилешти. Въ случаѣ-же набѣговъ непріятеля небольшими партіями, можно было противодѣйствовать имъ летучими отрядами. Вмѣсто того, князь Горчаковъ, желая совершенно преградить Туркамъ доступъ на лѣвую сторону Дуная, раздробилъ свои силы на нѣсколько отрядовъ, долженствовавшихъ встрѣчать непріятеля, какъ только онъ появился-бы гдѣ-либо на лѣвомъ берегу рѣки. Командующій русскими войсками, желая, по возможности, отнять у Турокъ средства переправляться черезъ Дунай, приказалъ собрать въ озера, либо устья валахскихъ притоковъ рѣки, всѣ лодки и другіе перевозочные матеріалы. Въ инструкціи отъ 12-го октября начальнику отряда, высланнаго къ Слабодзеѣ, генералъ-адъютанту графу Анрепу-Эльмпту, было сказано: „при первой попыткѣ непріятеля переправиться черезъ Дунай, стараться атаковать его во время самой переправы“. Подобное-же приказаніе было дано стоявшему съ отрядомъ въ Малой Валахіи, генералу Фишбаху. Такимъ образомъ начальники нашихъ отрядовъ, которымъ запрещено было переходить на правую сторону Дуная, ограничивались пассивною обороною лѣваго берега и лишены были вполнѣ инпціативы дѣйствій.

Охраненіе общаго квартирнаго расположенія нашихъ войскъ, простиравшагося между рѣчкою Кыл-

ништи, впадающею въ Аржисъ противъ Гостинари, Аржисомъ до устья Дымбовицы и чертою, проведенною отъ сліянія Дымбовицы и Аржиса до Урзичени, сперва поручено было авангарду графа Анрепа, усиленному Томскимъ и Колыванскимъ егерскими полками, съ двумя батареями 10-й артиллерійской бригады. (3-й Колыванскій баталіонъ оставленъ въ Бузео, для содержанія карауловъ въ тамошнемъ военномъ госпиталѣ). Сборнымъ пунктомъ для авангарда назначенъ лагерь на нижнемъ Аржисѣ, между селеніями Колибашъ и Гостинари. Для наблюденія пространства къ сторонѣ Силистріи, поставленъ боковой отрядъ у Обилешти, въ составѣ Вознесенскаго и Ольвіопольскаго уланскихъ полковъ, съ 7-ою конно-легкою батареею и тремя сотнями донскаго № 34-го полка, подъ начальствомъ генералъ-маіора Богушевскаго; впослѣдствіи-же Обилештинскій отрядъ, усиленный Камчатскимъ егерскимъ полкомъ съ легкою № 4 батареей 11-й артиллерійской бригады, гусарскимъ Наслѣдника Цесаревича (Павлоградскимъ) полкомъ съ 8-ю конною ротою, остальными сотнями 34-го донскаго полка и тремя сотнями 9-го донскаго полка, былъ порученъ генералъ-лейтенанту графу Нироду 1-му. Нѣсколько дней спустя, князь Горчаковъ, имѣя въ виду расширить раіонъ расположенія войскъ, чтобы облегчить продовольствованіе кавалеріи, направилъ къ сторонѣ Малой Валахіи, въ городъ Руссе-де-Веде, другой боковой отрядъ, въ составѣ гусарскаго принца Фридриха Карла Прусскаго (Ахтырскаго) полка, трехъ баталіоновъ Екатеринбургскаго полка, батарейной № 1 батареи 10-й артиллерійской бригады и двухъ сотень 37-го донскаго полка.

15-го (27-го) сентября, князь Горчаковъ составилъ *передовой отдѣлъ войскъ*, подъ непосредствен-

нымъ начальствомъ командира 4-го пѣхотнаго корпуса, генерала Данненберга, поручивъ ему охраненіе Дуная отъ рѣки Веде до монастыря Карницели близъ озера Мостище. *Авангардъ* этихъ войскъ, въ составѣ Томскаго егерскаго полка и трехъ баталіоновъ Колыванскаго егерскаго полка, съ двумя пѣшими батареями 10-й артиллерійской бригады и казачьимъ № 40 полкомъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Соймонова, сталъ у Одая (Дая), противъ Журжи. Для охраненія общаго расположенія войскъ *съ праваго фланга*, былъ расположенъ къ сторонѣ Малой Валахіи, у Руссе-де-Веде, отрядъ генералъ-лейтенанта Фишбаха, въ составѣ трехъ баталіоновъ Екатеринбургскаго полка, Тобольскаго полка, гусарскихъ полковъ принца Фридриха-Карла Прусскаго (Ахтырскаго) и князя Варшавскаго (Александрійскаго), батарейной и легкой батарей № 1 10-й артиллерійской бригады, конно-легкой батареи № 10, донскаго казачьяго полка № 38 и трехъ сотень полка № 37.

28 сентября (10 октября) князь Горчаковъ, поручивъ команду надъ всею кавалеріею, собранною въ окрестностяхъ Букареста, графу Нироду, назначилъ генералъ-маіора Павлова начальникомъ *лѣваго отряда*, который, послѣ нѣсколькихъ перемѣщеній войскъ, былъ расположенъ, 20 октября (1 ноября), слѣдующимъ образомъ: штабъ отряда, Селенгинскій полкъ, съ батарейною № 3 батареей 11-й артиллерійской бригады, и Ольвіопольскій уланскій полкъ, съ двумя орудіями донской № 9 батареи. стояли у Будешти, въ 18-ти верстахъ отъ сел. Новой Ольтеницы; Якутскій пѣхотный полкъ, съ легкою № 5 батареей 11-й-же бригады — при корпусномъ штабѣ, въ сел. Добрени, въ 20-ти верстахъ отъ Будешти; подполковникъ Власовъ, съ тремя сотнями своего

34-го донскаго казачьяго полка, находясь въ Ольтеницѣ, наблюдалъ пространство болѣе 60-ти верстъ по Дунаю, отъ озера Гряка до монастыря Карницели ([3]).

Между тѣмъ, еще 27 сентября (9 октября), князь Горчаковъ получилъ отъ Омера-паши письмо, въ которомъ турецкій главнокомандующій приглашалъ его очистить Дунайскія Княжества, предупреждая, что если чрезъ 15 дней не будетъ дано удовлетворительнаго отвѣта, то со стороны Турціи послѣдуетъ открытіе военныхъ дѣйствій.

Князь Горчаковъ отвѣчалъ, что онъ не уполномоченъ вести переговоры ни о мирѣ, ни о войнѣ, ни о выводѣ изъ Княжествъ русскихъ войскъ.

Въ началѣ (въ половинѣ) октября, еще до наступленія дня назначеннаго въ письмѣ Омеръ-паши для открытія дѣйствій, раздались первые выстрѣлы Турокъ по нашимъ передовымъ пикетамъ. Въ тоже время Турки сильно укрѣпляли Видинъ, свозили туда множество артиллерійскихъ снарядовъ и стягивали войска къ верхнему Дунаю; получивъ о томъ свѣдѣніе, князь Горчаковъ предписалъ генералу Фишбаху перейти отъ Каракула въ Краіово, откуда онъ могъ удобнѣе наблюдать за непріятелемъ занимавшимъ Видинъ, и размѣстить большую часть своего отряда по квартирамъ, что было весьма выгодно по случаю наступившаго ненастья.

Одновременно съ открытіемъ дѣйствій Турками, князь Горчаковъ, желая усилить средства къ оборонѣ Браилова и Галаца и имѣть часть флотиліи въ Валахіи, приказалъ подняться вверхъ по Дунаю отъ Измаила къ Галацу двумъ пароходамъ „Прутъ“ и „Ординарецъ“ съ восемью канонирскими лодками. Надлежало пройти мимо укрѣпленій Исакчи, которыя Турки лѣтомъ исправили и вооружили боль-

шимъ числомъ орудій. Князь Горчаковъ, имѣвшій о томъ достовѣрныя свѣдѣнія, предписалъ, чтобы флотилія прошла мимо крѣпости ночью; но начальникъ экспедиціи капитанъ 2-го ранга Варпаховскій и всѣ участвовавшіе въ ней офицеры просили позволенія совершить плаваніе днемъ.

Въ безсмертномъ твореніи Гомера, неустрашимый сынъ Теламона восклицаетъ:

,,Зевсъ всемогущій, избавь отъ ужаснаго мрака Данаевъ!
,,Дню возврати его свѣтлость, дай намъ видѣть очами,
,,И при свѣтѣ губи насъ, когда погубить ты желаешь!''(*)

И наши Черноморскіе герои, достойные сослуживцы будущихъ защитниковъ Севастополя, также хотѣли стать лицемъ къ лицу опасностямъ, не желая подвергать себя и ввѣренныя имъ суда случайностямъ ночнаго боя. Командовавшій въ Измаилѣ генералъ Лидерсъ согласился на ихъ просьбу. 11-го (23) октября, въ 8 съ половиною часовъ утра, русская флотилія появилась передъ Исакчею. Турки открыли огонь по нашимъ судамъ, вооруженнымъ: „Прутъ“ — четырьмя 36-ти-фунтовыми пушками-карронадами, „Ординарецъ“—четырьмя пушками, каждая изъ канонирскихъ лодокъ—тремя 24-хъ-фунтовыми орудіями и четырьмя фалконетами; шесть лодокъ у бортовъ обоихъ пароходовъ прикрывали машины отъ непріятельскихъ выстрѣловъ. Генералъ Лидерсъ, выѣхавшій въ это время къ Сатунову, приказалъ, для развлеченія вниманія непріятеля, выдвинуть впередъ стоявшія въ камышахъ на лѣвомъ берегу Дуная четыре пѣшихъ батарейныхъ орудія, подъ прикрытіемъ штуцерныхъ Житомирскаго егерскаго полка, и открыть огонь по крѣпости одновременно съ дѣй-

(*) Иліада. Пѣснь XVII.

На правомъ берегу Дуная.

На лѣвомъ берегу Дуная

ствіемъ канонирскихъ лодокъ. Непріятель громилъ нашу флотилію изъ 27-ми орудій большаго калибра прикрытыхъ укрѣпленіями, но не успѣлъ нанести значительнаго вреда русскимъ судамъ, которыя, въ 10 съ четвертью часовъ, вышли изъ подъ непріятельскихъ выстрѣловъ и прибыли благополучно въ Галацъ. Къ сожалѣнію, въ самомъ началѣ боя, былъ убитъ ядромъ храбрый командиръ флотиліи Варпаховскій; кромѣ того убито 14 нижнихъ чиновъ, ранено 5 офицеровъ и 55 нижнихъ чиновъ. Уронъ непріятеля былъ несравненно болѣе. Городъ загорѣлся въ нѣсколькихъ мѣстахъ; укрѣпленный лагерь, на скатѣ горы подъ крѣпостью, почти совершенно истребленъ и войска, занимавшія его, разбѣжались (4).

Съ наступленіемъ осени, густые туманы постоянно носились надъ долиною нижняго Дуная. Ночи были темны, дни пасмурны. Турки, пользуясь тѣмъ, переправлялись небольшими партіями на лѣвую сторону рѣки и нападали на наши аванпосты. Въ половинѣ (въ концѣ) октября, сильный турецкій отрядъ, стоявшій на острову противъ Видина, переправился на лѣвый берегъ Дуная и занялъ Калафатъ; съ этого времени стали появляться на путяхъ оттуда ведущихъ въ Краіово непріятельскіе отряды, состоявшіе изъ всѣхъ родовъ войскъ.

20 октября (1 ноября), въ часъ по полудни, какъ только сталъ разсѣяваться туманъ надъ Дунаемъ, генералъ Соймоновъ, стоявшій съ отрядомъ у Одая (5), получивъ съ передовыхъ постовъ донесеніе, что турецкая флотилія съ войсками идетъ отъ Рущука внизъ по Дунаю, немедленно ввелъ въ Журжу два батарейныхъ и два легкихъ орудія 10-й артиллерійской бригады. Не смотря на удачное дѣйствіе нашей артиллеріи, турецкія лодки успѣли миновать

Журжу. Вслѣдъ за тѣмъ, появился непріятельскій пароходъ и за нимъ на буксирѣ галіотъ, оба съ войсками. Поравнявшись съ нашею батареей, Турки открыли огонь, на который мы отвѣчали нѣсколькими мѣткими выстрѣлами, что заставило пароходъ ускорить ходъ и скрыться за лѣсистымъ островомъ Малою Рошою. Миновавъ его, непріятель хотѣлъ продолжать плаваніе внизъ по Дунаю, но будучи встрѣченъ огнемъ двухъ легкихъ орудій, высланныхъ подъ прикрытіемъ роты Томскаго егерскаго полка, былъ принужденъ отвести пароходъ назадъ, между тѣмъ какъ галіотъ ушелъ на веслахъ (6).

Главнокомандующій турецкими войсками въ Булгаріи Омеръ-паша, собравъ до 14-ти тысячъ человѣкъ у Туртукая, рѣшился переправиться на лѣвую сторону Дуная. Съ этою цѣлью, онъ перевелъ на лодкахъ около 3-хъ тысячъ человѣкъ на островъ, лежащій противъ Туртукая, нѣсколько выше устья Аржиса. Въ ночь съ 19-го на 20-е октября (на 1-е ноября), стукъ топоровъ, услышанный на нашихъ аванпостахъ, наблюдавшихъ теченіе Дуная у сел. Новой Ольтеницы, открылъ занятіе острова Турками, которые немедленно приступили къ сооруженію батареи на шесть орудій съ ложементами для пѣхоты, противъ устья Аржиса. На слѣдующій день, 21 октября (2 ноября), непріятель сталъ переправляться на лѣвый берегъ Дуная, занялъ Ольтеницкій каменный карантинъ, въ пять часовъ по полудни, и въ ночи, продолжая переправу, приступилъ, съ помощью нѣсколькихъ тысячъ Болгаръ, къ сооруженію ретраншамента впереди карантина и къ постройкѣ батарей съ амбразурами, при чемъ воспользовался матеріалами изъ находившихся тамъ старыхъ укрѣпленій; тогда-же наведенъ былъ Тур-

ками на рѣкѣ Аржисѣ мостъ на судахъ, въ ста саженяхъ выше карантина.

Командующій войсками 4-го и 5-го пѣхотныхъ корпусовъ, получивъ 22 октября (3 ноября) донесеніе о переправѣ непріятеля черезъ Дунай, предписалъ генералу Данненбергу сосредоточить для нападенія на Турокъ изъ окрестностей Добрени и Будешти къ Метрени-Фундени: первую бригаду 11-й пѣхотной дивизіи генералъ-маіора Охтерлоне съ батарейною № 3 и легкою № 5 батареями 11-й артиллерійской бригады, шесть эскадроновъ Ольвіопольскаго уланскаго полка съ двумя орудіями Донской № 9 батареи и три сотни Донскаго № 34 полка.

Для развѣданія о силахъ и расположеніи непріятеля, была произведена, 22 октября, по полудни, усиленная рекогносцировка двумя эскадронами уланъ и тремя сотнями казаковъ съ двумя донскими орудіями, подъ начальствомъ генеральнаго штаба подполковника Эрнрота. Изъ обозрѣнія непріятельской позиціи, сдѣланнаго при этой рекогносцировкѣ, оказалось, что Турки уже успѣли укрѣпиться кругомъ карантина и вооружить нѣсколько батарей тамъ устроенныхъ; въ самыхъ укрѣпленіяхъ замѣчены три баталіона, а впереди—небольшое число иррегулярной конницы. Нѣсколько орудій большаго калибра было усмотрѣно въ эполементахъ, возведенныхъ на покатости праваго берега Дуная. Тогда-же открыты пѣхота и иррегулярная конница, продолжавшія переправляться черезъ Дунай къ Ольтеницѣ.

Мѣстность, по которой надлежало наступать нашимъ войскамъ, для нападенія на непріятеля, была весьма неудобна для движенія.

Отъ селенія Новой Ольтеницы до самаго Дуная пролегаетъ равнина, примыкающая правою стороною къ рѣкѣ Аржису, вдоль которой, на простран-

ствѣ въ ширину около ста сажень, тянется густой кустарникъ, затрудняющій движеніе войскъ. Далѣе— мѣстность въ сосѣдствѣ карантина, и вообще между карантиномъ и Дунаемъ, перерѣзана въ различныхъ направленіяхъ низменными лощинами, въ видѣ широкихъ рвовъ, наполненныхъ топкою, весьма вязкою грязью; лѣвѣе-же, къ такъ-называемой *граничарской башнѣ*, простираются кустарники и камыши на болотистой почвѣ. На высотахъ противолежащаго берега Дуная, имѣющаго въ этомъ мѣстѣ 212 саж. ширины, были устроены турецкія батареи, вооруженныя орудіями большаго калибра, которыя, вмѣстѣ съ батареей сооруженною на островѣ, могли перекрестно обстрѣливать пространство впереди карантина. Ниже карантина, у пристани лѣваго берега Дуная, стояли пять лодокъ, вооруженныхъ орудіями, которыя, въ совокупности съ артиллеріей ретраншамента, сооруженнаго впереди карантина, обстрѣливали настильно мѣстность между карантиномъ и Новою-Ольтеницею. На самомъ-же ретраншементѣ, (какъ оказалось въ послѣдствіи), находилось въ амбразурахъ, выложенныхъ изъ туровъ и фашинъ, 20 орудій, именно: 9 впереди карантина, 7 влѣво отъ карантина, у рѣки Аржиса, и 4 вправо, на боковомъ фасѣ. Высота брустверовъ была до 4-хъ футъ, толщина насыпей отъ 10-ти до 12-ти футъ, а глубина топкихъ рвовъ, окружавшихъ укрѣпленія, до 7-ми футъ.

23-го октября (4-го ноября), по сборѣ русскаго отряда у Старой Ольтеницы, войска, пройдя это селеніе, построились въ боевой порядокъ: 1-й и 2-й баталіоны Селенгинскаго пѣхотнаго полка, въ колоннахъ къ атакѣ, съ четырьмя орудіями легкой № 5 батареи 11-й артиллерійской бригады, разсыпавъ впереди фронта своихъ штуцерныхъ, составили пра-

вое крыло, примыкавшее къ Аржису; вправо отъ дороги, ведущей изъ сел. Нов. Ольтеницы къ карантину, расположилась батарейная № 3 батарея, а лѣвѣе артиллеріи стали уступами въ колоннахъ 3-й и 4-й баталіоны Селенгинскаго полка. Якутскій пѣхотный полкъ (4 батал.), съ 8-ю орудіями легкой № 5 батареи и ротою 5-го саперинаго баталіона, находился въ резервѣ, за лѣвымъ крыломъ, позади Новой Ольтеницы; лѣвѣе ихъ стали шесть эскадроновъ Ольвіопольскаго уланскаго полка съ двумя орудіями донской № 9 батареи. Число нашихъ войскъ вообще не превышало 6-ти тысячъ человѣкъ.

На генералъ-маіора Охтерлоне, командовавшаго правымъ крыломъ, возложена обязанность наблюдать за правымъ берегомъ Аржиса и пользуясь кустарникомъ на лѣвомъ берегу, выдвинуть штуцерныхъ какъ можно ближе къ укрѣпленію, чтобы дѣйствовать по прислугѣ непріятельской артиллеріи. Генералъ-маіору Павлову, находившемуся при шести баталіонахъ лѣваго крыла, поручено было командовать всею пѣхотою, а начальнику 4-й артиллерійской дивизіи, генералъ-маіору Сикстелю—распоряжаться дѣйствіями артиллеріи. Командиру Донскаго казачьяго № 34 полка приказано: одновременно съ выѣздомъ на позицію батарейной № 3 батареи, быстро собрать казачью цѣпь на фланги боеваго порядка, чтобы дать просторъ дѣйствію артиллеріи.

Въ первомъ часу по полудни, войска двинулись противъ непріятеля. Въ часъ по полудни, русская артиллерія—на правомъ крылѣ 4 легкихъ и въ центрѣ 12 батарейныхъ орудій—выстроилась на позиціи, въ 450 саженяхъ отъ укрѣпленій карантина, и открыла огонь, на который всѣ турецкія батареи отвѣчали сильною канонадою. Наша батарейная батарея, переходя послѣдовательно съ пальбою на раз-

стоянія 350, 300 и 250 саженъ отъ карантина. взорвала у Турокъ два зарядныхъ ящика.

Въ три часа по полудни, когда повидимому огонь непріятеля уже былъ ослабленъ, приказано было всей пѣхотѣ, построенной въ колонны къ атакѣ, идти на штурмъ укрѣпленій. 1-й и 2-й баталіоны Селенгинскаго полка двинулись вдоль рѣки Аржиса, а 3-й и 4-й баталіоны того-же полка и за ними по-эшелонно всѣ четыре Якутскіе баталіона—прямо на карантинъ. Тогда-же восемь легкихъ орудій, вызванныя изъ резерва передъ лѣвый флангъ пѣхоты, быстро выѣхали на позицію, въ 250 саженяхъ отъ укрѣпленій карантина, и открыли живой огонь, дѣйствуя четырьмя орудіями противъ исходящаго угла укрѣпленій, а остальными четырьмя, вмѣстѣ съ двумя казачьими орудіями, по судамъ, стоявшимъ ниже карантина, изъ коихъ одно двухъ-мачтовое, послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ, было сожжено.

Войска смѣло шли на приступъ, но 3-й и 4-й баталіоны Селенгинскаго полка, за каждымъ изъ коихъ слѣдовали уступами по два баталіона Якутскаго полка, были задержаны въ ста саженяхъ отъ укрѣпленія переходомъ черезъ топкій ровъ. Тогда-же непріятель сдѣлалъ по нимъ залпъ картечью изъ всѣхъ орудій укрѣпленія, и вслѣдъ затѣмъ открылъ по всей линіи ретраншамента батальный огонь, продолжавшійся нѣсколько минутъ; 1-й и 2-й баталіоны Селенгинскаго полка, по выходѣ изъ кустовъ, также были встрѣчены картечью и ружейнымъ огнемъ. Колонны наши пріостановились, но только на одно мгновеніе, послѣ чего снова устремились на штурмъ: впереди 3-й и 4-й Селенгинскіе баталіоны; позади ихъ эшелонами, четыре баталіона Якутскаго полка. Въ шестидесяти саженяхъ отъ непріятеля, наши войска встрѣтили новую преграду—широкую топкую

канаву; но она не остановила наступавшія колонны. Подъ сильнѣйшимъ картечнымъ и ружейнымъ огнемъ, баталіоны устремились впередъ перегоняя одинъ другаго; 1-й и 3-й баталіоны Якутскаго полка, обойдя съ фланговъ 3-й Селенгинскій баталіонъ, опередили его. Уже въ этихъ войскахъ большая часть штабъ-офицеровъ и всѣ офицеры знаменныхъ ротъ выбыли изъ строя, но, несмотря на убійственный огонь, наши колонны подошли къ укрѣпленіямъ. Охотники, въ головѣ которыхъ шли Селенгинскаго полка поручикъ Зиненко и Якутскаго прапорщикъ Раздеришинъ, достигли рва.

Непріятели, устрашенные смѣлымъ наступленіемъ нашихъ войскъ, стали свозить артиллерію съ ретраншамента; часть пѣхоты и кавалеріи поспѣшно уходили къ берегу Дуная. Огонь Турокъ замѣтно сдѣлался слабѣе. Уже наши охотники стали спускаться въ ровъ. Но этотъ первоначальный успѣхъ былъ купленъ дорогою цѣною, и много храбрыхъ выбыло изъ рядовъ нашей пѣхоты. Генералъ Данненбергъ, сообразивъ, что еслибы даже и удалось намъ овладѣть укрѣпленіями карантина, мы не могли-бы удержаться въ нихъ, подъ огнемъ сильныхъ турецкихъ батарей, расположенныхъ на правомъ берегу Дуная, приказалъ прервать штурмъ и отвести назадъ сражавшіеся баталіоны.

Войска наши отошли неохотно, но въ порядкѣ, за топкія канавы, гдѣ получили приказаніе остановиться, чтобы, подъ покровительствомъ артиллеріи, подобрать раненыхъ и убитыхъ. Изъ турецкихъ окоповъ показалась-было кавалерія, которая, однакоже будучи встрѣчена картечнымъ залпомъ, отошла поспѣшно за укрѣпленія. Канонада непріятельской артиллеріи умолкла на всѣхъ пунктахъ, не смотря на то, что наши колонны находились подъ самымъ дѣй-

ствительнымъ огнемъ. Турки прекратили пальбу вѣроятно потому, что ихъ орудія уже были свезены съ батарей изъ опасенія штурма, либо по недостатку зарядовъ, но отнюдь не изъ уваженія къ храбрости нашихъ войскъ, какъ о томъ писали иностранныя газеты. Такой рыцарскій поступокъ вовсе нейдетъ къ Туркамъ. Напротивъ того, ихъ всадники, появившіеся изъ-за окоповъ, начали-было рубить головы раненымъ, когда наша картечь обратила ихъ въ бѣгство.

Къ вечеру, главныя силы русскаго отряда отошли на высоты, за сел. Старую Ольтеницу; авангардъ, въ составѣ двухъ баталіоновъ Якутскаго полка при четырехъ легкихъ орудіяхъ, двухъ эскадроновъ Ольвіопольскихъ уланъ съ двумя донскими орудіями и трехъ казачьихъ сотень, сталъ у выхода изъ Новой Ольтеницы, имѣя казачью цѣпь въ полуверстѣ впереди этого селенія.

Въ дѣлѣ подъ Ольтеницею мы потеряли: убитыми 5 офицеровъ и 231 нижнихъ чиновъ; ранеными 9 штабъ-офицеровъ, 30 оберъ-офицеровъ и 695 нижнихъ чиновъ; вообще-же выбыло изъ строя 970 человѣкъ. Въ числѣ умершихъ отъ ранъ были находившіеся въ охотникахъ поручикъ Зиненко и прапорщикъ Раздеришинъ; въ числѣ раненыхъ: Селенгинскаго полка: подполковникъ Порогскій и маіоръ Галле, которые, получивъ тяжелыя раны, продолжали командовать своими баталіонами до изнеможенія силъ; командиръ 8-й роты Конюкъ, уже раненый четыре раза, шелъ впередъ съ своими солдатами, пока былъ пораженъ въ бокъ ядромъ; подпоручикъ Путята, находясь въ цѣпи, былъ тяжело раненъ, но не позволилъ штуцернымъ поднять себя, сказавъ имъ: „Ваше мѣсто впереди, меня подберутъ другіе"; подпоручикъ Федотовъ, лучшій стрѣлокъ въ полку, командуя шту-

церными, былъ сильно контуженъ, но оставался постоянно съ штуцеромъ въ рукахъ впереди полка; его шинель была пробита пулями въ восьми мѣстахъ. Якутскаго полка: командиръ 1-го баталіона подполковникъ Скюдери, получивъ три тяжелыхъ раны, продолжалъ вести впередъ своихъ солдатъ, до совершенной потери силъ отъ истеченія крови; командующій 4-мъ баталіономъ маіоръ Соллогубъ, взявъ знамя отъ раненаго смертельно знаменщика, не смотря на полученную имъ самимъ рану, шелъ передъ баталіономъ пока было приказано отступить; командиръ 2-й мушкетерской роты штабсъ-капитанъ Скородумовъ, пораженный въ шею, вынулъ пулю изъ раны, велъ свою роту, и снова былъ раненъ въ руку; командиръ 8-й роты штабсъ-капитанъ Лютеръ, горячо любимый своими солдатами, будучи тяжело раненъ картечью въ руку, продолжалъ идти впередъ и ободрялъ подчиненныхъ ему людей, пока одно ядро ударило ему въ грудь, а другое сорвало голову; прапорщикъ Попандопуло, когда перешибло ему пулею кость въ ногѣ, продолжалъ идти въ цѣпи застрѣльщиковъ, опираясь на ружье, упалъ безъ чувствъ и впослѣдствіи умеръ отъ полученной имъ раны. Нижніе чины отличались обычными русскому солдату хладнокровіемъ и смѣлостью. Потери понесенныя непріятелемъ неизвѣстны, но, по всей вѣроятности, были велики; сосредоточенный огонь нашихъ батарей, поражавшій на близкомъ разстояніи Турокъ картечью, долженъ былъ произвести разрушительное дѣйствіе; въ числѣ убитыхъ былъ одинъ изъ пашей, а другой, Ахмедъ-паша, раненъ (7).

Общій голосъ тогда утверждалъ, что войска наши непремѣнно овладѣли-бы укрѣпленіями ольтеницкаго карантина, еслибы не получили приказанія отступить. И дѣйствительно — чтò заставило отказаться

отъ довершенія успѣха? Опасались-ли — какъ говорили одни—что Турки очищаютъ укрѣпленія съ тѣмъ, чтобы дать свободу дѣйствовать по нимъ съ тыла всѣмъ батареямъ, сооруженнымъ на острову и на правомъ берегу Дуная? Но это было возможно предвидѣть заранѣе, и въ такомъ случаѣ не слѣдовало предпринимать штурма. Или — какъ полагали другіе — не надѣялись на успѣхъ, найдя укрѣпленія сильнѣе, чѣмъ заключали изъ сдѣланной рекогносцировки? Слѣдовательно — самая рекогносцировка была недостаточна къ тому, чтобы, основываясь на ней, рѣшиться на такое отважное предпріятіе. Обвиняли въ неудачѣ генерала Данненберга, но и со стороны князя Горчакова были сдѣланы важныя упущенія. Ему слѣдовало послать къ Ольтеницу не одну бригаду, а цѣлую дивизію, тѣмъ болѣе, что это предпріятіе было первое, и потому послѣдствія его могли оказать вліяніе на всю кампанію вообще; непростительно было дѣйствовать на авось, особенно, когда другія войска стояли, такъ сказать, подъ рукою. Къ тому-же ему слѣдовало предварительно дать надлежащія наставленія генералу Данненбергу, который, при всей своей учености и совершенномъ знаніи теоріи военнаго искусства, не имѣлъ большой боевой опытности и, достигнувъ званія корпуснаго командира, не одержалъ ни одного успѣха. Но, кто-бы ни былъ виноватъ въ этомъ дѣлѣ, несомнѣнно то, что наши войска честно исполнили свой долгъ, и что Турки не могли похвалиться побѣдою; мы отступили, а не были отбиты. Тѣмъ не менѣе, однакоже, въ началѣ (въ половинѣ) ноября, телеграфическія депеши возвѣстили Европѣ, что Омеръ-паша, переправясь у Ольтеницы черезъ Дунай, разбилъ сильный русскій отрядъ и обратилъ Русскихъ въ бѣгство на всѣхъ пунктахъ, что онъ уже достигъ

Букареста. Недоброхоты Россіи славили военныя дарованія турецкаго вождя, предрекая ему другіе, рѣшительные успѣхи надъ Русскими, которые, по увѣреніямъ публицистовъ, были не въ состояніи противиться Туркамъ. Но, вскорѣ обнаружилось, въ какой степени было преувеличено значеніе Ольтеницкаго дѣла (8).

Впослѣдствіи времени, офицеры, участвовавшіе въ сраженіи при Ольтеницѣ, соорудили на могилѣ павшихъ тамъ своихъ товарищей памятникъ: это— мраморная пирамида на высокомъ зеленомъ холму, окруженномъ деревьями и кустарникомъ, на верху урна и надъ нею крестъ. Въ Ольтеницкую церковь внесены вклады для духовенства, чтобъ оно радѣло о сохраненіи могилы и совершало надъ нею панихиды въ годовщину ольтеницкаго дѣла (9).

Императоръ Николай, разсмотрѣвъ подробнее описаніе дѣла подъ Ольтеницею, соизволилъ сдѣлать слѣдующія замѣчанія: „1) *Двухъ батарей было мало,* чтобъ уничтожить артиллерію, стоявшую въ укрѣпленіяхъ, тѣмъ болѣе, что на правомъ берегу Дуная устроены были Турками еще другія батареи. 2) Атака пѣхотою была ведена, вопреки всѣхъ правилъ, *колоннами къ атакѣ, почти въ сплошномъ построеніи,* ибо уступы были почти *безъ интерваловъ.* 3) Слѣдовало придать въ помощь артиллеріи цѣпь *всѣхъ штуцерныхъ* бригады, которые должны были сосредоточивать свой огонь по амбразурамъ турецкихъ укрѣпленій. 4) Переднюю линію вести *ротными колоннами,* въ шахматномъ порядкѣ, или въ двѣ линіи, съ стрѣлками въ интервалахъ. 5) Третью линію и резервъ держать *по крайней мѣрѣ въ 300 шагахъ позади,* въ колоннахъ къ атакѣ, и не заслонять дѣйствія своихъ батарей. Тогда потеря была-бы умѣ-

реннѣе и вѣроятно успѣхъ соотвѣтствовалъ-бы пожертвованіямъ" ([10]).

Князь Горчаковъ, сознавая, что у насъ, въ дѣлѣ подъ Ольтеницею, дѣйствительно было *мало артиллеріи и вообще войскъ*, оправдывался тѣмъ, что 23-го октября для нападенія на Турокъ онъ не имѣлъ подъ рукою болѣе двухъ пѣхотныхъ полковъ и двухъ батарей, потому что, въ ожиданіи переправы непріятеля на нѣсколькихъ пунктахъ, было необходимо держать часть войскъ въ центральныхъ позиціяхъ. Ближайшія къ Ольтеницѣ наши войска, именно 1-я бригада 12-й пѣхотной дивизіи и легкія батареи № 6 и 8, 12-й артиллерійской бригады, находились въ разстояніи 45-ти и 50-ти верстъ и не могли прибыть къ Ольтеницѣ прежде 24-го октября ввечеру; слѣдовательно—нападеніе было-бы произведено 25-го, и къ тому времени Турки утвердились-бы и усилились-бы еще болѣе на лѣвомъ берегу Дуная, что̀ и заставило атаковать непріятеля малыми силами, но, за то, и въ менѣе укрѣпленной позиціи (*).

На вопросъ, сдѣланный генералу Данненбергу—*почему имъ не были употреблены при атакѣ ротныя колонны*, онъ отозвался, что какъ ввѣренныя ему войска еще не бывали въ огнѣ, то онъ предпочелъ вести ихъ болѣе самостоятельными массами, и въ особенности по тому, что совершенно открытая мѣстность впереди непріятельскихъ укрѣпленій неблагопріятствовала построенію войскъ мелкими частями.

На счетъ того, что резервъ находился въ слишкомъ близкомъ разстояніи отъ боевыхъ линій, гене-

(*) Въ дѣйствительности-же близъ Будештп, въ небольшомъ переходѣ отъ Ольтеницы, стояли тогда три баталіона Камчатскаго егерскаго полка съ легкою № 4-го батареей № 11-й артиллерійской бригады.

ралъ Данненбергъ полагалъ, что, при атакѣ укрѣплений, нужно было сблизить его, чтобы, въ случаѣ надобности, поддерживать имъ боевыя линіи; но князь Горчаковъ не раздѣлялъ этого мнѣнія, и „поставя генералу Данненбергу на видъ сіе неосновательное отступленіе отъ правилъ устава", подтвердилъ всѣмъ начальникамъ частей войскъ: „впредь держаться въ точности тактическихъ правилъ, утвержденныхъ уставомъ, съ нѣкоторымъ развитіемъ сихъ основныхъ началъ" ([11]).

Послѣ дѣла при Ольтеницѣ, князь Горчаковъ, получивъ донесеніе, что Турки болѣе и болѣе усиливаются при Туртукаѣ, счелъ нужнымъ подкрѣпить отрядъ генерала Павлова, у Ольтеницы, уланскимъ герцога Нассаускаго (Одесскимъ) полкомъ съ четырьмя орудіями конно-легкой № 9 батареи. За тѣмъ, снова узнавъ объ усиленіи непріятеля, занимавшаго позицію у Ольтеницкаго карантина, князь Горчаковъ перевелъ въ Будешти 12-ю пѣхотную дивизію (кромѣ Украинскаго егерскаго полка, оставленнаго въ Букарестѣ), съ тремя батареями 12-й, одною—11-й артиллерійской бригады и донскою № 9-го.—Бугскій уланскій полкъ, съ четырьмя орудіями конно-легкой № 9-го батареи, и 4-й стрѣлковый баталіонъ были расположены у Добрени. 1-я бригада 11-й пѣхотной дивизіи (Селенгинскій и Якутскій пѣхотные полки), съ двумя батареями, стали у Фундени. Генералъ-адъютанту Анрепу предписано, со всею пѣхотою его отряда, (шестью баталіонами Охотскаго и Камчатскаго егерскихъ полковъ) идти къ Негоешти, оставя у Слободзеи генералъ-маіора Богушевскаго съ Вознесенскимъ уланскимъ полкомъ, дивизіономъ Ольвіопольскихъ уланъ и конно-легкою батареей № 7-го. Но, какъ занятіе позиціи у Слободзеи обезпечивало сообщенія арміи съ Молдавіею и Бессарабіею, то

отрядъ Богушевскаго былъ усиленъ прибывшими изъ отряда Энгельгардта Люблинскимъ егерскимъ полкомъ и легкою батареей. Командующій войсками 4-го и 5-го корпусовъ, желая слѣдить самъ за дѣйствіями Омеръ-паши, перевелъ свою главную квартиру, 29-го октября (10-го ноября), изъ Букареста въ Будешти. Генералъ-маіору Павлову было предписано, въ случаѣ наступленія Турокъ, стараться заманить ихъ къ сел. Негоешти.

Повидимому, непріятель имѣлъ намѣреніе распространить кругъ дѣйствій своихъ на лѣвой сторонѣ Дуная. Въ ночи на 28-е октября (9-е ноября), два турецкихъ батальона переправились у Ольтеницы съ острова на лѣвый берегъ Дуная, близъ устья Аржиса, и расположились на правомъ берегу этой рѣки подъ покровительствомъ батарей, сооруженныхъ на острову и у карантина, а на слѣдующій день переправлялась черезъ Дунай непріятельская кавалерія. Но 31-го октября (12-го ноября) Турки зажгли карантинъ, взорвали два фугаса впереди своего ретраншамента, предали огню мостъ, наведенный ими на Аржисѣ, у самаго устья этой рѣки, и поспѣшно ушли на правый берегъ Дуная, оставя за собою только батарею на острову и небольшую часть войскъ на мысу праваго берега Аржиса, при впаденіи сей рѣки въ Дунай, да и тѣ удалились въ слѣдующую-же ночь на правую сторону Дуная.

По всей вѣроятности, причиною неожиданнаго перехода Турокъ на правый берегъ Дуная было сосредоточеніе русскихъ войскъ въ окрестностяхъ Ольтеницы, непозволившее Омеру-пашѣ помышлять о какихъ-либо рѣшительныхъ дѣйствіяхъ на лѣвой сторонѣ Дуная. Но почему онъ не оставилъ за собою укрѣпленій карантина, подъ покровительствомъ сильныхъ батарей у Туртукая, что дало-бы ему воз-

можность озабочивать насъ переправою на лѣвый берегъ и заставило-бы князя Горчакова постоянно наблюдать сей пунктъ и держать у него въ сборѣ значительныя силы? Публицисты Западной Европы, ожидавшіе отъ Омера-паши великихъ подвиговъ, пришли въ недоумѣніе, узнавъ объ его отступленіи послѣ дѣла при Ольтеницѣ, представленнаго ими въ видѣ славной побѣды Турокъ надъ Русскими. Чтобы оправдать турецкаго военачальника, прибѣгали къ самымъ нелѣпымъ догадкамъ, такъ наприм. увѣряли, будто-бы онъ уже готовился идти на Букарестъ, куда ему былъ открытъ путь, но, что австрійскіе дипломаты заставили его очистить лѣвый берегъ Дуная ([12]). Еслибы это обстоятельство дѣйствительно побудило Омера-пашу оставить позицію при ольтеницкомъ карантинѣ, то почему-же вѣнскій кабинетъ не потребовалъ отъ Турокъ очищенія валахскаго берега ближе къ своей границѣ, въ Калафатѣ, гдѣ обезпокоивало его гораздо болѣе пребываніе Клапки и другихъ венгерскихъ эмигрантовъ?

Какъ съ удаленіемъ Турокъ изъ ольтенецкаго карантина уже нельзя было ожидать ихъ наступленія съ этой стороны, то, для доставленія войскамъ, сосредоточеннымъ въ окрестностяхъ Будешти, болѣе выгоднаго расположенія по квартирамъ и въ землянкахъ, предписано размѣстить главныя силы между Будешти и Букарестомъ, оставя у Ольтеницы авангардъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Павлова, въ составѣ уланскаго принца Нассаускаго полка, съ четырьмя орудіями конно-легкой № 9 батареи, и полковъ Селенгинскаго пѣхотнаго и Камчатскаго егерскаго, съ батарейною № 3 и легкою № 5 батареями 11-й артиллерійской бригады, и ротою 5-го сапернаго баталіона. Главная квартира князя Горчакова возвратилась въ Букарестъ, 3-го (15-го) ноября.

Вслѣдъ за тѣмъ войска Лидерса, двигавшіяся къ Браилову, для противодѣйствія наступательнымъ покушеніямъ непріятеля, возвратились на мѣста своей прежней стоянки ([13]).

Между тѣмъ Турки переправлялись черезъ Дунай, небольшими частями, на различныхъ пунктахъ, что̀ заставило наконецъ нашихъ отрядныхъ начальниковъ доносить въ главную квартиру о желаніи стоявшихъ на передовыхъ постахъ казаковъ дѣлать по временамъ поиски на правый берегъ Дуная, для снятія турецкихъ постовъ, вдоль рѣки расположенныхъ. Командующій войсками разрѣшилъ всѣмъ отдѣльнымъ начальникамъ: дозволять такіе поиски, дабы держать непріятеля въ постоянной тревогѣ, но только съ тѣмъ, чтобы поиски были непродолжительны, и чтобы производящіе ихъ люди не оставались долго за Дунаемъ ([14]).

У Рущука, непріятель строилъ батареи на правомъ берегу Дуная, и подъ покровительствомъ ихъ и густаго тумана, занявъ островъ Маканъ, переправилъ туда войска и началъ сооружать на западной оконечности острова земляныя укрѣпленія. По донесеніи о томъ въ нашу главную квартиру, генералъ-лейтенантъ Соймоновъ получилъ предписаніе: „въ случаѣ переправы Турокъ у Журжи, или у Макана, оспаривать переходъ сколько возможно, не рискуя неудачи“.

Генералъ Соймоновъ, старый воинъ, храбрый, хладнокровный въ огнѣ, заботился съ отеческою попечительностью о ввѣренныхъ ему войскахъ и былъ любимъ своими подчиненными. Отрядъ его ([15]) стоялъ въ восьми верстахъ отъ Журжи, въ крѣпкой позиціи у Фратешти. Имѣя въ виду остановить работы непріятеля на острову, Соймоновъ воспользовался густымъ туманомъ, утромъ 28-го октября (9-го ноя-

бря), и привелъ неожиданно къ берегу противъ Макана восемь батарейныхъ орудій, подъ прикрытіемъ одного баталіона Томскаго полка, и конную батарею съ дивизіономъ гусаръ. Артиллерія, спустившись съ высотъ, открыла огонь ядрами и гранатами по непріятелю занимавшему островъ. Турки отвѣчали канонадою со всѣхъ своихъ батарей, но безъ успѣха, и вскорѣ прекративъ свои работы, скрылись въ густомъ лѣсу острова. Наши войска были отведены обратно къ Фратешти. 30 октября (11 ноября), штуцерные Томскаго полка, расположась на берегу, за построенною наканунѣ насыпью, завязали перестрѣлку съ Турками остававшимися на острову; а на слѣдующій день, генералъ Соймоновъ, со всѣмъ своимъ отрядомъ, выступивъ утромъ изъ Фратешти, выставилъ артиллерію на позиціи противъ острова Макана и открылъ канонаду, на которую непріятель отвѣчалъ огнемъ изъ орудій крѣпости Рущука, а такъ-же съ укрѣпленія противъ Журжи и съ батареи, расположенной на высотѣ праваго берега Дуная, между островами Чароемъ и Маканомъ. Подъ громомъ нашей артиллеріи, отправились съ лѣваго берега на Маканъ пять лодокъ съ 80-ю охотниками, подъ начальствомъ четырехъ офицеровъ (адъютанта начальника 10-й пѣхотной дивизіи поручика Чаплинскаго, поручика Хабарева и подпоручиковъ Бабарыкина и Пржеславскаго), кои смѣло взлѣзли на высокій, обрывистый берегъ острова и раздѣлясь на нѣсколько частей, подъ командою помянутыхъ офицеровъ, заставили непріятеля оставить островъ, съ потерею двадцати человѣкъ убитыми. Хотя послѣ того Турки и появлялись на острову, однакоже каждый разъ подвергаясь канонадѣ нашихъ батарей, уходили на правый берегъ Дуная. Въ ночи съ 5-го на 6-е (съ 17-го на 18-е) ноября, Соймоновъ устроилъ

батарею съ амбразурами, для прикрытія нашей артиллеріи, противъ острова Макана; тогда-же приготовлены плоты для наводки моста черезъ рукавъ Дуная между Журжею и островомъ Чароемъ и 20 гребныхъ судовъ, на коихъ могло помѣститься 200 человѣкъ, кромѣ гребцовъ. Дѣятельность и благоразумныя распоряженія нашего отряднаго начальника наконецъ заставили Турокъ отказаться отъ ихъ покушеній на этомъ пунктѣ и въ половинѣ ноября ст. ст. уйти въ Рущукъ. До самаго конца 1853 года, Турки не отваживались ни на какое предпріятіе изъ Рущука. Генералъ Соймоновъ, пользуясь временемъ, когда Дунай нѣсколько очистился отъ льда, послалъ на островъ Маканъ двѣ роты, которыя срыли укрѣпленія, возведенныя непріятелемъ, и уничтожили находившіеся тамъ шалаши и землянки.

На пространствѣ по Дунаю, ниже Рущука, а равно выше этого пункта, до устья Ольты, Турки ограничивались маловажными перестрѣлками съ валахскими пикетами.

Главныя-же дѣйствія непріятеля происходили въ Малой Валахіи, гдѣ непріятель, по прежнему, сосредоточивалъ войска у Калафата ([16]).

Но прежде изложенія этихъ дѣйствій, обращусь къ событію, имѣвшему послѣдствіемъ разрывъ дипломатическихъ сношеній Россіи съ Западными державами.

ГЛАВА VI.

Морское сраженіе при Синопѣ.

(18-го (30-го) ноября 1853 года).

Отказъ Императора Николая въ принятіи вѣнской ноты, измѣненной Портою, далъ Наполеону III возможность возжечь войну на Востокѣ. Пользуясь общественнымъ мнѣніемъ Англичанъ, тогда неблагопріятнымъ Россіи, Наполеонъ, еще 9-го (21-го) сентября 1853 года, предлагалъ великобританскому правительству послать въ Босфоръ англо-французскую эскадру, стоявшую у входа въ Дарданеллы. Такое дѣйствіе было явнымъ нарушеніемъ лондонской конвенціи 1841 года, въ заключеніи коей участвовали обѣ Западныя державы (1). Великобританскій и французскій резиденты въ Константинополѣ, исполняя полученныя ими инструкціи, предписали союзной эскадрѣ, 8-го (20-го) октября, т. е. еще до открытія военныхъ дѣйствій на Дунаѣ, прибыть въ Босфорскій проливъ и стать на якорь въ виду столицы Султановъ.

Появленіе англо-французской эскадры, 27-го октября (8-го ноября), у входа въ Черное море, явно направленное противъ Россіи, съ которою Западныя

державы находились въ мирѣ, вызвало противодѣйствіе со стороны Императора Николая. Необходимо было обезпечить отъ покушеній Турокъ наши азіятскія владѣнія, куда непріятель вторгся, не выждавъ объявленія войны, и захватилъ 16-го (28-го) октября постъ Св. Николая, при чемъ взятые Турками плѣнные подверглись варварскимъ истязаніямъ. Тогда-же получены были нами извѣстія о намѣреніи Турокъ поддерживать кавказскихъ горцевъ и снабжать ихъ оружіемъ и боевыми припасами. Съ такою-же цѣлью, довольно значительная турецкая эскадра, выйдя изъ Босфора, укрылась, по случаю наставшей бурной погоды, въ Синопѣ. Для наблюденія за нею, еще до объявленія войны, по повелѣнію Государя, были высланы три корабля черноморскаго флота, подъ командою вице-адмирала Нахимова ([2]), крейсеровавшіе у береговъ Анатоліи, въ ожиданіи подкрѣпленія. Передъ отбытіемъ изъ Севастополя, Нахимовъ получилъ предписаніе: „отражать непріятеля, но не нападать самому“; но 1-го (13-го) ноября пришло новое повелѣніе, и адмиралъ тотчасъ передалъ своей эскадрѣ утѣшительную вѣсть: *война объявлена! отслужить молебенъ и поздравить команду!* По присоединеніи-же къ отряду Нахимова эскадры контръ-адмирала Новосильскаго ([3]), въ ночь на 16-ое (28-ое) ноября, на другой-же день, Нахимовъ отдалъ приказъ о намѣреніи своемъ атаковать непріятельскій флотъ у Синопа, и пригласилъ на флагманскій корабль *Императрица Марія* втораго флагмана и всѣхъ командировъ судовъ, для сообщенія имъ составленнаго имъ плана дѣйствій и нужныхъ по этому случаю наставленій.

Въ приказѣ вице-адмирала Нахимова, отъ 17-го (29-го) ноября 1853 года, было сказано:

„Располагая при первомъ удобномъ случаѣ ата-

ковать непріятеля, стоящаго въ Синопѣ, въ числѣ 7 фрегатовъ, 2 корветовъ, одного шлюпа, двухъ пароходовъ и двухъ транспортовъ, я составилъ диспозицію для атаки ихъ, и прошу командировъ стать по оной на якорь и имѣть въ виду слѣдующее:

1) При входѣ на рейдъ, бросать лоты, ибо можетъ случиться, что непріятель перейдетъ на мелководье, и тогда на возможномъ близкомъ отъ него разстояніи, но на глубинѣ не менѣе 10 сажень.

2) Имѣть шпрингъ на оба якоря; если при нападеніи на непріятеля будетъ вѣтеръ N, самый благопріятный, тогда вытравить цѣпи 60 сажень, имѣть столько же и шпрингу, предварительно заложеннаго на битенгѣ; идя же на фордевиндъ при вѣтрѣ О или ONO, во избѣжаніе бросанія якоря съ кормы, становиться также на шпрингъ, имѣя его до 30 сажень, и когда цѣпь, вытравленная до 60 сажень, дернетъ, то вытравить еще 10 сажень; въ этомъ случаѣ цѣпь ослабнетъ, а корабли будутъ стоять кормою на вѣтеръ на кабельтовѣ; вообще со шпрингами быть крайне осмотрительными, ибо они часто остаются недѣйствительными отъ малѣйшаго невниманія и промедленія времени.

3) Предъ входомъ въ Синопскій заливъ, если позволитъ погода, для сбереженія гребныхъ судовъ на рострахъ, я сдѣлаю сигналъ спустить ихъ у борта на противолежащей сторонѣ непріятеля, имѣя на одномъ изъ нихъ, на всякій случай, кабельтовъ и верпъ.

4) При атакѣ имѣть осторожность, не палить даромъ по тѣмъ изъ судовъ, кои спустятъ флаги; посылать-же для овладѣнія ими не иначе, какъ по сигналу адмирала, стараясь лучше употребить время для пораженія противящихся судовъ или батарей,

которыя, безъ сомнѣнія, не перестанутъ палить, еслибъ съ непріятельскими судами дѣло и былобы кончено.

5) Нынѣ же осмотрѣть заклепки у цѣпей; на случай надобности расклепать ихъ.

6) Открыть огонь по непріятелю, по второму адмиральскому выстрѣлу, если предъ тѣмъ со стороны непріятеля не будетъ никакого сопротивленія нашему на нихъ наступленію; въ противномъ случаѣ, палить какъ кому возможно, соображаясь съ разстояніемъ до непріятельскихъ судовъ.

7) Ставъ на якорь и уладивъ шпрингъ, первые выстрѣлы должны быть прицѣльные; при этомъ хорошо замѣтить положеніе пушечнаго клина на подушкѣ мѣломъ, для того, что послѣ въ дыму не будетъ видно непріятеля, а нужно поддерживать быстрый батальный огонь. Само собою разумѣется, что онъ долженъ быть направленъ по тому-же положенію орудія, какъ и при первыхъ выстрѣлахъ.

8) Атакуя непріятеля на якорѣ, хорошо имѣть, какъ и подъ парусами, одного офицера на гротъмарсѣ или салингѣ, для наблюденія, при батальномъ огнѣ, за направленіемъ своихъ выстрѣловъ, а буде они не достигаютъ своей цѣли, офицеръ сообщаетъ о томъ на шканцы, для направленія шпринга.

9) Фрегатамъ: „Кагулъ" и „Кулевчи", во время дѣйствія, остаться подъ парусами, для наблюденія, за непріятельскими пароходами, которые, безъ сомнѣнія, вступятъ подъ пары и будутъ вредить нашимъ судамъ, по выбору своему.

10) Завязавъ дѣло съ непріятельскими судами, стараться по возможности не вредить консульскимъ домамъ, на которыхъ будутъ подняты національные ихъ флаги.

Въ заключеніе, я выскажу свою мысль, что всѣ

предварительныя наставленія, при перемѣнившихся обстоятельствахъ, могутъ затруднить командира, знающаго свое дѣло, и по тому я предоставляю каждому совершенно независимо дѣйствовать по усмотрѣнію своему, но непремѣнно исполнить свой долгъ. Государь Императоръ и Россія ожидаютъ славныхъ подвиговъ отъ черноморскаго флота; отъ насъ зависитъ оправдать ожиданія".

Синопъ, одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Малой Азіи, нѣкогда вмѣщавшій въ себѣ до 60 тыс. жителей, нынѣ пришелъ въ упадокъ. Синопскій рейдъ считается однимъ изъ лучшихъ и безопаснѣйшихъ на берегахъ Анатоліи. Тамъ, подъ покровительствомъ шести береговыхъ батарей, стояла турецкая эскадра Османа-паши, изъ двухъ пароходовъ и двѣнадцати парусныхъ фрегатовъ и меньшихъ судовъ (4).

Вице-адмиралъ Нахимовъ, предполагая атаковать непріятеля двумя колоннами, назначилъ въ правую, ближайшую къ непріятелю, корабли: *Императрица Марія*, подъ своимъ флагомъ, *Великій князь Константинъ* и *Чесма*, а лѣвую, изъ кораблей: *Парижъ*, *Три Святителя* и *Ростиславъ*, поручилъ вести контръ-адмиралу Новосильскому; фрегаты *Кагулъ* и *Кулевчи* оставлены подъ парусами, для наблюденія за турецкими пароходами.

18 (30) ноября, утромъ, шелъ дождь и дулъ шквалистый вѣтеръ, при которомъ поврежденныя въ бою турецкія суда легко могли выброситься на берегъ. Въ 9 часовъ, эскадра Нахимова спустила гребныя суда; спустя полчаса поданъ сигналъ — приготовиться къ бою и идти на рейдъ, въ исходѣ 11-го отслужили молебенъ, а въ полдень, корабли

уже летѣли на всѣхъ парусахъ къ Синопу. Не смотря на дождливую и пасмурную погоду, непріятель замѣтилъ наступленіе русской эскадры, развелъ пары на своихъ пароходахъ и началъ исправлять шпринги на судахъ. По приближеніи къ нему, усмотрѣно, что семь фрегатовъ и три корвета были расположены въ видѣ дуги, подъ прикрытіемъ четырехъ батарей, одной объ осьми и трехъ о шести орудіяхъ; во второй линіи стояли два военныхъ парохода и два транспорта, а въ глубинѣ залива—два купеческихъ брига.

Въ 20 минутъ 1-го часа, по первой пушкѣ турецкаго флагманскаго фрегата *Ауни-Аллахъ*, былъ открытъ огонь со всѣхъ непріятельскихъ судовъ боевой линіи и четырехъ береговыхъ батарей. Корабль *Императрица Марія*, шедшій въ головѣ первой колонны, былъ засыпанъ ядрами и книпелями; большая часть его рангоута и стоячаго такелажа перебита; у гротъ-мачты осталась нетронутою только одна лишь нижняя ванта. Но, корабль, пользуясь вѣтромъ дувшимъ съ кормы, продолжалъ двигаться впередъ, обстрѣливая суда, мимо которыхъ проходилъ, и бросилъ якорь противъ стоявшаго пятымъ съ фланга, адмиральскаго фрегата *Ауни-Аллахъ*, который, не выдержавъ и получасоваго огня, отклепалъ цѣпь и выбросился на берегъ у батареи № 6-й. Тогда корабль *Императрица Марія* обратилъ свой огонь исключительно на фрегатъ *Фазли-Аллахъ (данный Богомъ)*. Этотъ фрегатъ назывался прежде *Рафаилъ* и былъ взятъ у насъ Турками въ 1829 году, по поводу чего тогда послѣдовало Высочайшее повелѣніе: „Предать огню фрегатъ Рафаилъ, какъ недостойный носить русскій флагъ, когда возвращенъ будетъ въ наши руки“ ([5]). Этотъ фрегатъ, будучи зажженъ выстрѣлами съ нашего флагманскаго корабля, бро-

силою къ берегу, сталъ на мель противъ города и сгорѣлъ въ виду русской эскадры: такимъ образомъ было въ точности исполнено повелѣніе Государя, отданное предъ тѣмъ почти за 25 лѣтъ.

Вице-адміралъ Нахимовъ, окончивъ дѣло съ стоявшими противъ него двумя фрегатами, имѣлъ намѣреніе содѣйствовать второй колоннѣ; но видя успѣшное дѣйствіе Новосильскаго, обратилъ огонь корабля *Императрица Марія* на батарею № 5-й.

Корабль *Великій Князь Константинъ* (капитанъ 2-го ранга Ергомышевъ), такъ же осыпанный градомъ ядеръ, книпелей и картечи, сталъ на якорь вскорѣ послѣ адміральскаго корабля *Императрица Марія*, открылъ сильный батальный огонь правымъ бортомъ по батареѣ № 4-й и двумъ 60-ти-пушечнымъ фрегатамъ, стоявшимъ на лѣвомъ флангѣ турецкой боевой линіи, и чрезъ 20 минутъ взорвалъ на воздухъ, мѣткими выстрѣлами съ бомбической батареи, фрегатъ *Навекъ-Бахри;* этотъ взрывъ осыпалъ обломками фрегата и тѣлами убитыхъ Турокъ батарею № 4-й, которая была принуждена замолчать, и хотя впослѣдствіи возобновила огонь, однако-же дѣйствовала замѣтно слабѣе, нежели прежде. Корабль *Великій Князь Константинъ*, уничтоживъ одного изъ своихъ противниковъ, поворотился на шпрингѣ и сталъ бить фрегатъ *Несими-Зеферъ* и 20-ти—пушечный корветъ *Неджми-Фешанъ*. Въ часъ по полудни, когда якорная цѣпь непріятельскаго фрегата были перебита, его отбросило вѣтромъ на остатки молы, противъ греческаго предмѣстья; вскорѣ за тѣмъ выбросило и корветъ на берегъ къ батареѣ № 5-й, и на нашемъ кораблѣ ударили отбой.

Корабль *Чесма* (капитанъ 2-го ранга Микрюковъ) дѣйствовалъ противъ фрегата Навекъ-Бахри до

взрыва его, а потомъ обратилъ весь свой огонь на батареи № 4-й и № 3-й и срылъ ихъ.

Корабль *Парижъ*, (капитанъ 1-го ранга Истоминъ) подъ флагомъ контръ-адмирала Новосильскаго, при наступленіи на непріятеля, шелъ рядомъ съ кораблемъ *Императрица Марія*, и вслѣдъ за нимъ ставъ на якорь, открылъ страшный батальный огонь по 22-хъ-пушечному корвету *Гюли-Сефидъ*, по 56-ти-пушечному фрегату *Дамiадъ* и по батареѣ № 5-й. Въ 5 минутъ втораго часа по полудни взлетѣлъ на воздухъ корветъ. Въ тоже время адмиральскій фрегатъ *Ауни-Аллахъ* дрейфовалъ мимо корабля *Парижъ*, который, открывъ по немъ продольно пальбу и отбросивъ на берегъ фрегатъ *Дамiадъ*, потравилъ цѣпь и вытянувъ шпрингъ, сталъ бить 64-хъ-пушечный фрегатъ *Низамiе*. Въ два часа, фокъ и бизань-мачты турецкаго фрегата уже были сбиты, что̀ заставило его сдрейфовать къ берегу, гдѣ онъ вскорѣ загорѣлся. Тогда *Парижъ*, ставъ снова на шпрингъ, возобновилъ пальбу по батареѣ № 5-й. Въ донесеніи вице-адмирала Нахимова, сказано: „Нельзя было довольно налюбоваться прекрасными и хладнокровно расчитанными дѣйствіями корабля *Парижъ*; адмиралъ приказалъ было изъявить ему свою благодарность, во время самаго сраженія, но, къ сожалѣнію, не на чемъ было поднять сигналъ — всѣ фалы были перебиты.“

Корабль *Три Святителя* (капитанъ 1-го ранга Кутровъ) открылъ огонь по фрегатамъ 54-хъ-пушечному *Каиди-Зеферъ* и 64-хъ-пушечному *Низамiе*. Однимъ изъ первыхъ турецкихъ выстрѣловъ перебило на нашемъ кораблѣ шпрингъ, а, повернувшись по вѣтру, онъ подвергся продольнымъ выстрѣламъ батареи № 6 й, чрезъ что̀ рангоутъ его сильно пострадалъ.—Тогда, завезя на барказѣ верпъ, подъ силь-

нымъ непріятельскимъ огнемъ, и заворотивъ снова корму, корабль сталъ дѣйствовать по *Каиди-Зеферъ* и заставилъ его броситься къ берегу.

Корабль *Ростиславъ* (капитанъ 1-го ранга Кузнецовъ), ставъ весьма удачно противъ батареи № 6-й и 24-хъ-пушечнаго корвета *Фейзе-Меабуръ*, открылъ по нимъ пальбу, а такъ-же и по фрегату *Низаміе*; но потомъ, предоставя его кораблю *Парижъ*, сосредоточилъ свой огонь на корветъ и на батарею, сильно вредившую кораблю *Три Святителя*. Турецкая граната, ударивъ въ одно изъ орудій средняго дека корабля Ростиславъ, разорвала орудіе, разбила палубу и зажгла кокору и занавѣсъ, навѣшенный для подачи картузовъ нижняго дека, при чемъ 40 матросовъ были ранены и обожжены. Пожаръ на кораблѣ немедленно былъ потушенъ, но горящія части занавѣса упали въ люки крюткамеры (мѣсто храненія пороха). Нѣкоторые изъ людей, назначенныхъ въ крюткамеру, устрашенные явною опасностью, бросились къ дверямъ, но мичманъ Колокольцовъ заперъ двери, и велѣвъ накрыть люкъ и клапаны, хладнокровно принялся тушить тлѣвшіе обрывки занавѣса. Дѣйствія корабля *Ростиславъ* были вполнѣ успѣшны: корветъ *Фейзе-Меабуръ* отброшенъ на берегъ и батарея № 6-й уничтожена.

Между тѣмъ, еще въ исходѣ 1-го часа, вышелъ изъ-за турецкой боевой линіи батарейный 20-ти-пушечный пароходъ *Таифъ*, въ 450 силъ. Фрегаты *Кагулъ* и *Кулевча* погнались за нимъ, но пароходъ, безпрестанно мѣняя курсъ, наконецъ, пустилъ машину полнымъ ходомъ, обмѣнялся нѣсколькими залпами съ фрегатами и быстро вышелъ изъ-подъ ихъ выстрѣловъ. Въ половинѣ 2-го, показался изъ-за мыса пароходъ *Одесса*, подъ флагомъ генералъ-адъютанта Корнилова, который, выйдя съ тремя военными па-

роходами изъ Севастопольскаго порта, былъ замедленъ на пути къ Синопу весьма пасмурною погодою, недозволявшею опредѣлить мѣста судовъ надлежащимъ образомъ и заставившею наши пароходы лечь въ дрейфъ, что помѣшало Корнилову принять участіе въ Синопской битвѣ. Но въ двѣнадцатомъ часу, когда онъ приблизился къ Синопу, усмотрѣны были имъ изъ-за мыса флаги эскадры Нахимова и вскорѣ раздались громы сраженія происходившаго на рейдѣ. Корниловъ, завидя бѣгство *Таифа*, подалъ сигналъ слѣдовавшимъ за нимъ пароходамъ *Крымъ* и *Херсонесъ:* „Атаковать непріятеля, поставя его въ два огня"; а самъ, обратясь къ командиру парохода *Одесса*, капитанъ-лейтенанту Керну, сказалъ ему: „Объявите вашимъ матросамъ, съ какимъ-бы сильнымъ непріятелемъ не довелось-бы намъ имѣть дѣло, мой флагъ не будетъ спущенъ". — „Я уже объявилъ имъ, что, ни въ какомъ случаѣ, не спущу своего" — отвѣчалъ Кернъ. Пароходъ Таифъ, замѣтя движеніе нашихъ пароходовъ, снова перемѣнилъ курсъ, а пароходъ *Одесса* направился на перерѣзъ ему и сблизился съ нимъ. Но погоня за непріятелемъ была безуспѣшна, по значительному преимуществу его хода, и ограничилась перестрѣлкою, при чемъ на пароходѣ *Одесса* убитъ одинъ унтеръ-офицеръ и раненъ одинъ матросъ. Въ 4-мъ часу, когда успѣхъ битвы уже былъ рѣшенъ, пароходы, подойдя къ эскадрѣ, встрѣченные громогласнымъ ура, помѣстились для отвода кораблей отъ берега.

Батареи № 5-й и 6-й, почти до 4-хъ часовъ пополудни, продолжали безпокоить насъ изрѣдка калеными ядрами, (которыя, впрочемъ, не нанесли большаго вреда), пока, наконецъ, корабли *Парижъ* и *Ростиславъ* разрушили эти батареи.

Непріятельскія суда, выброшенныя на берегъ,

находились въ самомъ бѣдственномъ состояніи, и потому у насъ было приказано прекратить огонь, не смотря на то, что они не спускали флаговъ, отъ безпорядка и паническаго страха, объявшихъ турецкіе экипажи; только на одномъ изъ фрегатовъ, именно *Несими-Зеферъ*, спустили флагъ, по требованію проплывшаго мимо его на катерѣ нашего парламентера, который былъ посланъ для объявленія городскому начальству, что эскадра пришла для истребленія турецкихъ военныхъ судовъ и не станетъ вредить городу. Транспорты и купеческія суда затонули отъ попавшихъ въ нихъ ядеръ; фрегаты *Фазли-Аллахъ* (Рафаилъ), *Низаміе*, *Каиди-Зеферъ*, корветъ *Неджми-Фешанъ* и пароходъ *Эрекли* взлетѣли на воздухъ, одинъ за другимъ; отъ взрыва фрегата *Фазли-Аллахъ*, горящіе обломки его покрыли турецкую часть города, обнесенную древними каменными стѣнами, и произвели пожаръ, который усилился послѣ взрыва корвета *Неджми-Фешанъ* и, по непринятію жителями никакихъ мѣръ для потушенія огня, продолжался во все время пребыванія русской эскадры на Синопскомъ рейдѣ. Фрегаты *Даміадъ*, *Ауни-Аллахъ*, *Несими-Зеферъ* и корветъ *Фейзе-Меабуръ*, по свозѣ съ нихъ раненыхъ и плѣнныхъ, были отбуксированы къ берегу внѣ города и сожжены, какъ оказавшіеся совершенно избитыми и негодными. Потеря Турокъ убитыми и потонувшими вообще простиралась болѣе 4-хъ тысячъ человѣкъ; въ плѣнъ взято до двухъ сотъ человѣкъ. Въ числѣ плѣнныхъ находились: начальникъ эскадры *Османъ-паша*, раненый въ ногу; командиръ фрегата *Фазли-Аллахъ* (Рафаилъ) и командиръ корвета *Фейзе-Меабуръ*. Съ нашей стороны убиты: корпуса флотскихъ штурмановъ прапорщикъ Высота и флотскихъ экипажей 37 нижнихъ чиновъ; ранены: командиръ корабля *Императрица Марія*,

капитанъ 2-го ранга Барановскій; 32-го экипажа мичманъ Варницкій, который, будучи отряженъ на барказѣ и полубарказѣ, для завезенія верпа кораблю *Три Святителя*, былъ раненъ щепою въ щеку на затопленномъ тогда-же полубарказѣ, но, не смотря на то, со всѣми находившимися при немъ людьми, перескочилъ на барказъ и исполнилъ данное ему порученіе подъ сильнымъ огнемъ непріятеля; 40-го экипажа мичманъ Зубовъ; 42-го экипажа мичманъ Костыревъ; корпуса штурмановъ штабсъ-капитанъ Родіоновъ, у котораго оторвало правую руку, и прапорщикъ Плонскій, лишившійся ноги; нижнихъ чиновъ 229, изъ коихъ на кораблѣ Ростиславъ 104 человѣка. Поврежденія эскадры въ корпусѣ, рангоутѣ, такелажѣ и парусахъ были весьма значительны.

Ночью послѣ сраженія пароходы отводили корабли отъ берега, чтобы съ перемѣною вѣтра не нанесло пылавшія турецкія суда на нашу эскадру, а, между тѣмъ, приступлено къ исправленію поврежденій такелажа и рангоута. Въ продолженіи 36-ти часовъ, усердіе и знаніе морскаго дѣла офицеровъ и нижнихъ чиновъ поставили эскадру, потерпѣвшую капитальныя поврежденія, въ состояніе предпринять плаваніе, въ глубокую осень, чрезъ бурное море.

20-го ноября (2-го декабря), утромъ, корабли начали сниматься съ якоря. Наиболѣе всѣхъ обитый корабль *Императрица Марія* былъ отправленъ въ Севастополь на буксирѣ парохода *Крымъ*, при конвоѣ фрегатовъ *Кагулъ* и *Кулевча*. Корабль *Великій Князь Константинъ*, на который перенесъ свой флагъ вице-адміралъ Нахимовъ послѣ сраженія, съ поврежденными мачтами и стеньгами, вышелъ на буксирѣ парохода *Одесса*; корабли *Три Святителя* и *Ростиславъ* отправились на буксирѣ пароходовъ *Херсонесъ* и *Громоносецъ* (наканунѣ прибывшаго изъ

Севастополя); остальные корабли, менѣе потерпѣвшіе, *Парижъ* и *Чесма*, слѣдовали безъ помощи пароходовъ. За Синопскимъ мысомъ эскадра встрѣтила сильную зыбь, что заставило отдать буксиры. Ночью вѣтеръ скрѣпчалъ, отойдя къ О-ту, и суда направились подъ парусами въ Севастополь. 22-го, утромъ, вѣтеръ стихъ; пароходы опять взяли корабли на буксиръ. Послѣ полудня три корабля взошли благополучно въ Севастопольскій портъ, а къ ночи и остальные (6).

По полученіи Государемъ донесенія о Синопской побѣдѣ, послѣдовала слѣдующая Высочайшая грамата на имя вице-адмирала Нахимова.

„Истребленіемъ турецкой эскадры при Синопѣ, вы украсили лѣтопись русскаго флота новою побѣдою, которая навсегда останется памятною въ морской исторіи.

„Статутъ военнаго ордена св. великомученика и побѣдоносца Георгія указываетъ награду за вашъ подвигъ.

„Исполняя съ истинною радостью постановленіе статута, жалуемъ васъ кавалеромъ Св. Георгія второй степени большаго креста, пребывая къ вамъ Императорскою милостію нашею благосклонны“.

Контръ-адмиралу Новосильскому, сподвижнику Нахимова въ битвѣ при Синопѣ, пожалованъ орденъ Св. Георгія 3-й степени.

Вице-адмиралъ Павелъ Степановичъ Нахимовъ, главный виновникъ побѣды при Синопѣ, впослѣдствіи одинъ изъ героевъ-защитниковъ Севастополя, уже достигнувъ 53-хъ лѣтъ, до начала Восточной войны не имѣлъ случая прославить себя какимъ-либо подвигомъ, который вывелъ-бы его изъ ряда доблестной семьи черноморскаго флота, возросшей подъ руководствомъ незабвеннаго М. П. Лазарева.

Но вмѣстѣ съ извѣстіемъ о синопской битвѣ прогремѣла слава Нахимова во всѣхъ концахъ Россіи. Его имя, подобно именамъ Суворова, Кутузова, Ермолова, Кульнева, сдѣлалось у насъ народнымъ—и въ пышныхъ чертогахъ вельможи, и въ убогой хижинѣ крестьянина. Не одна свѣча, купленная на послѣднюю лепту убогой вдовицы, теплилась въ сельскомъ храмѣ, съ усердною мольбою о здравіи и долгоденствіи побѣдителя при Синопѣ. Безпрестанно получалъ онъ поздравительныя письма и стихи, замѣчательныя не даромъ творчества ихъ сочинителей, а искренностью неподдѣльнаго чувства въ нихъ выраженнаго. Павелъ Степановичъ, по врожденной ему скромности, почти никому не показывалъ этихъ посланій, но получивъ отъ какого-то богомольца, посѣтившаго Іерусалимъ, образъ Николая Чудотворца, съ совѣтомъ снять съ него двѣ копіи, одну въ большомъ видѣ для своей каюты, а другую — въ маломъ, для ношенія на груди, былъ очень обрадованъ подаркомъ и немедленно исполнилъ желаніе неизвѣстнаго почитателя. Отличаясь необыкновенною дѣятельностью, онъ, при оборонѣ Севастополя, не щадилъ ни здоровья, ни жизни, и не пережилъ утраты города, роднаго черноморскому флоту (7).

Великъ былъ восторгъ Россіи при быстро-раздавшейся вѣсти о побѣдѣ при Синопѣ. Напротивъ того, вся западная Европа встрѣтила извѣстіе о гибели турецкой эскадры съ озлобленіемъ, которое можно объяснить только тѣмъ, что англо-французскій флотъ, стоявшій въ Босфорѣ, былъ какъ-бы безучастнымъ свидѣтелемъ пораженія прикрытыхъ его эгидою Турокъ и торжества Русскихъ. Дѣйствительно—еще за четыре дня до сраженія, было извѣстно въ Константинополѣ о крейсерованіи нашей

эскадры въ виду Синопа; а 17 (29), накануне сраженія, сообщена лорду Редклифу депеша Османа-паши слѣдующаго содержанія: „Шесть линейныхъ кораблей, одинъ бригъ и два парохода постоянно держатся близъ порта, то лавируя, то ложась въ дрейфъ. Отъ шести до восьми фрегатовъ и два парохода были замѣчены у Амазры (между Синопомъ и Босфоромъ), что̀ достовѣрно. Сверхъ того, большой военный портъ непріятельскій отъ насъ близко, и по тому Русскіе могутъ усилиться, либо атаковать насъ брандерами. Если мы не получимъ подкрѣпленій и будемъ оставаться въ настоящемъ положеніи, то—чего Богъ сохрани! —нашъ флотъ подвергнется бѣдствіямъ“ (8). Конечно — въ то время уже нельзя было спасти турецкую эскадру, но союзники должны были, по крайней мѣрѣ, тотчасъ принять мѣры для ея защиты. Вмѣсто того, англо-французскій флотъ простоялъ на якорѣ въ Босфорѣ, вопреки принятому на себя союзниками обязательству: „Защищать Константинополь, либо всякую другую мѣстность Турціи, какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи, подверженную нападенію“. Но какъ союзные адмиралы не имѣли права, защищая Турцію, открыть военныя дѣйствія противъ Россіи, тогда еще находившейся въ союзѣ съ Англіею и Франціею, то и не осмѣлились войти въ Черное море. Французское и великобританское правительства, сознавая, что они сами подали поводъ къ Синопскому разгрому своими полумѣрами и демонстраціями въ пользу Турціи, уже объявившей войну Россіи, и желая отклонить отъ себя упрекъ въ пораженіи Турокъ — „подъ пушками англо-французскаго флота“—старались выказать наше нападеніе на турецкую эскадру въ видѣ вѣроломнаго нарушенія соблюдаемыхъ свято всѣми просвѣщенными народами условій народнаго

права. Публицисты Западной Европы наперерывъ увѣряли своихъ соотчичей, будто-бы существовала конвенція, на основаніи которой, театръ войны ограничивался долиною Дуная. И всѣ эти нелѣпые слухи повторялись послѣ захвата Турками форта св. Николая, на восточномъ берегу Чернаго моря, и спустя болѣе мѣсяца по объявленіи ими войны. „Послѣ такихъ военныхъ дѣйствій—пишетъ хотя и не совсѣмъ безпристрастный Кинглекъ — нельзя было отнять у Россіи право топить корабли враждебной державы. Должно сознаться такъ-же и въ томъ, что истребленіе турецкой эскадры не было совершено украдкой“, (9) какъ увѣряли современныя газеты.

Не успѣвъ запятнать славу Россіи упрекомъ въ неслыханномъ вѣроломствѣ, памфлетисты Наполеоновы старались умалить подвигъ нашего флота, какъ одержанный надъ слабымъ, почти беззащитнымъ непріятелемъ. Конечно турецкая эскадра, на которой было всего 476 орудій, уступала силою нашей, вооруженной 716-ю орудіями; но, въ замѣнъ того, у Турокъ были береговыя батареи, которыя, по неподвижности своей, имѣютъ значительное превосходство надъ колеблющимися корабельными батареями. Въ шлезвигъ-голштинскую войну, 1849 года, береговая батарея, изъ 4-хъ восмнадцати-фунтовыхъ орудій, поставленная противъ входа въ экернфердскую гавань, взорвала линейный корабль *Христіанъ VIII* и заставила спустить флагъ фрегатъ *Гефіонъ* съ тремя стами матросовъ. Если-бы Османъ-паша дѣйствовалъ искуснѣе, расположивъ свою эскадру не вдоль города, а южнѣе его, и уставя бухту орудіями съ бортовъ обращенныхъ къ берегу, то встрѣтилъ-бы эскадру Нахимова жесточайшимъ и болѣе дѣйствительнымъ огнемъ и не

подвергъ-бы города неминуемому разрушенію. Но турецкій адмиралъ не успѣлъ принять мѣръ ни для противодѣйствія Нахимову, ни для спасенія судовъ своихъ. Изъ всѣхъ непріятельскихъ моряковъ, тогда находившихся въ Синопѣ, только лишь капитанъ Следъ (англичанинъ-ренегатъ), понявъ опасность угрожавшую турецкой эскадрѣ, ушелъ на пароходѣ *Таифъ* въ Константинополь и принесъ туда вѣсть о пораженіи при Синопѣ ([10]).

ГЛАВА VII.

Дѣла при Четати и Фонтына-Банулуй.

(19 (31) и 25 декабря 1853 (6 генваря 1854) года).

Обращусь къ изложенію военныхъ дѣйствій на Дунаѣ.

Въ концѣ ноября, начальство надъ Мало-Валахскимъ отрядомъ (1) поручено было, вмѣсто генералъ-лейтенанта Фишбаха, генералъ-адъютанту графу Анрепъ-Эльмпту. Въ это время Турки уже собрали въ Калафатѣ до 20-ти тысячъ человѣкъ большею частью регулярнаго войска съ 50-ю орудіями. На острову противъ Видина были сооружены ими четыре батареи, съ тремя орудіями на каждой. У Видина стояло множество лодокъ, которыя, вмѣстѣ съ буксирнымъ пароходомъ, постоянно ходили между Видиномъ и Калафатомъ. Непріятельскіе посты были выдвинуты къ селеніямъ Пояны и Голенцы.

Русскій отрядъ стоялъ въ Краіовѣ. Еще до прибытія Анрепъ-Эльмпта, былъ составленъ авангардъ изъ трехъ эскадроновъ гусарскаго принца Фридриха Карла Прусскаго (Ахтырскаго) полка и двухъ съ половиною сотень казаковъ, подъ начальствомъ флигель-адъютанта князя Васильчикова. Этотъ аван-

гардъ, выдвинутый по дорогѣ на Калафатъ, къ Радованъ, получилъ назначеніе производить безпрестанно поиски въ различныхъ направленіяхъ и не позволять турецкимъ партіямъ пользоваться средствами края. Исполненіе такого порученія, требовавшее столько же смѣлости, сколько и осторожности, было весьма затруднительно, и въ особенности по тому, что жители, позабывъ всѣ прежнія благодѣянія нашего правительства, увлекались увѣреніями валахскихъ выходцевъ, участвовавшихъ въ смутахъ 1848 года, которые. обольщая своихъ земляковъ несбыточными надеждами, побуждали ихъ покровительствовать турецкимъ агентамъ и извѣщать ихъ о движеніяхъ русскихъ отрядовъ.

Какъ изъ всѣхъ свѣдѣній о непріятелѣ оказывалось, что Турки были намѣрены дѣйствовать наступательно со стороны Калафата, то, по распоряженію князя Горчакова, двинулись въ Малую Валахію, въ подкрѣпленіе стоявшимъ тамъ войскамъ, сперва Одесскій егерскій полкъ, а потомъ полки Азовскій и Днѣпровскій пѣхотные и Украинскій егерскій, всѣ четыре батареи 12-й артиллерійской бригады и двѣ роты 4-го сапернаго баталіона. Но всѣ эти подкрѣпленія, за исключеніемъ Одесскаго полка, прибывшаго въ Краіово 19 (31) декабря, могли придти туда не прежде послѣднихъ чиселъ этого мѣсяца (въ первой половинѣ января 1854 года по н. ст.).

Графъ Анрепъ, прибывъ въ Краіово, 29 ноября (11 декабря), нашелъ взволнованною всю страну въ окрестностяхъ Калафата. Жители придунайскихъ селеній, возбужденные эмигрантами Аполоніемъ и Могерою, неповиновались мѣстнымъ властямъ, грабили мирныхъ гражданъ, и даже отправили въ Калафатъ нѣсколько греческихъ купцовъ, ими захва-

ченныхъ. Тогда-же получено свѣдѣніе о появленіи турецкихъ разъѣздовъ у сел. Скрипетулъ.

17 (29) декабря, генералъ-маіоръ Бельгардъ, съ двумя баталіонами Тобольскаго пѣхотнаго полка, однимъ эскадрономъ гусаръ князя Варшавскаго (Александрійскаго) полка, и съ нѣсколькими казаками и драбантами, при 4-хъ орудіяхъ, былъ посланъ для усмиренія жителей Сальчи и Кушмира и для развѣданія страны вверхъ по Дунаю. По прибытіи въ Четати, генералъ Бельгардъ отобралъ у граничаръ 80 ружей. На слѣдующій день, оставя у Четати полковника Баумгартена, съ однимъ баталіономъ Тобольскаго полка, при 2-хъ орудіяхъ, однимъ взводомъ гусаръ и 25-ю казаками, Бельгардъ съ остальными войсками двинулся чрезъ Кушміръ въ Брачешти и не встрѣтилъ нигдѣ сопротивленія со стороны жителей. За тѣмъ, 19 (31) декабря, выславъ впередъ къ Груѣ и Изворели полковника Костанду, съ гусарами и драбантами, Бельгардъ слѣдовалъ за нимъ съ Тобольскимъ баталіономъ и 2-мя орудіями, но получивъ донесеніе полковника Баумгартена, о нападеніи на него Турокъ, въ превосходныхъ силахъ, обратился назадъ чрезъ Сальчи къ Четати и прибылъ туда въ 8 часовъ вечера (2).

Между тѣмъ, 19-го-же (31-го) декабря, еще въ 8 часовъ утра, полковникъ Баумгартенъ, узнавъ о наступленіи непріятельской кавалеріи, въ числѣ отъ полуторы до двухъ тысячъ человѣкъ, къ Четати, вывелъ свой баталіонъ изъ селенія, и расположился на картечный отъ него выстрѣлъ, по Ульмуской дорогѣ, въ крѣпкой позиціи, фронтомъ къ Четати, между рвомъ, прикрывавшимъ его лѣвый флангъ, и крутымъ спускомъ къ Дунаю, къ которому примыкалъ его правый флангъ. 4-я гренадерская рота

и штуцерные были оставлены въ Четати, для первой встрѣчи непріятеля.

Турецкая кавалерія, быстро ворвавшись въ селеніе, заставила нашихъ гренадеръ и штуцерныхъ отойти на позицію къ баталіону. Вслѣдъ за тѣмъ, непріятель, по выходѣ изъ селенія, устремился противъ нашей позиціи, но, встрѣченный картечью, былъ принужденъ обратиться назадъ; атаки его на фланги нашего небольшаго отряда также были отражены съ урономъ. Послѣ этихъ безуспѣшныхъ покушеній, турецкая кавалерія, обскакавъ позицію, появилась въ тылу Тобольскаго баталіона. Не смотря на неудачу своихъ атакъ, непріятель имѣлъ дерзость прислать къ полковнику Баумгартену парламентера съ предложеніемъ сдаться. Отвѣтомъ ему были картечные выстрѣлы и огонь густой цѣпи застрѣльщиковъ, разсыпанныхъ во рву и за насыпью. Непріятель, не успѣвъ разстроить нашъ баталіонъ, снова обратился противъ примыкавшаго ко рву лѣваго фланга Тобольцевъ, а въ тылу нашей позиціи оставилъ до двухъ сотъ человѣкъ, которые, спѣшившись, завязали перестрѣлку съ нашими штуцерными. Но 4-я гренадерская рота, подъ командою штабсъ-капитана Грицая 1-го, опрокинула Турокъ и заставила ихъ отступить. Непріятель, не успѣвъ во всѣхъ своихъ нападеніяхъ, ушелъ по направленію на Гунію и Модлавиту. Весьма замѣчательно, что въ этомъ дѣлѣ, продолжавшемся около четырехъ часовъ, Турки потеряли, по показанію жителей селенія Четати, 26 человѣкъ убитыми и 35 ранеными, а съ нашей стороны легко раненъ въ руку одинъ оберъ-офицеръ ([3]).

Графъ Анрепъ-Эльмптъ, имѣя въ виду стѣснить кругъ дѣйствій непріятеля, занимавшаго Калафатъ, расположилъ, 22 декабря (3 января 1854 г.), войска

Мало-Валахскаго отряда слѣдующимъ образомъ: *въ Быйлешти,* отрядный штабъ, съ $3^1/_2$ баталіонами Екатеринбургскаго пѣхотнаго полка (*), батарейною № 1 батареей 10-й артиллерійской бригады, конно-легкою № 10 батареей, дивизіономъ гусаръ принца Фридриха Карла и двумя сотнями донскаго № 38 полка. *Въ Четати*—3 баталіона Тобольскаго пѣхотнаго полка (**), 6 орудій легкой № 1 батареи 10-й артиллерійской бригады, одинъ эскадронъ гусаръ князя Варшавскаго и сотню Донскаго № 38 полка, подъ начальствомъ полковника Баумгартена. Для связи между этими отрядами, а, въ случаѣ надобности, и для подкрѣпленія ихъ, поставленъ *въ* сел. *Моцецей* Одесскій егерскій полкъ, съ 6-ю орудіями легкой № 1 батареи 10-й артиллерійской бригады, дивизіономъ гусаръ князя Варшавскаго и сотнею казаковъ донскаго № 38 полка, подъ начальствомъ генералъ-маіора Бельгарда. Пять эскадроновъ гусаръ принца Фридриха-Карла стояли въ сел. *Синешти-Круга*, имѣя одинъ эскадронъ на аванпостахъ *въ* сел. *Ковей-де-судъ*; а пять эскадроновъ гусаръ князя Варшавскаго находились въ сел. *Чироя* ([4]).

Омеръ-паша, не успѣвъ въ предположенныхъ имъ наступательныхъ дѣйствіяхъ со стороны Ольтеницы, сталъ сосредоточивать силы въ Видинѣ, гдѣ, по тогдашнимъ слухамъ, собралось вмѣстѣ съ войсками, стоявшими въ Калафатѣ, до 40 тысячъ человѣкъ.

Между тѣмъ наше правительство, убѣдившись, что занятіемъ Дунайскихъ княжествъ нельзя было достигнуть цѣли войны, рѣшилось усилить армію князя Горчакова: съ этою цѣлью былъ направленъ

(*) Двѣ роты оставались въ Радованѣ, для прикрытія вагенбурга.
(**) Три роты были въ Краіовѣ и одна въ Славатинѣ.

валось въ резервѣ только три роты, рѣшился перейти на другую позицію, гдѣ онъ, 19-го (31) декабря, съ однимъ баталіономъ Тобольцевъ, успѣлъ отразить настойчивыя атаки турецкой кавалеріи. Отвлекая въ слѣдъ за собою непріятеля далѣе отъ Гувіи, Баумгартенъ надѣялся доставить возможность ожидаемому имъ въ помощь изъ Моцецей отряду генерала Бельгарда атаковать Турокъ въ тылъ и отрѣзать имъ путь отступленія.

Войска наши были отведены за Четати въ слѣдующемъ порядкѣ: остававшіяся въ резервѣ 7-я и 8-я мушкатерскія роты съ 2-мя орудіями расположены у входа въ сел. Четати, а въ резервѣ ихъ стала 1-я гренадерская рота. Подъ прикрытіемъ этихъ частей, прочія войска вошли въ Четати, гдѣ, для удержанія непріятеля и охраненія фланговъ, размѣщены были съ правой (ближайшей къ Дунаю) стороны 11-я и 12-я, а съ лѣвой – 9-я и 3-я мушкатерскія роты. При выходѣ изъ селенія Фонтына-Банулуй, 12-я рота поручика Калакуцкаго, атакованная двумя баталіонами, построилась въ колонну, и какъ только приблизились Турки, 1-й взводъ, сдѣлавъ по нимъ залпъ, раздался бѣгомъ въ обѣ стороны, чтобы очистить фронтъ 2-го взвода и сталъ позади 3-го; затѣмъ, когда 2-й и 3-й взводы, въ свою очередь, такъ-же сдѣлали залпы, вся рота, съ громкимъ крикомъ ура, ударила въ штыки и опрокинула уже разстроеннаго огнемъ непріятеля. При переходѣ изъ Фонтына-Банулуй въ Четати, 1-я и 2-я мушкатерскія роты были атакованы поднявшеюся на высоту кавалеріей, но отразили ее залпами и штыками. Здѣсь пали командиры обѣихъ ротъ, капитаны фонъ-Вригтъ и Бантышъ. За тѣмъ двѣ колонны турецкой пѣхоты, которыя покушались ворваться съ лѣвой стороны въ сел. Четати, были

встрѣчены 9-ю ротою, подъ командою капитана Шумакова, и такъ-же отражены съ урономъ.

Полковникъ Баумгартенъ, выходя изъ Четати, для занятія избранной имъ позиціи, замѣтилъ, что уже на ней стояла многочисленная турецкая кавалерія, съ шестью конными орудіями, которыя открыли огонь по нашимъ войскамъ выходившимъ изъ селенія. Полковникъ Баумгартенъ, съ находящимся при немъ 3-мъ баталіономъ, быстро двинулся впередъ и ударилъ въ штыки съ такою стремительностью, что Турки, кинувшись назадъ, успѣли увезти только четыре орудія; прочія-же два были захвачены 8-ю и 9-ю Тобольскими ротами. При этой атакѣ, командиръ 3-го баталіона, маіоръ Коломейцовъ получилъ двѣ раны, но остался на своемъ мѣстѣ до конца дѣла. Турецкая кавалерія бросилась отбивать захваченныя Тобольцами орудія; но 8-й эскадронъ гусаръ князя Варшавскаго полка, подъ командою ротмистра Ерасія 1, и 4-я сотня Донскаго № 38-го полка, ударили на правый флангъ непріятеля и завязали съ нимъ рукопашный бой, который продолжался около пяти минутъ, подъ сильнымъ огнемъ двухъ ротъ, 8-й и 9-й, стоявшихъ всего въ 50 шагахъ, за валомъ. Непріятельская кавалерія, построенная въ густой колоннѣ по-эскадронно, поражаемая съ фланга сильнымъ, убійственнымъ огнемъ, бросилась вправо къ оврагу, оставя въ нашихъ рукахъ еще четыре орудія съ подбитыми лафетами и зарядный ящикъ. Эти орудія, по невозможности ихъ увезти, были заклепаны, а лафеты изрублены.

Полковникъ Баумгартенъ, занявъ съ боя позицію, расположилъ на ней войска фронтомъ къ выходу изъ сел. Четати, прикрылъ ихъ съ тыла 8-ю и 9-ю ротами и цѣпью штуцерныхъ, разсыпанныхъ по валу, и рѣшился защищаться до послѣдней крайности.

Непріятель, выдвинувъ батарею въ шесть орудій. изъ селенія, противъ нашего фронта, и поставя двѣ другія, каждую въ четыре орудія, противъ лѣваго фланга, повелъ атаку пѣхотою въ нашъ правый флангъ. Но штабсъ-капитанъ Ляпуновъ, съ 10-ю мушкетерскою ротою, спустившись съ высоты по косогору, встрѣтилъ ближайшую турецкую колонну батальнымъ огнемъ и опрокинулъ ее штыками; вторичная атака непріятеля такъ-же была отбита 10-ю ротою; здѣсь Ляпуновъ былъ раненъ въ голову. За тѣмъ два турецкіе баталіона возобновили нападеніе, но были отражены 10-ю, 11-ю и 7-ю ротами. Тогда-же непріятельская кавалерія производила атаки на нашъ лѣвый флангъ, но каждый разъ была удерживаема огнемъ пѣхоты и артиллеріи. 10-й артиллерійской бригады штабсъ-капитанъ Гиршхейдъ и поручикъ Липарскій, потерявъ почти всю прислугу при орудіяхъ, сами дѣйствовали банниками и исполняли обязанности другихъ нумеровъ.

Упорный кровопролитный бой уже длился около четырехъ часовъ; въ нашей артиллеріи оказался недостатокъ въ снарядахъ и мы принуждены были стрѣлять картечью, найденною въ отбитомъ у Турокъ зарядномъ ящикѣ. Въ отрядѣ Баумгартена большая часть людей выбыла изъ рядовъ; непріятель, дѣйствуя противъ насъ съ лѣваго фланга и съ фронта канонадою и огнемъ штуцерныхъ, а съ праваго фланга атаками пѣхоты, готовился нанести рѣшительный, послѣдній ударъ остававшейся предъ нимъ горсти храбрыхъ, какъ вдругъ, въ тылу его, раздались пушечные выстрѣлы. Это заставило Турокъ пріостановиться; нѣсколько минутъ спустя, начала отходить назадъ ихъ кавалерія; а потомъ снялись съ позиціи и батареи, дѣйствовавшія противъ насъ съ лѣваго

фланга; батарея-же, стоявшая съ фронта, продолжала канонаду (5).

Причиною отступленія Турокъ было прибытіе на поле сраженія русскаго отряда, стоявшаго въ селеніи Моцецей.

25-го декабря, около восьми часовъ утра, тамъ услышана была канонада, гремѣвшая въ сторонѣ Четати. Ударили тревогу, и въ 8 часовъ Одесскіе егеря, прибывшіе изъ Бухареста въ сел. Моцецей, совершивъ трудный, по времени года, трехъ-сотъ-верстный переходъ въ 15 дней, уже были готовы къ выступленію. Командиръ полка, генералъ-маіоръ Жигмонтъ, поздоровавшись съ людьми, приказалъ имъ снять ранцы и оставить ихъ въ вагенбургѣ; потомъ скомандовалъ *на молитву* и послѣ краткой молитвы: „Рождество твое, Христе Боже нашъ", поздравя полкъ съ торжественнымъ праздникомъ и съ предстоящею побѣдою, выступилъ въ 9 часовъ къ Четати. Войскà, стоявшія въ сел. Моцецей, подъ начальствомъ генералъ-маіора Бельгарда, направились двумя колоннами: самъ Бельгардъ, съ 1-мъ и 2-мъ баталіонами Одесскаго полка, при 4-хъ орудіяхъ, шелъ по дорогѣ къ Гуніи, чтобы стать на пути отступленія непріятеля; а 3-й и 4-й Одесскіе баталіоны, (оставя 9-ю и 12-ю роты въ Моцецей, для прикрытія вагенбурга), при 2-хъ орудіяхъ, подъ начальствомъ Жигмонта, двинулись къ Фонтына-Банулуй, въ помощь Тобольцамъ. Полковникъ Костанда, съ дивизіономъ гусаръ и сотнею казаковъ, былъ высланъ впередъ, къ Гуніи, для развѣданія о непріятелѣ.

Генералъ Бельгардъ, получивъ на маршѣ отъ полковника Костанды извѣстіе, что селеніе Гунія слабо занято непріятелемъ, приказалъ 1-му и 2-му баталіонамъ повернуть вправо, къ Четати. Въ 12-мъ часу,

Одесскій полкъ былъ уже въ виду непріятельскихъ постовъ, у сел. Фонтына-Банулуй. Канонада и перестрѣлка у Четати постепенно умолкали; очевидно было, что Турки, узнавъ о появленіи въ ихъ тылу русскихъ войскъ, прекратили наступленіе на Баумгартена и обратились противъ отряда Бельгарда.

Войска генерала Бельгарда, для нападенія на непріятеля, занимавшаго селеніе Фонтына-Банулуй, были расположены слѣдующимъ образомъ: Одесскій полкъ построенъ въ ротныя колонны. На правомъ крылѣ сталъ генералъ Жигмонтъ съ шестью ротами 3-го и 4-го баталіоновъ: четыре егерскія—въ первой линіи, а двѣ карабинерныя — въ резервѣ; два орудія — въ интервалѣ между баталіонами; шесть ротъ (4 перваго и 2 втораго баталіона), подъ начальствомъ генерала Бельгарда, расположенныя по три въ первой линіи и въ резервѣ, составили центръ; четыре орудія— на высотахъ между ротами; а остальныя двѣ роты 2-го баталіона (2-я карабинерная и 5-я егерская) и кавалерія находились на лѣвомъ крылѣ.

Какъ только Одесцы подошли на пушечный выстрѣлъ къ Фонтына-Банулуй, непріятель открылъ по нимъ сильную канонаду, на которую въ отвѣтъ, сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ, генералъ Бельгардъ приказалъ идти впередъ всѣмъ колоннамъ первой линіи.

Турецкія войска тогда стояли въ слѣдующемъ боевомъ порядкѣ: въ первой линіи, за передними окопами селенія Фонтына-Банулуй, укрывались нѣсколько развернутыхъ баталіоновъ; во второй линіи, такъ-же за окопами, внутри селенія, стояли густыя пѣхотныя колонны, имѣя передъ собою на возвышеніяхъ артиллерію, а по флангамъ—многочисленную кавалерію, съ конными орудіями. Одна изъ конныхъ

батарей, съ прикрытіемъ штуцерныхъ, была выдвинута на два кургана, въ лѣвый флангъ нашей боевой линіи, и дѣйствуя продольными выстрѣлами, наносила намъ большой вредъ, не смотря на искусное дѣйствіе русской артиллеріи, которой удалось подбить одно изъ непріятельскихъ орудій.

Непріятель сильно поражалъ наступавшія противъ него колонны, но ни картечь его, ни мѣткій огонь штуцерныхъ, не могли поколебать славную нашу пѣхоту. Роты, въ головѣ коихъ шли баталіонные и ротные командиры, теряли цѣлые ряды, но сохраняли порядокъ строя. Самъ командиръ полка велъ въ бой 7-ю и 8-ю егерскія роты и въ самомъ началѣ наступленія былъ раненъ пулею въ правую лопатку; но солдаты его, выдержавъ, у самыхъ окоповъ, убійственный батальный огонь цѣлаго баталіона, бросились въ штыки, выбили Турокъ изъ-за окопа, и не давъ имъ времени опомниться, заняли другой валъ. Такимъ образомъ зайдя во флангъ непріятелю, 7-я и 8-я роты открыли огонь по турецкой пѣхотѣ и отразили атаку цѣлаго кавалерійскаго полка. Собравшись въ кучку около своего раненаго полковаго командира, 7-я и 8-я роты хладнокровно допустили къ себѣ на 80 шаговъ турецкую кавалерію и открыли по ней батальный огонь; въ нѣсколько минутъ все пространство кругомъ горсти храбрыхъ было завалено трупами непріятельскихъ всадниковъ и лошадей.

Одновременно съ наступленіемъ ротъ 3-го и 4-го баталіоновъ, ротныя колонны 1-го и 2-го баталіоновъ, подъ личнымъ начальствомъ генералъ - маіора Бельгарда, атаковали центръ непріятельской позиціи; 2-я егерская рота остановилась было, когда былъ тяжело раненъ командиръ ея штабсъ-капитанъ Ведель; но командиръ 1-го баталіона полковникъ Захаровъ, замѣтивъ эту остановку въ движеніи, под-

скакалъ къ ротѣ и самъ повелъ ее въ штыки, при чемъ оба наступавшіе баталіона, встрѣченные батальнымъ огнемъ Турокъ изъ-за окоповъ и поражаемые во флангъ съ батарей, мгновенно потѣряли обоихъ командировъ своихъ, полковника Захарова и маіора Стефанскаго, и нѣсколько офицеровъ, но не остановились. Когда-же дошло дѣло до рукопашной схватки, генералъ Бельгардъ нѣсколько разъ бросался въ штыки съ ротными колоннами 1-го и 2-го баталіоновъ. Замѣтивъ, что пальба въ сторонѣ Четати ослабла, и что онъ успѣлъ отвлечь отъ полковника Баумгартена значительную часть непріятельскихъ силъ, генералъ Бельгардъ нашелъ безполезнымъ продолжать дальнѣйшій натискъ на превосходднаго въ силахъ непріятеля и отвелъ 1-й и 2-й баталіоны назадъ. При отступленіи Одесцевъ, отъ Фонтына-Банулуй, Турки бросились было изъ-за окоповъ впередъ, но встрѣченные огнемъ 1-го баталіона и ударомъ въ штыки, поспѣшно укрылись въ селеніи, съ большею потерею.

Между тѣмъ—7-я и 8-я роты, по отраженіи ими кавалеріи, были атакованы съ фронта огромною массою турецкой пѣхоты, и съ фланга—другимъ кавалерійскимъ полкомъ, при чемъ потеряли убитыми баталіоннаго и ротнаго командировъ, храбраго подполковника Борщова и штабсъ-капитана Никулина, и еще трехъ оберъ-офицеровъ. Командиръ полка, получивъ другую рану въ руку, обезсиленный отъ потери крови, сѣлъ на лошадь и почти тотчасъ-же упалъ, сильно контуженный осколкомъ гранаты, убившей подъ нимъ лошадь. Находившіеся при немъ унтеръ-офицеръ Иващенко и рядовой Остапчукъ подняли его и поддерживали за руки до тѣхъ поръ, пока роты перешли на другую позицію; только тогда

генералъ Жигмонтъ былъ вынесенъ за-мертво своими подчиненными ([6]).

Непріятель, вслѣдъ за выступленіемъ Одесцевъ изъ Фонтына-Банулуй, получивъ извѣстіе о движеніи къ Модлавитѣ стоявшаго въ Быйлешти русскаго отряда, спѣшилъ отступить по двумъ дорогамъ: на Голенцы и Модлавиту, въ лагерь при Калафатѣ ([7]).

Въ Быйлешти, гдѣ стояли главныя силы Мало-Валахскаго отряда ([8]), подъ личнымъ начальствомъ генералъ-адъютанта графа Анрепа, былъ такъ-же услышанъ гулъ канонады, гремѣвшей у Четати, въ то самое время, когда въ главномъ отрядѣ отправлялось Богослуженіе. За тѣмъ былъ произведенъ церковный парадъ. Въ артеляхъ варили кашу, но солдаты слыша пальбу, которая постепенно усиливалась, опрокинули котлы, не выжидая, пока будетъ готова ихъ пища, и рвались въ бой, на выручку своихъ товарищей. Наконецъ приказано выступить. Войска двинулись по дорогѣ къ Модлавитѣ и могли-бы отрѣзать хотя нѣкоторую часть турецкихъ войскъ, при обратномъ ихъ движеніи къ Калафату. Но, по достиженіи сел. Скрипетулъ, графъ Анрепъ, получа свѣдѣніе о движеніи генерала Бельгарда къ Фонтына-Банулуй, счелъ излишнимъ дальнѣйшее наступленіе и полагая цѣль свою достигнутою, возвратился съ войсками въ Быйлешти. Вечеромъ того-же дня послано имъ генералу Бельгарду приказаніе — идти къ Четати, на соединеніе съ полковникомъ Баумгартеномъ. Но, между тѣмъ, изнуренный неравнымъ боемъ отрядъ Бельгарда уже отошелъ къ сел. Моцецей, гдѣ, при наступленіи ночи, присоединился къ нему и отрядъ Баумгартена. Встрѣтясь съ Одесцами, Тобольцы обнимали ихъ, называя своими спасителями; а командиръ Тобольскаго полка Баумгартенъ, въ письмѣ къ генералъ-лейтенанту Бельгарду,

(напечатанномъ послѣднимъ въ „Русскомъ Инвалидѣ“), выразился, что „если-бы Одесцы пришли къ мѣсту боя получасомъ позже, то не существовало-бы Тобольскаго полка“.

Съ нашей стороны, въ концѣ дѣла, принимали участіе въ бою при Четати и Фонтына-Банулуй всего на все $6^1/_2$ баталіоновъ, 3 эскадрона и 2 казачьи сотни, т. е. 4 тысячи съ небольшимъ человѣкъ, при 12-ти орудіяхъ, противъ 18-ти тысячъ человѣкъ съ 24—30 орудіями. При столь огромной несоразмѣрности въ силахъ, потеря наша весьма естественно была значительна, тѣмъ болѣе, что полковникъ Баумгартенъ, съ 3-мя баталіонами и 6-ю орудіями, долженъ былъ обороняться, въ продолженіи трехъ часовъ, противъ непріятеля, почти въ десять разъ сильнѣйшаго, а генералу Бельгарду, для отвлеченія Турокъ отъ Тобольскаго полка, пришлось атаковать крѣпкую позицію, сильно занятую непріятельскими войсками. Въ отрядѣ полковника Баумгартена убито: штабъ-офицеровъ 1, оберъ-офицеровъ 11, нижнихъ чиновъ 511; ранено: штабъ-офицеровъ 2, оберъ-офицеровъ 21, нижнихъ чиновъ 801; всего-же убито и ранено 1347 человѣкъ, т. е. большая часть людей состоявшихъ на лицо. Въ отрядѣ генералъ-маіора Бельгарда убито: штабъ-офицеровъ 4, оберъ-офицеровъ 6, нижнихъ чиновъ 299; ранены: генералъ-маіоръ Жигмонтъ, оберъ-офицеровъ 8, нижнихъ чиновъ 357, всего-же убыло 675 человѣкъ. Но изъ этого числа многіе легко-раненые обоихъ отрядовъ, по собственному желанію, оставлены во фронтѣ. Уронъ непріятеля въ точности неизвѣстенъ, но, по всей вѣроятности, былъ гораздо болѣе нашего, и это можно заключить какъ изъ поспѣшнаго отступленія Турокъ къ Калафату, такъ изъ того, что все поле отъ Четати до Гуніи было завалено

ихъ трупами (9). Даже по свидѣтельству Герена, Турки потеряли 1038 человѣкъ (10). Какъ этотъ военный писатель, извѣстный ненавистью къ Русскимъ, увеличилъ нашъ уронъ въ два съ половиною раза, то можно считать за вѣрное, что онъ во столько-же разъ уменьшилъ число убитыхъ и раненыхъ Турокъ. Кромѣ двухъ орудій, отбитыхъ у непріятеля русскими войсками, заклепаны четыре, брошенныя на позиціи при Четати, захвачено до трехъсотъ ружей и штуцеровъ и два сотенныхъ значка (байрака) (11). Не смотря однакоже на эти трофеи, дѣло при Четати было выказано французскими публицистами въ видѣ блистательной побѣды Турокъ. Но правдивое изложеніе фактовъ не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что полковникъ Баумгартенъ съ своими Тобольцами, а равно генералы Бельгардъ и Жигмонтъ съ Одессцами, достойно поддержали славу русскаго оружія. Если-бы графъ Анрепъ поступилъ точно такъ-же, какъ подчиненные ему, и услыша канонаду въ сторонѣ Четати, тотчасъ выступилъ въ помощь сражавшимся войскамъ, то, занявъ Модлавиту въ 12-мъ часу, либо, еще лучше, Голенце въ 1-мъ часу пополудни, могъ-бы совершенно истребить Турокъ, уже обезсиленныхъ боемъ при Четати и Фонтына-Банулуй. Но, повидимому, Анрепъ, столь неоспоримо доказавшій свою личную храбрость въ прежнихъ войнахъ, не оцѣнилъ выгодъ своего положенія и чрезъ то потерялъ случай одержать славную побѣду.

Императоръ Николай Павловичъ, въ воздаяніе отличнаго подвига, оказаннаго нашими войсками въ сраженіи при Четати и Фонтына-Банулуй, наградилъ главныхъ виновниковъ его: полковника Баумгартена производствомъ въ генералъ-маіоры и орденомъ Св. Георгія 3-й степени; генералъ-маіоровъ

Бельгарда и Жигмонта—золотыми шпагами, украшенными бриллiантами, съ надписью: „за храбрость“.

Тѣмъ не менѣе однако-же Государь „съ сердечнымъ сокрушенiемъ узнавъ объ огромной потерѣ войскъ, ничуть не соразмѣрной съ предметомъ, а еще менѣе понятной“, изъявилъ князю Горчакову свое неудовольствiе въ слѣдующихъ выраженiяхъ: „Реляцiя писана такъ не ясно, такъ противорѣчиво, такъ неполно, что я ничего понять не могу. Я уже обращалъ твое вниманiе на эти донесенiя, писанныя столь небрежно и дурно, что выходятъ изъ всякой мѣры. Въ послѣднiй разъ требую, чтобъ въ рапортахъ ко мнѣ писана была *одна правда* какъ есть, безъ романовъ и пропусковъ, вводящихъ меня въ совершенное недоумѣнiе о происходившемъ. Здѣсь напримѣръ: 1) За чѣмъ войска были растянуты такъ, что въ Четати стоялъ Баумгартенъ, съ 3 б., въ Моцецѣ Бельгардъ съ 4-мя, а Анрепъ въ Быйлешти, на оконечномъ лѣвомъ флангѣ, съ главнымъ резервомъ. 2) За чѣмъ, по первому свѣдѣнiю о движенiяхъ Турокъ, Анрепъ не пошелъ имъ прямо въ тылъ, что кажется просто было, и отъ чего-бы, вѣроятно, изъ нихъ-бы никто не воротился въ Калафатъ. 3) Отчего Анрепъ, съ 15-ю эскадронами и конной батареей, опоздалъ и не преслѣдовалъ бѣгущихъ Турокъ? Все это мнѣ объясни, ибо ничего этого изъ реляцiи понять не можно.

„Ежели такъ будемъ тратить войска, то убьемъ ихъ духъ и никакихъ резервовъ не достанетъ на ихъ пополненiе. Тратить надо на рѣшительный ударъ—гдѣ же онъ тутъ??? Потерять 2 т. человѣкъ лучшихъ войскъ и офицеровъ, чтобъ взять 6 орудiй и дать Туркамъ спокойно воротиться въ свое гнѣздо, тогда какъ надо было радоваться давно желанному случаю, что они, какъ дураки, вышли въ

поле, и не дать уже ни одной душѣ воротиться; это просто задача, которой угадать не могу, но душевно огорченъ, видя подобныя распоряженія.

„И такъ, спѣши мнѣ это все разъяснить и прими мѣры, чтобъ впредь безплодной траты людей не было; это грѣшно, и вмѣсто того, чтобъ приблизить къ нашей цѣли, удаляетъ отъ оной; ибо тратимъ безплодно драгоцѣнное войско тогда, когда еще много важнаго предстоитъ и обстоятельства все болѣе и болѣе становятся грозными.

„Спѣши представить къ наградѣ отличившихся и не забудь объ убитыхъ и раненыхъ; пришли имъ списки“ ([12]).

Князь Горчаковъ, въ письмѣ къ Государю, приводилъ въ извиненіе неясности своей реляціи о дѣлѣ при Четати то, что донесеніе отряднаго начальника было не отчетливо, и что офицеръ, привезшій его, не былъ самъ въ дѣлѣ. Что-же касается распоряженій генерала Анрепа, то, по мнѣнію князя Горчакова, они были ошибочны, о чемъ еще прежде онъ писалъ военному министру ([13]). Тогда-же онъ доставилъ подробную реляцію о сраженіи при Четати и записку о дѣйствіяхъ въ Малой Валахіи, въ коей оправдывалъ раздѣленіе силъ тамошняго отряда передъ дѣломъ при Четати необходимостью охранять спокойствіе края, волнуемаго выходцами-революціонерами, и исчислялъ всѣ ошибки Анрепа, именно: во 1-хъ, что напрасно оставилъ часть своихъ войскъ въ Четати; во 2-хъ, что не сдѣлалъ распоряженій къ своевременному сбору своей кавалеріи у Быйлешти; въ 3-хъ, что, услыша выстрѣлы со стороны Четати, не пошелъ немедленно туда изъ Быйлешти; въ 4-хъ, что, по прибытіи въ Скрипетулъ, остановился тамъ, а не двинулся, (какъ прежде предполагалъ самъ), къ Модлавитѣ, въ тылъ

непріятелю, „При семъ я долженъ сказать—писалъ князь Горчаковъ—что хотя первая атака Одесскаго егерскаго полка на непріятеля, занимавшаго окопы, близь Фонтына-Банулуй, была отбита, но дальнѣйшій бой этого полка заслуживаетъ всякой похвалы; упорство, съ какимъ этотъ полкъ сражался, дало возможность полковнику Баумгартену отбиться" (14).

Государь, прочитавъ эту записку, писалъ князю Горчакову: „Подробности дѣла подъ Четати читалъ Я съ величайшимъ любопытствомъ. Это Меня утвердило въ Моемъ прежнемъ мнѣніи. Нахожу, что Анрепъ *оплошалъ* непростительно; авось загладитъ въ будущемъ, но подобные случаи къ пораженію не часто представляются. Надѣюсь, что Липранди (*) будетъ остороженъ..." (15).

(*) Павелъ Петровичъ Липранди, назначенный, вмѣсто графа Анрепъ-Эльмпта, начальникомъ Мало-Валахскаго отряда.

ГЛАВА VIII.

Дѣйствія русскихъ отрядовъ на Дунаѣ въ началѣ 1854 года.

(Отъ начала (половины) января до начала (половины) марта 1854 года).

Послѣ дѣла при Четати, князь Горчаковъ, рѣшась обложить Калафатъ, чтобы преградить непріятелю доступъ въ Малую Валахію, отправился туда самъ и прибылъ въ Быйлешти 9-го (21-го) января 1854 года. Мало-валахскій отрядъ, усиленный двигавшимися къ нему подкрѣпленіями, почти утроился, и потому приступлено къ заготовленію въ Краіовѣ 32-хъ тысячъ четвертей муки и 3-хъ тыс. четвертей крупъ (1). Тогда-же подвижной артиллерійскій паркъ и подвижной госпиталь притянуты къ войскамъ, которыя, 16-го (28-го) января, для стѣсненія непріятеля и для отнятія у него возможности пользоваться средствами края, расположились у Гуніи и Модлавиты, выдвинувъ авангардъ въ Голенцы (2). Непосредственное начальство надъ Мало-Валахскимъ отрядомъ было поручено начальнику 12-й пѣхотной дивизіи, генералъ-лейтенанту Липранди, 17-го (29-го) января. Въ тотъ-же день, войска его, оттѣснивъ Турокъ къ Калафату, расположились слѣдующимъ

образомъ: одна часть, подъ личнымъ начальствомъ Липранди, въ составѣ 12-ти баталіоновъ, 16-ти эскадроновъ, 4-хъ казачьихъ сотень, съ 66-ю орудіями, стала у селеній Модлавиты и Гуніи, съ резервомъ у Моцецей и Добридора, а другая, подъ командою генералъ-маіора Бельгарда, изъ 8-ми баталіоновъ, 8-ми эскадроновъ, 2-хъ казачьихъ сотень, съ 28-ю орудіями—у селенія Пояны. Авангардъ, состоявшій изъ казаковъ и одного очереднаго эскадрона, занималъ сел. Голенцы-Команы ([3]). Для надежнѣйшаго обезпеченія войскъ отъ нечаянныхъ нападеній, было сооружено нѣсколько укрѣпленій у Модлавиты и Пояны. По распросамъ плѣнныхъ Турокъ, оказалось, что у Калафата было устроено 20 укрѣпленій, вооруженныхъ каждое 3—5 орудіями, а въ двухъ стахъ шагахъ впереди линіи укрѣпленій сдѣлана траншея въ ростъ человѣка, приспособленная къ ружейной оборонѣ. Въ Калафатѣ, по ихъ-же показанію, находилось: 20 баталіоновъ, каждый въ 800 человѣкъ, три кавалерійскихъ полка, по 700 человѣкъ, и 400 баши-бузуковъ, слѣдовательно—вообще съ артиллеристами до 20-ти тысячъ человѣкъ. Орудій было отъ 130 до 150, изъ числа коихъ 45 полевыхъ, а прочія крѣпостныя, доставленныя изъ Видина.

19-го (31-го) января, князь Горчаковъ, сдѣлавъ всѣ нужныя распоряженія по Мало-Валахскому отряду, отправился въ Букарестъ. Турецкая кавалерія почти ежедневно выходила изъ Калафата, направляясь къ Голенцы и Пояны, но каждый разъ, при появленіи нашей кавалеріи, отступала за укрѣпленія. Въ концѣ января, генералъ Липранди, получивъ свѣдѣніе, что Турки усиливались въ Раховѣ и собрали тамъ множество судовъ, по всей вѣроятности, для переправы на лѣвую сторону Дуная, счелъ нужнымъ поставить противъ этого пункта особый отрядъ,

который могъ-бы остановить непріятеля. Съ этою цѣлью высланы на лѣвый берегъ рѣки Жіо, къ селенію Островени близь Бикета, Тобольскій пѣхотный полкъ съ 10-ю легкими орудіями 11-й артиллерійской блигады и дивизіонъ гусаръ Принца Фридриха-Карла, которые, прибывъ туда, 1-го (13-го) февраля, были подчинены съ находившимися тамъ баталіономъ Украинскаго полка, двумя легкими орудіями 12-й артиллерійской бригады и сотнею донскаго № 38 полка, генералъ-маіору Баумгартену (4). Вслѣдъ за тѣмъ, генералъ Липранди, удостовѣрясь, что турецкая пѣхота, въ числѣ 2,500 человѣкъ съ двумя орудіями, занявъ селеніе Чепурчени, перевозила оттуда сѣно и солому въ Калафатъ, двинулъ, въ ночи съ 2-го на 3-е (съ 14-го на 15-е), главныя силы отряда къ Чепурчени и Калафату. Морозъ, не превышавшій при выступленіи войскъ 5-ти градусовъ, къ разсвѣту достигъ 15-ти градусовъ; до 20-ти человѣкъ, ознобившихъ ноги, были отправлены въ госпиталь. Къ сожалѣнію, Турки, вѣроятно извѣщенные жителями о наступленіи нашего отряда, успѣли уйти въ Калафатъ, оставя въ Чепурченяхъ значительные запасы сѣна, которые, по неимѣнію нами перевозочныхъ способовъ, были уничтожены. Войска наши, на разсвѣтѣ, заняли прежнія мѣста стоянки (5).

Удачнѣе былъ поискъ, предпринятый противъ непріятеля снова занявшаго сел. Чепурчени. Высланный противъ нихъ полковникъ графъ Алопеусъ, съ шестью эскадронами гусаръ князя Варшавскаго, при четырехъ орудіяхъ донской № 9 батареи, и съ тремя сотнями донскихъ №№ 38 и 42 полковъ, выступивъ изъ Поянъ, 17-го февраля (1-го марта), въ 8 часовъ утра, застигъ Турокъ въ расплохъ и обошелъ ихъ сотнею казаковъ со стороны Калафата.

Непріятель, обратясь въ бѣгство чрезъ камыши, ушелъ съ потерею 25-ти человѣкъ убитыми и плѣнными, и съ тѣхъ поръ, отказавшись отъ набѣговъ на Чепурчени, перевелъ тамошнихъ жителей съ ихъ имуществомъ и скотомъ на правую сторону Дуная (6).

Какъ въ это время уже было рѣшено съ нашей стороны переправиться черезъ Дунай въ нижней части теченія этой рѣки, то для насъ было весьма выгодно отвлечь непріятеля въ противоположную сторону театра военныхъ дѣйствій. Самъ турецкій главнокомандующій полагалъ, что наши войска направятся чрезъ Видинъ на Софію и опасался, чтобы мы не вошли въ прямое сообщеніе съ Сербами, что̀ побуждало его обращать вниманіе преимущественно на удержаніе за собою Калафата. Не трудно было князю Горчакову воспользоваться оплошностью противника: чтобы продлить его заблужденіе, онъ оставилъ значительный отрядъ въ Малой Валахіи. Съ такою-же цѣлью, генералъ Липранди, не ограничиваясь стѣсненіемъ непріятеля въ Калафатѣ, предпринималъ демонстраціи наступательныхъ дѣйствій. Еще въ началѣ февраля, получивъ свѣдѣніе о дѣятельномъ плаваніи турецкихъ лодокъ между Видиномъ и устьемъ рѣки Тимокъ, составляющей сербскую границу, Липранди послалъ вверхъ по Дунаю до селенія Груи, одного изъ отличнѣйшихъ офицеровъ нашего генеральнаго штаба, полковника Веймарна, съ подвижною колонною, изъ дивизіона гусаръ принца Фридриха-Карла, 3-й мушкетерской роты Азовскаго полка и команды штуцерныхъ, съ двумя легкими орудіями конной № 10-го батареи. Полковникъ Веймарнъ, выступивъ 13-го (25-го), изъ Модлавиты, дѣйствовалъ канонадою и огнемъ штуцерныхъ по турецкимъ лодкамъ и по войскамъ, появлявшимся на правомъ берегу Дуная, и распро-

странивъ тревогу до самой сербской границы, возвратился, 17 (1 марта), въ Модлавиту. 24 февраля (8 марта), поручена ему-же усиленная рекогносцировка калафатскихъ укрѣпленій, съ цѣлью произвести съемку окрестной мѣстности. Въ $9^1/_2$ часовъ утра, были направлены изъ Поянъ на Чепурчени два дивизіона Бугскихъ уланъ съ двумя конными орудіями и полторы казачьи сотни. Казаки, опрокинувъ передовые турецкіе посты, дали возможность обозрѣть берегъ Дуная до Калафата. Между тѣмъ, Турки выслали изъ калафатскихъ укрѣпленій два полка регулярной кавалеріи съ четырьмя конными орудіями, которые, подъ прикрытіемъ густой толпы баши-бузуковъ, быстро двинулись въ обходъ нашего праваго фланга. Полковникъ Веймарнъ, допустивъ непріятеля на разстояніе картечнаго выстрѣла, открылъ канонаду, что̀ заставило Турокъ остановиться. Тогда наша кавалерія стала постепенно отходить изъ одной позиціи въ другую, встрѣчая непріятеля, по мѣрѣ приближенія его, картечью. Непріятель такъ-же сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ, не причинившихъ никакого вреда нашимъ войскамъ, и отойдя версты четыре отъ своихъ укрѣпленій, возвратился въ Калафатъ (7). На слѣдующій день, генералъ Липранди сдѣлалъ общее наступленіе. Войска Мало-Валахскаго отряда двинулись на Чепурчени и Голенце къ Калафату. Подъ прикрытіемъ ихъ произведена рекогносцировка калафатскихъ укрѣпленій и впереди лежащей мѣстности. Непріятель, убравъ передовые посты, открылъ канонаду по нашимъ войскамъ, но не успѣлъ нанести имъ никакого вреда (8).

Противъ Рущука, гдѣ, по показанію плѣнныхъ, находилось до 10 тысячъ человѣкъ турецкаго войска съ многочисленною артиллеріей, стоялъ у Журжи отрядъ генералъ-лейтенанта Соймонова (9). Въ на-

чалѣ января 1854 года. Турки покушались переправиться на лѣвый берегъ Дуная, но каждый разъ были отражены съ урономъ. Наконецъ, 22-го января (3 февраля), Омеръ-паша, вѣроятно желая отвлечь насъ отъ Калафата, предпринялъ болѣе рѣшительное наступленіе. Въ 7 часовъ утра, Турки высадились на лѣвый берегъ одновременно въ трехъ мѣстахъ: 1) противъ журжинскаго карантина, около двухъ тысячъ человѣкъ съ шестью орудіями; 2) противъ Слободзеи, до 2-хъ тысячъ человѣкъ, и 3) противъ Малу-де-жосъ, до 500 человѣкъ.

У Журжи, непріятель, покровительствуемый огнемъ крѣпостной артиллеріи Рущука и канонерскихъ лодокъ, оттѣснилъ казаковъ и граничаръ, и быстро поставя привезенныя имъ 6 орудій, сталъ обстрѣливать берегъ. Противъ него были немедленно высланы штуцерные Колыванскаго и части Томскаго полковъ, поддержанные 4-мъ баталіономъ Томскаго-же полка. Послѣ жаркой перестрѣлки, въ разстояніи не болѣе 80-ти шаговъ, 10-я и 12-я роты, подъ личнымъ начальствомъ подполковника Верещаки, дружно ударили въ штыки и опрокинули Турокъ къ самому берегу, но этотъ успѣхъ былъ купленъ дорогою цѣною: неустрашимый Верещака палъ геройскою смертью, пораженный въ грудь нѣсколькими пулями. Подкрѣпленія, подплывшія въ помощь Туркамъ, дали имъ возможность оправиться и потѣснить нашихъ егерей; но принявшій команду надъ баталіономъ капитанъ Халкіоновъ снова повелъ впередъ свои роты, поддержанныя двумя сотнями казаковъ, и вторично отбросилъ Турокъ къ ихъ лодкамъ, при чемъ многіе изъ непріятелей были отрѣзаны и переколоты; егеря бросились на ближайшія къ нимъ два турецкихъ орудія, но прибывшія изъ Рущука свѣжія войска успѣли стащить ихъ на лодки. Между тѣмъ,

генералъ Соймоновъ, при первомъ извѣстіи о появленіи непріятеля, сдѣлалъ слѣдующія распоряженія: 3-й баталіонъ Томскаго полка съ двумя легкими орудіями и эскадрономъ гусаръ, подъ командою подполковника Пересвѣтова, былъ переведенъ на островъ Радоманъ, а прочія войска быстро собраны къ мѣсту дѣйствій. Огонь нашей артиллеріи и стремительное наступленіе 3-го и 4-го Томскихъ баталіоновъ заставили Турокъ податься назадъ и вскорѣ за тѣмъ обратиться въ бѣгство, при чемъ они оставили на берегу тѣла своихъ убитыхъ, нѣсколько ручныхъ патронныхъ ящиковъ и отрѣзанныя ими головы нашихъ солдатъ, павшихъ въ началѣ дѣла. Наша артиллерія провожала отплывавшія турецкія суда картечью; крѣпостная-же артиллерія Рущука хотя и сдѣлала болѣе тысячи выстрѣловъ по небольшому острову, чрезъ который проходили наши войска, двигаясь на Радоманъ, однако-же не причинила намъ значительнаго вреда. Съ нашей стороны на этомъ пунктѣ убиты: штабъ-офицеръ 1, оберъ-офицеровъ 2, нижнихъ чиновъ 37; ранены: оберъ-офицеровъ 2 (въ числѣ коихъ штабсъ-капитанъ Крыловъ, остававшійся въ бою до самаго конца дѣла съ прострѣленною на вылетъ рукою) и нижнихъ чиновъ 156. Въ половинѣ перваго часа по полудни, уже не оставалось у карантина ни одного Турка.

Противъ Слободзеи, Турки, выйдя на берегъ, двинулись впередъ въ колоннахъ, прикрытыхъ густою стрѣлковою цѣпью, и были встрѣчены, при переходѣ черезъ рытвины и лощины залитыя водою, огнемъ штуцерныхъ и двухъ батарейныхъ орудій, стоявшихъ на батареѣ, возведенной на высокомъ берегу рѣки Кошары. Когда-же, по распоряженію генерала Соймонова, прибылъ изъ Станешти къ Слободзеѣ дивизіонъ гусаръ съ 4-мя конными орудіями,

Турки стали уходить къ берегу, стараясь соединиться съ отрядомъ высаженнымъ у Журжи. Тогда Соймоновъ приказалъ 4-й и 6-й егерскимъ ротамъ Томскаго полка перейти черезъ Кошару. Непріятель, уже ослабленный нашимъ огнемъ, завидя наступленіе егерей и двинувшіеся въ обходъ его праваго фланга отъ Журжи эскадронъ и двѣ казачьи сотни, бросился къ лодкамъ, съ потерею на мѣстѣ 45 человѣкъ; съ нашей стороны ранены 3 и пропалъ безъ вѣсти одинъ изъ нижнихъ чиновъ.

У селенія Малу-де-жосъ, высадившіеся Турки ушли обратно послѣ перестрѣлки съ казаками ([10]).

Чтобы лишить непріятеля возможности переправляться въ значительныхъ силахъ отъ Рущука на лѣвую сторону Дуная, необходимо было истребитъ находившуюся въ рущукской пристани сильную турецкую флотилію. Это дѣло было поручено начальнику инженеровъ въ арміи, генералъ-адъютанту Шильдеру.

Еще въ концѣ ноября 1853 года князь Горчаковъ. просилъ военнаго министра о назначеніи въ Южную армію генерала Шильдера. „Сдѣлайте милость—писалъ онъ—пришлите ко мнѣ Шильдера. Я готовъ дать за него цѣлую дивизію“ (...En grace — obtenez moi le général Schilder, je donnerais une division pour l'avoir) ([11]). Въ половинѣ (въ концѣ) декабря онъ снова писалъ военному министру: „При отъѣздѣ моемъ изъ Варшавы, фельдмаршалъ сказалъ мнѣ, что, въ случаѣ рѣшительныхъ дѣйствій, мнѣ придется потребовать Шильдера, и по тому надѣюсь, что со стороны князя Варшавскаго не будетъ отказа. Впрочемъ, отнесясь къ вамъ на счетъ Шильдера, я тогда-же извѣстилъ. фельдмаршала, что я готовъ воспользоваться его благосклоннымъ предложеніемъ.

Для меня Шильдеръ необходимъ: такого именно здѣсь нужно" (12).

Генералъ Шильдеръ, отправясь изъ Варшавы, 6-го (18) января 1854 года, поѣхалъ черезъ Австрію, прибылъ, по приказанію князя Горчакова, въ Журжу, и найдя турецкіе суда собранными въ устьѣ рѣки Ломъ и въ совершенной готовности къ новой экспедиціи, предпринялъ уничтожить непріятельскую флотилію дѣйствіемъ нашихъ полевыхъ батарей, не смотря на огонь крѣпостной артиллеріи Рущука. Съ этою цѣлью, ночью съ 26-го на 27-е и съ 27-го на 28-е января (съ 7-го на 8-е и съ 8-го на 9-е февраля), построены были двѣ батареи, каждая на четыре орудія, ниже и выше расположенія флотиліи, чтобы не позволить турецкимъ судамъ уйти внизъ, либо вверхъ, по Дунаю. Во вторую-же ночь были высланы 10 орудій батарейной № 2 батареи 10-й артиллерійской бригады, подъ командою полковника Кабанова, съ прикрытіемъ изъ одного баталіона Колыванскихъ егерей, на островъ Радоманъ. Войска эти двинулись въ величайшей тишинѣ, во 2-мъ часу по полуночи, заняли позицію, указанную генераломъ Шильдеромъ, и на разсвѣтѣ открыли огонь по непріятельской флотиліи. Турки, застигнутые врасплохъ, непрежде отвѣчали на канонаду, какъ спустя нѣсколько минутъ послѣ начала пальбы изъ нашихъ орудій, которыя, сдѣлавъ по 7-ми выстрѣловъ, отошли обратно въ Журжу. Непріятельскія суда, и въ томъ числѣ пароходъ и 4 большія лодки, сильно потерпѣли отъ нашей канонады. Въ ночи на 29-е и на 30-е января (на 10-е и на 11-е февраля) были сооружены нѣсколько батарей, частью для развлеченія вниманія непріятеля, частью-же для прикрытія орудій, которыя должны были снова дѣйствовать по турецкой флотиліи. Эти батареи устроивались генераломъ Шильдеромъ, по

новому, придуманному имъ, способу, *съ анвелопами*, чтобы предохранить бруствера, и въ особенности амбразуры, отъ дѣйствія косвенныхъ непріятельскихъ выстрѣловъ; преимущественно-же анвелопы употреблялись тогда, когда мы должны были дѣйствовать полевыми орудіями противъ непріятельской артиллеріи большаго калибра (*). Батареи строились подъ надзоромъ Шильдерова адъютанта поручика Тиде-беля и другихъ инженерныхъ офицеровъ, съ командою изъ 30 саперъ, рабочими отъ пѣхотныхъ полковъ. Двѣ батареи, на каждую изъ которыхъ вступили, подъ сильнымъ огнемъ рущукской артиллеріи, по два батарейныхъ орудія, открыли 30-го января (11 февраля) по флотиліи канонаду, продолжавшуюся съ 9-ти часовъ утра до 6½ часовъ по полудни. Въ слѣдующіе четыре дня продолжалось постоянно разрушительное дѣйствіе нашихъ батарей, и хотя наибольшее число орудій на нихъ не превосходило 7-ми, а со стороны непріятеля было 92 орудія, однако-же мы одержали совершенный успѣхъ: шесть большихъ судовъ сѣли на мѣль, семь почти затоплены; пароходъ осѣлъ внизъ; галіотъ избитъ; 20 меньшихъ судовъ значительно повреждены; нѣсколько изъ нихъ пошло ко дну; вообще-же спаслись только тѣ немногія суда, которыя были отведены Турками въ устье рѣки Ломъ, куда не достигали наши выстрѣлы. Туда же впослѣдствіи втащили Турки свой пароходъ, пришедшій въ совершенную негодность. Уронъ нашъ, во все продолженіе канонады подъ Рущукомъ, состоялъ въ одномъ тяжело раненомъ офицерѣ (штабсъ-капитанѣ Кононовичѣ, потерявшемъ ногу), 2-хъ убитыхъ и 14-ти раненыхъ нижнихъ чинахъ. Потерпѣли значи-

(*) Устройство батарей съ анвелопами, по способу генерала Шильдера, показано при изложеніи переправы нашихъ войскъ черезъ Дунай и осады Силистріи.

тельно только эполементы нашихъ батарей, которыя, впрочемъ, мы сами предполагали срыть по миновании въ нихъ надобности. Послѣ этого дѣла, Турки уже не предпринимали высадокъ у Журжи, и по тому дѣйствія до самаго конца февраля (половины марта) тамъ ограничивались перестрѣлкою на аванпостахъ.

Между тѣмъ Турки, собравъ большое число судовъ у Никополя и Систова, производили оттуда высадки къ Турно. Чтобы прекратить ихъ набѣги, необходимо было истребить непріятельскую флотилію. Съ этою цѣлью было поручено генералъ лейтенанту Хрулеву устроить для дѣйствія по турецкимъ судамъ, стоявшимъ у Систова и Никополя, батареи, подобныя тѣмъ, которыя были сооружены Шильдеромъ противъ рущукскаго рейда.

Степанъ Александровичъ Хрулевъ, уже доказавшій блистательно свои военныя доблести въ польской и венгерской кампаніяхъ, неустрашимый воинъ, напоминалъ собою впослѣдствіи, при защитѣ Севастополя, другаго русскаго героя — генерала Скобелева. Оба они — равно храбры, равно изранены, умѣли говорить съ русскими солдатами и заслужить ихъ довѣріе.

Благодаря дѣятельности Хрулева, къ половинѣ (въ концѣ) февраля батареи были уже готовы и успѣли зажечь калеными ядрами нѣсколько судовъ и часть пристани; остальныя суда ушли вверхъ по рѣкѣ Осьмѣ и внизъ по Дунаю.

Какъ подъ защитою Силистріи такъ-же находилась значительная непріятельская флотилія, то генералъ-адъютантъ Шильдеръ, желая уничтожить ее, поручилъ исполненіе этого предпріятія также Хрулеву, который, прибывъ, 16 (28) февраля, въ сел. Каларашъ, на лѣвой сторонѣ Дуная противъ Силистріи, въ тотъ-же день произвелъ рекогносцировку

обоихъ береговъ рѣки. Замѣтимъ мимоходомъ. что Хрулевъ всегда старался, паче всего, ознакомиться съ мѣстностью, на которой ему приходилось дѣйствовать, и даже имѣть наскоро набросанный планъ ея. По его указанію, въ слѣдующія двѣ ночи, были сооружены противъ крѣпости, на лѣвомъ берегу Дуная, четыре батареи. 18 февраля (2 марта) Турки открыли огонь по нашимъ постройкамъ, но не успѣли нанести намъ никакого вреда. Ночью и въ слѣдующій день, были построены Хрулевымъ еще три батареи, подъ сильнымъ огнемъ крѣпости. Турки, не успѣвъ помѣшать нашимъ работамъ, рѣшились сдѣлать высадку на лѣвый берегъ, чтобы срыть наши батареи. 20 февраля (4 марта), въ семь часовъ утра, непріятель высадилъ, въ два раза на тридцати судахъ, до 6-ти тысячъ человѣкъ, которые оттѣснили наши казачьи посты. Для удержанія Турокъ былъ высланъ изъ Калараша отрядъ генералъ-маіора Богушевскаго. Впереди шла конно-легкая № 7-го батарея съ двумя эскадронами Вознесенскаго уланскаго полка; за кавалеріей слѣдовалъ егерскій князя Варшавскаго полкъ, съ четырьмя орудіями батарейной № 3 батареи и легкою № 8 батареей, и одна валахская рота. По приближеніи къ мѣсту высадки, отъ Калараша верстахъ въ 9-ти, пѣхотѣ былъ данъ отдыхъ, и потомъ войска построились въ боевой порядокъ. Генералъ-лейтенантъ Хрулевъ принялъ начальство надъ правымъ крыломъ, гдѣ находились въ первой линіи рота 3-го валахскаго полка и сотня донскаго № 34 полка, а во второй два эскадрона Вознесенскихъ уланъ съ тремя конными орудіями. Войска-же центра и лѣваго крыла были поручены генералъ-маіору Богушевскому. Въ центрѣ выдвинуты впередъ четыре батарейныхъ орудія и легкая № 8 батарея, подъ прикрытіемъ застрѣль-

щиковъ 2-го баталіона князя Варшавскаго полка; за ними двигались въ первой линіи три егерскія роты того же баталіона, во второй — 1-й и 3-й баталіоны и въ резервѣ—4-й, въ колоннахъ къ атакѣ; а на лѣвомъ крылѣ три конныхъ орудія. Завидя наши войска, Турки открыли по нимъ сильный огонь изъ крѣпости, а, между тѣмъ, высадившіяся непріятельскія войска стали срывать наши батареи, выславъ противъ кавалеріи Хрулева полкъ египетской пѣхоты, прикрытый густою стрѣлковою цѣпью. Наши конныя орудія, осыпавъ картечью непріятельскую пѣхоту, заставили ее отступать въ безпорядкѣ къ мѣсту высадки. Три конныхъ и четыре батарейныхъ орудія, подойдя къ самому берегу, стрѣляли по лодкамъ и по войскамъ, не успѣвшимъ сѣсть на суда и толпившимся на узкой косѣ, заслоненной крутымъ берегомъ Дуная. Генералъ Хрулевъ, замѣтивъ разстройство опрокинутаго непріятеля, приказалъ спѣшиться уланамъ, казакамъ, артиллерійской прислугѣ, и даже коноводамъ и ѣздовымъ, и атаковалъ Турокъ. Немногимъ лишь изъ нихъ удалось спастись вплавь и сѣсть въ лодки; до двухъ сотъ тѣлъ осталось на мѣстѣ; прочіе потонули въ Дунаѣ. Въ плѣнъ взято нами 38 человѣкъ. Одна изъ лодокъ, со всѣми находившимися на ней людьми, была затоплена и двѣ сильно повреждены дѣйствіемъ нашей артиллеріи.

Одновременно съ дѣйствіемъ кавалеріи Хрулева на правомъ флангѣ, 2-й баталіонъ егерскаго князя Варшавскаго полка, подъ начальствомъ маіора Симантовскаго, скинувъ ранцы, бросился ускореннымъ шагомъ къ одному изъ нашихъ редутовъ уже занятому Турками, которые, прикрывшись стрѣлками, начали разрушать наши работы. Егеря выбили непріятеля, засѣвшаго въ камышахъ, бросились въ

штыки на редутъ, овладѣли имъ и преслѣдовали Турокъ, которые, оставивъ на мѣстѣ 1[illegible]-ти тѣлъ, бѣжали къ своимъ лодкамъ и едва успѣли спастись. Тогда-же на оконечности нашего лѣваго фланга, полковникъ Зыбинъ съ тремя конными орудіями, поскакавъ къ другой нашей батареѣ, которую разрушали Турки, осыпалъ ихъ картечью и заставилъ обратиться въ бѣгство къ лодкамъ, а за тѣмъ направилъ огонь на отплывавшія суда, изъ которыхъ два были потоплены. Во время общаго отступленія Турокъ, генералъ Богушевскій, замѣтя, что три лодки были снесены теченіемъ Дуная къ острову Гопа, кинулся съ четырьмя батарейными орудіями и ротою пѣхоты на-перерѣзъ этимъ судамъ, открылъ по нимъ огонь и потопилъ ихъ. Потеря наша въ этомъ дѣлѣ вообще состояла изъ 14-ти раненыхъ нижнихъ чиновъ.

Батареи наши, разоренныя непріятелемъ, были исправлены и вооружены въ ночь съ 20-го на 21-е февраля (съ 4-го на 5-е марта), а на слѣдующій день, въ 10 часовъ утра, открыли огонь, который произвелъ пожары въ городѣ.

Нѣсколько дней спустя, отрядъ генералъ-лейтенанта Павлова, стоявшій у Ольтеницы, поступилъ временно въ распоряженіе генералъ-лейтенанта Хрулева, которому генераломъ Шильдеромъ было поручено устроить работы для очищенія занятаго Турками острова Большаго Кичу, противъ Туртукая. Съ этою цѣлью, въ ночи на 27 февраля (на 11-е марта), были сооружены на лѣвомъ берегу Дуная 4 ложемента съ бойницами для стрѣлковъ. На слѣдующій день, генералъ Хрулевъ осмотрѣлъ островъ Большой Кичу и приказалъ ротѣ Охотскаго полка занять островъ Малый Кичу, отдѣленный отъ Большаго Кичу пересохшимъ рукавомъ Дуная. Въ ночь

на 28-е февраля (на 12-е марта) построено 9 батарей, каждая на одно орудіе, изъ коихъ 5 на берегу Дуная, а 4 на Маломъ Кичу. Работы производились подъ руководствомъ подполковника Тотлебена—впослѣдствіи героя Севастопольской обороны. Генералъ Хрулевъ предполагалъ, обстрѣлявъ изъ батарей занимаемый Турками островъ, штурмовать его. Для этого, въ часъ по полудни, была открыта канонада, и въ тоже время перевезены на паромѣ и 18-ти лодкахъ два баталіона Охотскаго полка на островъ Большой Кичу, а третій оставленъ на лѣвомъ берегу, у переправы. Камчатскій-же егерскій полкъ переведенъ на правый берегъ Аржиса, кромѣ двухъ ротъ, оставленныхъ въ карантинѣ, и одной въ Ольтеницѣ. Послѣ четырехъ-часовой канонады генералъ Хрулевъ послалъ 5 орудій, подъ прикрытіемъ 1-го Охотскаго баталіона, къ броду, чтобы отогнать Турокъ отъ мѣста предположенной переправы. Эти орудія, подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ, снялись съ передковъ, и сдѣлавъ нѣсколько картечныхъ выстрѣловъ, заставили непріятеля очистить ближайшіе ложементы. Но оказалось, что здѣсь не было брода, существовавшаго за мѣсяцъ предъ тѣмъ, и что нельзя было штурмовать отсюда занимаемый Турками островъ. Генералъ Хрулевъ предпринялъ устроить переправу ниже по теченію рукава и атаковать непріятеля, но видя, что со стороны Турокъ были приняты мѣры къ самой упорной оборонѣ, отказался отъ своего покушенія и приказалъ войскамъ возвратиться на мѣста ихъ прежней стоянки. Уронъ нашъ, во время рекогносцировки острова и дѣйствія батарей, вообще состоялъ: убитыми изъ 16-ти нижнихъ чиновъ; ранеными—изъ 3-хъ офицеровъ и 80-ти нижнихъ чиновъ. Потеря непріятеля была гораздо значительнѣе: у него подбито орудіе и

потоплены двѣ лодки шедшія отъ Туртукая къ острову ([13]).

Главною цѣлью дѣйствій генералъ-адъютанта Лидерса, кромѣ обороны Бессарабіи, было приготовленіе переправы черезъ нижній Дунай. Для наступательныхъ дѣйствій противъ Турціи предполагалась операціонная линія вдоль Чернаго моря, выборъ которой былъ условленъ какъ политическими, такъ и чисто-военными обстоятельствами: съ одной стороны, хотя путь дѣйствій отъ Видина представлялъ удобства для движенія войскъ и возможность войти въ связь съ Сербами и другими славянскими народами, однакоже, мы, избравъ его, возбудили-бы опасенія и недоброжелательство Австріи, а съ другой—при наступленіи съ нижняго Дуная, снабженіе арміи жизненными и боевыми припасами облегчалось доставкою ихъ моремъ, что̀ доставило намъ въ 1829 году средства къ быстрому движенію за Балканы. Все это побуждало предпочесть путь ближайшій къ морю всѣмъ другимъ путямъ ведущимъ отъ насъ въ Турцію.

Въ началѣ ноября 1853 года, войска генерала Лидерса были расположены слѣдующимъ образомъ: 1) у *Браилова* до 6,200 челов. съ 14-ю орудіями; 2) у *Галаца* до 2,800 чел. съ 6-ю орудіями; 3) у *Рени* до 5,200 чел. съ 16-ю орудіями; 4) у *Сатунова* до 3,500 чел. съ 8-ю орудіями; 5) у *Измаила* до 7,000 человѣкъ съ 8-ю орудіями ([14]). Вообще-же на нижнемъ Дунаѣ находилось до 25 тысячъ челов. съ 52-мя орудіями. Со стороны Турокъ, въ концѣ 1853 года, было собрано: въ Мачинѣ и окрестныхъ селеніяхъ до 15-ти тысячъ человѣкъ съ 38-ю орудіями, подъ начальствомъ Измаила-паши; въ Исакчи и Тульчѣ болѣе 10-ти тысячъ человѣкъ съ 30-ю ору-

діями, въ числѣ коихъ четыре полка, исключительно набранныхъ изъ Венгерцевъ и Поляковъ, подъ начальствомъ Садыкъ-паши (Чайковскаго), которому также было поручено формированіе казачьихъ полковъ изъ Некрасовцевъ и другихъ раскольниковъ, поселившихся въ Турціи ([15]).

Для охраненія войскъ отъ ненастья и стужи, а равно для помѣщенія жизненныхъ запасовъ, были устроены войсками, въ мѣстахъ стоянки ихъ, многія казармы, землянки, конюшни и балаганы, что вообще стоило не болѣе 6-ти тысячъ рублей ([16]). Тогдаже, для обстрѣливанія входа въ Дунай, сооружена, на лѣвомъ берегу Сулинскаго рукава, близъ Сулина, батарея, вооруженная семью орудіями 18-ти-фунтоваго калибра, которыя были доставлены изъ Николаева.

Генералъ Лидерсъ, желая ознакомиться съ мѣстностью предположенной переправы, произвелъ, въ продолженіи зимы 1853—1854 года, нѣсколько усиленныхъ рекогносцировокъ. По его распоряженію, 1 (13) декабря, было предпринято, подъ начальствомъ генералъ-маіора Энгельгардта 3-го, обозрѣніе Мачина, съ цѣлью высмотрѣть расположеніе батарей у сего города и уничтожить, если окажется возможнымъ, находившуюся тамъ непріятельскую флотилію. Для этого былъ назначенъ пароходъ *Прутъ* съ 4-мя канонерскими лодками, а для поддержанія нашей флотиліи перевезены на островъ Бындой съ лѣваго берега Дуная, на пароходѣ *Ординарецъ*, двѣ роты Замостскаго егерскаго полка, одна рота 5-го стрѣлковаго баталіона и два орудія легкой № 8-го батареи 15-й артиллерійской бригады. Обозрѣніе было произведено въ присутствіи генерала Лидерса, который при семъ убѣдился, что для уничтоженія тридцати непріятельскихъ судовъ, разбросанныхъ на

значительномъ пространствѣ и даже частью вытащенныхъ на берегъ, приходилось плыть подъ самыми дулами непріятельскихъ батарей и подъ огнемъ прибрежныхъ строеній, что̀ неминуемо было сопряжено съ большою потерею въ людяхъ и съ поврежденіемъ нашихъ лодокъ. По этому Лидерсъ, ограничась рекогносцировкою Мачина, приказалъ войскамъ возвратиться въ Браиловъ. Только для содержанія кордона на островѣ Бындоѣ оставлена была тамъ одна рота Замостскаго полка съ 25-ю казаками, да для устройства на кордонѣ редута назначена одна рота саперъ. Турки, замѣтивъ расположеніе на Бындоѣ нашихъ войскъ, переправили, 8 (20) декабря, изъ Мачина на островъ небольшой отрядъ и поставили батарею на правомъ берегу Мачинскаго рукава, противъ того пункта, гдѣ мы начали устроивать мостъ черезъ рѣчку Филипой. Генералъ-маіоръ Энгельгардтъ, въ тотъ-же день, передъ вечеромъ, переправилъ на Бындой еще двѣ роты Замостскаго полка и приготовилъ суда на случай обратной переправы находившихся тамъ войскъ. Получивъ предписаніе князя Горчакова — принять всевозможныя мѣры къ очищенію острова отъ турецкихъ войскъ, генералъ Лидерсъ приказалъ Энгельгардту построить тамъ еще одинъ редутъ подобный первому. Вслѣдъ за тѣмъ, генералъ-маіоръ Энгельгардтъ донесъ, что Турки ушли съ Бындоя на правую сторону Дуная. Но какъ въ то время наступили довольно сильные морозы и можно было опасаться, что высаженныя на островъ наши войска будутъ лишены сообщенія съ лѣвымъ берегомъ на цѣлый мѣсяцъ, то, съ разрѣшенія генерала Лидерса, эти войска были переправлены, 15 (27) декабря, съ Бындоя въ Браиловъ. Когда-же, на слѣдующій день, настала оттепель,

приказано было снова занять островъ однимъ изъ баталіоновъ Замостскаго егерскаго полка.

Непріятель, на время отказавшись отъ покушеній противъ нашихъ войскъ, продолжалъ возводить батареи на правомъ берегу Дуная, ниже Мачина, и строилъ батареи противъ устья рѣчки Филипой, а такъ-же близъ Тульчи. Съ нашей стороны были сооружены батареи, для замедленія сильною канонадою работъ непріятеля, а въ концѣ года предпринято уничтоженіе камышей на правомъ берегу Дуная, противъ лѣсныхъ складовъ у Галаца, чтобы непріятель не имѣлъ возможности поставить тамъ скрытно батареи. Съ этою цѣлью, 31-го декабря (12-го января 1854 г.), въ пять часовъ утра, были посажены на 14-ти баркасахъ и на 2-хъ кирлашахъ, шедшихъ на буксирѣ парохода *Прутъ*, четыре роты Прагскаго пѣхотнаго полка, 50 саперъ, 100 пѣшихъ и 10 конныхъ казаковъ и 280 рабочихъ, подъ начальствомъ командира Прагскаго полка, полковника Крузенштерна. По высадкѣ на правый берегъ Дуная, рабочіе, подъ прикрытіемъ пѣхоты, очистили отъ камыша все пространство, на которомъ непріятель, пользуясь закрытіемъ, могъ-бы вредить нашимъ лѣснымъ складамъ; тогда-же взяты два турецкихъ кирлаша и истреблено нѣсколько лодокъ, послѣ чего, въ тотъ-же день, войска возвратились въ Галацъ.

На слѣдующій день, 1 (13) января 1854 года, въ 10-мъ часу утра, Турки появились на островѣ Бындоѣ, гдѣ въ то время занимали одинъ изъ построенныхъ нами редутовъ двѣ роты Замостскаго егерскаго полка, подъ командою подполковника Гладыша. Генералъ-маіоръ Энгельгардтъ, получивъ о томъ свѣдѣніе, тотчасъ отправилъ въ подкрѣпленіе Гладышу семь ротъ Замостскаго полка съ 30-ю ка-

заками, подъ начальствомъ командира полка, полковника Дарагана. Но еще эти войска не успѣли высадиться на островъ, когда Турки, въ числѣ 10-ти тысячъ человѣкъ, въ $10^1/_2$ часовъ, двинулись на устроенный тамъ редутъ; тогда-же непріятель открылъ канонаду по мосту, сооруженному нами на рѣчкѣ Филипой. Подполковникъ Гладышъ, не обращая вниманія на превосходство непріятеля въ числѣ, отразилъ его и заставилъ обратно переправиться къ Мачину. Въ этомъ дѣлѣ, съ нашей стороны убиты 3, ранены и контужены 11 нижнихъ чиновъ.

Между тѣмъ Турки, пользуясь отступленіемъ нашихъ лодокъ, по случаю пловучаго льда, отъ мыса Четала къ Измаилу, стали строить батареи на правомъ берегу Дуная, противъ мыса, чтобы преградить нашимъ судамъ выходъ по Килійскому рукаву къ Тульчѣ, либо къ Исакчѣ. Эти работы производились днемъ и ночью, и мы, не имѣя возможности остановить ихъ, ограничились устройствомъ двухъ батарей, по обѣ стороны Килійскаго рукава, одной на мысѣ Четалѣ и другой на лѣвомъ берегу Дуная. Но какъ только рукавъ нѣсколько очистился отъ льда, 11 (23) января, немедленно было предпринято нападеніе на непріятельскія работы. Для этого назначено 10 канонерскихъ лодокъ и пароходъ *Метеоръ*; тогда-же на батареи, сооруженныя по сторонамъ Килійскаго рукава, посланы по два легкихъ орудія, подъ прикрытіемъ роты Подольскаго егерскаго полка. Весь отрядъ порученъ командиру Дунайской флотиліи, контръ-адмиралу Мессеру. Въ 4 часа по полудни, по сигналу данному съ парохода, флотилія и батарея лѣваго берега открыли огонь, на который Турки отвѣчали изъ 4-хъ орудій; послѣ канонады, продолжавшейся полтора часа, непріятельскія орудія замолкли. На слѣдующій день, наша

флотилія снова дѣйствовала по непріятельской батареѣ, вооруженной въ продолженіи ночи семью орудіями, и заставила ихъ окончательно замолчать. Во все время двухъ-дневной канонады, съ нашей стороны убитъ одинъ рядовой, ранены два оберъ-офицера и 7 нижнихъ чиновъ ([17]).

Въ концѣ января, войска 5-го пѣхотнаго корпуса на нижнемъ Дунаѣ были смѣнены 7-ю пѣхотною дивизіей (3-го корпуса), подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Ушакова. Вмѣстѣ съ передвиженіемъ ихъ въ восточную Валахію, князь Горчаковъ возложилъ на генерала Лидерса охраненіе пространства вверхъ по Дунаю, до Бордушанъ включительно, и по рѣкѣ Яломицѣ до Сарацени. Сообразно тому, Лидерсъ расположилъ ввѣренныя ему войска у Галаца, Браилова, Слободзеи и въ окрестностяхъ этихъ пунктовъ, по Дунаю и Яломицѣ ([18]).

Непріятель, не успѣвъ вытѣснить наши войска съ острова Бындоя, ограничился охраненіемъ входа въ Мачинскій рукавъ, и съ сею цѣлью предпринялъ многія работы на правомъ берегу рукава. Генералъ Лидерсъ, имѣя намѣреніе уничтожить эти работы, счелъ нужнымъ предварительно построить большую батарею на Бындоѣ и вооружить ее 12-ю батарейными орудіями № 4 батареи 15-й артиллерійской бригады. Съ разсвѣтомъ 11 (23) февраля, батарея была уже совершенно готова къ дѣйствію, и немедленно открытъ огонь по турецкимъ укрѣпленіямъ; непріятель сначала отвѣчалъ частымъ огнемъ, но потомъ канонада его постепенно становилась рѣже и въ 11 часовъ утра совершенно замолкла. Генералъ Лидерсъ, имѣя въ виду, что для предстоящихъ дѣйствій нужно было имѣть часть флотиліи въ Браиловѣ, приказалъ перевести изъ рѣки Прута пароходъ *Ординарецъ* и 9 канонерскихъ лодокъ въ Га-

ГЛАВА IX.

Дѣйствія въ Азіятской Турціи 1853 года. Сраженія при Баяндурѣ, Ацхурѣ, Ахалцихѣ и Башъ-Кадыкларѣ.

Кампанія 1853 года въ Азіятской Турціи открылась совершенно неожиданно для намѣстника Кавказскаго, Свѣтлѣйшаго князя Воронцова. Тайны кабинетовъ были скрыты столь глубоко, что многіе государственные люди, въ числѣ коихъ былъ и князь Воронцовъ, недопускали возможности предстоявшаго потрясенія всей Европы; въ особенности утвердилось убѣжденіе въ мирномъ рѣшеніи вопроса о Святыхъ мѣстахъ и тѣсно связаннаго съ нимъ восточнаго вопроса послѣ принятія Государемъ вѣнской ноты, которое, повидимому, должно было прекратить недоразумѣнія между Россіею и Портою. Слѣдствіемъ такого убѣжденія было занятіе весьма недостаточными силами границы Закавказья, обращенной къ Турціи. Напротивъ того, Турки успѣли тамъ собрать, въ концѣ августа 1853 года, сильную армію, что̀ давало имъ возможность предупредить насъ открытіемъ дѣйствій (¹).

Граница съ Азіятскою Турціею представляла намъ выгоды въ оборонительномъ отношеніи. Крѣпость Александрополь (прежде Гумри) составляетъ

центральный опорный пунктъ операціонной базы противъ лежащей въ 68-ми верстахъ отъ нея турецкой крѣпости Карса, и вообще противъ Анатоліи. На правой сторонѣ этой базы, крѣпость Ахалцыхъ прикрываетъ дорогу, ведущую изъ Карса чрезъ Ардаганъ; на лѣвой—южная часть границы, со стороны Турціи и Персіи, прикрыта крѣпостью Эриванью, на пути ведущемъ отъ Баязета, чрезъ Чингильскія горы и рѣку Араксъ, въ Закавказье. Вообще-же наша граница съ Турціею представляется въ видѣ куртины съ двумя флангами, которые образуются на сѣверѣ горнымъ хребтомъ Чалдырскимъ, а на югѣ—хребтами Агры-дагъ и Кара-дагъ, по правой сторонѣ Аракса. Рѣка Арпачай протекаетъ по границѣ на протяженіи около ста верстъ; но она проходима вбродъ уже въ концѣ мая, и по тому не можетъ считаться значительною преградою. При открытіи Восточной войны въ 1853 году, наши крѣпости по турецкой границѣ вообще были весьма слабы: Ахалцыхъ и Эривань не требовали правильной осады; первая изъ нихъ построена на выгодной для обороны мѣстности, но въ ней нѣтъ хорошей воды. Что-же касается до Александрополя, то онъ грозенъ только видомъ своимъ: выборъ мѣста для этой крѣпости неудаченъ; мертвыхъ пространствъ встрѣчается много, мѣстность на сѣверозападной сторонѣ удобна для подступовъ; вооруженіе слабо; казематированныхъ зданій весьма мало, и по тому мортирныя батареи съ правой стороны Арпачая, командующей лѣвою, могли нанести крѣпости большой вредъ. На береговой дорогѣ отъ Батума къ русской границѣ находился совершенно неудобный къ защитѣ постъ Св. Николая (турецк. Чефкетиль); но занятіе этого пункта непріятелемъ, какъ оказалось впослѣдствіи, не могло представить ему никакихъ выгодъ для дальнѣйшихъ дѣйствій

Что касается до свойствъ мѣстности на пространствѣ отъ Ахалцыха до Аракса, то почва и климатъ ея весьма разнообразны. Ахалкалакскій участокъ, или такъ-называемое *Духоборіе*, между Чалдырскимъ хребтомъ и Мокрыми горами, составляетъ лучшую часть пограничной полосы; тамъ живутъ Армяне, Татары и Духоборцы (секта, отвергающая духовные обряды и святыя иконы). Народъ вообще намъ преданъ: Армяне видятъ въ силѣ нашего оружія спасеніе отъ рабства, испытаннаго ихъ предками и нынѣ еще гнетущаго единоплеменныхъ съ ними подданныхъ турецкаго правительства. Татары помнятъ имена князя Циціанова, Котляревскаго, Ермолова и Паскевича.—Дороги отъ Ахалкалаки до Александрополя лѣтомъ и осенью весьма хороши, даже для движенія батарейныхъ орудій. Зима тамъ продолжительна, холодна и снѣжна, но вообще климатъ здоровъ. По изобилію фуража въ тамошнихъ мѣстахъ, можно продовольствовать кавалерійскую бригаду, но въ дровахъ совершенный недостатокъ.—Пространство между горами Алагезомъ и Араратомъ, такъ называемая *Эриванская долина*, каменистая, знойная лѣтомъ, вредна для здоровья, изобилуетъ хлѣбомъ, но тамъ нѣтъ ни фуража, ни лѣса. Долина Аракса извѣстна вреднымъ климатомъ. Провіантъ для войскъ доставлялся съ Мингачаурской пристани, на рѣкѣ Курѣ, куда пароходы буксировали суда изъ Баку, а изъ Мингачаура шли транспорты на Елисаветполь, по тифлискому тракту, до Шамхорской станціи, и далѣе, проселочною дорогою, на Делижанъ: всего на протяженіи отъ Мингачаура до Александрополя 340 верстъ, въ 17 переходовъ.—Снабженіе боевыми припасами и оружіемъ производилось изъ Тифлиса на Делижанъ, либо по прямому пути, на Самисъ, Воронцовку и Карагачъ.

Наступательныя дѣйствія съ нашей стороны противъ Турокъ въ Анатоліи представляли (не говоря уже о чрезвычайной несоразмѣрности въ числѣ войскъ), важныя затрудненія. Первоначальнымъ предметомъ такихъ дѣйствій былъ Карсъ—крѣпость, приведенная послѣ войны 1828—1829 годовъ въ несравненно лучшее состояніе. Напротивъ того, крѣпостца Ардагань, на сѣверъ отъ Карса, въ трехъ переходахъ отъ Ахалцыха, послѣ минувшей войны, вовсе не была усилена. Укрѣпленіе Гассанъ-Кале, лежащее между Карсомъ и Эрзерумомъ, также было оставлено въ прежнемъ состояніи, а Эрзерумъ, столичный городъ Анатоліи, укрѣпленъ слабо, и какъ многолюдный, торговый пунктъ, не могъ долго держаться. Со стороны баязетскаго пашалыка, такъ-же не могли остановить вторженія въ страну ни главный городъ области — Баязетъ, ни форты Діадинъ и Топрахъ-Кале.—Прилежащія нашей границѣ части пашалыковъ ахалцыхскаго, карскаго и баязетскаго преимущественно населены Армянами и отчасти Греками: какъ тѣ, такъ и другіе, ненавистны фанатикамъ-Туркамъ и сами ненавидятъ ихъ, будучи вынуждены платить непомѣрные налоги и терпя стѣсненіе въ правахъ своихъ, на-равнѣ съ прочими раіями (иновѣрцами). Мусульманское-же населеніе помянутыхъ пашалыковъ состоитъ изъ Татаръ, подъ названіемъ Карапапахцевъ, Лазовъ, Куртинцевъ (Курдовъ), Аджарцевъ и небольшаго числа Турокъ. Карапапахцы довольно храбры, но ихъ любимые промыслы разбой и контрабанда, и по тому они болѣе склонны къ этимъ противозаконнымъ занятіямъ, нежели къ войнѣ; Лазы, Аджарцы и Курды воинственны; послѣдніе, народъ кочующій, издавна возмущались противъ Султана, и къ тому-же, по неимѣнію достаточныхъ пастбищъ, принуждены обращаться къ намъ для кочевки близъ

Алагеза. Еще въ 1828—1829 годахъ, они считали выгоднымъ для себя дѣйствовать за одно съ нами противъ Турокъ; въ послѣдующее-же время, постоянныя распри Курдовъ съ мѣстнымъ турецкимъ управленiемъ и природное стремленiе къ необузданной свободѣ сдѣлали ихъ ненадежными подданными Оттоманской Порты. Немногiе Османлисы, разсѣянные среди этого пестраго населенiя—народъ гордый, храбрый, лѣнивый и безпечный—давно уже потеряли ту слѣпую увѣренность въ побѣдѣ, которою отличались фанатики, ихъ предки. Ежели къ тому принять въ расчетъ, что всѣ распоряженiя по комплектованiю и вооруженiю армiи исходятъ изъ Константинополя, то можно безошибочно заключить, что какъ только дѣйствующiя силы Анатолiи уничтожены, то мѣстныя средства страны оказываются недостаточны для продолженiя борьбы, и народная война здѣсь невозможна. Но пока существуетъ анатолiйская армiя, мѣстность страны представляетъ огромныя выгоды для веденiя оборонительной войны, хотя и нѣтъ тамъ такихъ преградъ, какiя встрѣчались нашимъ войскамъ въ Чечнѣ и Дагестанѣ. По пути, ведущему отъ Ахалцыха на Ардагань къ Карсу, предстоитъ переходъ черезъ Чалдырскiй хребетъ, у Кочьлевскаго карантина, вдоль по ущелью Посховъ-чая; потомъ слѣдуетъ перевалъ черезъ горы не доходя Ардагани, откуда до Карса остается около 70-ти верстъ пути, непредставляющаго никакихъ препятствiй. При наступленiи отъ Ахалкалаки, послѣ перехода черезъ Чалдырскiй хребетъ у сел. Карзаха, дорога раздѣляется на двѣ отрасли: одна изъ нихъ направляется вправо, мимо Хозапинскаго озера, въ Ардагань, а другая—вдоль восточнаго берега Чалдырскаго озера, на Карсъ. Отъ Карзаха до Ардагани 60 верстъ, а до Карса 90. Всѣ эти пути, въ лѣтнее время, отъ мая до ноября,

совершенно удобны для движенія обозовъ и батарейныхъ орудій. — Отъ Александрополя въ Карсъ ведутъ двѣ дороги, почти на равныхъ разстояніяхъ около 70 верстъ: первая, по которой шелъ Паске вичъ въ 1828 году, на Палдерванъ и Мешко, мимо горы Малый Ягны-дагъ, а вторая, на Пирвали, Хадживали и Визинкевъ, по южную сторону Большаго Ягны-дагъ. Переправа черезъ рѣку Карсъ (Карсъ-чай) на обѣихъ дорогахъ довольно затруднительна. пользуясь чѣмъ непріятель можетъ, занявъ правый берегъ, задержать наступающія войска; а далѣе, до Хадживали, мѣстность волниста и пересѣчена глубокими, большею частью безводными оврагами; фуража тамъ много, но въ дровахъ совершенный недостатокъ. — Изъ Эривани въ Карсъ дорога идетъ на Сардарь — Абадъ въ долину Аракса, и по ней до города Кагызманъ, откуда, пройдя ущеліемъ (Базмъ-су), соединяется у сел. Магараджиха съ алек сандропольскою дорогою, ведущею на Визинкевъ. Эта дорога затруднительна въ долинѣ Аракса, но вообще удобна для движенія легкой и горной артиллеріи.—Изъ Эривани къ Баязету идетъ, на протяженіи ста верстъ, дорога, удобная для движенія обозовъ и артиллеріи, къ переправѣ черезъ Араксъ близъ Амарата, и далѣе черезъ Чингильскій перевалъ.—Изъ Карса въ Эрзерумъ ведутъ четыре дороги, черезъ Саганлугскій хребетъ, лѣсистый и удобный къ оборонѣ. Этотъ горный хребетъ столь высокъ, что войска наши, въ половинѣ іюня 1829 года, встрѣтили тамъ большія снѣжныя полосы, которыя, по свидѣтельству туземцевъ, сохраняются до конца іюля. Изъ числа этихъ дорогъ, служили для движенія войскъ Паскевича тѣ, которыя отъ сел. Котанлы, лежащаго у подошвы Саганлугскихъ горъ, ведутъ къ сел. Ардостъ, и далѣе на Керпикевъ, именно: правая —

чрезъ Каинлы и замки Загинъ и Зевинъ; а лѣвая— чрезъ урочище Милли-Дюзе и замокъ Менджингертъ, въ Ардостъ, гдѣ соединяется съ другою дорогою, идущею прямо на Керпи-кевъ, куда также выходитъ дорога изъ Баязета въ Эрзерумъ. Правѣе Зевинской дороги пролегаетъ та, которая, пройдя на сел. Чаплахлы и чрезъ Саганлугъ, подымается весьма круто на гору Акмезре и чрезъ Караурганъ достигаетъ селенія Ардостъ. — Еще правѣе, идетъ дорога изъ Карса, на Чахмакъ, Пенякъ и Ольти, въ Эрзерумъ. Изъ Баязета въ Эрзерумъ дорога идетъ чрезъ Діадинскій перевалъ по лѣсистой долинѣ Ефрата до Караклиса, и далѣе на Алашкиртъ (Топрахъ-кале) и чрезъ перевалъ хребта Агры-дагъ, въ Кери-кевъ, на главной карсской дорогѣ. Отъ Баязета до Эрзерума 280 верстъ, а отъ Карса до Эрзерума, по кратчайшей дорогѣ, около 180-ти.

Пограничная часть трапезонтскаго пашалыка отдѣлена отъ ахалцыхскаго и карсскаго пашалыковъ почти непроходимымъ Аджарскимъ хребтомъ: такимъ образомъ войска, дѣйствующія противъ Батума, почти совершенно разобщены съ войсками, наступающими къ Карсу и Эрзеруму. Единственный путь, по которому производилось комплектованіе и снабженіе оружіемъ и боевыми припасами Анатолійской арміи, изъ Трапезонта на Байбуртъ въ Эрзерумъ, по лѣсистымъ, затруднительнымъ для движенія ущеліямъ, можетъ быть прерванъ, какъ только наши войска успѣли бы занять Байбуртъ и Гоансъ-кале (2).

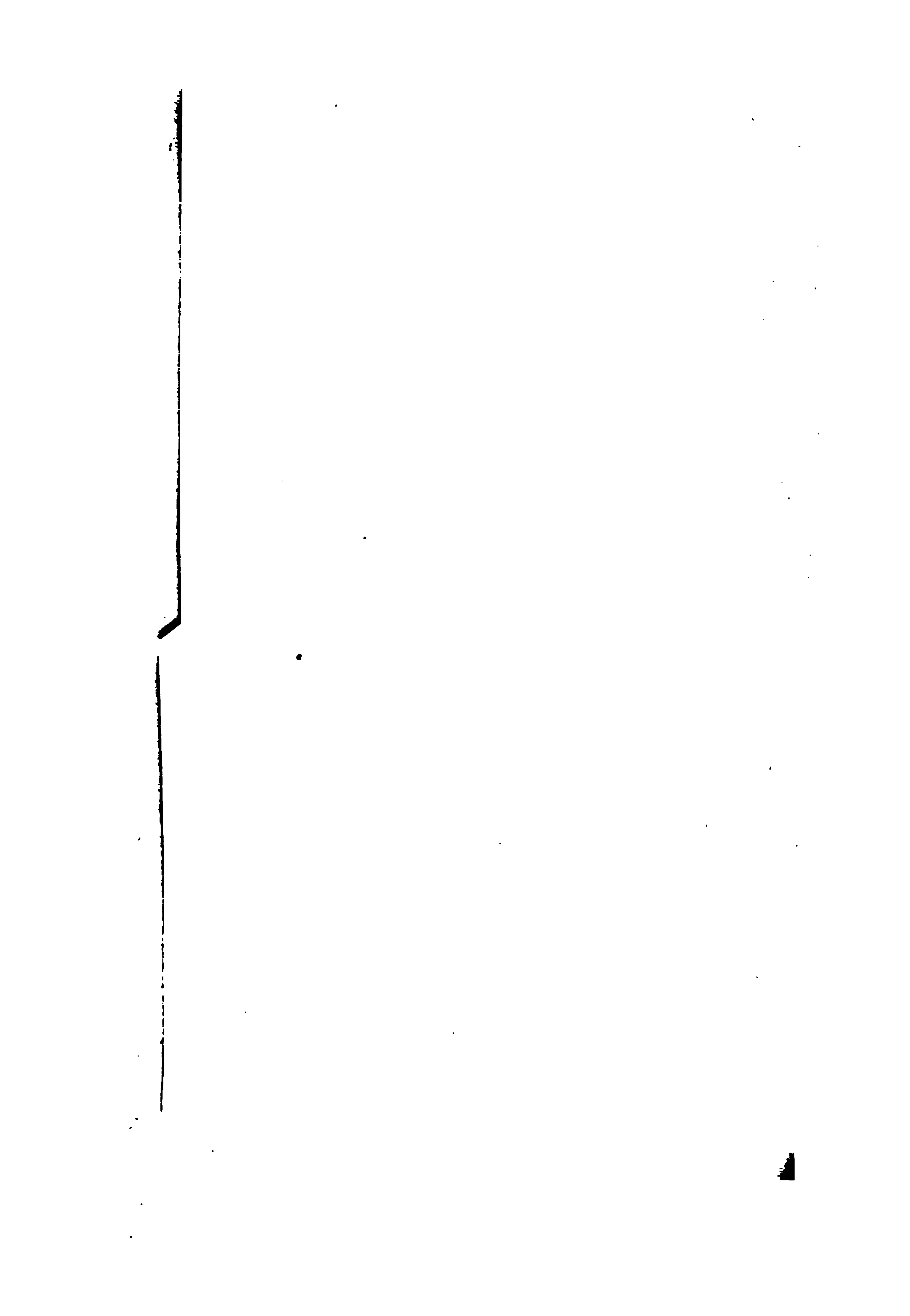
Весною 1853 года, вообще на Кавказѣ считалось: пѣхоты 128 баталіоновъ; кавалеріи (Нижегородскій драгунскій полкъ) 11 эскадроновъ; казаковъ и конной милиціи 52 полка; артиллеріи 23 батареи съ

232 орудіями. Но изъ этихъ войскъ на турецкой границѣ и за Кавказомъ было всего-на-все $19^1/_2$ баталіоновъ съ двумя дивизіонами Нижегородскихъ драгунъ и съ небольшою частью иррегулярной кавалеріи ([3]).

Съ наступленіемъ осени 1853 года, когда разрывъ Россіи съ Турціею сдѣлался неизбѣжнымъ, направлены были къ Александрополю части отрядовъ: князя Аргутинскаго-Долгорукова отъ Закаталъ и князя Орбеліани съ Лезгинской линіи. Туда-же посланы изъ Чиръ-Юрта и Воздвиженскаго остальные три дивизіона Нижегородскихъ драгунъ и одинъ баталіонъ Куринскаго полка. Князь Воронцовъ думалъ самъ идти съ войсками за границу, но ему уже былъ 72-й годъ, онъ часто страдалъ лихорадкою и не могъ переносить трудовъ похода. Въ половинѣ октября, перевезена была моремъ на Кавказъ 13-я пѣхотная дивизія, и тогда-же назначенъ командиромъ дѣйствующаго корпуса, собиравшагося въ Александрополѣ, начальникъ гражданскаго управленія Закавказскаго края, генералъ-лейтенантъ князь Василій Осиповичъ Бебутовъ, по болѣзни котораго туда отправился временно командовать войсками начальникъ штаба Кавказскаго корпуса, генералъ-адъютантъ Александръ Ивановичъ Барятинскій. Часть 13-й пѣхотной дивизіи съ небольшимъ числомъ иррегулярной кавалеріи находилась въ Ахалцыхѣ, куда, для начальства надъ этимъ отрядомъ, былъ посланъ тифлисскій военный губернаторъ, генералъ-лейтенантъ князь Иванъ Малхазьевичъ Андрониковъ ([4]).

Князь Бебутовъ, принадлежа къ одной изъ почетнѣйшихъ армянскихъ фамилій, былъ одинъ изъ первыхъ туземцевъ, получившихъ образованіе въ Россіи. Воспитанникъ бывшаго 1-го кадетскаго корпуса, онъ, вмѣстѣ съ другими познаніями, изучилъ русскій, французскій и нѣмецкій языки, и за тѣмъ

прослужилъ нѣсколько лѣтъ въ Россіи. Одаренный отъ природы большими способностями, онъ, еще въ молодости, обратилъ на себя вниманіе тогдашнихъ главныхъ начальниковъ на Кавказѣ: маркиза Паулуччи, у котораго былъ адъютантомъ, Ермолова, котораго дружбою пользовался до конца жизни послѣдняго, и Паскевича, въ турецкую войну 1828 и 1829 годовъ. При князѣ Воронцовѣ, князь Бебутовъ, за разбитіе полчищъ Шамиля на Кутишинскихъ высотахъ, въ 1846 году, удостоился получить орденъ Св. Георгія 3-й степени, и вскорѣ послѣ того занялъ постъ начальника Гражданскаго Управленія, который въ то время имѣлъ особенную важность, потому что князь Воронцовъ, не безъ причинъ недовольный существовавшею до него системою управленія, находилъ необходимымъ сдѣлать въ ней весьма существенныя перемѣны и нуждался въ содѣйствіи человѣка хорошо знающаго край и способнаго понимать его виды, чему князь Бебутовъ вполнѣ соотвѣтствовалъ. Вся служебная дѣятельность князя Бебутова, предшествовавшая послѣдней войнѣ, указывала на него какъ на человѣка наиболѣе способнаго замѣнить князя Воронцова въ начальствованіи нашими войсками въ Азіятской Турціи, въ томъ случаѣ, еслибы болѣзненное состояніе князя Воронцова недозволило ему самому стать во главѣ войскъ, о чемъ тогда уже носились слухи. Императоръ Николай Павловичъ, имѣвшій случай въ продолженіи лѣта 1853 года видѣть и говорить съ княземъ Бебутовымъ, пріѣзжавшимъ въ Петербургъ по своимъ дѣламъ, остался весьма доволенъ высказанными имъ соображеніями и Самъ назначилъ его, на случай болѣзни князя Воронцова, командующимъ войсками въ Закавказьѣ. Не смотря на свое дѣйствительно болѣзненное состояніе, князь Воронцовъ, вѣрно цѣнившій, какая

гарнизона поста Св. Николая изъ Озургетъ, полковникъ Каргановъ, съ отрядомъ изъ трехъ ротъ Литовскаго егерскаго полка, одного взвода Черноморскаго № 12 баталіона и сотни гурійской милиціи, съ двумя орудіями, узнавъ на маршѣ о взятіи поста Турками, ускорилъ движеніе, атаковалъ непріятеля, въ числѣ до 5,000 человѣкъ, засѣвшаго въ двухъ верстахъ отъ поста Св. Николая, въ густомъ лѣсу за крѣпкими завалами, и выбилъ его оттуда, но, по огромной несоразмѣрности въ силахъ съ непріятелемъ, былъ принужденъ отказаться отъ дальнѣйшихъ покушеній и возвратился въ Озургеты (7).

Между тѣмъ какъ изъ турецкаго корпуса, собиравшагося у Батума, былъ высланъ по береговой дорогѣ авангардъ, овладѣвшій постомъ Св. Николая, главныя силы Анатолійской арміи, подъ начальствомъ Абди-паши, въ числѣ до 40 тысячъ человѣкъ, сосредоточивались въ окрестностяхъ Карса, отрядивъ часть войскъ по дорогѣ изъ Ардагани къ Ахалцыху, и занимая Баязетъ особымъ отрядомъ.

Въ концѣ октября, непріятель, двинувшись по направленію отъ Карса къ Александрополю, выслалъ впередъ сильныя партіи Курдовъ, для вторженія въ наши владѣнія; главныя-же силы Абди-паши расположились близъ Башъ-Шурагели, селенія на правомъ берегу Арпачая, въ 15-ти верстахъ отъ Александрополя. Князь Бебутовъ, прибывшій въ отрядъ 31-го октября (12-го ноября), желая получить болѣе точныя свѣдѣнія о расположеніи непріятеля и положить предѣлъ дерзкимъ грабежамъ Турокъ, съ общаго согласія находившихся въ Александрополѣ старшихъ начальниковъ, послалъ къ Баяндуру генералъ-маіора князя Элико (Илью Дмитріева) Орбеліани, съ большою частью войскъ, собранныхъ въ Александрополѣ. Отрядъ, ему ввѣренный состоялъ, изъ $7^1/_2$

баталіоновъ, 4-хъ эскадроновъ, 3-хъ казачьихъ сотень и нѣсколькихъ сотень милиціи, всего до 6-ти или 7-ми тысячъ человѣкъ, съ 24-мя пѣшими и 4-мя конными орудіями (8). Князь Орбеліани, командиръ Грузинскаго полка, отличался блистательною храбростью, но не обладалъ ни свѣдѣніями, ни опытностью въ военномъ дѣлѣ.

Получивъ начальство надъ отрядомъ, князь Орбеліани не озаботился даже принятіемъ тѣхъ мѣръ военной предосторожности, которыя обязательны при движеніи въ столь близкомъ разстояніи отъ непріятеля, въ какомъ мы находились тогда отъ Турокъ (*). Отъ его отряда не было выслано авангарда, и войска, выйдя за городъ, тотчасъ построились въ боевой порядокъ, и въ такомъ видѣ двинулись чрезъ сел. Караклисъ въ направленіи къ Баяндуру,—селенію лежащему на лѣвой, т. е. на нашей сторонѣ Арпачая, верстахъ въ 4-хъ ближе Башъ-Шурагеля, по слухамъ, тогдашняго главнаго расположенія турецкихъ войскъ. Нѣкоторымъ оправданіемъ, впрочемъ, князю Орбеліани въ данномъ случаѣ можетъ служить то обстоятельство, что тогда война еще не была объявлена, и по тому хотя стычки и даже значительныя столкновенія съ курдами и баши-бузуками уже случались не разъ, однакоже открытый рѣшительный бой съ турецкими регулярными войсками считался все еще невѣроятнымъ и даже самый переходъ такихъ войскъ на нашу сторону Арпачая казался сомнительнымъ.

Завидя наступленіе нашихъ войскъ, еще при движеніи отъ Александрополя къ Караклису, Турки сосредоточили большую часть силъ къ Баяндуру и

(*) Отъ Александрополя до Башъ-Шурагеля 14 вер., отъ Баяндура же, который, какъ было извѣстно, также былъ занятъ Турками, всего 10 верстъ.

заняли вблизи, на восточной сторонѣ этого селенія, весьма выгодную позицію. Главная ихъ батарея, въ числѣ до 40 орудій, расположилась на находящейся здѣсь возвышенности, откуда хорошими настильными выстрѣлами обстрѣливалась вся мѣстность къ сторонѣ сел. Караклисъ, а по сторонамъ этой возвышенности, и частью впереди ея, пользуясь идущими здѣсь балками, такъ искусно скрыли въ нихъ свои войска, что присутствіе турецкой арміи было открыто нами лишь тогда, когда значительнѣйшая часть нашихъ войскъ, съ большими затрудненіями, перейдя оврагъ и рѣчку у сел. Караклисъ, начала устроиваться для дальнѣйшаго наступленія въ разстояніи ближе пушечнаго выстрѣла отъ непріятеля. Это было около 2-хъ часовъ по полудни. Внезапно открытый сильный огонь съ сорока-орудійной батареи, ясно свидѣтельствовавшій о присутствіи здѣсь главныхъ непріятельскихъ силъ, пріостановилъ наступленіе нашихъ войскъ, которыхъ отступленіе къ Александрополю такъ-же было уже невозможно. Обратная переправа ихъ черезъ Караклисскій оврагъ, только что ими пройденный, съ сохраненіемъ боеваго порядка, была немыслима. Оставалось держаться на позиціи, принять мѣры отъ обходовъ и дать знать въ Александрополь о положеніи отряда, но и это хорошо исполнить возможно было лишь съ такими закаленными въ бояхъ кавказскими войсками, изъ какихъ состояла колонна кн. Орбеліани. Столь ужасный артиллерійскій огонь былъ необыченъ въ кавказскихъ войнахъ. Шамиль имѣлъ нѣсколько орудій, но дорожа ими, открывалъ огонь на весьма дальнемъ растояніи; его пушечные выстрѣлы, подобно колокольному звону, служили только для сбора его дружинъ, но убивали рѣдко. Напротивъ того, подъ Баяндуромъ, канонада Турокъ была весьма

дѣйствительна. Но этотъ сильный огонь хотя и озадачилъ въ началѣ нашихъ Кавказцевъ, однакоже, не смутилъ ихъ. Они спокойно удерживались на указанной имъ позиціи. Ограничиваясь съ фронта усиленнымъ артиллерійскимъ огнемъ, наносившимъ намъ весьма чувствительный уронъ, Турки, съ помощью своей кавалеріи и баши-бузуковъ, пытались обойти нашъ правый флангъ и напасть на обозъ. Но находившіеся здѣсь два дивизіона Нижегородскихъ драгунъ, подъ начальствомъ полковника Тихоцкаго, обратили въ бѣгство обходившаго насъ непріятеля, а усиленный огонь турецкой артиллеріи устрашилъ только нашу туземную милицію, которая бѣжала съ поля сраженія и распространила тревогу между пограничными жителями до самаго Александрополя.

Канонада подъ Баяндуромъ, начавшаяся около двухъ часовъ по полудни, была услышана въ Александрополѣ, и тогда-же по гулу выстрѣловъ можно было заключить, что она велась весьма сильно съ обѣихъ сторонъ. Не оставалось сомнѣнія въ томъ, что главныя непріятельскія силы находились подъ Баяндуромъ, и что высланной впередъ колоннѣ князя Орбеліани грозила большая опасность. Не теряя времени и еще прежде полученія извѣстія отъ князя Орбеліани о встрѣчѣ съ непріятелемъ. князь Бебутовъ приказаль всѣмъ войскамъ, остававшимся въ Александрополѣ, за исключеніемъ одного баталіона Бѣлостокскаго полка, выходить и строиться по дорогѣ къ Баяндуру. Надо замѣтить, что въ это время, войска, назначенныя въ составъ Александропольскаго отряда, еще только собирались, одного общаго лагеря не было устроено, а по тому самый сборъ войскъ въ Александрополѣ требовалъ времени. Послѣдній нашъ резервъ, состоявшій изъ 3-хъ бата-

ліоновъ, 6-ти эскадроновъ Нижегородскихъ драгунъ, 8-ми легкихъ и 4-хъ конныхъ орудій, собрался, однако, довольно скоро, и около 4-хъ часовъ пополудни князь Бебутовъ выступилъ съ нимъ по Баяндурской дорогѣ.

Положеніе дѣлъ въ эту минуту было крайне натянуто. Большая часть нашихъ силъ находилась въ безвыходномъ положеніи подъ Баяндуромъ. Елисаветпольская милиція, состоявшая изъ мусульманъ закавказскихъ татарскихъ провинцій, бѣжала толпами изъ подъ Баяндура, и частью появилась на базарѣ, куда въ это время собралось множество пограничныхъ жителей христіанъ (армянъ); между ними и мусульманами произошла свалка. Тревога и безпорядокъ распространились во всемъ городѣ. Когда князь Бебутовъ, окруженный немногочисленнымъ штабомъ, во главѣ своего послѣдняго небольшаго отряда, выѣзжалъ изъ города, женщины съ грудными дѣтьми на рукахъ, прорываясь сквозь окружавшихъ князя всадниковъ, бросались къ нему и умоляли спасти ихъ отъ Турокъ. Князь Бебутовъ, увѣренный въ своихъ войскахъ, повелъ ихъ кратчайшимъ путемъ въ лѣвый флангъ непріятельскаго расположенія, гдѣ ударъ съ нашей стороны представлялъ для непріятеля наибольшую опасность. Въ случаѣ успѣха, отрѣзавъ Турокъ отъ Арпачая, мы ставили ихъ въ положеніе болѣе безвыходное того, въ какомъ до прибытія резерва находились наши войска подъ Баяндуромъ. Это-ли направленіе нашего резерва или приближеніе ночи, повліяли на турецкаго главнокомандующаго, но, какъ-бы ни было, вспомогательная колонна находилась еще верстахъ въ двухъ отъ поля сраженія, когда Турки стали постепенно ослаблять свой огонь. Опасность, грозившая отряду князя Орбеліани, была отвращена. Ме-

жду тѣмъ, уже совершенно стемнѣло, и наши вспомогательныя войска, направлявшіяся до сего времени по огнямъ въ лѣвый флангъ турецкой батареи, приняли влѣво и двинулись на правый флангъ нашихъ батарей. Когда наши отряды соединились, канонада съ обѣихъ сторонъ смолкла и лазутчики дали знать, что Турки отступили къ Башъ-Шурагелю.

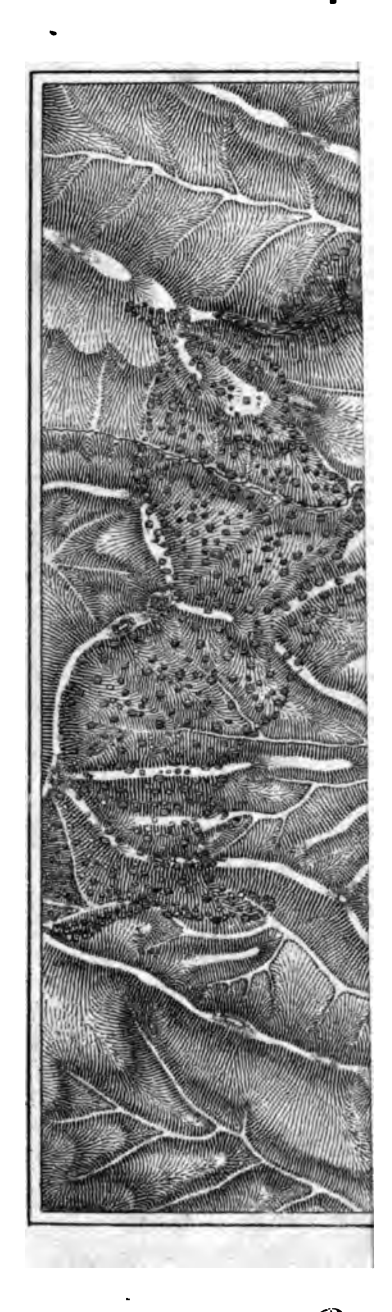
Оставшись нѣкоторое время на полѣ сраженія, какъ для отдыха подошедшему резерву, такъ и для уборки раненыхъ, князь Бебутовъ приказалъ всѣмъ войскамъ возвратиться въ Александрополь. Позднею темною ночью возвращались войска подъ стѣны крѣпости. Повозки съ убитыми и ранеными длинной вереницей тянулись по дорогѣ въ городъ. Общая потеря съ нашей стороны въ этотъ день простиралась до 800 человѣкъ. Раны были почти всѣ тяжелыя—нанесенныя артиллерійскими снарядами. Стоны раненыхъ и воспоминанія дня производили тяжелое впечатлѣніе. Общее настроеніе было довольно мрачно. Теперь для всѣхъ было ясно, что война, въ которой все еще сомнѣвались, уже начата, что скорая рѣшительная встрѣча съ непріятелемъ неизбѣжна, а между тѣмъ въ Александрополь еще не успѣло собраться и то небольшое число войскъ, которое было назначено въ составъ главныхъ нашихъ силъ противъ Турокъ; во многомъ, какъ напримѣръ въ медицинскихъ средствахъ, въ средствахъ перевозки, въ офицерахъ генеральнаго штаба, и даже въ боевыхъ запасахъ, чувствовался большой недостатокъ. Для сбора отряда и для окончанія моста черезъ Арпачай подъ Александрополемъ, столь необходимаго для предстоявшаго наступленія, требовалось по меньшей мѣрѣ дней десять, а, между тѣмъ, обстоятельства настоятельно вызывали ускорить дѣй-

ствія съ нашей стороны. Въ этомъ отношеніи нельзя было не сожалѣть о случившемся сраженіи, которое, по исходу своему и по впечатлѣнію имъ произведенному на пограничное населеніе, усиливало необходимость скорѣйшей рѣшительной встрѣчи съ Турками, и было весьма чувствительно для насъ по потерямъ въ людяхъ, артиллерійскихъ лошадяхъ и боевыхъ зарядахъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, сраженіе подъ Баяндуромъ наглядно показало разницу, между нашими и турецкими войсками Небольшая колонна князя Орбеліани, неожиданно попавъ подъ выстрѣлы турецкихъ батарей и вступивъ въ бой съ непріятелемъ въ четыре или пять разъ сильнѣйшимъ, въ теченіи болѣе четырехъ часовъ удерживалась на своей позиціи, а Турки не отважились противу этихъ войскъ ни на какое рѣшительное дѣйствіе. По этому, какъ ни велико было численное противъ насъ превосходство Турокъ, какъ ни были дѣйствительно важны усовершенствованія ихъ по устройству своихъ войскъ, сравнительно съ временами Паскевича, но все-же очевидно было, что какъ только обстоятельства позволятъ намъ перейти къ рѣшительному наступленію, мы не должны были сомнѣваться въ успѣхѣ.

6-го (18-го) ноября былъ полученъ и тогда-же объявленъ Высочайшій манифестъ о нашемъ разрывѣ съ Турціею. Война наконецъ была рѣшена.

Вскорѣ за тѣмъ прибыли послѣднія изъ тѣхъ малочисленныхъ подкрѣпленій, на которыя могъ надѣяться Александропольскій отрядъ; работы моста черезъ Арпачай оканчивались; все, что возможно было исправить и пополнить, было сдѣлано. Необходимость во всѣхъ отношеніяхъ неотлагательныхъ наступательныхъ дѣйствій съ нашей стороны была очевидна, и въ такомъ-же смыслѣ получались приказанія изъ Тифлиса, отъ главнокомандующаго, а

Д

Росс

Рота пѣхоті

Сотня мили

Обозъ

250 200 150

по тому выступленіе назначено на 14-е (26-е) ноября. Переправа черезъ Арпачай и движеніе по правому берегу предприняты были съ тѣмъ, чтобы, угрожая сообщенію непріятеля съ его базою—Карсомъ, вынудить Турокъ принять сраженіе. Съ разсвѣтомъ 14-го (26-го), переправа была начата, и войска стали уже выстроиваться, для движенія по направленію къ сел. Башъ-Шурагель, когда было получено извѣстіе, что турецкая армія, не выжидая нашей переправы, еще въ теченіи ночи, отступила по дорогѣ къ Карсу (9).

Причиною отступленія Турокъ было разногласіе турецкихъ военачальниковъ. Главнокомандующій Абди-паша, человѣкъ образованный, получившій въ молодыхъ лѣтахъ воспитаніе въ Вѣнѣ, расходился въ мнѣніяхъ, на счетъ предстоявшихъ дѣйствій, съ начальникомъ своего штаба Рейсъ-Ахметъ-пашею, упрямымъ фанатикомъ, совершившимъ путешествіе на поклоненіе гробу Мухамеда въ Мекку, который, будучи весьма богатъ и въ связяхъ съ потомками янычаръ, пользовался большимъ вліяніемъ въ арміи и желалъ смѣстить главнокомандующаго. Съ этою цѣлью онъ возставалъ противъ Абди-паши, порицая медленность его дѣйствій. Но Абди-паша весьма основательно сообразилъ, что для него было выгоднѣе отойти отъ границы, въ глубь страны, чтобы, въ случаѣ наступленія противъ него русскихъ войскъ, разбить ихъ подалѣе отъ Александрополя, (что̀ могло имѣть болѣе рѣшительныя послѣдствія). Съ этою цѣлью, турецкій военачальникъ отступилъ по кратчайшей дорогѣ къ Карсу, въ превосходную позицію, у сел. Башъ-Кадыклара, и такимъ образомъ сблизился съ своими резервами и подвозами.

Князь Бебутовъ, получивъ свѣдѣніе объ отступленіи непріятельской арміи, расположился, 14-го (26-го) ноября, влѣво отъ карсской дороги, у селе-

нія Башъ-Шурагеля, гдѣ и оставался до 19-го ноября (1-го декабря) (10).

Для обороны Мингреліи и Гуріи, угрожаемыхъ вторженіемъ Турокъ, назначена была часть перевезенной моремъ, въ половинѣ октября 1853 года, 13-й пѣхотной дивизіи съ туземною пѣшею и конною милиціей. Войска эти находились въ окрестностяхъ Ахалцыха.

Въ концѣ октября, многочисленныя толпы баши-бузуковъ производили набѣги въ ахалкалакскій участокъ и грабили тамъ селенія, а 30 октября (11-го ноября) баши-бузуки и сувари (турецкая регулярная кавалерія), въ числѣ до двухъ тысячъ человѣкъ, опрокинули казаковъ и осетинскую конную милицію подъ Ахалцыхомъ. Казаки ушли въ городъ, а Осетины бѣжали въ Боржомъ и распространили тревогу до самаго Тифлиса, что̀ заставило князя Воронцова немедленно послать чрезъ Боржомъ въ Ахалцыхъ, для принятія начальства надъ тамошнимъ отрядомъ, генералъ-лейтенанта князя Андроникова; въ ожиданіи-же его прибытія, командовалъ войсками въ Ахалцыхѣ генералъ-маіоръ Петръ Петровичъ Ковалевскій.

Генералъ Ковалевскій тогда имѣлъ отъ роду 46 лѣтъ. Кончивъ курсъ въ Артиллерійскомъ училищѣ, онъ былъ выпущенъ оттуда въ гвардейскую артиллерію, служилъ въ турецкихъ походахъ 1828 и 1829 годовъ, находился въ охотникахъ при штурмѣ Варны; за тѣмъ, получивъ артиллерійскую бригаду на Кавказѣ, участвовалъ во многихъ экспедиціяхъ, и въ томъ числѣ въ Даргинской 1845 года. Впослѣдствіи, онъ былъ начальникомъ Праваго фланга Кавказской линіи, и наконецъ, въ 1853 году, командиромъ 2-й бригады 13-й пѣхотной дивизіи. Онъ имѣлъ

всѣ привычки стараго холостяка, проведшаго большую часть жизни въ походахъ и лагеряхъ, чуждался дамскаго общества, говорилъ по французски довольно плохо, но много читалъ и былъ одаренъ счастливою памятью, здравымъ умомъ и быстротою соображенія. Характеръ его, вспыльчивый и даже рѣзкій, отличался откровенностью, добротою и готовностью помочь каждому имѣвшему въ томъ нужду. Ковалевскій былъ веселъ, смѣшливъ, но мнителенъ; его здоровье было закалено трудами и лишеніями походной жизни ([11]).

6-го (18-го) ноября, Турки въ значительныхъ силахъ подошли къ Ацхуру. Находившійся тамъ съ отрядомъ командиръ Бѣлостокскаго полка, полковникъ Толубѣевъ, узнавъ о приближеніи непріятеля, занялъ ущеліе, по которому пролегаетъ единственная дорога изъ Ахалцыха въ Гори, двумя ротами Бѣлостокскаго и двумя ротами Брестскаго пѣхотныхъ полковъ. Турки, рѣшась, во что бы то ни стало прорваться по сему пути, нападали всю ночь на позицію, занятую горстью храбрыхъ; но каждый разъ были отбиваемы штыками нашей пѣхоты. Въ ночи русскій отрядъ получилъ въ подкрѣпленіе еще одну роту Бѣлостокскаго полка и пять сотень Грузинской пѣшей милиціи, а въ семь часовъ утра 7-го (19-го) прибылъ туда-же командиръ Брестскаго полка, генералъ-маіоръ Бруннеръ, съ тремя ротами ввѣреннаго ему полка. Непріятель былъ значительно усиленъ регулярною пѣхотою и кавалеріей съ двумя орудіями Но генералъ Бруннеръ, не обращая вниманія ни на огромное превосходство непріятельскихъ силъ, ни на состоявшую при нихъ артиллерію, построилъ свой отрядъ въ двѣ линіи и ударилъ въ штыки на Турокъ. Когда-же непріятель, не выдержавъ стремительнаго натиска нашей пѣхоты, обра-

тился въ бѣгство, Бруннеръ преслѣдовалъ его на протяженіи болѣе семи верстъ. Трофеями этого славнаго дѣла были: одно изъ непріятельскихъ орудій, захваченное штабсъ-капитаномъ Дроздовскимъ, четыре знамя, три значка, множество ружей и снарядовъ. Непріятель потерялъ одними убитыми до ста человѣкъ; съ нашей стороны убито нижнихъ чиновъ 7, ранены: штабъ-офицеръ 1, оберъ-офицеровъ 4, нижнихъ чиновъ 36 ([12]).

Императоръ Николай, получивъ донесеніе о дѣлѣ при Ацхурѣ, пожаловалъ генералъ-маіору Бруннеру орденъ Георгія 4-й степени, полковнику Толубѣеву—золотую полусаблю съ надписью: „За храбрость", командирамъ ротъ—каждому орденъ Св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ, а нижнимъ чинамъ—по три знака Военнаго ордена на каждую роту.

Еще въ началѣ октября, ферикъ (генералъ-лейтенантъ) Али-паша, съ 18-ю тысячами человѣкъ регулярнаго войска и баши-бузуковъ, подошелъ къ Ахалцыху, и кромѣ того значительные непріятельскіе отряды собирались на гурійской границѣ, противъ Озургетъ, и въ Баязетѣ, противъ Эривани. Войска, расположенныя въ Ахалцыхѣ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Ковалевскаго, состояли всего на все изъ четырехъ баталіоновъ Виленскаго егерскаго полка, одного баталіона Бѣлостокскаго пѣхотнаго полка, четырехъ казачьихъ сотень и нѣсколькихъ сотень пѣшей и конной милиціи съ одною легкою батареею (8 орудій). Кромѣ того, въ крѣпости находились три линейныя роты съ артиллерійскою и инженерною командами. Въ Ацхурѣ, Боржомѣ и Сурамѣ, на протяженіи трехъ переходовъ, позади Ахалцыха, были расположены, для прикрытія Боржомскаго ущелія—главнаго доступа въ Карталинію—$4^1/_2$ баталіона, въ подкрѣпленіе коимъ ожидали къ

6-му (18-му) ноября донской № 2 полкъ и нѣсколько сотенъ грузинской милиціи. Кавалерія Ахалцыхскаго отряда, подъ командою уѣзднаго начальника, князя Кобулова, была выслана чрезъ селеніе Вале на границу, въ 15-ти верстахъ отъ крѣпости. Исправляющій должность начальника штаба въ отрядѣ, подполковникъ Фрейгангъ предлагалъ генералу Ковалевскому послать въ подкрѣпленіе кавалеріи два баталіона съ нѣсколькими орудіями, дабы убѣдиться въ дѣйствительной силѣ непріятеля, но Ковалевскій предпочелъ остаться съ пѣхотою въ городѣ и ограничиться его обороною.

Крѣпость Ахалцыхъ построена на высотѣ лѣваго берега Посховъ-чая. Къ сѣверу отъ крѣпости, по окраинѣ возвышенной плоскости и по скату къ рѣкѣ, лежитъ Старый городъ, состоящій изъ каменныхъ сакель, а на восточномъ правомъ, низменномъ берегу выстроенъ Новый городъ. За нимъ, къ югу, возвышаются горы (Наванетъ - дагъ), упираясь противъ крѣпости въ правый берегъ Посховъ-чая, протекающаго выше города въ глубокомъ ущельѣ. Впереди западной стороны Стараго города идетъ довольно глубокая балка, за которою мѣстность сперва понижается, а потомъ образуетъ равнину по направленію къ сел. Суплису. Долина рѣки, на лѣвомъ берегу противъ Суплиса, шириною болѣе версты, окаймляется на сѣверной сторонѣ обрывомъ сажень въ восемь.

29-го октября (10-го ноября), кавалерія Кобулова отступила къ Суплису и на слѣдующій день— къ Ахалцыху, а 1-го (13-го) ноября, Турки поставили нѣсколько орудій на горѣ противъ Ахалцыха; тогда-же, непріятельская пѣхота и кавалерія появились у Новаго города и завязали перестрѣлку съ нашими войсками. На слѣдующій денъ прибыли въ

Ахалцыхъ изъ Ацхура баталіонъ Бѣлостокскаго полка и пять сотень гурійской милиціи. 4-го и 5-го (16-го и 17-го) непріятель обстрѣливалъ городъ изъ пяти орудій. Пользуясь превосходствомъ силъ, Турки утвердились въ ахалцихскомъ округѣ, учредили свое управленіе и стали набирать туземную милицію.

12-го (24-го) ноября, прибылъ въ Ахалцыхъ князь Андрониковъ, взявъ изъ Боржома полтора баталіона Брестскаго полка: такимъ образомъ успѣвъ собрать 7½ баталіоновъ, съ 8-ю легкими и 2-мя горными орудіями, и 12 сотень казаковъ и милиціи, всего же до 7-ми тысячъ человѣкъ ([13]), онъ рѣшился атаковать стоявшихъ въ двухъ съ половиною верстахъ Турокъ, не давъ имъ времени усилиться подкрѣпленіями изъ Ардагана, Аджара и Карса.

Князь Иванъ Малхазовичъ Андрониковъ, потомокъ одной изъ древнѣйшихъ грузинскихъ фамилій, происходившей—какъ говорятъ—отъ Византійскаго Императора Андроника, служилъ, при Ермоловѣ и Паскевичѣ, въ Нижегородскихъ драгунахъ, былъ извѣстенъ какъ храбрый офицеръ и получилъ георгіевскій крестъ. Князь Воронцовъ любилъ его, видя въ немъ хорошаго, правдиваго человѣка, и дѣйствительно благородство, доброта и прямодушіе князя Андроникова не подлежали сомнѣнію. Онъ горячо любилъ свою родину—Грузію и былъ искренно преданъ Россіи. Князь Андрониковъ былъ совершенный невѣжда, не зналъ даже русской грамоты и умѣлъ только подписывать свое имя, но будучи одаренъ здравымъ смысломъ, имѣлъ довольно проницательности и судилъ правильно о нуждахъ края ([14]).

Въ самый день прибытія князя Андроникова въ Ахалцыхъ, 12-го (24-го) ноября, вечеромъ, собрался у него военный совѣтъ, въ которомъ участвовали: генералъ-маіоры: Ковалевскій и Бруннеръ; коман-

нанта

ика-Али-Паши

диры Виленскаго егерскаго и Бѣлостокскаго пѣхотнаго полковъ, генералъ-маіоръ Фрейтагъ и полковникъ Толубѣевъ; командиръ легкой № 2-го батареи 13-й артиллерійской бригады полковникъ Смѣловскій; генеральнаго штаба полковникъ Дрейеръ и подполковникъ Циммерманъ, и прибывшій въ Ахалцыхъ съ тремя горными орудіями, артиллеріи поручикъ Евсеевъ. Князь Андрониковъ открылъ совѣщаніе, сказавъ: „Я не ученый; знаю только, что мы должны идти на Турокъ и разбить ихъ, а подробности распоряженій предоставляю вамъ, господа!“ За тѣмъ, выслушавъ мнѣнія приглашенныхъ имъ лицъ, князь рѣшилъ: „На слѣдующій день произвести рекогносцировку, а потомъ выступить всѣмъ войскамъ изъ Стараго города противъ Турокъ; а жителямъ—у кого есть ружье, то съ ружьемъ, а у кого нѣтъ—то съ коломъ, оставаться у домовъ своихъ“ ([15]).

13-го (25-го), утромъ, было пасмурно и туманно, и по тому рекогносцировка произведена уже въ 3-мъ часу по полудни. Князь Андрониковъ, со всѣми бывшими на военномъ совѣтѣ, поѣхалъ на гору противъ Новаго города, при чемъ убѣдясь въ неприступности непріятельской позиціи съ праваго фланга, положилъ атаковать Турокъ, на другой день съ разсвѣтомъ, со стороны сел. Суплиса. Диспозиція для боя была составлена Циммерманомъ.

Турецкая армія, въ числѣ 8-ми тысячъ регулярной пѣхоты, 3-хъ тысячъ кавалеріи и 7-ми тысячъ пѣшей и конной милиціи, съ 13-ю орудіями, занимала на высотахъ правой стороны рѣки Посхова (Посховъ-чай) весьма сильную мѣстность и довольно хорошо укрѣпленную позицію, отъ сел. Суплиса на Садзель до сел. Абъ; высокій хребетъ Наванетъ-дагъ, идущій почти въ параллельномъ направленіи къ Посхову, былъ такъ же занятъ Турками.

Сущность диспозиціи для нападенія на непріятеля состояла въ слѣдующемъ: положено наступать на селеніе Суплисъ двумя колоннами: лѣвая, подъ начальствомъ генералъ - маіора Ковалевскаго, изъ 4-хъ баталіоновъ Виленскаго егерскаго полка, съ 8-ю легкими орудіями, № 2-го батареи полковника Смѣловскаго и 6-ю легкими орудіями, взятыми изъ крѣпости (*), должна была направиться къ селенію Суплисъ съ фронта, и занявъ высоту лѣваго берега противъ селенія, открыть канонаду по непріятельской позиціи; правая-же колонна, подъ начальствомъ генералъ-маіора Бруннера, изъ 2-хъ баталіоновъ Бѣлостокскаго и $1^{1}/_{2}$ баталіона Брестскаго пѣхотныхъ полковъ, съ тремя горными орудіями, (въ числѣ коихъ была одна пушка, отбитая у Турокъ подъ Ацхуромъ), и милиціи отряда, должна была, скрываясь отъ непріятеля за высотами, спуститься къ рѣкѣ у сел. Кунджи, переправится на правый берегъ, штурмовать Суплисъ, какъ только непріятель будетъ ослабленъ нашею канонадою, и стать параллельно единственному пути его отступленія къ Ардагани, вмѣстѣ съ чѣмъ предполагалось повести атаку на Суплисъ лѣвою колонною съ фронта. Казакамъ надлежало двинуться еще правѣе, по открытой ровной мѣстности.

14-го (26-го) ноября, въ четыре часа утра, русскія войска направились къ выходу изъ Стараго города, а съ разсвѣтомъ двинулись, на основаніи диспозиціи, двумя колоннами. Лѣвая колонна, генералъ-маіора Ковалевскаго, перейдя лощину за селеніемъ Ивлитъ, взошла на высоту лѣваго берега Посховъ-чая, въ разстояніи пушечнаго выстрѣла отъ

(*) Эти орудія двигались на почтовыхъ лошадяхъ, а заряды къ нимъ—на обывательскихъ подводахъ.

Суплиса. Какъ только Турки замѣтили появленіе нашихъ войскъ на плато, то открыли по нимъ огонь съ батареи праваго берега. Тогда 14 орудій, состоявшихъ при лѣвой колоннѣ, быстро выѣхали на позицію и отвѣчали непріятелю довольно частою, но, по отдаленности отъ него, слабою канонадою; а, между тѣмъ, генералъ-маіоръ Фрейтагъ расположилъ свои баталіоны позади батареи, на скатѣ горы, гдѣ они были прикрыты отъ непріятельскаго огня, а двѣ Виленскія роты посланы къ мосту. Канонада продолжалась болѣе двухъ часовъ, при чемъ наша артиллерія, поставленная весьма выгодно генераломъ Ковалевскимъ, терпѣла менѣе непріятельской. Въ продолженіи времени этихъ дѣйствій, правая колонна генералъ-маіора Бруннера, укрываясь за высотами, двигалась впередъ, чтобы обойти непріятеля съ лѣваго фланга и стать параллельно единственному пути отступленія Турокъ, на селеніе Вале. Съ этою цѣлью, наши войска, достигнувъ возвышеній противъ Суплисскихъ садовъ, стали спускаться къ рѣкѣ, чтобы атаковать непріятеля, но князь Андрониковъ, прибывъ къ правой колоннѣ, обратилъ войска назадъ и приказалъ открыть огонь изъ трехъ горныхъ орудій, а лѣвой колоннѣ—идти на штурмъ селенія. Правая-же колонна должна была перейти черезъ рѣку и атаковать сады Суплиса не прежде какъ по первому ура, которое загремитъ въ лѣвой колоннѣ. Казаки и милиція стали на оконечности нашего праваго крыла.

Непріятель, замѣтивъ наши усилія противъ его лѣваго крыла, перевелъ туда войска, стоявшія у селеній Абъ и Садзель, перевезъ бывшія тамъ орудія къ Суплису и расположилъ ихъ на вершинѣ хребта и въ самомъ аулѣ.

Войска наши двинулись на штурмъ. Генералъ

Фрейтагъ, съ 1-мъ и 2-мъ баталіонами Виленскаго полка, спустясь съ высотъ въ долину Посховъ-чая, перевелъ свои войска черезъ рѣку, частью по мосту, частью вбродъ (при чемъ вода доходила по грудь солдатамъ), и бросился на аулъ: шесть ротъ посланы имъ прямо чрезъ покрытую колючимъ кустарникомъ долину, а 4-я и 6-я егерскія роты, перейдя черезъ рѣку лѣвѣе, по мосту, направились по узкой дорогѣ, пролегавшей у подошвы скалъ. Непріятельскія пули и картечи сыпались градомъ. Генералъ Фрейтагъ, впереди своихъ егерей, будучи раненъ пулею въ руку и контуженъ въ животъ, былъ принужденъ выѣхать изъ огня для перевязки, но какъ только ему отрѣзали мизинецъ правой руки, возвратился снова въ дѣло. Принявшій отъ него команду надъ полкомъ, подполковникъ Циммерманъ перевелъ остальныхъ егерей черезъ рѣку, на глубинѣ выше пояса, и взошелъ съ ними на высокій обрывистый правый берегъ, подъ сильнымъ картечнымъ и ружейнымъ огнемъ непріятеля. Егеря взбирались съ большимъ трудомъ, помогая другъ другу; штабсъ-капитанъ Пасальскій (тяжело здѣсь раненый) и прапорщикъ Шестериковъ подавали собою примѣръ солдатамъ. Стрѣлковая цѣпь, поддержанная двумя ротами, поднявшись на крутой берегъ, выстроилась въ сорока саженяхъ отъ заваловъ, гдѣ стояло семь турецкихъ орудій. Регулярная турецкая пѣхота, скрытая въ оградѣ селенія, нѣсколько позади орудій, стрѣляла батальнымъ огнемъ. Но наши егеря, не обращая вниманія на пальбу, кинулись впередъ съ крикомъ „ура,“ взяли завалы, захватили всѣ семь орудій и опрокинули вышедшую имъ на встрѣчу пѣхоту. Виленскаго полка подпоручикъ Даниловъ первымъ взошелъ на непріятельскую батарею и палъ на ней. По взятіи батареи, егеря, не останавливаясь тамъ, ворвались въ аулъ.

Турецкая пѣхота отступала медленно, шагъ за шагомъ, отстрѣливаясь, и даже отбиваясь штыками; часть непріятельскихъ войскъ засѣла въ сакляхъ и стрѣляла изъ оконъ и дверей; другая—будучи выбита изъ аула, продолжала упорно держаться въ садахъ Суплиса.

Одновременно съ фронтальнымъ нападеніемъ Виленскихъ егерей, генералъ Бруннеръ, съ баталіонами Брестскаго и Бѣлостокскаго полковъ, направился въ обходъ лѣваго фланга Турокъ. Войска его перешли вбродъ, по грудь въ водѣ, рѣку Посховъ выше Суплиса, атаковали Турокъ въ садахъ этого селенія и соединились съ Виленцами, овладѣвшими наружною оградою и завязавшими перестрѣлку съ непріятелемъ, въ садахъ и сакляхъ, многія изъ которыхъ пришлось брать штурмомъ. Находившійся при правой колоннѣ, генеральнаго штаба подполковникъ Фрейгангъ былъ раненъ, но оставался въ пылу сраженія до окончанія дѣла. Между тѣмъ какъ Турки, засѣвшіе въ аулѣ, продолжали обороняться отчаянно, человѣкъ тридцать мусульманъ изъ Суплискихъ жителей, собравшихся у минарета, бросились безъ оружія и съ четками въ рукахъ на встрѣчу нашимъ войскамъ, умоляя о пощадѣ. Ни одинъ изъ нихъ не былъ тронутъ русскими солдатами, разъяренными боемъ, но щадившими безоружныхъ. Упорное сопротивленіе Турокъ заставило генерала Ковалевскаго двинуться съ 4-мъ баталіономъ Виленскаго полка въ помощь атакующимъ. Самъ князь Андрониковъ, находясь на берегу Посховъ-чая и видя яростную сѣчу, кипѣвшую въ аулѣ и окружающихъ его садахъ, безпрестанно посылалъ туда одно подкрѣпленіе за другимъ; въ резервѣ у него оставалось только полторы роты при трехъ горныхъ орудіяхъ, когда пришло донесеніе о появленіи на нашемъ правомъ флангѣ

большихъ массъ турецкой кавалеріи и пѣшей милиціи. Для встрѣчи ихъ были посланы казаки 2-го и 21-го полковъ и собственный конвой князя Андроникова — горійская дворянская сотня, подъ начальствомъ тамошняго предводителя дворянства, поручика князя Эристова.

Наконецъ — цѣпи Виленскихъ егерей, поддержанной резервами, удалось выбить непріятеля изъ Суплисскихъ садовъ, одновременно съ наступленіемъ подполковника Осипова, съ 3-мъ баталіономъ Брестскаго пѣхотнаго полка, и маіора Давыдова 7-го, съ 1-мъ баталіономъ Бѣлостокскаго полка, овладѣвшаго однимъ орудіемъ. Непріятель, выбитый изъ садовъ и строеній Верхняго Суплиса, занялъ позицію на высотахъ вблизи селенія, но не могъ удержаться и тамъ, и былъ принужденъ отступить далѣе.

По совершенномъ занятіи Суплиса, войска получили приказаніе остановиться: надлежало стянуть колонны и подкрѣпить цѣпь. Генералъ Бруннеръ, принявъ начальство надъ передовыми войсками, устроилъ колонны и двинулся далѣе, а подполковникъ Циммерманъ, съ передовою цѣпью отъ всѣхъ бывшихъ въ бою полковъ и съ частью милиціи маіора князя Кобулова, быстро устремился въ слѣдъ за непріятелемъ. Турки безостановочно отступали на разстояніи пяти верстъ до селенія Малый Памачъ, гдѣ хотѣли выждать своихъ войскъ, бѣжавшихъ туда отъ селенія Садзеля. Съ этою цѣлью, непріятельскій арріергардъ, изъ трехъ баталіоновъ регулярной пѣхоты, съ тремя орудіями, и двухъ эскадроновъ регулярной кавалеріи, занялъ позицію къ востоку отъ сел. Памачъ и встрѣтилъ наши войска канонадою и ружейнымъ огнемъ. Но ничто не могло остановить побѣдителей; подполковникъ Циммерманъ съ цѣпью ударилъ въ штыки и отбросилъ Турокъ отъ ихъ

пути отступленія, что заставило непріятеля направиться по другой дорогѣ за границу. Орудія, находившіяся при арріергардѣ его, были брошены; все поле за Памачемъ покрылось бѣгущими толпами Турокъ.

Пѣхота наша, утомленная движеніемъ и боемъ, имѣла необходимую нужду въ отдыхѣ, и по тому князь Адрониковъ приказалъ прекратить преслѣдованіе.

Одновременно со взятіемъ селенія Суплиса, происходило на лѣвой сторонѣ Посховъ-чая кавалерійское дѣло. Непріятельская конница, поддержанная пѣшею милиціей, спустясь съ Абасъ-Туманскихъ высотъ, атаковала нашу кавалерію. Князь Андрониковъ приказалъ обратить противъ обходившихъ насъ Турокъ горныя орудія и двѣ изъ отбитыхъ у непріятеля пушекъ. Вслѣдъ за тѣмъ, казаки, подъ начальствомъ подполковника Бирюкова и есаула Борисова, и дворянская сотня князя Эристова ударили на Турокъ, обратили ихъ въ бѣгство и нагнавъ пѣшихъ Аджарцевъ, положили на мѣстѣ до двухъ сотъ человѣкъ.

Бой прекратился въ 4-мъ часу по полудни.

Въ сраженіи при Ахацыхѣ отбито нашими войсками: 11 орудій, изъ которыхъ 9 полевыхъ и 2 горныхъ, (въ послѣдствіи, 19-го ноября, взяты подполковникомъ Циммерманомъ остальныя два орудія, брошенныя непріятелемъ въ селеніи Дагвери), девять зарядныхъ ящиковъ и двѣ зарядныя фуры; 5 большихъ знаменъ и 18 значковъ; два артиллерійскихъ парка, въ которыхъ найдено 90 вьюковъ съ артиллерійскими зарядами и патронами, 42 боченка пороха и 160 тысячъ патроновъ. Весь непріятельскій лагерь, канцелярія командовавшаго турецкимъ корпусомъ Али-паши, множество оружія, лошадей и огромные запасы муки и ячменя достались побѣдителямъ.

кая армія не ушла въ Карсъ, а стоитъ лагеремъ на половинѣ дороги отъ Александрополя къ Карсу, въ окрестностяхъ Суботана. Тогда-же рѣшено было, отправивъ лагерь и всѣ излишнія тяжести въ Александрополь, двинуться отряду, съ самымъ лишь необходимымъ числомъ повозокъ, противъ Турокъ. Съ этою цѣлью, въ ночь на 19-е ноября (1 декабря), была послана въ Александрополь, гдѣ оставался всего одинъ баталіонъ Бѣлостокскаго полка, колонна изъ обозовъ всѣхъ частей при необходимыхъ отъ нихъ командахъ, подъ прикрытіемъ 3-го баталіона Грузинскаго гренадерскаго полка, двухъ сотенъ Донскаго № 19-го полка и 6-ти орудіяхъ 1-й батарейной батареи, которая наиболѣе пострадала въ Баяндурскомъ сраженіи.

Съ разсвѣтомъ 19-го ноября (1-го декабря), войска Александропольскаго отряда, въ составѣ 10 баталіоновъ, 10 эскадроновъ, 14 сотень казаковъ, одной сборной сотни милиціи, 3-хъ пѣшихъ и одной конной батарей, всего въ числѣ около 10-ти тысячъ человѣкъ съ 32-мя орудіями, двинулись по карсской дорогѣ на сел. Пирвали ([18]). Когда войска тронулись съ мѣста, князь Бебутовъ, обгоняя и здороваясь съ людьми, объявилъ имъ объ Ахалцыхской побѣдѣ. Отвѣтные возгласы войскъ на это извѣстіе ясно свидѣтельствовали, что старыя кавказскія войска, изъ коихъ состоялъ Александропольскій отрядъ, вполнѣ сознавали и важность объявляемой имъ побѣды, и значеніе предстоявшей имъ самимъ встрѣчи съ главными турецкими силами, если только непріятель на этотъ разъ не уклонится отъ боя, какъ это уже случилось подъ Баяндуромъ и при переходѣ нашемъ черезъ Арпачай. Около 9-ти часовъ утра, войска Александропольскаго отряда подошли къ Пирвали, въ 20 верстахъ отъ Александрополя, и стали тотчасъ-же пере-

правляться черезъ Карсъ-чай. Ясное, но свѣжее и даже морозное утро стало переходить въ это время въ теплый и ясный осенній день, какіе въ столь позднее время года рѣдко случаются на возвышенной мѣстности Армянскаго плоскогорья ([19]).

Въ Пирвали узнали отъ жителей, что баши-бузуки, въ числѣ до 60-ти, занимавшіе, въ видѣ передоваго поста, селеніе, ускакали въ Субутань, и что весь турецкій корпусъ, силою до 36-ти тысячъ человѣкъ при сорока шести орудіяхъ, расположенъ впереди этого селенія, въ 10-ти или 12-ти верстахъ отъ Пирвали.

Въ тотъ-же день, но еще на разсвѣтѣ, Абди-паша, не помышлявшій, чтобы Русскіе осмѣлились что-либо предпринять противъ грозныхъ силъ Анатолійской арміи, и считавшій кампанію оконченною, отправился въ дормезѣ въ Карсъ, чтобы распорядиться расположеніемъ на квартирахъ своей арміи, послѣ чего онъ намѣренъ былъ ограничиться партизанскими дѣйствіями и частными вторженіями Курдовъ въ наши предѣлы. Передавъ на время своего отсутствія начальство надъ арміей Ахмету-пашѣ, турецкій главнокомандующій приказалъ ему снять лагерь въ десять часовъ утра и перевести войска эшелонами къ сел. Хадживали, двѣнадцать верстъ ближе къ Карсу. Но въ девять часовъ, когда Турки еще не успѣли сняться съ занимаемой ими позиціи, Ахметъ-паша получилъ отъ разъѣздовъ свѣдѣніе о наступленіи Русскихъ и сначала принялъ наше движеніе за маневръ, имѣвшій цѣлью скрыть отступленіе къ Александрополю; когда-же донесли ему, что Русскіе переправляются черезъ Карсъ-чай, онъ долго не вѣрилъ тому и послалъ на рекогносцировку своихъ адъютантовъ; наконецъ, удостовѣрясь въ наступленіи нашихъ войскъ, сказалъ своимъ приближен-

нымъ: „Русскіе съ ума сошли, либо упились своею поганою водкой“. Увѣренный въ побѣдѣ надъ малочисленнымъ нашимъ корпусомъ, Ахметъ изъявилъ радостный восторгъ, приказалъ войскамъ стать въ ружье, объѣхалъ ряды ихъ, обѣщая своимъ солдатамъ, именемъ Пророка, истребить Русскихъ, и приказалъ приготовить веревки, для того, чтобы, связавъ захваченныхъ въ плѣнъ генераловъ и офицеровъ, отправить ихъ въ Константинополь. За тѣмъ, выступя изъ лагеря, съ барабаннымъ боемъ, музыкою и распущенными знаменами, онъ, вопреки полученному имъ приказанію, рѣшился встрѣтить наши войска на позиціи у Башъ-Кадыклара ([20]).

Когда войска наши, переправясь черезъ Карсъ-чай, стали подниматься на высоты, идущія здѣсь вдоль праваго берега рѣки, то передъ ними открылась небольшая пересѣченная оврагами равнина, которая справа замыкалась горою Караялъ, а слѣва оканчивалась крутымъ спускомъ у низменности, по которой течетъ ручей Маврякъ, впадающій въ Арпачай. Далѣе впереди, мѣстность пересѣкалась довольно значительнымъ оврагомъ, по которому течетъ ручей Кадыкляръ, впадающій въ Маврякъ и имѣющій направленіе какъ-бы параллельное Карсъ-чай. Ближе этого оврага, у самаго ручья, на карсской дорогѣ, виднѣлось армянское селеніе Угузлы съ большою каменною церковью, а версты двѣ лѣвѣе его и также по сю сторону ручья, близъ ската къ Мавряку, другое сел. Гамза-Кирякъ. По ту сторону Кадыклярскаго ручья мѣстность замѣтно возвышалась, и виднѣлись еще три селенія Башъ, Орты и Аянъ-Кадыкляръ. Эта картина на дальнемъ горизонтѣ заканчивалась прямо впереди Саганлугскимъ хребтомъ, а слѣва хребтомъ Алагесъ, который въ тогдашнее свѣтлое осеннео утро блисталъ яркими цвѣтами и

величественно возвышался надъ всею окружающею мѣстностью.

Съ появленіемъ нашихъ войскъ и когда начали они выстроиваться въ боевой порядокъ, у Турокъ также началось общее передвиженіе войскъ по ту сторону Кадыклярскаго оврага. Главная ихъ масса направлялась въ пространство между Угузлы и Гамза-Кирякъ, а отъ нея отдѣлились еще двѣ другія и двигались какъ-бы въ обходъ нашей колонны справа и слѣва. Первоначальное предположеніе князя Бебутова состояло въ томъ, чтобы двинуться на селеніе Угузлы, въ лѣвый флангъ непріятельскаго расположенія, и отрѣзать Турокъ отъ карсской дороги ([21]).

Войска наши, подойдя къ непріятельской позиціи на разстояніе около двухъ верстъ, построились въ боевой порядокъ, въ три линіи: въ центрѣ первой линіи стали 16 орудій 2-й батарейной батареи Кавказской гренадерской бригады и 5-й батарейной 21-й артиллерійской бригады; ихъ прикрывали: одинъ баталіонъ Куринцевъ (*), два баталіона Ширванскаго полка (**) и сводный баталіонъ изъ стрѣлковъ и саперъ; на правомъ крылѣ первой линіи, уступомъ назадъ, двигались три дивизіона Нижегородскихъ драгунъ (***) съ четырьмя конными орудіями и одна сотня милиціи, а на лѣвомъ крылѣ: два дивизіона Нижегородскихъ драгунъ съ 4-мя конными орудіями и девять сотень линейныхъ казаковъ. Вторую линію составляли: 1-й, 2-й и 3-й баталіоны Эриванцевъ (****), 1-й баталіонъ и три роты 4-го

(*) Егерскаго генер.-адъют. князя Воронцова полка.
(**) Пѣхотнаго князя Варшавскаго полка.
(***) Драгунскаго наслѣдн. принца Виртембергскаго полка.
(****) Эриванскаго карабинернаго Его Имп. Выс. Наслѣдника Цесаревича полка.

баталіона Грузинскаго гренадерскаго полка (*); шесть орудій 1-й легкой батареи Кавказской гренадерской артиллерійской бригады. Въ третьей линіи находился обозъ, подъ прикрытіемъ изъ трехъ ротъ 4-го Эриванскаго баталіона съ двумя легкими орудіями и донскаго № 4-го полка. Первою линіею командовалъ служившій съ перваго офицерскаго чина на Кавказѣ, генералъ-маіоръ Кишинскій; второю — потомокъ древняго знаменитаго Грузинскаго, бывшаго царскаго рода, генералъ-маіоръ князь Иванъ Константиновичъ Багратіонъ-Мухранскій. Начальство надъ кавалеріей праваго крыла было поручено генералъ-маіору князю Чавчавадзе, а на лѣвомъ крылѣ — генералъ маіору Багговуту.

Въ полдень наши войска подошли къ непріятелю и велѣно открыть огонь. Первые выстрѣлы 2-й батарейной батареи были направлены противъ баталіоновъ, спускавшихся съ высотъ въ оврагъ. Непріятельская артиллерія такъ-же открыла изъ 20-ти орудій, стоявшихъ на правомъ крылѣ, бѣглый огонь, на который отвѣчали обѣ наши батарейныя батареи. Въ нѣсколько минутъ взлетѣли на воздухъ два турецкихъ ящика, и наши войска встрѣтили этотъ успѣхъ, какъ предвѣстіе побѣды, громкими криками „ура", раздавшимся по всей линіи ([22]).

Канонада и перестрѣлка здѣсь затянулись и самое движеніе войскъ въ этомъ направленіи нѣсколько замедлилось, отъ того, что въ это время князь Бебутовъ, ближе всмотрѣвшись въ мѣстность и въ расположеніе непріятельскихъ войскъ, нашелъ нужнымъ измѣнить первоначально составленный имъ планъ атаки. Башкадыклярскій ручей, на правомъ берегу

(*) Гренадерскаго Его Имп. Выс. Вел. Кн. Константина Николаевича полка.

котораго была расположена главная турецкая батарея, оказался идущимъ не перпендикулярно къ карсской дорогѣ, какъ то казалось съ высотъ отъ Пирвали, а почти въ параллельномъ съ нею направленіи, и по тому, наступая прямо на Угузлы, мы подали-бы возможность непріятельскимъ батареямъ дѣйствовать во флангъ всѣхъ нашихъ линій. Самое расположеніе турецкихъ войскъ въ эту минуту было слѣдующее: правый ихъ флангъ, выдвинутый нѣсколько впередъ, состоялъ изъ большой 20-ти орудійной батареи, прикрытой 4-мя баталіонами пѣхоты, сзади которыхъ и нѣсколько лѣвѣе было расположено еще 8 баталіоновъ, которые занимали центръ позиціи, а лѣвѣе ихъ, у сел. Угузлы и сзади селенія стояли другіе 6 баталіоновъ съ однимъ полкомъ регулярной кавалеріи. Кромѣ того, по сю сторону Башъ-Кадыклярскаго оврага, Турки разсыпали 4 баталіона штуцерныхъ, обстрѣливавшихъ доступы къ этому селенію, и послали для обхода насъ съ права 8 баталіоновъ пѣхоты, и одинъ регулярный конный полкъ, съ одною батареею, а часть иррегулярной кавалеріи и всѣ свои остальныя войска направили для обхода насъ съ лѣва.

Князь Бебутовъ, признавъ необходимымъ измѣнить первоначальный планъ дѣйствій и избравъ, для нанесенія главнаго удара съ нашей стороны, не лѣвый, а правый флангъ турецкой арміи—правофланговую 20-ти-орудійную непріятельскую батарею, отдалъ приказаніе войскамъ 2-й линіи принять влѣво и направилъ на батарею Эриванцевъ, подъ личнымъ начальствомъ князя Багратіонъ-Мухранскаго, бывшаго командира этого славнаго полка, и Грузинцевъ, подъ начальствомъ ихъ тогдашняго командира князя Орбеліани. Въ тоже время князь Бебутовъ поручилъ генералу Бриммеру, какъ начальнику ар-

тиллеріи отряда, отправиться въ 1-ю линію, остановившуюся передъ Угузлы, и распорядиться дѣйствіями, какъ находившихся тамъ двухъ батарей, такъ и шести орудій 1-й легкой батареи, двигавшихся первоначально съ войсками 2-й линіи, а начальнику штаба генералу Индреніусу—озаботиться обезпеченіемъ нашихъ фланговъ.

Князь Орбеліани, объявивъ своимъ гренадерамъ предстоявшую имъ видную роль въ сраженіи, повелъ ихъ кратчайшимъ путемъ на непріятельскую батарею. Ставъ самъ съ своимъ штабомъ во главѣ полка, кн. Орбеліани, не смотря на усиленный огонь непріятеля, смѣло повелъ полкъ на батарею. Гренадеры спустились въ оврагъ, поднялись на противуположный скатъ, головная часть полка вошла на батарею и уже нѣсколько орудій было въ нашихъ рукахъ. Это происходило въ началѣ 2-го пополудни. Но самая быстрота атаки гренадеръ помѣшала ея успѣху. Вмѣстѣ съ княземъ Орбеліани вошли на батарею лишь находившіеся въ переднихъ шеренгахъ колонны, человѣкъ 40 или 50; всѣ-же остальные, растянувшись въ длинную колонну, были въ эту минуту частью еще на днѣ оврага, частью на подъемѣ горы. Турки, озадаченные смѣлою атакою гренадеръ, подались назадъ, но замѣтивъ малочисленность противниковъ, выдвинули имъ на встрѣчу резервъ, и гренадеры были опрокинуты. Оба баталіонные командиры Эриванскаго полка выбыли изъ фронта: маіоръ Турчановскій былъ убитъ, а маіоръ баронъ Врангель тяжело раненъ; не стало уже нѣсколькихъ ротныхъ командировъ. Самъ полковой командиръ Грузинскаго гренадерскаго полка, князь Орбеліани былъ смертельно раненъ. Князь Бебутовъ, вполнѣ сознававшій важность предпринятой на батарею атаки и внимательно слѣдившій за ея ходомъ, замѣтилъ

опасность и взявъ изъ резерва двѣ роты Эриванцевъ съ 2-мя орудіями, лично повелъ ихъ на поддержку гренадеръ.

Эта минута для насъ была самою критическою во все продолженіе боя. Наступленіе наше на Угузлы было задержано сильнымъ сопротивленіемъ непріятеля, значительно превосходившаго насъ своею численностью и расположеннаго на весьма выгодной для обороны мѣстности; рѣшительный ударъ, направленный на главную турецкую батарею, былъ пріостановленъ отступленіемъ гренадеръ. Между тѣмъ Турки начинали обходить насъ съ обоихъ фланговъ. Съ права, кромѣ угрожавшей намъ непріятельской кавалеріи, показались въ это время и значительныя массы турецкой пѣхоты.

Прибытіе князя Бебутова съ двумя ротами Эриванцевъ въ помощь гренадерамъ, его задушевныя, всегда понятныя солдатамъ слова и личный примѣръ возстановили порядокъ. „Ну, братцы! Теперь пора снова идти впередъ“—сказалъ онъ гренадерамъ, вѣроятно примѣнивъ на этотъ случай извѣстную уловку незабвеннаго Суворова. Гренадеры мгновенно перешли въ наступленіе. Въ то-же время князь Багратіонъ-Мухранскій повелъ Эриванцевъ хотя нѣсколько кружнымъ, но за то хорошо скрытымъ возвышеніями путемъ, и уже всходилъ на непріятельскую батарею. Одновременно съ тѣмъ, на правомъ флангѣ и въ тылу Турокъ раздались молодецкіе ура линейцевъ и драгунъ. Генералъ Багговутъ, опрокинувъ обходившую насъ съ лѣваго фланга турецкую кавалерію и устремившихся за нею Курдовъ, въ самую рѣшительную минуту сраженія, смѣло перенесся черезъ рѣчку, и взойдя по горному скату на плато, занятое правымъ крыломъ непріятельской арміи, поставилъ въ 50-ти шагахъ отъ турецкаго каре

дивизіонъ донской артиллеріи есаула Кульгачева, и послѣ нѣсколькихъ картечныхъ выстрѣловъ атаковалъ непріятеля драгунами, направя въ тоже время полковниковъ Евсѣева и Камкова съ линейцами на другія находившіяся здѣсь турецкія войска. Драгуны ворвались въ каре, лошадь ихъ дивизіонера маіора Петрова была поднята на штыки, но непріятельскій баталіонъ уничтоженъ. Подобная-же участь постигла непріятельскія войска атакованныя линейцами. Одновременный ударъ баталіоновъ гренадерской бригады и кавалеріи генерала Багговута рѣшили сраженіе въ нашу пользу. Весь правый флангъ и часть центра непріятельской арміи были опрокинуты. Главная турецкая батарея въ 20 орудій досталась побѣдителямъ ([23]).

Въ то самое время, когда вторая линія нашей пѣхоты двинулась для нападенія на правое крыло Турокъ, первая линія, подъ начальствомъ генералъ-маіора Кишинскаго, была направлена противъ лѣваго крыла непріятельской позиціи. Турецкіе баталіоны, спустившіеся съ высоты въ самомъ началѣ дѣла и скрытые въ оврагѣ, вышли оттуда и устремились въ атаку на нашу пѣхоту, но, будучи остановлены картечью 2-й и 5-й батарейныхъ и 1-й легкой батарей, засѣли за грудами камней и открыли бѣглый огонь; въ особенности-же наносили намъ вредъ штуцерные, выбившіе своими мѣткими выстрѣлами много людей изъ артиллерійской прислуги и прикрывавшей орудія пѣхоты. Прибывшій туда начальникъ артиллеріи генералъ Бриммеръ, подъѣхавъ къ батарейной батареѣ № 2, стоявшей подъ прикрытіемъ 2-го баталіона Ширванскаго полка и баталіона Куринскаго полка, скомандовалъ: *орудія на передки! знамена впередъ ура!* Батарея двинулась впередъ бѣглымъ шагомъ, осыпаемая батальнымъ огнемъ,

и первыми своими выстрѣлами заставила кинувшуюся на нее турецкую пѣхоту уйти обратно въ оврагъ. Пользуясь тѣмъ, наши баталіоны выбили изъ деревни Угузлы засѣвшихъ тамъ турецкихъ стрѣлковъ и перебѣжали на другую сторону оврага. Но, между тѣмъ, стоявшая здѣсь непріятельская кавалерія кинулась на нашихъ саперъ, а два турецкихъ баталіона спустились въ лощину и ударили во флангъ саперному полу-баталіону, который былъ приведенъ въ минутное замѣшательство, пока выручили его нѣсколько выстрѣловъ одного изъ дивизіоновъ 5-й батарейной батареи. Деревня Угузлы наконецъ была нами занята. Это было около 3-хъ часовъ по полудни ([24]).

Пока продолжались описанныя дѣйствія на нашемъ лѣвомъ флангѣ и въ центрѣ, находившійся на нашемъ правомъ флангѣ князь Чавчевадзе вынужденъ былъ во все это время, т. е. съ 12-ти до 3-хъ часовъ, удерживать напоръ обходившихъ насъ въ этомъ направленіи Турокъ, сильнѣйшихъ въ сравненіи съ его кавалеріей въ 8 или 10 разъ. Къ концу сраженія, дѣйствовавшія здѣсь наши войска были принуждены нѣсколько осадить назадъ, но выдержали напоръ до конца боя и не только не позволили непріятелю сдѣлать намъ какой нибудь вредъ, но успѣли отбить у него два орудія. Здѣсь, противу 3-хъ дивизіоновъ Нижегородцевъ, одной сотни милиціи и 4-хъ конныхъ орудій полковника Долотина, подъ общимъ начальствомъ князя Чавчевадзе, Турки сперва направили массу курдовъ и баши-бузуковъ, тысячъ до 5-ти. Толпы эти были вскорѣ опрокинуты драгунами, и отойдя къ горѣ Кара-Ялъ, все остальное время оставались внѣ выстрѣла. Затѣмъ Турки послали въ атаку на драгунъ полкъ регулярной кавалеріи, поддержанный огнемъ 8-ми орудій и 8-ю баталіо-

нами. Драгуны молодецкою атакой опрокинули эту кавалерію и преслѣдовали ее до турецкой пѣхоты, которая вынуждена была остановиться. Такой маневръ, благодаря упорству Турокъ высылать противъ драгунъ свою кавалерію, повторялся нѣсколько разъ, и въ одну изъ такихъ атакъ Нижегородцы выхватили 2 орудія изъ турецкихъ линій. Къ концу сраженія князь Чавчевадзе былъ поддержанъ 4-мя сотнями Донскаго № 4-го полка, высланными изъ резерва, и вскорѣ послѣ того, Турки, замѣтивъ пораженіе своего праваго крыла и центра, отказались отъ обходнаго движенія и начали отступать. По крайнему упомленію драгунскихъ и особенно артиллерійскихъ лошадей, которымъ приходилось здѣсь производить безпрерывныя движенія на пахатномъ полѣ, по весьма липкой грязи, князь Чавчевадзе нашелъ невозможнымъ преслѣдовать Турокъ, и по тому дѣйствовавшая здѣсь часть турецкой арміи отступила въ нѣкоторомъ порядкѣ. Всѣ-же прочія непріятельскія войска, послѣ пораженія, понесеннаго почти одновременно на ихъ главной батареѣ и у селенія Угузлы, совершенно разсѣялись и бѣжали такъ поспѣшно, что не рѣшились даже зайти въ свой лагерь.

По занятіи селенія Угузлы сводным баталіономъ и 8-ю орудіями, прочія войска генерала Кишинскаго расположились по сторонамъ и впереди этого селенія; лѣвѣе ихъ стали войска князя Багратіона-Мухранскаго, а еще лѣвѣе кавалерія генерала Багговута. Въ 3½ часа огонь вездѣ совершенно прекратился и войска наши уже безъ выстрѣла дошли до турецкаго лагеря, который найденъ былъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ оставили его утромъ въ 9 часовъ Турки. Въ палаткахъ начальниковъ и солдатъ оставались еще нетронутыми остатки ихъ завтрака ([25]).

Непріятель потерялъ весь лагерь, обозъ, 24 орудія, множество оружія, снарядовъ и около 6-ти тысячъ убитыми и ранеными. Съ нашей стороны убито 317 и ранено 926 человѣкъ ([26]).

Къ вечеру войска возвратились на позицію, гдѣ и оставались до 24-го ноября (6-го декабря).

Послѣдствія Башъ-Кадыклярскаго сраженія были громадны для Закавказскаго края. Мусульманское населеніе всей окрестной страны, выжидавшее минуту пораженія нашего малочисленнаго отряда для повсемѣстнаго возстанія и нашествія въ пограничныя русскія области, было поражено какъ громомъ вѣстью: „Османъ пропалъ", быстро разнесшеюся по всему пространству Закавказья. Наступленіе суроваго времени года и недостатокъ въ жизненныхъ припасахъ довершили разстройство Анатолійской арміи ([27]).

Въ награду за побѣду при Башъ-Кадыклярѣ, князь Бебутовъ получилъ орденъ Св. Георгія 2-й степени; тотъ-же орденъ 3-й степени, по удостоенію кавалерской думы, пожалованъ произведеннымъ въ генералъ-лейтенанты: Багговуту, князю Багратіону-Мухранскому и генералъ-маіору Чавчевадзе. Генералъ-маіоры Кишинскій и Индреніусъ получили орденъ Св. Станислава 1-й степени. Орденъ Св. Георгія 4-й степени, по удостоенію кавалерской думы, получили десять штабъ и оберъ-офицеровъ. Нижнимъ чинамъ пожаловано по десяти знаковъ Военнаго ордена на каждую роту, батарею и дивизіонъ, а казакамъ и милиціонерамъ соразмѣрно съ пѣхотою, и всѣмъ вообще по два рубля серебромъ на человѣка.

Обсуждая нынѣ безпристрастно все происходившее на нашей кавказско-турецкой границѣ въ 1853 году, нельзя не придти къ слѣдующимъ выводамъ.

Предшествовавшія восточной войнѣ медленность и неопредѣленность политическихъ переговоровъ отразились и на Кавказѣ тѣмъ, что война застала насъ въ расплохъ. Мы вынуждены были здѣсь на военныя дѣйствія гораздо ранѣе, чѣмъ были къ тому готовы. При открытіи военныхъ дѣйствій, Турки во всѣхъ отношеніяхъ имѣли надъ нами огромныя преимущества. Кромѣ громаднаго превосходства въ силахъ, они, въ началѣ войны, имѣли на своей сторонѣ воинственныя пограничныя племена Курдовъ, Лазовъ, Аджарцевъ и все враждебное намъ горское населеніе Кавказа, сильно возбужденное заграничными эмиссарами и внимательно ожидавшее начала военныхъ дѣйствій. Преимуществомъ своимъ непріятель до нѣкоторой степени и воспользовался. Многія селенія той части пограничнаго населенія, которое оставалось намъ вѣрнымъ, были разорены и разграблены, кордонъ нашъ уничтоженъ, постъ Николаевскій взятъ. Но опытность и распорядительность начальниковъ, при отличномъ духѣ закаленныхъ въ бою кавказскихъ войскъ, спасли дѣло, не ослабивъ нисколько обороны противу Горцевъ. Главнокомандовавшій на Кавказѣ князь Воронцовъ успѣлъ въ томъже 1853 году собрать на границѣ столько войскъ, сколько ихъ было нужно для побѣдъ Ахалцыхской и Башъ-Кадыкларской, которыя, конечно, съ избыткомъ вознаградили насъ за предшествовавшія небольшія неудачи и совершенно обезпечили нашу кавказско-турецкую границу на предстоявшую зиму, до прибытія подкрѣпленій изъ внутреннихъ областей Россіи.

Обращаясь за тѣмъ къ главному, послѣ князя

Воронцова, дѣятелю въ описанныхъ нами дѣйствіяхъ, князю Бебутову, мы не можемъ не замѣтить нѣкотораго колебанія и нерѣшительности въ его первоначальныхъ распоряженіяхъ. Этимъ обыкновенно объясняютъ высылку войскъ къ Баяндуру, 2-го (14-го) ноября, а также медленность переправы черезъ Арпачай и наступленія противу Турокъ, но если такое объясненіе и вѣрно, то справедливость требуетъ сказать, что всякое колебаніе и нерѣшительность въ князѣ Бебутовѣ исчезали, какъ только дѣло окончательно разъяснялось и наступала самая минута дѣйствій. Тогда въ князѣ Бебутовѣ незамѣчалось какихъ-бы то ни было колебаній, а, напротивъ, дѣйствія его, въ подобныхъ обстоятельствахъ, отличались замѣчательною рѣшительностью и смѣлостью. Таковы, напримѣръ, были дѣйствія князя Бебутова при выручкѣ нашихъ войскъ подъ Баяндуромъ, таковымъ-же является онъ и въ славный для насъ день 19-го ноября (1-го декабря).

Блистательные наши успѣхи отчасти облегчались ошибками и недостатками нашихъ противниковъ. Но въ войнѣ только тотъ начальникъ и дѣйствуетъ вполнѣ хорошо, который вѣрно цѣнитъ своего врага и дѣйствуетъ преимущественно на его слабыя стороны.

Нѣкоторые упрекаютъ князя Бебутова, что онъ не преслѣдовалъ по пятамъ Турокъ послѣ Башъ-Кадыкларской побѣды, и даже думаютъ, что, при большей рѣшительности дѣйствій съ нашей стороны, мы легко-бы могли овладѣть важною крѣпостью—Карсомъ. Но такіе упреки и предположенія неосновательны.

Не говоря уже о громадномъ численномъ превосходствѣ Турокъ, у которыхъ одна колонна, дѣйствовавшая противъ Нижегородскихъ драгунъ князя

Чавчевадзе, числительностью равнялась почти всему нашему отряду и во время сраженія потерпѣла весьма немного, у насъ чувствовался крайній недостатокъ во всемъ. Такъ напримѣръ на перевязочномъ пунктѣ, гдѣ раненыхъ набралось до 1000 человѣкъ, у насъ было всего 5 или 6 медиковъ, запасовъ при войскахъ не было никакихъ, обозъ находился въ крайне ограниченномъ числѣ. Въ такихъ обстоятельствахъ и въ тогдашнее позднее время года, когда ночью уже бывали морозы, а днемъ сильная грязь, можно-ли было серьёзно думать о движеніи къ сильной непріятельской крѣпости, до которой оставалось еще болѣе сорока верстъ. Преслѣдованіе Турокъ до Башъ-Кадыкларскаго лагеря, т. е. верстъ на пять отъ поля сраженія, было прервано, потому что кавалерія князя Чавчевадзе, которой приходилось, въ продолженіи почти 3-хъ часовъ, производить безпрерывныя атаки на оттаявшемъ пахатномъ полѣ, была утомлена до послѣдней крайности, а между тѣмъ уже вечерѣло, и всѣ люди, неспавшіе почти всю предшествовавшую ночь и остававшіеся весь день безъ пищи, весьма естественно, имѣли нужду въ отдыхѣ.

Вообще требовать отъ Кавказскихъ войскъ и ихъ начальниковъ большаго противу того, что ими было сдѣлано на нашей кавказско-турецкой границѣ, въ 1853 году, было-бы несправедливо ([28]).

Послѣ сраженія при Башъ-Кадыкларѣ, князь Бебутовъ, простоявъ съ своимъ корпусомъ на бивуакахъ у сел. Угузлы слѣдующія сутки, какъ для того, чтобы дать отдыхъ войскамъ, такъ и для погребенія убитыхъ, двинулся обратно къ Александрополю.

Возвращеніе его было торжественно. День былъ

пасмурный, настоящій осенній; но, казалось, вся природа облеклась радостнымъ свѣтомъ. Жители города, отъ мало до велика, вышли съ хоругвями и образами на встрѣчу побѣдителямъ, и покрывъ собою высоты впереди Арпачая, привѣтствовали появленіе войскъ громкими восклицаніями. Въ городѣ раздавались колокольный звонъ и пальба орудій крѣпости. Едва лишь князь Бебутовъ переѣхалъ черезъ мостъ, какъ его окружили густыя толпы народа, мужчины, женщины, дѣти. Одни изъ нихъ становились на колѣни и возсылали къ Творцу Небесному восторженную молитву; другіе, припадая къ стремени коня, на которомъ ѣхалъ князь Бебутовъ, лобызали его руки и ноги.

И дѣйствительно — жители нашей пограничной полосы имѣли причины радоваться одержанной Кавказцами побѣдѣ. Послѣ Башъ-Кадыкларскаго сраженія ни курды, ни баши-бузуки, въ продолженіи всей зимы, не осмѣливались нарушить общаго спокойствія (29).

ГЛАВА X.

Разрывъ Россіи съ Западными державами.

При занятіи, въ видѣ залога, Дунайскихъ Княжествъ, русское правительство не имѣло въ виду ни измѣнять тамошняго управленія, ни пользоваться средствами края для удовлетворенія потребностей вступившей туда арміи. Господари обоихъ Княжествъ были оставлены на своихъ мѣстахъ, и за всѣ запасы, поставляемые по вольнымъ цѣнамъ для нашихъ войскъ, уплачивалось золотомъ. Но Порта, желая выказать дѣйствія Россіи въ видѣ насильственнаго захвата Княжествъ, потребовала отъ господарей, чтобы они удалились изъ управляемыхъ ими странъ, и оба они, опасаясь навлечь на себя мщеніе Турокъ, отправились въ Вѣну, въ половинѣ (въ концѣ) октября 1853 г. Избранный Государемъ для управленія Княжествами, чрезвычайный коммисаръ, генералъ-адъютантъ Будбергъ исполнялъ свои обязанности съ содѣйствіемъ Правительственнаго Совѣта, составленнаго изъ министровъ (логоѳетовъ) и другихъ сановниковъ Молдавіи и Валахіи. По свидѣтельству одного изъ главныхъ лицъ штаба нашей арміи, дѣла по управленію шли не дурно, благодаря уму и знаніямъ вице-президента Совѣта, дѣйствит. статскаго

совѣтника Халчинскаго, бывшаго прежде нѣсколько лѣтъ русскимъ консуломъ въ Бухарестѣ, а также способностямъ директора канцеляріи Гирса, который предъ тѣмъ занималъ должность нашего консула въ Яссахъ ([1]).

Не смотря на кровавыя встрѣчи Русскихъ съ Турками, Западныя державы не переставали изъявлять желанія и надежды на прекращеніе возгорѣвшейся войны. Истребленіе эскадры на Синопскомъ рейдѣ хотя и раздражило невѣжественныхъ фанатиковъ Турокъ, однако-же оказало подавляющее дѣйствіе на духъ сановниковъ Порты. „Чего можемъ ожидать отъ помощи Западныхъ державъ—спрашивали наиболѣе вліятельные люди Турціи—когда, въ присутствіи союзныхъ флотовъ, Русскіе рѣшились уничтожить нашу эскадру?“ Европейская дипломатія, повидимому, столь-же усердно какъ и прежде, старалась возобновить миръ. Правда — Западныя державы, по просьбѣ министровъ Порты, рѣшились, въ концѣ 1853 (въ началѣ 1854) года, ввести свои морскія силы въ Черное море, однако-же дали понять Туркамъ, что доставленная имъ защита не должна мѣшать ихъ примиренію съ Россіею, и взяли съ Порты обѣщаніе, что флотъ Султана не предприметъ никакого дѣйствія, не снесясь предварительно съ ихъ адмиралами. Соединенныя эскадры вошли въ Черное море, 22-го декабря (3 января 1854 г.), вмѣстѣ съ дивизіею оттоманскаго флота. Два дня спустя, лордъ Редклифъ объявилъ, въ прокламаціи къ Англичанамъ живущимъ въ Константинополѣ, что „флотъ Ея Величества, состоящій изъ 10 линейныхъ кораблей, 1 фрегата и 7 пароходовъ, подъ начальствомъ вице-адмирала Дундаса, вошелъ въ Черное море одновременно съ французскимъ флотомъ и имѣя одинаковую съ нимъ цѣль,“ и что

„адмиралу Дундасу поручено защищать, по возможности, законные интересы Порты, не нарушая, однако-же, существующихъ до сихъ поръ дружескихъ отношеній между Англіею и Россіею".

Тѣмъ не менѣе, еще прежде того, 12-го (24) декабря 1853 года, британскій посолъ въ Петербургѣ, лордъ Сеймуръ имѣлъ жаркое объясненіе съ графомъ Нессельродомъ. Начавъ бесѣду увѣреніемъ въ неизмѣнномъ доброхотствѣ своего правительства Россіи, лордъ Сеймуръ сказалъ, будтобы съ нашей стороны было нарушено довѣріе намъ оказываемое Англичанами. По словамъ его—„правительство Ея Великобританскаго Величества, соблюдая права обще-европейскія и свои собственныя, не могло оставаться равнодушнымъ въ виду занятія нашими войсками Дунайскихъ Княжествъ, угрожающаго независимости и цѣлости владѣній Турціи. Правительство Ея Величества обязано защищать Порту и оно исполнитъ свой долгъ. Побѣда при Синопѣ весьма прискорбна для Англіи, какъ съ умысломъ нанесенная обида Западнымъ державамъ. Напрасно увѣряли, будтобы на турецкихъ судахъ были посажены войска, назначенныя для дессанта у Сухумъ-Кале; на нихъ находились только припасы для Батумскаго гарнизона, и не смотря на то, эти корабли были уничтожены въ турецкой гавани, состоявшей подъ защитою Англіи".....

Графъ Нессельродъ прервалъ рѣчь британскаго посла увѣреніемъ, что со стороны нашего правительства не было и тѣни намѣренія оскорбить Францію и Англію. Дѣло при Синопѣ было неизбѣжнымъ послѣдствіемъ положенія, въ которое мы были поставлены. Турки объявили намъ войну и начали ее прежде назначеннаго ими времени; они-же первые вторглись въ наши владѣнія и заняли постъ, который удерживаютъ доселѣ въ своихъ рукахъ, а, между

тѣмъ, порицаютъ насъ за то, что мы отвѣчаемъ на ихъ непріязненныя дѣйствія такими-же дѣйствіями. Наше нападеніе было дѣломъ собственной защиты: турецкія суда несомнѣнно были нагружены военными припасами для снабженія племенъ враждебныхъ намъ.

Лордъ Сеймуръ, выразивъ противное мнѣніе, объявилъ, что настоящее положеніе дѣлъ потребуетъ неотлагательнаго входа англійской эскадры въ Черное море (²); а 31-го декабря (12 января 1854 г.) резиденты Западныхъ державъ сообщили изустно графу Нессельроду извѣщеніе о появленіи соединеннаго флота въ Черномъ морѣ и мѣрахъ предписанныхъ французскимъ и британскимъ кабинетами ихъ адмираламъ. Но между обоими сообщеніями было существенное различіе: лордъ Сеймуръ объявилъ, что Турки должны воздержаться отъ враждебныхъ дѣйствій на Черномъ морѣ, а генералъ Кастельбажакъ умолчалъ о томъ (³). Нѣсколько дней спустя, графъ Нессельродъ потребовалъ, чрезъ дипломатическихъ агентовъ Россіи въ Парижѣ и Лондонѣ, объясненія —имѣетъ-ли плаваніе соединеннаго флота Западныхъ державъ цѣлью поддержаніе перемирія, равно выгоднаго для обѣихъ сторонъ, или ограниченіе движеній русскаго флота? Ежели Союзныя державы, руководясь совершеннымъ безпристрастіемъ, желаютъ предупредить столкновеніе между русскимъ и турецкимъ флотами, то для этого надлежало обязать Порту, чтобы принадлежащимъ ей судамъ было опредѣлительно запрещено всякое враждебное покушеніе противъ русскаго флота и русскихъ владѣній въ Европѣ и Азіи; въ такомъ случаѣ, турецкія берега и суда такъ-же будутъ въ совершенной безопасности. Если-же турецкимъ кораблямъ будетъ допущено по прежнему перевозить войска, боевые

припасы и провіантъ изъ одной гавани въ другую, то и русскія суда должны пользоваться такимъ-же правомъ. Подобныя условія могли-бы прервать враждебныя дѣйствія на морѣ между Россіею и Портою ([4]).

По размѣнѣ офиціальныхъ нотъ между нашими резидентами въ Парижѣ и Лондонѣ, генераломъ Киселевымъ и барономъ Бруновымъ, и обоими союзными кабинетами, оказалось, что правительства Франціи и Англіи имѣли въ виду не только защищать Турокъ отъ всякаго нападенія со стороны моря, но и способствовать имъ въ снабженіи своихъ портовъ, препятствуя, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ случаѣ нужды и силою оружія, свободному плаванію русскихъ судовъ на прилежащихъ къ нашимъ владѣніямъ водахъ Чернаго моря ([5]). Не смотря на увѣренія въ неизмѣнномъ дружественномъ расположеніи къ Россіи, изъявленныя въ депешахъ союзныхъ державъ, и преимущественно со стороны Англіи, русскіе посланники, согласно инструкціямъ даннымъ на случай неудовлетворительнаго отвѣта на ихъ порученіе, немедленно прервали дипломатическія сношенія и потребовали свои паспорты ([6]). Непосредственно за тѣмъ, послы Англіи и Франціи, акредитованные при русскомъ дворѣ, такъ-же сообщили графу Нессельроду о прекращеніи дипломатическихъ сношеній съ Россіею ([7]).

Императоръ Николай, видя явное пристрастіе Франціи и Англіи въ Восточномъ вопросѣ, обратился къ берлинскому и вѣнскому дворамъ, съ предложеніемъ заключить на случай войны Англіи и Франціи противъ Россіи, договоръ, на основаніи котораго обѣ германскія державы обязались-бы соблюдать строжайшій нейтралитетъ, поддержанный силою оружія. Съ своей стороны, Россійскій Монархъ

повторялъ увѣреніе въ готовности своей прекратить войну, какъ только будутъ обезпечены достоинство и пользы его Имперіи; въ случаѣ-же, если дальнѣйшее развитіе событій произведетъ измѣненіе относительно положенія дѣлъ въ Турціи, петербургскій кабинетъ обязывался не принимать никакого рѣшенія безъ предварительнаго соглашенія съ своими союзниками. Это предложеніе было сообщено кабинетамъ обѣихъ германскихъ державъ русскимъ посланникомъ въ Берлинѣ Будбергомъ и отправленнымъ въ Вѣну графомъ Алексѣемъ Ѳедор. Орловымъ (8). Прусское правительство отвѣчало депешею министра иностранныхъ дѣлъ прусскому резиденту въ Петербургѣ. Указавъ на совѣщанія четырехъ державъ въ Вѣнѣ по Восточному вопросу и на обоюдныя обязательства ихъ, отъ которыхъ не можетъ отказаться Пруссія, берлинскій кабинетъ полагалъ, что принять участіе въ вооруженномъ нейтралитетѣ совокупно съ Россіею и Австріею—значило-бы подвергнуть себя такимъ случайностямъ, которыхъ послѣдствія нельзя было предвидѣть (9). Дипломатическая миссія графа Орлова была столь-же неудачна. На предложеніе нейтралитета, въ случаѣ принятія участія въ войнѣ Западными державами, Императоръ Австрійскій отвѣчалъ вопросомъ: обяжется-ли Россійскій Монархъ не переходить черезъ Дунай, очистить по окончаніи войны Дунайскія Княжества и вообще не нарушить цѣлости владѣній Порты? Когда-же графъ Орловъ сказалъ, что нашъ Государь не можетъ принять на себя такихъ обязательствъ, Императоръ Францъ-Іосифъ объявилъ ему, что, въ такомъ случаѣ, и онъ такъ-же не можетъ принять сдѣланное ему предложеніе. „Я долженъ—продолжалъ онъ—держаться основаній, принятыхъ мною совокупно съ тремя великими державами, ру-

ководясь единственно пользами и достоинствомъ моей Имперіи". Непосредственно за тѣмъ, австрійское правительство усилило войска, стоявшія въ Трансильваніи, 30-ти тысячнымъ корпусомъ, о чемъ тогда-же сообщено лондонскому кабинету (10).

За нѣсколько дней до разрыва дипломатическихъ сношеній между Россіею и Западными державами, Наполеонъ III отнесся къ нашему Государю съ письмомъ, въ которомъ, говоря отъ имени четырехъ державъ, старался доказать, что Франція и Англія оставались зрителями военныхъ дѣйствій, не принимая въ нихъ участія, пока Россія ограничивалась отраженіемъ Турокъ. „Но синопское дѣло - писалъ Наполеонъ—заставило насъ принять положеніе болѣе рѣшительное. Франція и Англія не считали полезнымъ посылать дессантныя войска въ помощь Турціи. Ихъ флагъ не принималъ участія въ дѣлахъ на сушѣ. Но на морѣ было иное: три тысячи орудій при входѣ въ Босфоръ, присутствіемъ своимъ, довольно громко возвѣщали Турціи, что двѣ первенствующія морскія державы не дозволятъ напасть на нее съ моря. Синопское событіе было для насъ столько-же оскорбительно, сколько и неожиданно. Не важно то, хотѣли-ли Турки или нѣтъ перевезти военные запасы на русскіе берега (!). Дѣло въ томъ, что Русскіе напали на турецкія суда, на водахъ Турціи, въ турецкой гавани, стоявшія спокойно на якорѣ. Они истребили ихъ, не смотря на обѣщанія не вести наступательной войны, не смотря на сосѣдство нашихъ эскадръ. Нанесено оскорбленіе не политикѣ нашей, а нашей военной чести. Пушечные выстрѣлы Синопа грустно отозвались въ сердцахъ всѣхъ Англичанъ и Французовъ, которые живо

чувствуютъ народное достоинство. Всѣ воскликнули дружно: союзники наши должны быть уважаемы вездѣ, куда могутъ достигать наши выстрѣлы! Наши эскадры получили предписаніе войти въ Черное море, и, если окажется нужно, предупредить силою повтореніе подобнаго событія. По сему послано было С.-Петербургскому кабинету сообща объявленіе, что, не позволяя Туркамъ переносить наступательныя дѣйствія на берега́, принадлежащіе Россіи, мы будемъ покровительствовать снабженіе турецкихъ войскъ въ ихъ собственныхъ владѣніяхъ. Что-же касается до русскаго флота, то, препятствуя ему въ плаваніи по Черному морю, мы имѣемъ въ виду сохранить на время продолженія войны, залогъ, равноцѣнный (équivalent) турецкимъ владѣніямъ, занятымъ Русскими, и облегчить тѣмъ заключеніе мира, имѣя способъ къ обмѣну".

Далѣе—Наполеонъ предлагалъ заключить перемиріе, вывести русскія войска изъ Княжествъ и эскадры Западныхъ державъ изъ Чернаго моря, и назначить посла для заключенія съ уполномоченнымъ Султана конвенціи, которая потомъ будетъ представлена конференціи четырехъ державъ.

Въ заключеніе сказано: „Не думайте, Ваше Величество, чтобы въ моемъ сердцѣ была хотя малѣйшая къ Вамъ непріязненность; я питаю такія-же чувства, какія Ваше Величество выразили сами въ письмѣ ко мнѣ отъ 17-го января 1853 года: „наши сношенія должны быть искренне дружественны и основываться на одинхъ и тѣхъ-же намѣреніяхъ: сохраненіи порядка, миролюбіи, уваженіи къ трактатамъ и взаимномъ доброжелательствѣ". Эта программа достойна Государя, ее начертавшаго, и я, не колеблясь, скажу, что пребылъ ей вѣренъ".... (11).

Императоръ Николай, въ отвѣтъ на отзывъ Наполеона, писалъ:

„Не могу лучше отвѣчать В. Величеству, какъ повторивъ слова, сказанныя мною, которыми оканчивается ваше письмо: Наши сношенія должны быть искренне дружественны и основываться на однихъ и тѣхъ-же намѣреніяхъ: сохраненіи порядка, миролюбіи, уваженіи къ трактатамъ и взаимномъ доброжелательствѣ. Принимая сію программу, какъ я начерталъ ее самъ, Вы утверждаете, что пребывали ей вѣрны. Смѣю думать, и совѣсть меня удостовѣряетъ въ томъ, что я отъ ней не уклонялся, ибо въ дѣлѣ, разъединяющемъ насъ и возникшемъ не по моей винѣ, я всегда старался о сохраненіи благопріятныхъ сношеній съ Франціею, и съ величайшимъ стараніемъ избѣгалъ нарушить выгоды религіи, исповѣдуемой Вашимъ Величествомъ; я дѣлалъ, для поддержанія мира, всѣ уступки въ формѣ и существѣ дѣла, какія только допускала честь моя, и требуя для моихъ единовѣрцевъ въ Турціи утвержденія правъ и преимуществъ, издавна пріобрѣтенныхъ цѣною русской крови, не искалъ ничего такого, что не истекало-бы изъ трактатовъ. Еслибы Порта была предоставлена самой себѣ, то уже давно былъ-бы прекращенъ раздоръ, приводящій въ недоумѣніе Европу.

„Но тому помѣшало бѣдственное вмѣшательство. Возбуждая неосновательныя подозрѣнія, распаляя фанатизмъ Турокъ, представляя ихъ правительству въ ложномъ видѣ мои намѣренія и истинное значеніе моихъ требованій, оно дало этому вопросу такіе обширные размѣры, что изъ него неминуемо должна была возникнуть война“.

Далѣе Государь, упомянувъ о превратномъ истолкованіи многихъ изъ его дѣйствій, замѣтилъ, что по-

водомъ временному занятію Дунайскихъ Княжествъ, (которое, напрасно, считали виною открытія военныхъ дѣйствій), былъ случай весьма важный—появленіе союзныхъ флотовъ у входа въ Дарданеллы. „Такимъ-же образомъ Ваше Величество утверждаете, писалъ Государь, будтобы объяснительныя замѣчанія моего кабинета на вѣнскую ноту поставили Францію и Англію въ невозможность настаивать на принятіе ея Портою. Но, вспомните, что эти замѣчанія не предшествовали отказу въ простомъ принятіи ноты, а послѣдовали за нимъ Если Западныя державы дѣйствительно желали сохраненія мира, то онѣ должны были энергически поддерживать простое безусловное принятіе ноты, а не допускать со стороны Порты измѣненіе того, что мы приняли безъ всякой перемѣны. Впрочемъ, еслибъ которое-либо изъ нашихъ замѣчаній могло подать поводъ къ затрудненіямъ, я сообщилъ въ Ольмюцѣ имъ поясненіе, признанное удовлетворительнымъ со стороны Австріи и Пруссіи.

„Къ несчастію, между тѣмъ, часть англо-французскаго флота уже вошла въ Дарданеллы, подъ предлогомъ охраненія жизни и собственности англійскихъ и французскихъ подданныхъ, а для этого, чтобы не нарушить трактатъ 1841 года, требовалось объявленіе намъ войны Оттоманскимъ правительствомъ. По моему мнѣнію, еслибы Франція и Англія желали мира, какъ я, имъ слѣдовало всевозможно препятствовать объявленію войны, или, когда война уже была объявлена, употребить, по крайней мѣрѣ, всѣ зависѣвшія отъ нихъ средства, чтобы ограничить ее тѣсными предѣлами, какъ желалъ и я, дѣйствій на Дунаѣ: въ такомъ случаѣ, я не былъбы насильно выведенъ изъ предположенной мною чисто-оборонительной системы. Но съ той поры,

какъ позволили Туркамъ напасть на Азіятскія наши владѣнія, овладѣть однимъ изъ нашихъ пограничныхъ постовъ (даже до срока, назначеннаго для открытія военныхъ дѣйствій), блокировать Ахалцыхъ и опустошить Армянскую область, съ тѣхъ поръ какъ дали турецкому флоту свободу перевозить на наши берега войска, оружіе и военные припасы, можно-ли было, сообразно съ здравымъ смысломъ, надѣяться, что мы потерпимъ такія покушенія? Не слѣдовало-ли предполагать, что мы употребимъ всѣ средства помѣшать тому? Таковы причины Синопскаго дѣла. Оно было неминуемымъ послѣдствіемъ положенія, принятаго обѣими державами, и, конечно, не могло имъ показаться непредвидѣннымъ.

„Я объявилъ, что желаю ограничиваться обороною, но объявилъ это прежде нежели вспыхнула война, и оставался въ оборонительномъ положеніи, доколѣ моя честь и мои выгоды это дозволяли, доколѣ война велась въ извѣстныхъ предѣлахъ. Все-ли было сдѣлано, чтобы эти предѣлы не были нарушены? Когда Ваше Величество, не довольствуясь быть зрителемъ, или даже посредникомъ, пожелали стать вооруженнымъ пособникомъ моихъ враговъ, тогда, Государь, былобы гораздо прямѣе и достойнѣе Васъ предварить меня о томъ откровенно, объявивъ мнѣ войну. Тогда всякъ зналъ-бы, что ему дѣлать. Но справедливое-ли дѣло обвинять насъ въ событіи по его совершеніи, когда Вы сами не сдѣлали ничего, чтобы предупредить его? Ежели пушечные выстрѣлы въ Синопѣ грустно отозвались въ сердцѣ тѣхъ, кто во Франціи и въ Англіи живо чувствуютъ народное достоинство, то неужели Ваше Величество полагаете, что грозное присутствіе у входа въ Босфоръ трехъ тысячъ орудій, о которыхъ Вы говорите, и вѣсть о вступленіи ихъ въ Черное

море не отозвались въ сердцѣ народа, котораго честь я защищать обязанъ? Я узналъ отъ Васъ впервые, (ибо въ словесныхъ объявленіяхъ, мнѣ сдѣланныхъ, о томъ не было сказано), что обѣ державы, покровительствуя снабженію припасами турецкихъ войскъ на собственной ихъ землѣ, рѣшились препятствовать нашему плаванію по Черному морю, т. е. снабженію припасами нашихъ собственныхъ береговъ. Предоставляю на судъ Вашего Величества, облегчается-ли этимъ, какъ Вы говорите, заключеніе мира, и дозволено-ли мнѣ, при выборѣ одного изъ сдѣланныхъ предложеній, не только разсуждать, но даже на одно мгновеніе помыслить, о немедленномъ оставленіи Княжествъ и о вступленіи въ переговоры съ Портою для заключенія конвенціи, которая потомъ былабы представлена конференціи четырехъ державъ. Сами Вы, Государь, еслибъ были на моемъ мѣстѣ, неужели согласились-бы принять такое положеніе? Могло-ли-бы чувство народной чести Вамъ то дозволить? Смѣло отвѣчаю: нѣтъ! И такъ оставьте мнѣ право мыслить такъ-же. На что не рѣшились-бы Ваше Величество, я не отступлю ни предъ какою угрозою. Возлагая надежду на Бога и на мое право, ручаюсь въ томъ, что Россія явится въ 1854 году такою-же какою была въ 1812.

„Если, однако-же, Ваше Величество, съ меньшимъ равнодушіемъ къ моей чести, возвратитесь къ нашей обоюдной программѣ, ежели Вы подадите мнѣ вашу руку отъ сердца, какъ я предлагаю Вамъ свою въ эти послѣднія минуты, я охотно забуду все, что въ прошедшемъ моглобъ быть для меня оскорбительнымъ. Тогда, Государь, но только тогда, вступимъ въ обсужденіе разъединившаго насъ вопроса и, можетъ быть, согласимся. Пусть вашъ флотъ ограничится удержаніемъ Турокъ отъ доставленія

новыхъ силъ на театръ войны. Охотно обѣщаю, что имъ нечего будетъ опасаться съ моей стороны. Пусть они пришлютъ ко мнѣ уполномоченнаго для переговоровъ Я приму его какъ слѣдуетъ. Мои условія извѣстны въ Вѣнѣ. Вотъ единственное основаніе, на которомъ мнѣ прилично вести переговоры" (12).

Письмо Наполеона III и отвѣтъ нашего Государя возбудили много толковъ въ европейской журналистикѣ, гдѣ, среди пристрастныхъ сужденій и памфлетовъ, раздавался кое-гдѣ голосъ истины, отдававшій справедливость неотразимой силѣ доводовъ русскаго правительства. Въ Times, 15-го февраля н. ст. было сказано о письмѣ Императора Французовъ къ Россійскому Императору: „неопредѣленная и непонятная фразеологія этого письма представляетъ разительную противоположность съ искусствомъ и точностью слога, которыми доселѣ отличалась дипломатическая переписка французскаго правительства". Далѣе—изложено мнѣніе, что письмо Наполеона не имѣло никакой основательной цѣли: предлагая Россійскому Императору заключить перемиріе и немедленно вывести свои войска изъ Дунайскихъ Княжествъ, нельзя было ожидать, чтобы онъ принялъ такія условія. Конвенція, которая должна быть подвергнута на утвержденіе конференціи четырехъ державъ, не можетъ отклониться отъ основаній принятыхъ сими державами; а какъ Россія требуетъ условій, которыя тѣже державы отвергли формальнымъ протоколомъ, то согласить обѣ эти системы, какъ выразился лордъ Кларендонъ, значитъ желать невозможнаго, такъ-же, какъ провести двѣ параллельныя линіи, пока онѣ сойдутся. „Не знаемъ—сказано было въ статьѣ — по какому праву приведено въ этомъ письмѣ имя Королевы Англійской, но смѣемъ замѣтить, что мнѣнія и виды англійскаго прави-

тельства могутъ быть сообщаемы иностраннымъ дворамъ и публикѣ только нашими собственными офиціальными агентами. Собственноручныя письма и личныя сношенія между вѣнценосцами, въ такомъ важномъ европейскомъ вопросѣ, совершенно чужды обычаямъ англійскаго двора и узаконеніямъ нашей страны, и мы увѣрены, что ни Ея Величество Королева, ни англійское министерство, не уполномочивали никакого иностраннаго государя на такое странное употребленіе мнимаго одобренія Ея Величествомъ, столь неопредѣленнаго плана. Во всѣхъ прежнихъ сообщеніяхъ по сему вопросу, англійское и французское правительства говорили одно и тоже, но ни одно изъ нихъ не предоставляло другому говорить за себя. Дѣйствительно—это письмо кажется исключеніемъ изъ общихъ правилъ дипломатической корреспонденціи, и мы не ожидаемъ отъ него никакой пользы, потому что въ немъ повторяютъ, только въ несовершеннѣйшей формѣ, тѣже предложенія, которыя уже были отвергнуты, будучи представлены съ большею правильностью".

Въ мадридской газетѣ Esperanza упрекали Наполеона въ томъ, что состоящая подъ властью его католическая держава соединилась съ мусульманскою противъ другаго христіанскаго государства. „Возможно-ли—сказано было въ газетѣ, чтобы глава націи, выдающей себя за самую просвѣщенную въ мірѣ, подъ предлогомъ политическаго равновѣсія, которое ни мало не нарушено, содѣйствовалъ магометанскому варварству противъ христіанской образованности, чтобы властелинъ Франціи, по справедливости называющій себя возстановителемъ порядка, соединился съ мятежниками всего свѣта и съ Англіею, которой политическія правила и коммерческіе разсчеты, по причинѣ отдѣльнаго ея положенія на

островѣ и преобладанія на морѣ, нерѣдко нарушаютъ миръ Европы“. Далѣе—было ясно высказано, что Западныя державы, питая недоброжелательство къ Россіи, предложили первую вѣнскую ноту въ полномъ убѣжденіи, что она будетъ отвергнута въ Петербургѣ. Когда-же Императоръ Николай принялъ ноту безусловно, а Султанъ отказался принять ее, Западныя державы отказались отъ сдѣланнаго ими самими предложенія, приписавъ вину того толкованіямъ на эту ноту графа Нессельрода. Еще ничтожнѣе предлогъ выставляемый врагами Россіи для оправданія вступленія ихъ флотовъ въ Черное море.

Послѣдующія дѣйствія Наполеона III явно обнаружили, что, возглашая о сохраненіи политическаго равновѣсія, онъ стремился къ преобладанію на Востокѣ. Война между Россіею и Портою возбудила надежды Грековъ расширить предѣлы своего королевства и освободить своихъ единоземцевъ, оставшихся подъ игомъ Турокъ. Съ этою цѣлью значительные отряды греческихъ волонтеровъ вторгнулись, въ январѣ 1854 года, въ Эпиръ и соединились съ жителями сей области, возставшими подъ предводительствомъ Гриваса. Оттуда возмущеніе распространилось въ Ѳессаліи и Македоніи; въ городѣ Петѣ образовалось временное правительство, подъ предсѣдательствомъ Цавелласа. Эти событія поставили Англію и Францію въ затруднительное положеніе; принявъ на себя защиту Порты, и опасаясь, чтобы волненія въ греческихъ областяхъ не отвлекли силы Турокъ съ Дуная, Западныя державы неохотно однакоже рѣшались поддерживать угнетателей - мусульманъ противъ христіанъ, томившихся у нихъ въ рабствѣ, тѣмъ болѣе, что, готовясь скрѣплять оковы Грековъ, они въ то же время давали убѣжище выходцамъ изъ Венгріи и Польши.

Но продажная европейская журналистика оказала большую помощь двуличной политикѣ Западныхъ державъ: появилось множество памфлетовъ, въ которыхъ возставшіе Греки были представлены разбойниками, сволочью, нестоющею вниманія образованныхъ націй ([13]). Вмѣстѣ съ тѣмъ Франція приняла дѣятельное участіе въ войнѣ, занявъ Пирей двумя тысячами человѣкъ изъ дивизіи генерала Форей. Аббасъ-паша египетскій такъ-же оказалъ важную услугу Портѣ; войска его, посланныя въ Эпиръ, овладѣли Петою, въ апрѣлѣ 1854 года, и положили конецъ возстанію Грековъ.

О прерваніи дипломатическихъ сношеній съ Западными державами было объявлено всенародно Высочайшимъ манифестомъ, въ которомъ Государь напоминалъ о доблестяхъ русскаго народа въ 1812 году ([14]).

15-го (27-го) февраля, британскій кабинетъ, отъ имени союзныхъ державъ, потребовалъ, чтобы русскія войска къ 30-му апрѣля очистили занятыя ими Княжества Молдавію и Валахію, предваряя, что отказъ, либо недоставленіе отвѣта на сей ultimatum С.-Петербургскимъ кабинетомъ, будутъ сочтены объявленіемъ войны ([15]). Тогда-же Англія и Франція предложили берлинскому и вѣнскому дворамъ поддерживать настойчиво требованіе объ очищеніи Дунайскихъ Княжествъ, на что обоими дворами изъявлено было согласіе ([16]).

Наше правительство, съ своей стороны, не находя нужнымъ скрывать свои дѣйствія, сообщило всѣмъ европейскимъ дворамъ циркуляръ, въ которомъ была подробно изложена политика Россіи въ восточномъ вопросѣ ([17]). Этотъ замѣчательный документъ, отли-

чающійся столько-же ясностью, сколько и логичностью доводовъ, выказалъ вполнѣ двуличіе политики Западныхъ державъ, но не заставилъ ихъ оставить предвзятое ими намѣреніе—ослабить вліяніе Россіи на дѣла Востока. Съ этою цѣлью онѣ заключили трактатъ съ Портою, въ защиту цѣлости владѣній и независимости Султана; на основаніи этого трактата условлено, чтобы: во 1-хъ, Западныя державы прислали въ помощь Портѣ сухопутныя войска, въ такомъ числѣ, какое окажется нужнымъ; во 2-хъ, всякое предложеніе перемирія, и т. п. должно быть обоюдно сообщаемо безъ замедленія; Порта обязывается не заключать ни перемирія, ни мира, безъ вѣдома и согласія обѣихъ союзныхъ державъ; въ 3-хъ, по достиженіи цѣли договора, союзныя войска и флоты оставятъ владѣнія Турціи; въ 4-хъ, турецкія власти не вмѣшиваются въ управленіе союзными арміями, но должны всевозможно оказывать имъ содѣйствіе и пособіе. Главнокомандующіе трехъ державъ совѣщаются между собою на счетъ дѣйствій; въ случаѣ-же совокупнаго дѣйствія турецкихъ войскъ съ значительными силами союзниковъ, не должно предпринимать ничего безъ предварительнаго соглашенія съ ихъ начальниками ([18]). Послѣдствіемъ этого договора было заключеніе союзнаго трактата между Англіею и Франціею, по условіямъ котораго постановлено: во 1-хъ, союзныя державы обязываются употребить всевозможныя средства для возстановленія мира между Россіею и Портою, на твердомъ и прочномъ основаніи, дабы обезпечить Европу отъ возобновленія прискорбныхъ затрудненій, угрожающихъ общему спокойствію; во 2-хъ, какъ цѣлость Оттоманскихъ владѣній нарушена занятіемъ Молдавіи и Валахіи, а такъ-же другими движеніями русскихъ войскъ, то союзныя державы, въ виду осво-

божденія владѣній Султана отъ чужеземнаго нашествія, и для достиженія цѣли, изложенной въ 1-й статьѣ, обязываются содержать соотвѣтствующія потребностямъ сухопутныя и морскія силы, которыхъ число и употребленіе будутъ опредѣлены съ обоюднаго согласія; въ 3-хъ, высокія договаривающіяся державы обязываются не входить съ императорскимъ россійскимъ дворомъ ни въ какія сношенія иначе, какъ предварительно согласясь между собою; въ 4-хъ, союзныя державы, руководясь желаніемъ упрочить политическое равновѣсіе въ Европѣ, и не имѣя никакой себялюбивой цѣли, отказываются отъ всякой частной выгоды; въ 5-хъ, Ихъ Величества, Императоръ Французовъ и Великобританская Королева, предлагаютъ присоединиться къ ихъ союзу прочимъ державамъ, желающимъ содѣйствовать достиженію предположенной ими цѣли ([19]).

Почти одновременно съ заключеніемъ этого договора между Западными державами, послѣдовалъ манифестъ русскаго правительства, о войнѣ съ Англіею и Франціею, въ заключеніе коего сказано: „Да познаетъ-же все христіанство, что какъ мыслитъ Царь Русскій, такъ мыслитъ, такъ дышетъ съ Нимъ вся русская семья — вѣрный Богу и Единородному сыну Его, искупителю нашему Іисусу Христу, православный русскій народъ. За вѣру и христіанство подвизаемся! Съ нами Богъ, никто-же за ны!“ ([20]).

На приглашеніе Западныхъ державъ присоединиться къ ихъ союзу, Австрія и Пруссія отвѣчали уклончиво и ограничились подписаніемъ протокола, коимъ условлено: 1) поддерживать цѣлость турецкихъ владѣній, и слѣдовательно, очищеніе Княжествъ отъ русскихъ войскъ; 2) признаніе правъ (émancipation) христіанъ, но безъ нарушенія власти Султана ([21]).

Нѣсколько дней спустя, былъ заключенъ союзный трактатъ между Австріею и Пруссіею. Изъявивъ сожалѣніе о неудачѣ своихъ усилій—предупредить войну, возгорѣвшуюся въ Европѣ, обѣ германскія державы, въ виду опасностей, угрожавшихъ общему спокойствію, убѣжденныя въ высокомъ призваніи Германіи—отклонить роковую будущность, постановили: Ст. 1. Обоюдное ручательство за цѣлость своихъ владѣній, какъ германскихъ, такъ и прочихъ. Ст. 2. Обязательство защищать права и выгоды Германіи противъ всякаго посягательства. Ст. 3. Для исполненія условій оборонительнаго и наступательнаго союза, обѣ высокія державы обязываются, если окажется нужнымъ, поставить въ опредѣленное время и на опредѣленныхъ мѣстахъ часть своихъ силъ на военное положеніе. Ст. 4. Обѣ державы пригласятъ всѣ германскія владѣнія присоединиться къ сему союзу. Ст. 5. Ни одна изъ сторонъ не должна заключать никакого договора, который не согласовался-бы совершенно съ настоящимъ трактатомъ. Особою статьею положено: какъ неопредѣленное продолженіе занятія русскими войсками Дунайскихъ Княжествъ опасно и вредно для Германіи, и какъ опасность увеличивается по мѣрѣ распространенія Россіею военныхъ дѣйствій, то въ случаѣ, если не послѣдуетъ вскорѣ выступленія русскихъ войскъ, Австрія потребуетъ очищеніе Княжествъ, а Пруссія поддержитъ это требованіе; если-же и за тѣмъ не будетъ со стороны Россіи удовлетворительнаго отвѣта, то должны быть предприняты обѣими германскими державами наступательныя дѣйствія, которыя поведетъ за собою, какъ присоединеніе къ Россіи Дунайскихъ Княжествъ, такъ и переходъ русскихъ войскъ черезъ Балканы.

На основаніи военной конвенціи, приложенной

къ союзному трактату между германскими державами, Австрія обязалась (ст. 1-я) усилить полутораста-тысячную армію, расположенную въ Венгріи, на Дунаѣ и Савѣ, другою арміею въ сто тысячъ человѣкъ, коль скоро въ томъ окажется надобность, по обоюдному согласію съ Пруссіею. Отдѣльные корпусы, поставленные на военное положеніе въ Галиціи, Трансильваніи и Моравіи, а такъ-же войска, собранныя въ Галиціи, войдутъ въ постоянныя сношенія съ прусскими войсками. Пруссія, съ своей стороны, обязалась собрать, въ случаѣ надобности, въ продолженіи 36-ти дней, сто тысячъ человѣкъ, именно треть этого числа въ Восточной Пруссіи, а остальныя двѣ трети въ Познани, либо въ Бреславлѣ, и, сообразно обстоятельствамъ, усилить свою армію до двухъ-сотъ тысячъ человѣкъ, по предварительному соглашенію съ австрійскимъ правительствомъ (ст. 2-я). По соединеніи обѣихъ армій, имъ дано будетъ такое направленіе, чтобы онѣ, поддерживая обоюдно одна другую, имѣли единственною цѣлью— отразить нападеніе (ст. 6-я) ([22]).

Таково было положеніе, принятое германскими державами въ Восточномъ вопросѣ. Отказавшись отъ вооруженнаго нейтралитета, предложеннаго имъ нашимъ Государемъ, Австрія и Пруссія сдѣлались, противъ собственной воли, орудіями политики Наполеона III, и вскорѣ первая изъ сихъ державъ была наказана за свою ошибку потерею Ломбардо-Венеціянскаго Королевства. Не такъ поступила Россія въ 1813 году, когда, отстоявъ славно свою независимость, и имѣя возможность заключить миръ на выгодныхъ для себя условіяхъ, она продолжала борьбу для освобожденія Германіи. Не такъ поступила Россія и въ 1848 году, когда могла предоставить Австрію неизбѣжно ей угрожавшей участи—

распаденію на части, не представлявшему никакой для насъ опасности. Но Австріи суждено было— удивить свѣтъ своею неблагодарностью, а Россіи— еще разъ убѣдиться въ томъ, что мы въ рѣшительныя минуты, когда предстоитъ намъ вопросъ: быть или не быть, не должны возлагать надежду ни на кого, кромѣ самихъ себя.

Враждебное положеніе къ Россіи двухъ первостепенныхъ державъ заставило наше правительство принять чрезвычайныя мѣры для защиты Имперіи. Манифестомъ 29-го января 1854 года, объявленъ былъ рекрутскій наборъ съ губерній западной полосы Имперіи, по девяти человѣкъ съ тысячи душъ ([23]).

Въ февралѣ того-же года, объявлены въ военномъ положеніи всѣ части Европейской Россіи на сѣверной, западной и южной границахъ Имперіи, а равно и сопредѣльныя съ ними губерніи. Такимъ образомъ вся пограничная полоса Россіи, отъ Сѣвернаго океана до Кавказа, была рязділена на участки, подчиненные каждый особому начальнику, на правахъ главнокомандующаго арміей, либо отдѣльнымъ корпусомъ, именно: I. С.-Петербургская губернія Его Императорскому Высочеству Государю Наслѣднику Цесаревичу (нынѣ благополучно царствующему Государю Императору). II. Эстляндская губернія—генералъ-адъютанту Бергу и лифляндская—генералъ-адъютанту князю Италійскому графу Суворову. III. Архангельская—вице-адмиралу Бойлю. IV. Царство Польское, губерніи курляндская, ковенская, виленская, гродненская, волынская, подольская, бессарабская область и часть херсонской губерніи, на правомъ берегу Буга, подчинены фельдмаршалу князю Варшавскому. Вмѣстѣ съ тѣмъ Высочайше

повелѣно: а) чтобы губерніи подольская, часть херсонской на правомъ берегу Буга и бессарабская область были также подчинены командующему Дунайскою арміею, князю Горчакову; б) чтобы Царство Польское и губерніи курляндская, ковенская, виленская и гродненская, въ отсутствіе фельдмаршала изъ Царства, находились въ вѣдѣніи командующаго гренадерскимъ, 1-мъ и 2-мъ пѣхотными корпусами, генералъ-адъютанта графа Ридигера, на правахъ командира отдѣльнаго корпуса въ военное время; в) командующему-же войсками въ курляндской губерніи, генералу отъ кавалеріи Сиверсу, пользоваться во все время состоянія сей губерніи на военномъ положеніи правами командира отдѣльнаго корпуса, подъ непосредственнымъ начальствомъ фельдмаршала, а въ его отсутствіе подъ начальствомъ графа Ридигера; г) генералъ-адъютанту барону Остенъ-Сакену предоставлены права командира отдѣльнаго корпуса въ бессарабской области и части херсонской губерніи на правомъ берегу Буга подъ непосредственнымъ начальствомъ командующаго Дунайскою арміею, князя Горчакова ([24]).

Екатеринославская губернія и таганрогское градоначальство подчинены, на правахъ командира отдѣльнаго корпуса, наказному атаману донскаго войска, генералу отъ кавалеріи Хомутову ([25]).

Начальство надъ всѣми войсками, крѣпостями и военными учрежденіями въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ было поручено генералъ-лейтенанту Рокасовскому ([26]).

Одновременно съ сими распоряженіями, Императоръ Николай, признавъ нужнымъ усилить армію, повелѣлъ: въ гвардіи четвертые запасные и въ гренадерскомъ корпусѣ четвертые резервные баталіоны перечислить въ четвертые дѣйствующіе баталіоны;

въ гвардіи сформировать для каждаго полка по одному запасному (пятому) баталіону, а въ гренадерскомъ корпусѣ, переименовавъ запасные (пятые) баталіоны въ резервные, сформировать вновь запасные (шестые) баталіоны. Въ полкахъ 1-го, 2-го, 3-го, 4-го, 5-го и 6-го пѣхотныхъ корпусовъ, сформировать для каждаго полка по два новыхъ баталіона (7-й и 8-й запасные), а 6-е (запасные) баталіоны переименовать въ 6-е резервные баталіоны. Для каждой изъ артиллерійскихъ бригадъ шести пѣхотныхъ корпусовъ, сформировать по двѣ новыя (запасныя) батареи ([27]).

При такомъ составѣ числительность русской арміи увеличилась почти въ полтора раза.

Тогда-же приглашены на службу отставные нижніе чины, съ дарованіемъ тѣмъ изъ нихъ, которые изъявятъ желаніе поступить вторично въ ряды войскъ, многихъ преимуществъ ([28]).

Для усиленія мѣръ къ охраненію береговъ Финскаго залива, была сформирована резервная гребная флотилія, для укомплектованія которой гребцами набирались четыре дружины морскаго ополченія вызовомъ охотниковъ въ петербургской, новгородской, олонецкой и тверской губерніяхъ ([29]).

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ I.

(1) Нота австрійскому интернунцію, отъ 9 ноября н. ст. 1827 г.

(2) Трактатъ, заключенный въ Адріанополѣ, 2 (14) сентября 1829 года, за подписью генералъ-адъютанта графа Алексѣя Орлова, тайнаго совѣтника графа Ѳедора Палена, Дѣйствительнаго великаго дефтердаря Блистательной Порты Мегмедъ-Садикъ-Эфенди и Кази-Аскера анатолійскаго Абдулъ-кадиръ-бея.

(3) Moltke. Der russisch-türkische Feldzug in der europäischen Türkey, 1828 und 1829.

(4) Трактатъ, заключенный въ Ункяръ-Искелесси, 26 іюня (8 іюля) 1833 года.

(5) Конвенція, заключенная въ Лондонѣ, 3 (15) іюля 1840 г.

(6) Конвенція заключенная въ Лондонѣ, 1 (13) іюля 1841 г.

(7) Нота генерала Опика (Aupick) Али-пашѣ, отъ 28 мая н. ст. 1850 г.

(8) Договоръ (capitulation) между Оттоманскою Портою и Франціею 1740 г.

Статья XXXIII. «Французскіе монахи, живущіе при церкви Св. Гроба въ Іерусалимѣ, владѣютъ состоящими въ ихъ обладаніи святынями, по прежнему; никто не имѣетъ права ихъ безпокоить, либо налагать на нихъ подати. Если-же они будутъ имѣть съ кѣмъ-либо тяжбу, которой рѣшеніе не воспослѣдуетъ своевременно, то они должны обратиться съ жалобою къ Блистательной Портѣ».

(9) Постановленіе Блистательной Порты, 25 января н. ст. 1852 г.

(10) Словесное сообщеніе Верховному визирю Мехмедъ-Али-пашѣ русскаго повѣреннаго въ дѣлахъ въ Константинополѣ г. Озерова, отъ 28 октября (9 ноября) 1852 г.

(11) Свѣдѣнія о ходѣ дѣла, по вопросу о Святыхъ мѣстахъ, большею частью, извлечены изъ записки, по сему предмету, составленной въ нашемъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ II.

---

(1) Проектъ конвенціи и отдѣльнаго секретнаго договора, хранящійся въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

(2) Инструкція, хранящаяся въ Архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

(3) Etude diplomatique sur la guerre de Crimée (1852—1856), par un ancien diplomate (A. J.). I. 195—199.

(4) Письмо Государя къ Султану, отъ 24 января 1853 года (Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ).

(5) «L'Empereur—ai-je ajouté—dont les ministres mal-intentionnés ont cherché à dénaturer la politique par des insinuations perfides, verrait non seulement sans jalousie toutes les mesures qui tendraient à développer le bien-être de Votre Empire, mais éprouverait même une satisfaction réelle à voir V. M. augmenter ses forces de terre et de mer a fin d'assurer l'indépendance de Sa Monarchie». (Изъ письма князя Меншикова графу Нессельроду, отъ 25 февраля (9 марта) 1853 года. Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ).

(6) Изъ письма князя Меншикова графу Нессельроду, отъ 25 февраля (9 марта) 1853 года (Арх. министерства иностр. дѣлъ).

(7) Изъ письма князя Меншикова графу Нессельроду, отъ 14 (26) марта 1853 года (Арх. министерства иностр. дѣлъ).

(8) Изъ письма князя Меншикова графу Нессельроду, отъ 24 марта (5 апрѣля) 1853 года (Арх. министерства иностр. дѣлъ).

(9) Изъ письма князя Меншикова графу Нессельроду, отъ 29 марта (10 апрѣля) 1853 года. (Архивъ министерства иностран. дѣлъ).

(10) Письмо князя Меншикова графу Нессельроду, отъ 4 (16) и 14 (26) апрѣля 1853 года. (Архивъ министерства иностран. дѣлъ).

(11) Изъ писемъ графа Нессельрода князю Меншикову, отъ 31 марта и 11 апрѣля ст. ст. 1853 года. (Архивъ министерства иностран. дѣлъ).

(12) A. W. Kinglake. The invasion of the Crimea. Leipzig. 1863. I. 171.

(13) Нота князя Меншикова, отъ 11 мая н. ст. 1853 г. (Арх. министерства иностран. дѣлъ).

([14]) Проектъ ноты, сообщенный княземъ Меншиковымъ Решиду-пашѣ, 8 (20) мая 1853 года.

Въ этомъ проектѣ были изложены слѣдующія обязательства Порты:

1) Le culte Orthodoxe d'Orient, son Clergé, ses Eglises et ses possessions, ainsi que les établissements réligieux, jouiront dans l'avenir sans aucune atteinte, sous l'egide de S. M. le Sultan, des priviléges et immunités qui leur sont assurés ab-antiquo, ou qui leur ont été accordés à différentes reprises par la faveur Impériale, et dans un principe de grosse équité participeront aux avantages accordés aux autres rites chrétiens, ainsi qu'aux Légations étrangères accréditées près la Porte, par convention ou disposition particulière.

2) S. M. le Sultan ayant jugé nécessaire et équitable de corroborer et d'expliquer Son Firman Souverain revêtu du Hatti-Houmayon le 15 de la Lune de Rébioul-Akhir 1268 (16 fevrier 1852), par Son Firman Souverain du 26 Redjib 1269 (23 avril [5 mai] 1853), et d'ordonner en sus par un autre Firman de même date, la réparation de la coupole du temple de St. Sépulcre, ces deux firmans seront textuellement exécutés et fidellement observés dans l'avenir, pour maintenir à jamais le *statu quo* actuel des Sanctuaires possédés par les Grecs, exclusivement ou en commun avec d'autres cultes.

Il est entendu que cette promesse s'étend également au maintien de tous les droits et immunités dont jouissent *ab antiquo* l'Eglise Orthodoxe et son Clergé, tant dans la ville de Jérusalem qu'en déhors, sans préjudice aucun pour les autres communautés chrétiennes.

3) Pour le cas où la cour Impériale de Russie en ferait la demande, il sera assigné une loqualité convenable dans la ville de Jerusalem ou dans les environs, pour la construction d'une église consacrée à la celebration du service Divin par des ecclésiastiques russes et d'un hospice pour les pélerins indigens ou malades, les quelles fondations seront sous la surveillanco spéciale du Consulat-général de Russie en Syrie et en Palestine.

([15]) Письмо князя Меншикова графу Нессельроду, отъ 9 (21) мая 1853 года. (Арх. министерства иностр. дѣлъ):—Kinglake. I. 180.

([16]) Нота Решида-паши графу Нессельроду, отъ 16 іюня н. ст. 1853 г.

([17]) Der Krieg gegen Russland im Jahre 1854. Nach den Berichten von Augenzeugen und nach andern zuverlässigen Quellen dargestellt. Leipzig. 1855. 9—10.—L. Guérin. Histoire de la dernière guerre de Russie. I. 9—10.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ III.

(1) Н. Ушаковъ. Записки очевидца о войнѣ Россіи противъ Турціи и западныхъ державъ, 1853—1855 г. XIX вѣкъ. кн. 2-я.

(2) Собственноручныя записки Императора Николая, хранящіяся въ Канцеляріи Военнаго Министерства.

(3) Записка, за подписью фельдмаршала князя Варшавскаго, отъ 24 марта 1853 года.

(4) Собственноручная записка Императора Николая, хранящаяся въ Канцеляріи Военнаго Министерства.

(5) Записка князя Варшавскаго, отъ 24 марта 1854 года.

(6) Собственноручная записка Императора Николая, отъ 8 апрѣля 1854 года, хранящаяся въ Канцеляріи Военнаго Министерства.

(7) Письмо Императора Николая князю Варшавскому, отъ 21 іюня 1853 года.

(8) Письмо на Высочайшее Имя князя Варшавскаго, съ приложеніемъ записки о современномъ положеніи дѣлъ, отъ 2 (14) іюля 1853 года.

(9) По свидѣтельству генерала Затлера, каждая четверть одесскаго хлѣба обошлась-бы съ доставкою къ войскамъ.

Пшеницы	15 руб.	18 коп.
Ржи	9 —	68 —
Кукурузы	11 —	25 —

Между тѣмъ, тогда-же въ Княжествахъ мука съ доставкою къ войскамъ обходилась отъ 3 рубл. 80 к. до 4 рубл. 60 коп., а ячмень отъ 2 рубл. 40 коп. до 2 рубл. 70 коп. четверть. Ѳ. Затлеръ. Записки о продовольствіи войскъ въ военное время. I. 211.

(10) Записки, поданныя Государю княземъ Варшавскимъ, 24 сентября 1853 года.

(11) Письмо военнаго министра, князя Долгорукова, главнокомандующему Отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ, князю Воронцову, отъ 30 іюня 1853 года, за № 893-мъ, съ препровожденіемъ Высочайшаго предположенія о предлежащихъ дѣйствіяхъ при разрывѣ съ Турціею.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ IV.

(¹) Циркулярная депеша графа Нессельрода, отъ 2 іюля н. ст. 1853 года.

(²) Вѣдомость войскамъ, назначеннымъ для занятія Дунайскихъ Княжествъ.

4-й пѣхотный корпусъ.

10-я пѣх. дивизія генер. лейт. Соймонова.

1-я бригада ген. маіора Бельгарда.	Екатеринбургскій пѣх. полкъ полк. Уважнова-Александрова. Тобольскій пѣхот. полкъ полковника Баумгартена.
2-я бригада ген. маіора Вильбоа.	Томскій егерскій полкъ полковн. Пустовойтова. Колыванскій егерскій полкъ. полковника Комаевскаго.

11-я пѣх. дивизія генер. маіора Павлова.

1-я бригада генер. маіора Охтерлоне.	Селенгинскій пѣх. полкъ полковн. Сабашинскаго. Якутскій пѣхотн. полкъ. полковн. Вялаго.
2-я бригада генер. маіора Заливкина.	Охотскій егерскій полкъ полковн. Бибикова. Камчатскій егерскій полкъ полковн. Голева.

12-я пѣх. дивизія ген. лейтен. Липранди.

1-я бригада генер. маіора Свентицкаго.	Азовскій пѣхотн. полкъ полковн. Криденера 2-го. Днѣпровскій пѣхотн. полкъ полковн. Гриббе.

2-я бригада генер. маiора Левуцкаго.	Украинскiй егерскiй полкъ полковн. Янченко. Одесскiй егерскiй полкъ генер. маiора Жигмонта.

10-я полевая артил. бригада полковн. Загоскина 1-го.
11-я ,, ,, ,, ,, Вдовиченка.
12-я ,, ,, ,, ,, Нѣмова.
4-й стрѣлковый баталiонъ полковн. Енохина.
4-й саперный баталiонъ, съ 4-мъ понтоннымъ паркомъ и понтонною ротою, полковн. Норова.

4-я легкая кавалерiйская дивизiя.

Генералъ-лейтенанта графа Нирода.

1-я бригада генер. маiора Богушевскаго.	Вознесенскiй уланск. полкъ генер. маiора Левенгагена. Ольвiопольскiй уланск. полкъ полковн. Козлянинова.
2-я бригада генер. маiора ф. Фридрихса 2-го.	Гусарскiй Его Император. Высоч. Наслѣдника Цесаревича полкъ, полковн. Пашковскаго. Гусарскiй принца Фридриха Вильгельма Прусскаго полкъ

4-я конно-артиллерiйская бригада полковн. Иванова.

5-го пѣхотнаго корпуса 15-й дивизiи.

2-я бригада генер. маiора Энгельгардта.	Люблинскiй егерскiй полкъ генер. маiора Арцыбашева. Замостскiй егерскiй полкъ (два батал.) полковн. Дарагана.

Двѣ батареи 15-й полевой артиллерiйской бригады, полковника Зарницына.
5-го сапернаго баталiона одна рота, съ 5-мъ понтоннымъ паркомъ и понтонною ротою, капитана Замараева.

5-я легкая кавалерiйская дивизiя,

генералъ-лейтенанта фонъ-Фишбаха.

1-я бригада генер. маiора Комара.	Бугскiй уланскiй полкъ, генер. маiора Гастфера Уланскiй Его Высоч. Герц. Нассаускаго полкъ, полк. бар. ф. Радена.
2-я бригада генер. маiора Кенскаго.	Гусарскiй Его Корол. Высоч. принца Фридриха-Карла Прусскаго полкъ, генер. маiора Салькова. Гусарскiй его Свѣтлости ген. фельдмарш. кн. Воронцова полкъ, полк. графа Алопеуса.

5-я конно-артиллерiйская бригада, полковника Рейсиха.
Донскiе казачьи полки: 25-й, 34-й и 37-й.

Донская № 9 батарея.

Всего $54^1/_2$ баталіона, 64 эскадрона и 18 казачьихъ сотень, съ 188 орудіями.

(3) Въ распоряженіи князя Горчакова находилась Дунайская флотилія, изъ двухъ баталіоновъ подъ начальствомъ контръ-адмирала Мессера: въ 1-мъ баталіонѣ было 11, а во второмъ 16 канонирскихъ лодокъ, изъ которыхъ каждая вооружена тремя 24-фунтовыми орудіями. При флотиліи состояли пароходы: *Ординарецъ* и *Прутъ*, каждый о четырехъ 36-фунтовыхъ пушкахъ карронадахъ, лоцъ-шкуна *Рымникъ* и небольшая желѣзная баржа. Кромѣ того были приготовлены: пароходъ *Инкерманъ*, шкуна *Ингулъ* и еще одна желѣзная баржа.

(4) Изъ войскъ 5-го пѣхотнаго корпуса, 13-я пѣхотная дивизія, стоявшая въ Севастополѣ, отправлена моремъ въ Закавказье, а 14-я осталась въ Одессѣ.

(5) *Палаузовъ*. Румынскія господарства въ историко-политическомъ отношеніи. 255.

(6) Показанія лицъ, состоявшихъ при князѣ Горчаковѣ.

(7) Предписанія генералъ-адъютанту графу Анрепъ-Эльмпту, отъ 18 іюня, за № 120-мъ.

(8) Авангардъ, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта графа Анрепа.

5-я легкая кавалерійская дивизія.

1-я бригада	Бугскій уланскій полкъ	8	эскадроновъ.
	Уланскій Его Высоч. герц. Нассаускаго полкъ	8	„
2-я бригада	Гусар. принца Фридриха Карла полкъ	8	„
	Гусарскій князя Варшавск. полкъ	8	„

5-я конно-артиллерійская бригада, двѣ батареи.

Донской казачій № 34 полкъ.

Всего въ авангардѣ: 32 эскадрона, шесть сотень, 16 орудій.

(9) Отрядъ генерала Лидерса, на Нижнемъ Дунаѣ, состоялъ изъ 11-ти баталіоновъ съ двумя батареями.

(10) Краткая біографія А. Н. Лидерса, составленная генераломъ Непокойчицкимъ.

(11) Военно-статистическое обозрѣніе Дунайскихъ Княжествъ, составленное офицерами нашего генеральнаго штаба.—Der russisch-türkiche Kriegs—Schauplatz. Wien. 1854.

(12) Подробности на счетъ продовольствованія войскъ жизненными припасами извлечены изъ сочиненія генерала Затлера: Записки о продовольствіи войскъ въ военное время.

(13) Отзывъ графа Нессельрода генералу Киселеву, отъ 13 августа 1853 года.

(14) Нота графа Нессельрода, отъ 8 сентября н. ст. 1853 года.

(15) Нота, за подписью графа Буоля, отъ 28 сентября н. ст. 1853 г.

(16) Письмо графа Вестморланда графу Кларендону, изъ Вѣны, отъ 15 октября н. ст. 1853 года.

([17]) Протоколъ вѣнской конференціи 5 декабря н. ст. 1853 года и коллективная нота къ министру иностранныхъ дѣлъ Порты.

([18]) Etude diplomatique sur la guerre de Crimée (1852—1856) par un ancien diplomate. I. 243.

Организація Русской Арміи.

Регулярныя русскія войска подраздѣлялись на *дѣйствующія*, существующія въ мирное время и усиливающіяся въ численности съ наступленіемъ военнаго времени, и *резервныя*, для которыхъ въ мирное время существовали только незначительные кадры, и кои формировались съ наступленіемъ военнаго времени; къ числу резервныхъ войскъ надо отнести еще особыя *запасныя* части, формировавшіяся также въ военное время.

а) *Дѣйствующія войска* состояли изъ корпусовъ: гвардейскаго пѣхотнаго и гвардейскаго резервнаго кавалерійскаго, гренадерскаго и 6-ти пѣхотныхъ корпусовъ, отъ 1-го до 6-го, и резервныхъ кавалерійскихъ корпусовъ 1-го и 2-го. Кромѣ того, отдѣльные корпусы: Кавказскій, Оренбургскій и Сибирскій, образцовыя и учебныя войска, и проч.

Гвардейскіе и гренадерскій корпуса подчинялись особому главнокомандующему; 1-й, 2-й, 3-й и 4-й пѣхотные корпуса составляли, такъ называемую, дѣйствующую армію, состоявшую подъ начальствомъ генералъ-фельдмаршала князя Паскевича; 5-й и 6-й—подъ начальствомъ военнаго министра и назывались отдѣльными корпусами; 1-й и 2-й резервные кавалерійскіе корпуса подчинялись особому инспектору резервной кавалеріи.

Гвардейскій пѣхотный корпусъ состоялъ изъ трехъ дивизій, по 4 полка 3-хъ-баталіоннаго состава въ каждой, одного стрѣлковаго и одного сапернаго баталіоновъ, всего же изъ 38 баталіоновъ.

Гренадерскій корпусъ: изъ трехъ дивизій, по 4 полка 3-хъ-баталіоннаго состава въ каждой, одного стрѣлковаго и одного сапернаго баталіоновъ, всего же изъ 38 баталіоновъ, и одной легкой кавалерійской дивизіи, въ составѣ 32 эскадроновъ.

Каждый пѣхотный корпусъ состоялъ изъ трехъ пѣхотныхъ и одной легкой кавалерійской дивизій, одного стрѣлковаго и одного сапернаго баталіоновъ. При гвардейскомъ пѣхотномъ корпусѣ состоялъ еще баталіонъ гвардейскаго экипажа и нѣкоторыя другія части.

Гвардейскій резервный кавалерійскій корпусъ, не считая казаковъ, состоялъ изъ одной кирасирской и 2-хъ легкихъ кавалерійскихъ дивизій и л. гв. конно-піонернаго дивизіона. 1-й резервный кавалерійскій корпусъ изъ 2-хъ кирасирскихъ и одной резервной уланской дивизіи, а 2-й резервный кавалерійскій корпусъ изъ двухъ драгунскихъ дивизій.

Такое раздѣленіе на корпуса и дивизіи существовало какъ въ мирное, такъ и въ военное время; но въ военное время корпуса и дивизіи соединялись въ арміи по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ, смотря по ходу военныхъ событій. Такъ въ настоящую войну образованъ былъ изъ резервныхъ частей гвардіи: Гвардейскій резервный

корпусъ; изъ 2-й пѣхотной дивизіи и 2-хъ резервныхъ бригадъ 1-го корпуса—Балтійскій корпусъ.

Каждая пѣхотная дивизія состояла изъ двухъ бригадъ, каждая бригада изъ двухъ полковъ; въ гвардейскихъ и гренадерскихъ дивизіяхъ первыя бригады состояли изъ двухъ гренадерскихъ полковъ, а вторыя изъ одного гренадерскаго и одного карабинернаго; въ 6-ти пѣхотныхъ корпусахъ первыя бригады состояли изъ пѣхотныхъ, а вторыя изъ егерскихъ полковъ *).

Полки пѣхотные состояли въ 6-ти пѣхотныхъ корпусахъ каждый изъ 4-хъ баталіоновъ.

Каждый баталіонъ состоялъ изъ 4-хъ ротъ: одной гренадерской или карабинерной, и 3-хъ егерскихъ (фузелерныхъ въ гренадерскомъ корпусѣ) или мушкатерскихъ. Числительность роты была 250 человѣкъ. Стрѣлковые баталіоны состояли также изъ четырехъ ротъ, рота изъ 180 человѣкъ **).

Каждая кавалерійская дивизія состояла изъ двухъ бригадъ: уланской и гусарской, бригада изъ двухъ полковъ; гвардейскія легкія кавалерійскія дивизіи состояли изъ разныхъ полковъ.

Каждый кавалерійскій полкъ состоялъ: въ гвардейскомъ корпусѣ изъ 6 эскадроновъ по 150 человѣкъ въ эскадронѣ, въ 1-й и 2-й кирасирскихъ дивизіяхъ изъ 6 эскадроновъ, по 170 человѣкъ въ эскадронѣ; въ резервной уланской и въ 7-ми легкихъ кавалерійскихъ дивизіяхъ изъ 8 эскадроновъ по 170 чел.; армейскіе драгунскіе полки изъ 10 эскадроновъ въ 170 чел.; Лейбъ-гв. конно-піонерный и 1-й конно-піонерный дивизіоны изъ двухъ эскадроновъ, по 250 человѣкъ въ каждомъ.

Гвардейская артиллерія состояла изъ 3-хъ пѣшихъ гвардейскихъ артиллерійскихъ бригадъ и л. гв. конной артиллеріи. Каждая пѣшая гвардейская артиллерійская бригада изъ 2-хъ батарейныхъ и одной легкой батареи, а въ 1854 году сформированы четвертыя батареи 8-миоруд. состава изъ 12-ти-фунт. облегченныхъ пушекъ ***). Лейбъ-гв. конная артиллерія состояла изъ одной батарейной и 4-хъ легкихъ батарей. Артиллерійскія дивизіи гренадерскаго и 6-ти пѣхотныхъ корпусовъ состояли каждая изъ 3-хъ пѣшихъ артиллерійскихъ бригадъ, одной конно-артиллерійской бригады и одной парковой бригады (изъ 3-хъ подвижныхъ и одного летучаго парковъ).

Въ каждой гренадерской артиллерійской бригадѣ состояли 4 батареи: двѣ батарейныя и двѣ легкія, а въ 1854 г. прибавлены пятыя легкія батареи ****); въ каждой изъ полевыхъ пѣшихъ бригадъ также

---

*) Гренадерскіе, карабинерные, пѣхотные и егерскіе полки, также гренадерскія, карабинерныя, фузелерныя, егерскія и мушкатерскія роты не имѣли никакого существеннаго различія между собою.

**) Приказомъ военнаго министра отъ 21 октября 1854 г. армейскіе стрѣлковые баталіоны приведены въ 1000-й составъ

***) Приказъ военнаго министра 2 марта 1854 года.

****) Приказъ военнаго министра 8 марта 1854 г.

4 батареи: въ 1-й бригадѣ каждой изъ дивизій 2 батарейныя и 2 легкія, а въ остальныхъ двухъ бригадахъ по одной батарейной и 3 легкихъ.

Въ каждой артиллерійской дивизіи батареи имѣли послѣдовательные нумера, которые были распредѣлены слѣдующимъ образомъ:

1-я бригада: батарейныя № 1 и № 2 батареи.
Легкія . . . № 1 и № 2 ,,
2-я бригада: батарейная № 3 батарея.
Легкія . . . № 3, № 4 и № 5 батареи.
3-я бригада: батарейная № 4 батарея.
Легкія . . . № 6, № 7 и № 8 *).

Конно-артиллерійскія бригады состояли изъ 2-хъ легкихъ батарей.

Конно-артиллерійскія дивизіи при резервныхъ кавалерійскихъ корпусахъ на бригады не раздѣлялись и состояли каждая изъ 2-хъ батарейныхъ и 4-хъ легкихъ батарей. Каждая парковая бригада состояла изъ 3-хъ подвижныхъ и одного летучаго парковъ.

Всѣ полевыя пѣшія батареи были 12-ти-орудійнаго состава, гвардейскія же и гренадерскія пѣшія и всѣ конныя батареи 8-ми-орудійнаго состава: въ пѣшей батарейной: 6 пушекъ 12 ф. и 6 единороговъ $^{1}/_{2}$ пуд.; въ пѣшей легкой: 8 пушекъ 6-ти ф. и 4 единорога $^{1}/_{4}$ пудовыхъ; въ конно-батарейной 8 единороговъ $^{1}/_{2}$ пуд.; въ конно-легкой 4 пушки 6 фунт. и 4 единорога $^{1}/_{4}$ пудовыхъ.

Въ каждой парковой ротѣ подвижныхъ и летучихъ парковъ состояло по 350 человѣкъ.

Саперные баталіоны состояли изъ 4-хъ ротъ, въ каждой по 250 чел.

Кромѣ л. гв. сапернаго, гренадерскаго и 6-ти саперныхъ баталіоновъ, пренадлежавшихъ къ 6-ти пѣхотнымъ корпусамъ, были еще 1-й и 2-й резервные саперные баталіоны, состоявшіе каждый изъ 4-хъ ротъ: одной саперной и 3-хъ понтонныхъ; при каждой изъ послѣднихъ состоялъ понтонный паркъ. Съ приведеніемъ войскъ на военное положеніе, понтонныя роты съ парками причислялись, по мѣрѣ надобности, къ пѣхотнымъ корпусамъ соотвѣтствующаго имъ нумера.

Каждый изъ 6-ти понтонныхъ парковъ состоялъ изъ 32-хъ парусинныхъ понтоновъ и 15-ти понтоновъ Бирагò (деревянныхъ). Кромѣ того, существовали еще понтонные парки: 1) при двухъ конно-піонерныхъ дивизіонахъ, каждый изъ 16-ти кожаныхъ понтонныхъ лодокъ, съ принадлежащею къ нимъ настилкою и козлами, и 2) при гвардейскомъ экипажѣ понтонный паркъ изъ 60-ти понтоновъ Бирагò.

Фурштадтскія бригады раздѣлялись на баталіоны по числу дивизій въ корпусѣ, но не имѣли отдѣльной организаціи, а состояли изъ нестроевыхъ ротъ пѣхотныхъ и кавалерійскихъ полковъ и изъ не-

---

*) Приказомъ военнаго министра 3 апрѣля 1855 года, всѣ легкія гвардейскія пѣшія батареи и младшія легкія батареи въ каждой изъ полевыхъ артиллерійскихъ бригадъ замѣнены 12 ф. облегченными батареями.

Приказомъ военнаго министра, 2 іюля 1855 года, вмѣсто 4-хъ батарей 12-ти-орудійнаго состава въ каждой полевой артиллерійской бригадѣ, образовано 5 батарей 8-ми-орудійнаго состава: 2 батарейныхъ и 3 легкихъ.

строевыхъ отдѣленій саперныхъ и стрѣлковыхъ баталіоновъ и артиллерійскихъ батарей. Эти роты и отдѣленія, оставаясь при своихъ частяхъ, номинально составляли въ каждой дивизіи баталіонъ, въ каждомъ корпусѣ—бригаду.

Такимъ образомъ вся численность дѣйствующей арміи, въ военное время, по штатному положенію, не считая отдѣльныхъ корпусовъ и линейныхъ баталіоновъ, была слѣдующая:

Пѣхота:

Гвардейскаго корпуса . . .	38	баталіоновъ	. . 38,000
Гренадерскаго „ . . .	38	„	. . 38,000
6-ти пѣхотныхъ корпусовъ	300	„	. . 300,000
Резервные саперные батал.	2	„	. . 2,000
	378	баталіоновъ . . .	378,000 чел.

Кавалерія:

	Гвардейская кавалерія	68	эскадр. . . .	9,000
	7 легкихъ кавалерійскихъ дивизій	224	„ . . .	38,080
1-й резервный кавал. корп.	1-я кирас. дивизія .	24	„ . . .	4,080
	2-я кирас. дивизія . .	24	„ . . .	4,080
	Резервн. уланск. дивизія	32	„ . . .	5,440
	2-й резервный кавалер. корп. изъ 2-хъ драгунск. дивизій	80	„ . . .	13,600
	2 конно-піонерн. дивизіона . . .	4	„ . . .	1,000
		456	эскадроновъ .	75,280 чел.

Артиллерія:

Гвардейская	пѣшая *)	12 батарей	96 оруд.	2,264 чел.
	конная	5 „	40 „	1,138 „
Гренадерскаго корпуса.	пѣшая **)	15 „	120 „	2,802 „
	конная	2 „	16 „	430 „
Полевая	пѣшая	72 „	864 „	17,084 „
	конная	12 „	96 „	2,580 „
	казачья	9 „	72 „	2,000 „
Двѣ конно-артиллерійскихъ дивизіи при резервныхъ кавал. корпусахъ состоявшія . . .		12 „	96 „	2,832 „
		139 батарей	1.400 оруд.	31,130 чел.

Въ 7-ми парковыхъ бригадахъ было 9,808 челов.

Для формированія резервныхъ и запасныхъ частей пѣхоты положено было содержать въ мирное время постоянные кадры: для каждаго гвардейскаго полка на одинъ запасный баталіонъ, для каждаго изъ полковъ гренадерскаго и 6-ти пѣхотныхъ корпусовъ на 2 бата-

*) Вмѣстѣ съ батареями изъ 12 облегч. пушекъ.

**) Считая 5-ыя легкія батареи сформированныя въ началѣ 1854 г.

ліона: одинъ резервный и одинъ запасный; кадръ каждаго баталіона состоялъ изъ 1 оберъ-офицера и 22 нижнихъ чиновъ; кадры эти располагались при складахъ обмундированія и вооруженія резервныхъ и запасныхъ баталіоновъ. Они обязаны были содержать въ исправности всѣ хранящіеся въ складахъ предметы и снабжать ими безсрочно-отпускныхъ при сборахъ.

Въ теченіе войны были сформированы сперва въ гвардіи 4-е запасные, въ гренадерскомъ корпусѣ 4-е резервные баталіоны, въ полкахъ 6-ти пѣхотныхъ корпусовъ по 1 резервному и 1 запасному; потомъ, въ 1854 году, число резервныхъ и запасныхъ частей увеличено, а именно: для каждаго гвардейскаго полка были сформированы по 3 баталіона названные резервными (4-й, 5-й и 6-й), изъ которыхъ были составлены резервные трехъ-баталіонные полки, которые составили три гвардейскія резервныя дивизіи, одинаковаго состава съ дѣйствующими. Для каждаго полка гренадерскаго и 6-ти пѣхотныхъ корпусовъ сформированы были по 2 резервныхъ (5-е и 6-е) *) и по 2 запасныхъ (7-е и 8-е) баталіоны; резервные и запасные баталіоны каждой дивизіи соединены были въ резервныя и запасныя бригады, по 8 баталіоновъ каждая, а каждые 4 баталіона были соединены въ полкъ. Въ 1855 г. уже нѣкоторыя резервныя бригады были соединены съ дѣйствующими полками, и такимъ образомъ сформированы были дѣйствующіе и резервные полки трехъ-баталіоннаго состава.

Для стрѣлковыхъ баталіоновъ былъ сформированъ сперва одинъ резервный баталіонъ, потомъ еще одинъ, а въ 1855 году было 3 резервныхъ и 2 запасныхъ баталіона.

Для саперныхъ баталіоновъ формировались: для гвардейскаго и гренадерскаго резервные полубаталіоны, для прочихъ два запасныхъ саперныхъ баталіона, и кромѣ того существующіе въ мирное время 1-й и 2-й резервные саперные баталіоны, по отдѣленіи отъ нихъ понтонныхъ ротъ, приводились каждый въ составъ 4-хъ саперныхъ ротъ.

Для формированія резервныхъ и запасныхъ частей кавалеріи, въ мирное время содержались: при гвардейскихъ кавалерійскихъ полкахъ седьмые запасные эскадроны; а въ каждомъ полку первыхъ 6-ти кавалерійскихъ дивизій 9-е резервные эскадроны, которые соединены были въ отдѣльную резервную легкую кавалерійскую дивизію, состоявшую изъ 4-хъ сводныхъ полковъ.

При приведеніи войскъ на военное положеніе, первоначально формировались для каждаго полка по одному резервному и одному запасному эскадрону, а для драгунскихъ полковъ—по два резервныхъ и по одному запасному эскадрону.

Для резервныхъ и запасныхъ эскадроновъ 1-й и 2-й кирасирскихъ дивизій, 1-й и 2-й драгунскихъ дивизій, резервной уланской дивизіи и одного конно-піонернаго дивизіона, содержались при складахъ вооруженія и обмундированія этихъ частей постоянные кадры по 10 человѣкъ на каждый эскадронъ.

---

*) Первоначально сформированные для полковъ гренадерскаго корпуса 4-е резервные баталіоны, Приказомъ г. военнаго министра 17 марта 1854 г. перечислены въ 4-е дѣйствующіе.

Резервные и запасные эскадроны каждой кавалерійской дивизіи составляли резервную бригаду, которая при первоначальномъ сформированіи состояла изъ 8-ми эскадроновъ.

Во время Восточной войны, изъ резервныхъ и запасныхъ эскадроновъ гвардейской кавалеріи и гренадерскаго корпуса былъ образованъ сводный гвардейскій кавалерійскій корпусъ, состоявшій изъ семи полковъ 4-хъ-эскадроннаго состава.

Для формированія резервныхъ и запасныхъ частей артиллеріи, а также для обученія безсрочно-отпускныхъ во время сборовъ ихъ въ мирное время, служили постоянные резервы.

Для гвардейской пѣшей артиллеріи, по одному взводу на каждую резервную и каждую запасную батарею, всего 6 взводовъ.

Для пѣшей артиллеріи гренадерскаго корпуса, по одному дивизіону на каждую изъ 3-хъ резервныхъ, 3-хъ запасныхъ и 3-хъ распускаемыхъ въ мирное время дѣйствующихъ легкихъ батарей, всего 9 дивизіоновъ или 3 сводныя гренадерскія батареи.

Для пѣшей артиллеріи 6-ти пѣхотныхъ корпусовъ, по одному взводу на каждую изъ 3-хъ резервныхъ и 3-хъ запасныхъ батарей каждой артиллерійской дивизіи, всего 36 взводовъ, образующихъ 6 сводныхъ резервныхъ батарей.

Для конной артиллеріи содержалось по одной полубатареѣ на каждую резервную батарею первыхъ 6-ти конно-артиллерійскихъ бригадъ, для прочихъ-же и для гвардейской конной артиллеріи, въ мирное время кадры не содержались.

Изъ этихъ резервныхъ кадровъ были сформированы въ Восточную войну:

Для каждой дѣйствующей бригады, бригада резервная, состоявшая изъ 3-хъ батарей одинаковаго состава съ дѣйствующими.

Для удобнѣйшаго комплектованія какъ дѣйствующихъ, такъ и резервныхъ батарей полевой пѣшей артиллеріи, сформированы были въ 1855 г. *) при каждой батареѣ пятые запасные взводы съ полнымъ числомъ людей на 2 орудія и половиннымъ числомъ лошадей.

Комплектованіе всѣхъ дѣйствующихъ войскъ до штатовъ военнаго времени **) и формированіе резервныхъ и запасныхъ частей производились посредствомъ призыва безсрочно-отпускныхъ нижнихъ чиновъ, которые составляли такимъ образомъ настоящій резервъ дѣйствующей арміи. Чтобы можно было судить о томъ, въ какой степени этотъ резервъ могъ быть достаточенъ для быстраго приведенія арміи на военное положеніе, нужно изложить систему безсрочно-отпускныхъ, существовавшую въ то время.

---

*) Приказъ военнаго министра 2 іюля 1855 года.

**) Штаты мирнаго времени были менѣе штатовъ военнаго, въ слѣдующей соразмѣрности: въ гвардейскихъ и гренадерскихъ пѣхотныхъ полкахъ на 500 человѣкъ; въ полкахъ 6-ти пѣхотныхъ корпусовъ на 400 чел.; въ гвардейскихъ кавал. полкахъ на 120 чел.; въ полкахъ легкихъ кавал. дивизій на 80 чел.; въ кирасирскихъ на 70 челов. и въ драгунскихъ на 130 человѣкъ.

Срокъ службы нижнихъ чиновъ до отставки опредѣлялся въ арміи 25 лѣтъ, а въ гвардіи 22 года *).

Правомъ на безсрочный отпускъ пользовались **) всѣ вообще строевые и нѣкоторые только нестроевые нижніе чины, прослужившіе безпорочно 15 лѣтъ.

Музыканты и нижніе чины изъ солдатскихъ дѣтей и Евреевъ пользовались безсрочнымъ отпускомъ за выслугу 20 лѣтъ.

Увольняемые въ безсрочный отпускъ за выслугу 15-ти лѣтъ должны были собираться ежегодно для учебныхъ упражненій на 1 мѣсяцъ (къ 1 сентября), въ пункты, назначаемые инспекторскимъ департаментомъ. Безсрочно-отпускные, прослужившіе 20 лѣтъ, освобождались отъ этихъ сборовъ.

Разсматривая эту систему, введенную въ Россіи съ 1834 года, мы видимъ, что, для приведенія арміи на военное положеніе, она не могла доставить необходимаго числа людей.

Если возьмемъ приведенную выше цифру численности дѣйствующей арміи 494,000, и изъ нея исключимъ 46,000—избытокъ численности надъ штатами мирнаго времени, то получимъ цифру 448,000, штатное число строеваго состава дѣйствующихъ войскъ по мирному положенію ***).

При увольненіи въ безсрочный отпускъ за выслугу 15-ти, а нѣкоторыхъ—20-ти лѣтъ, можно положить приблизительно, что солдатъ среднимъ числомъ состоитъ $^2/_3$ срока на службѣ и $^1/_3$ въ отпуску или въ резервѣ; слѣдовательно въ резервѣ можетъ быть не болѣе $^1/_3$ всей численности арміи, т. е. около 150,000.

Эта цифра еще довольно велика, потому что: во 1-хъ, нельзя разсчитывать, чтобы всѣ солдаты, прослужившіе 15, и въ особенности 20 лѣтъ, могли быть способны къ продолженію строевой службы; во 2-хъ, нѣкоторые умираютъ до истеченія срока отпуска, и въ 3-хъ, многіе лишаются права на безсрочный отпускъ чрезъ зачисленіе ихъ въ нестроевыя должности по слабому здоровью и т. п. такъ что maximum способныхъ безсрочно-отпускныхъ едва ли можно положить болѣе 135 тысячъ.

Изъ этого числа должно поступить 46 т. для укомплектованія дѣйствующихъ войскъ до штатовъ военнаго времени, слѣдовательно для сформированія резервныхъ и запасныхъ частей остается около 90,000.

Вотъ почему, какъ видно изъ приведенныхъ выше свѣдѣній о количествѣ резервныхъ и запасныхъ частей, сформированныхъ въ теченіе настоящей войны, численность резервной пѣхоты только къ концу 1854 г. была доведена до состава, равнаго составу дѣйствующей пѣхоты, кавалерія же и артиллерія были доведены только едва до половиннаго числа противу дѣйствующихъ.

---

*) Св. Военн. постановленій, ч. II. кн. I. изд. 1838 года ст. 1403—1578.

**) Тамъ же ст. 1204—1317, приказъ военнаго министра 1851 г. № 80, 1852 г. № 48 и мнѣніе Военнаго Совѣта, Высочайше утвержденное марта 1851 г.

***) Дѣлая приблизительный разсчетъ, должно замѣтить, что списочное состояніе войскъ далеко не сходится съ штатнымъ.

При недостаточности безсрочно-отпускныхъ, правительство вынуждено было прибѣгнуть къ усиленнымъ рекрутскимъ наборамъ, а именно: 1) Манифестомъ 15 іюля 1852 года произведенъ десятый частный рекрутскій наборъ, съ губерній западной полосы Имперіи по 7 человѣкъ съ 1000; 2) 8 іюля 1853 г. съ восточной полосы по 10 чел. съ 1000; 3) 29 января 1854 г. съ западной полосы по 9 чел. съ 1000; 4) 27 апрѣля 1854 г. съ восточной полосы по 9 чел. съ 1000; 5) 26 августа 1854 г. съ западной полосы по 10 чел. съ 1000 и 6) 1 декабря 1854 съ восточной полосы по 10 чел. съ 1000. Такимъ образомъ въ теченіе $2^1/_2$ лѣтъ было произведено 6 усиленныхъ рекрутскихъ наборовъ.

Сверхъ того, приказомъ военнаго министра, 15 марта 1854 года, было объявлено о призывѣ желающихъ прступить на вторичную службу отставныхъ нижнихъ чиновъ, съ предоставленіемъ имъ различныхъ преимуществъ.

Изъ всего сказаннаго видно, что существовавшая система безсрочно-отпускныхъ имѣла слѣдующія невыгоды: 1) резервъ былъ весьма недостаточенъ, и по тому формированіе резервной арміи было очень медленно; 2) правительство должно было прибѣгать къ слишкомъ частымъ усиленнымъ наборамъ, что̀ было чрезвычайно обременительно для государства, и 3) войска составлялись изъ молодыхъ людей, которые, неуспѣвъ достаточно ознакомиться съ военною службою и съ военнымъ бытомъ, переходили прямо къ трудамъ и лишеніямъ походной жизни, что̀ не могло не увеличить болѣзненности и смертности въ арміи.

Кромѣ регулярныхъ войскъ, дѣйствующихъ и резервныхъ, которыя могутъ быть приведены въ составъ равносильный дѣйствующимъ, русская армія могла быть усилена иррегулярными войсками.

Иррегулярныя войска, принадлежащія собственно къ составу разсматриваемой нами дѣйствующей арміи: 1) *Донское казачье войско.* Оно состояло изъ 2-хъ гвардейскихъ казачьихъ полковъ, каждый въ 6 дѣйствующихъ эскадроновъ, и 54-хъ полковъ шести-сотеннаго состава; одной гвардейской и 9-ти дѣйствующихъ батарей, сходныхъ по составу съ конно-легкими регулярными батареями, и 4-хъ резервныхъ конныхъ батарей.

Части эти комплектовались изъ жителей земли войска Донскаго, людьми отъ 20 до 45 лѣтъ отъ рода: Въ мирное время, нѣкоторое число полевыхъ полковъ и батарей, смотря по надобности, командировались на службу: въ Финляндію, въ дѣйствующую армію, на Кавказъ, въ Бессарабію и Крымъ. Отъ двухъ гвардейскихъ полковъ, лейбъ-гвардіи казачьяго и лейбъ-гвардіи атаманскаго, по одному дивизіону находились въ составѣ гвардейскихъ корпусовъ. Прочіе полки, дивизіоны и батареи оставались, на льготѣ, на Дону, и смѣняли части, на службѣ находящіяся, чрезъ 3 года (гвардейскія части чрезъ 2 года). Въ военное время нарядъ полковъ и батарей на службу дѣлался по мѣрѣ надобности, безъ ограниченія; въ случаѣ откомандированія всѣхъ штатныхъ полковъ, призывались на службу всѣ способные носить оружіе.

Такъ въ Восточную войну къ 1 января 1855 г. состояло на службѣ

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ V.

(¹) Журналъ военныхъ дѣйствій 4-го и 5-го корпусовъ, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта князя Горчакова.

(²) Вѣдомость о числѣ турецкихъ войскъ въ Булгаріи (прилож. къ журналу дѣйствій 4-го и 5-го корпусовъ).

(³) Журналъ дѣйствій 4-го и 5-го корпусовъ.

(⁴) Донесеніе генерала Лидерса.—Рапортъ генералу Лидерсу контръ-адмирала Мессера.—Приказъ командующаго войсками 4-го и 5-го пѣхотныхъ корпусовъ, генералъ-адъютанта князя Горчакова.

(⁵) Составъ отряда генерала Соймонова: Томскій и Колыванскій егерскіе полки; двѣ пѣшихъ батареи 10-й артиллерійской бригады; пять сотень донскаго № 40 полка.

(⁶) Донесеніе генерала Соймонова.

(⁷) Рапортъ князю Горчакову командира 4-го пѣхотнаго корпуса генерала отъ инфантеріи Данненберга, отъ 26 октября 1853 года, за № 1,043.—Описаніе дѣла при Ольтеницѣ, 23 октября 1853 года, при отзывѣ военному министру князя Горчакова, отъ 29 ноября, за № 2,349.

(⁸) W. Rüstow. Der Krieg gegen Russland. I. 24—25.—Е. Ковалевскій. Война съ Турціей въ 1853—1854 годахъ. 86—87.—XIX-й вѣкъ. II. Н. Ушаковъ. 30 и 31.

(⁹) Е. Ковалевскій. Война съ Турціей въ 1853 и 1854 годахъ. 88.

(¹⁰) Письмо военнаго министра, князя Долгорукова, князю Горчакову, отъ 12 декабря 1853 года.

(¹¹) Изъ письма князя Горчакова военному министру, отъ декабря 1853 года.

(¹²) L. Guerin. Histoire de la dernière guerre de Russie, 1853—1856. 49—50.

(¹³) Журналъ дѣйствій 4-го и 5-го корпусовъ.

(¹⁴) Рапортъ командиру 5-го пѣхотнаго корпуса, генералъ-адъютанту Лидерсу, начальника штаба войскъ 4-го и 5-го пѣхотныхъ корпусовъ, генералъ-адъютанта Коцебу, отъ 1-го ноября 1853 года.

(¹⁵) Составъ отряда генерала Соймонова: Томскій и Колыванскій егерскіе полки; гусарскій Наслѣдника Цесаревича (Павлоградскій)

полкъ; 8 орудій батарейной № 2-го и 8 орудій легкой № 2-го батареи 10-й артиллерійской бригады и конно-легкая батарея № 8.

([16]) Журналъ дѣйствій войскъ, подъ начальствомъ князя Горчакова.

Организація турецкихъ войскъ.

Турецкія войска, до преобразованія ихъ, не имѣли ни правильнаго строя, ни тактическаго образованія. Пѣхота ихъ сражаласъ въ видѣ безпорядочной толпы, и по тому мало была способна къ натиску, но могла наносить большой вредъ мѣткою стрѣльбою; кавалерія, дѣйствовавшая въ разсыпную, имѣла большое преимущество надъ европейскими всадниками въ одиночномъ бою, по отличному оружію и превосходнымъ лошадямъ; артиллерія не отличалась движимостью, но дѣйствовала довольно мѣтко. Сформированные въ половинѣ XIV столѣтія при султанѣ Амурадѣ I (по другимъ свѣдѣніямъ при Орканѣ), изъ плѣнныхъ христіанскихъ юношей, отборные отряды пѣхоты (янычары) и конницы (спаги), славились воинскимъ духомъ въ теченіи трехъ вѣковъ.

При началѣ учрежденія янычаръ, ихъ было не болѣе тысячи; впослѣдствіи число это возрасло до 40 т., а при уничтоженіи ихъ считалось въ янычарскихъ спискахъ свыше 150 т. Чѣмъ болѣе увеличивалось это войско, тѣмъ болѣе чувствовало оно свою силу и вліяніе.

Привилегіи, которыми пользовались янычары, привлекали многихъ поступать въ ихъ списки; самъ султанъ считался первымъ солдатомъ первой янычарской орды. Неболѣе какъ чрезъ 100 лѣтъ послѣ ихъ учрежденія, янычары потребовали отъ султана 10 мѣшковъ золота, за возведеніе его на тронъ, и постепенно увеличивали эту подать, пока она не была уничтожена въ 1774 г. Всякое распоряженіе правительства, несогласное съ видами янычаръ, было сопровождаемо возмущеніемъ ихъ, что побудило къ уничтоженію ихъ, а усовершенствованіе регулярныхъ европейскихъ армій и развитіе тактическаго образованія, дававшія имъ перевѣсъ въ войнахъ съ Турками, заставили султановъ устроить войска по образцу европейскому. Попытка султана Селима въ 1802 году основать новое войско, названное имъ *Низамъ-Джедисъ*, стоила ему жизни. Наслѣдникъ его Махмудъ II, 2 іюня 1826 года, уничтожилъ янычаръ и въ короткое время создалъ регулярную армію въ 48,000 человѣкъ, которая была одѣта, вооружена и обучена по европейски. Война Россіи съ Турціею 1828 и 1829 годовъ застигла Турцію въ эпоху начала этого преобразованія. Настоящее преобразованіе турецкихъ войскъ и новая ихъ организація начинается съ 1836 года. Идея этой организаціи принадлежитъ офицеру прусскаго генеральнаго штаба, нынѣ знаменитому фонъ-Мольтке, а приведеніе ея въ исполненіе, преимущественно по артиллеріи, возложено было на прусскаго артиллерійскаго офицера Кудковскаго.

Эта новая организація окончательно введена уже при султанѣ Абдулъ-Меджидѣ, извѣстнымъ гаттишерифомъ гюльханейскимъ, 1839 года, и дополнительными положеніями, обнародованными въ 1843 и 1844 годахъ.

Новая система организаціи турецкихъ войскъ состоитъ въ слѣдующемъ:

Служба въ войскахъ раздѣляется на *низамъ* — служба дѣйствительная и *редифъ* — служба въ резервѣ.

Военныя силы Турціи, состоятъ: 1) изъ регулярной дѣйствующей арміи, 2) изъ резерва, 3) изъ вспомогательныхъ контингентовъ и 4) изъ войскъ иррегулярныхъ.

I. *Дѣйствующая армія* раздѣляется на 6 корпусовъ, которыми командуютъ маршалы (*муширы*); каждый корпусъ состоитъ изъ 2-хъ дивизій, командуемыхъ дивизіонными генералами (*ферикъ*), и 6-ти бригадъ, подъ начальствомъ бригадныхъ генераловъ (*лива*).

Каждый корпусъ состоитъ изъ 11-ти полковъ: 6-ти пѣхотныхъ, 4-хъ кавалерійскихъ и 1-го артиллерійскаго.

Пѣхотный полкъ состоитъ изъ 4-хъ баталіоновъ; *баталіонъ* изъ 4-хъ ротъ; *рота* изъ 2-хъ взводовъ.

Кавалерійскій полкъ состоитъ изъ 6-ти эскадроновъ, изъ коихъ два фланговые (1-й и 6-й) карабинерные, а средніе пикинерные.

Артиллерійскій полкъ состоитъ изъ 12-ти батарей, изъ коихъ 8 пѣшихъ, 3 конныхъ, 1 горная: въ каждой батареѣ 6 орудій; двѣ пѣшихъ батареи составляютъ баталіонъ. *Въ пѣхотѣ* полагается: въ ротѣ 200 человѣкъ, въ баталіонѣ 815, въ полку 3263, *въ кавалеріи* — эскадронъ 155 человѣкъ, полкъ 934 человѣкъ, *въ артиллеріи* — въ полку 1300 человѣкъ. Кромѣ этихъ шести корпусовъ, были еще отдѣльные и спеціальные корпуса, какъ то: одна бригада на островѣ Кандіи, полкъ пѣхоты и полкъ кавалеріи въ Триполи, столько же въ Тунисѣ, и проч.

Спеціальные корпуса, подъ начальствомъ главнаго начальника артиллеріи, состояли изъ центральнаго корпуса артиллеріи и 2-хъ полковъ саперъ.

Такимъ образомъ вся дѣйствующая армія, изъ 80-ти полковъ, должна составлять по штату:

Пѣхоты		36	полковъ. .	117,468	человѣкъ.
Кавалеріи		24	„	22,416	„
Артиллеріи		6	„	7,800	„
Резервн. и крѣп. артилл.		4	„	5,200	„
Инженерн. войскъ . .		2	„	1,600	„
Отдѣльные корпуса.	въ Кандіи .	4	„	8,000	„
	—Триполи .	2	„	4,000	„
	—Тунисѣ .	2	„	4,000	„
Итого . . .		80	полковъ. .	170,484	человѣка.

2. *Резервная армія*, состоящая изъ людей, прослужившихъ 5 лѣтъ въ дѣйствующихъ войскахъ, должна быть организована въ военное время такимъ же образомъ и въ такомъ же числѣ, какъ и дѣйствующая. Каждый дѣйствующій корпусъ имѣетъ свой резервный, находящійся въ мирное время подъ командою *лива*, который имѣетъ свое мѣстопребываніе въ главной квартирѣ корпуса. Полки резерва имѣютъ кадры изъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, которые получаютъ отъ правительства жалованье; они должны были жить въ го-

родахъ и селеніяхъ среди отпускныхъ солдатъ и производить имъ ученіе разъ въ недѣлю. Резервные солдаты, въ продолженіе всего семилѣтняго срока своей службы, были обязаны ежегодно являться въ главную квартиру своего корпуса для участія въ большихъ маневрахъ, и для этого въ каждой корпусной квартирѣ имѣлось депо оружія.

3. *Вспомогательные контингенты* вассальныхъ владѣній составляли ту часть военной силы, на которую турецкое правительство менѣе всего могло разсчитывать, потому что, при извѣстныхъ политическихъ обстоятельствахъ, нѣкоторыя изъ вассальныхъ провинцій не исполняли своихъ обязанностей, вообще-же вспомогательный контингентъ могъ простираться до 117 т. въ слѣдующей соразмѣрности.

Молдавія и Валахія . .	7,000
Сербія	20,000
Боснія и Герцеговина .	30,000
Верхняя Албанія . . .	10,000
Египетъ	40,000
Триполи и Тунисъ . . .	10,000
Итого . . .	117,000.

Молдавская милиція состояла изъ одного полка пѣхоты, раздѣленнаго на 2 баталіона, одного эскадрона уланъ и легкой пѣшей батареи въ 6 орудій.

Валахская милиція состояла изъ 3-хъ полковъ пѣхоты, раздѣленныхъ каждый на 2 баталіона, одного дивизіона уланъ и пѣшей батареи въ 8 орудій.

Штатное число милиціи всѣхъ трехъ родовъ войска: въ Молдавіи 2180 человѣкъ, въ Валахіи 5948 человѣкъ.

Кромѣ милиціи, въ княжествахъ находились еще слѣдующія вооруженныя команды.

1) Доробанцы (жандармы) пѣшіе и конные: въ Молдавіи 1259 чел., въ Валахіи 4200 человѣкъ.

2) Граничары (пограничная стража): въ Молдавіи 515, въ Валахіи 7054.

3) Пожарная команда въ Валахіи изъ 323 чел.

Милиція была обучена по русскому уставу.

Комплектуется она посредствомъ рекрутскихъ наборовъ; срокъ службы въ милиціи былъ 6-ти лѣтній, по истеченіи котораго милиціонеры зачислялись на 2 года въ пограничную стражу или въ Доробанцы.

По вступленіи русскихъ войскъ въ Дунайскія княжества, милиція обоихъ княжествъ, имѣвшая въ наличномъ составѣ 6760 человѣкъ, поступила въ наше распоряженіе.

Баталіоны милиціи были присоединены къ нѣкоторымъ полкамъ въ видѣ пятыхъ баталіоновъ. Артиллерія валахская дѣйствовала при переправѣ нашихъ войскъ черезъ Дунай у Браилова, а при осадѣ кр. Силистріи ею вооруженъ былъ одинъ изъ редутовъ, составлявшихъ нашу контръ-валаціонную линію. При отступленіи нашихъ войскъ изъ Княжествъ, милиція была обезоружена и распущена по домамъ, а артиллерія увезена изъ опасенія, чтобы Турки не завладѣли ею.

4) *Иррегулярныя турецкія войска* состояли:

1) Изъ пѣшихъ жандармовъ (кавассы), конныхъ жандармовъ (сеймены) и полевой стражи (субаши).

2) Изъ Татаръ Добруджи и Малой Азіи.

3) Изъ иностранныхъ легіоновъ.

4) Изъ волонтеровъ мусульманъ (баши-бузуки).

Къ иррегулярнымъ войскамъ надо отнести также ополченія, формируемые изъ Некрасовцевъ (Липованъ).

Некрасовцы обитали сперва въ восточной части Бабадагской области, но вслѣдствіе междоусобій пашей, въ которыхъ Некрасовцы принимали участіе, и постоянныхъ столкновеній ихъ съ Запорожцами, обитавшими по Дунаю, они были поселены въ 1806 году на берегу Мраморнаго моря, куда еще во время войнъ Румянцева часть ихъ удалилась, а на Дунаѣ осталось ихъ очень мало, преимущественно въ западной части Бабадагской области. Сѣча же Запорожцевъ, находившаяся въ Сейменахъ, за разбои на Дунаѣ, была переведена въ м. Большія Дунаевцы. Некрасовцы служили конными и дѣлились на полки, въ которыхъ избирали изъ среды своей полковниковъ и есауловъ. Запорожцы прежде служили пѣшими, въ турецкой арміи, а въ 1828 году, подъ начальствомъ атамана Гладкаго перешли въ Россію и поселились на берегахъ Азовскаго моря.

Численность всѣхъ иррегулярныхъ войскъ можно полагать до 80 т. Такимъ образомъ число военныхъ силъ Турціи вообще могло простираться до 400 тыс. челов. Но такой выводъ далеко не точенъ, потому что организація турецкой арміи не успѣла еще утвердиться на прочныхъ основаніяхъ и не всѣ вассальныя владѣнія выставляли вспомогательные контингенты.

Генералъ Барагè, д'Ильè въ депешѣ къ военному министру Сентъ-Арно, отъ 15 января 1854 года, писалъ, что резервы въ Турціи еще не организованы, рекруты и волонтеры приходятъ со всѣхъ концовъ Имперіи, но некому ихъ учить, нѣтъ офицеровъ.

Если къ тому принять во вниманіе общее нерасположеніе Турокъ къ регулярной военной системѣ и европейскому обмундированію, то почти навѣрно можно сказать, что Турція съ трудомъ могла выставить болѣе 200 т. войска *).

Вообще регулярная система очень трудно прививается къ Турціи, и преобразованіе ея арміи по образцу европейскому существовало болѣе на бумагѣ, нежели на самомъ дѣлѣ; войска только по наружности казались регулярными. Войска не были раздѣлены ни на бригады, ни на дивизіи. Не было ни генеральнаго штаба, ни интендантства, ни другихъ должностныхъ чиновниковъ. Омеръ-паша, вмѣсто офицеровъ генеральнаго штаба, для исправленія различныхъ порученій, употреблялъ нѣсколько десятковъ писарей. Въ родѣ генералъ-интенданта и генералъ-кригсъ-коммиссара, при турецкой арміи, былъ

*) Изъ отчета турецкаго министерства финансовъ видно, что въ теченіи Восточной войны дѣйствительная сила турецкой Арміи составляла: низамъ 105,325 чел., редифъ 103,827 чел. (Руководство къ сравнительной статистикѣ, соч. Кольба. Томъ 2-ой, стр. 221).

гражданскій чиновникъ, который, именемъ главнокомандующаго, давалъ предписанія губернаторамъ о доставленіи въ армію фуража, провіанта, денегъ, и т. п. Губернаторы, въ свою очередь, передавали эти приказанія уѣзднымъ начальникамъ, которые въ сущности и довольствовали армію. Жалованье должно было выплачиваться ежемѣсячно, но это за недостаткомъ средствъ исполнялось весьма не акуратно, что часто было причиною большихъ безпорядковъ въ арміи. По свидѣтельству Пужада, въ арміи Омера-паши нѣкоторые люди оставались безъ жалованья въ продолженіи 6-ти и 10-ти мѣсяцевъ; напрасно Омеръ-паша писалъ объ этомъ въ Константинополь; новый сераскиръ Риза-паша, врагъ Омера, оставилъ безъ вниманія его просьбу; Омеръ-паша вынужденъ былъ написать самому султану, чтобы приняты были мѣры для удовлетворенія войскъ, или, чтобы его уволили отъ службы. Султанъ въ отвѣтъ на это пожаловалъ Омера званіемъ генералисимуса и прислалъ 60 мил. піастровъ (около 3 милл. рубл. сер.) въ уплату жалованья за прошлое время.

Комплектованіе арміи производится посредствомъ рекрутскаго набора, призывомъ молодыхъ людей, достигшихъ 20-ти-лѣтняго возраста и признанныхъ способными къ военной службѣ; ежегодный контингентъ, въ числѣ 25 тыс. человѣкъ, пополняется изъ всѣхъ призванныхъ, посредствомъ тиража.

Числительность контингента распредѣляется между различными провинціями, пропорціонально пространству и населенности ихъ, и полки, составляющіе каждый корпусъ, пополняются изъ одного или нѣсколькихъ дистриктовъ, и всегда изъ однихъ и тѣхъ же, вслѣдствіе чего все государство, по числу 6-ти корпусовъ, раздѣлено на 6 округовъ.

I Корпусъ — *Императорская Гвардія* — Штабъ-квартира Скутари (на Азіятскомъ берегу Босфора).

Округъ — въ прибрежной части Малой Азіи.

II Корпусъ *Константинопольскій* — Штабъ-кварт. Константинополь.

Округъ—по южную сторону Балкановъ.

III *Румилійскій* — Штабъ-кварт. Монастырь

Округъ — Албанія и Булгарія.

IV *Анатолійскій* — Штабъ-кварт. Арзерумъ.

Округъ—сѣверная часть Азіятской Турціи.

V *Аравійскій или Сирійскій*. Штабъ-кварт. Дамаскъ.

Округъ—юго-западная часть Азіятской Турціи и Сирія.

VI *Иракскій*. Штабъ-кварт. Багдадъ.

Округъ—юго-восточная часть Азіятской Турціи.

Прежде въ турецкой арміи могли служить одни только мусульмане, а христіанское населеніе, въ замѣнъ того, обложено было поголовною податью (хараджъ), но съ 1847 года Греки стали нести службу во флотѣ, а повелѣніемъ султана, объявленнымъ въ 1850 году, уничтожена поголовная подать, и всѣ христіане (раіи) обязаны служить въ сухопутной арміи наравнѣ съ мусульманами.

Этотъ новый порядокъ встрѣченъ былъ съ большимъ неудовольствіемъ во всѣхъ областяхъ государства.

Администрація и хозяйственная часть.

Высшее военное управленіе сосредоточивается въ лицѣ военнаго министра (*сераскира*), при которомъ состоитъ верховный военный совѣтъ изъ 15-ти человѣкъ.

Каждый корпусъ имѣетъ своего интенданта и свой административный совѣтъ изъ 7-ми членовъ; въ каждомъ полку есть также полковой административный совѣтъ, состоящій, подъ предсѣдательствомъ полковаго командира, изъ маіора, офицера, завѣдывающаго обмундированіемъ, и по одному офицеру каждаго чина.

Продовольствованіе войскъ не приведено въ правильную систему. Смотря по обстоятельствамъ, то заготовляется провіантъ подрядомъ, то предоставляется снабженіе войскъ мѣстному начальству, подъ квитанціи командировъ; на случай войны никакихъ мѣръ заблаговременно не было принято. Солдатъ получалъ, кромѣ жалованья и обмундированія, продовольственный раціонъ, состоящій въ день изъ 900 граммъ (около 2-хъ фунтовъ) хлѣба, 270 граммъ ($^3/_4$ фунта) мяса, 49 граммъ (около $^1/_8$ фунта) масла, 75 граммъ ($^3/_{16}$ фунта) рису, 18 граммъ (4 золотн.) соли, 27 граммъ (6 золотн.) овощей, также нѣкоторое количество мыла, постнаго масла и свѣчей.

Унтеръ-офицеры и офицеры до поручика включительно получаютъ одинаковый съ солдатами раціонъ, начиная отъ капитана раціонъ удваивается и муширъ получаетъ 118 раціоновъ въ день.

Нижнимъ чинамъ раціонъ отпускается натурою, а офицерамъ деньгами по 30-ти сантимовъ (9-ти коп.) за раціонъ. Всѣ оберъ-офицеры получаютъ отъ казны обмундированіе и бѣлье.

Перевозочныя средства также весьма недостаточны; постояннаго обоза при войскахъ нѣтъ; когда же нужно передвинуть какую-либо часть арміи, тогда нанимаютъ вьючныхъ лошадей у обывателей, въ случаѣ же дальняго похода въ военное время, покупаютъ предъ выступленіемъ войскъ опредѣленное число лошадей для подъема самыхъ необходимыхъ тяжестей.

Что касается до способовъ продовольствованія турецкой арміи во время Дунайской кампаніи, то, какъ видно изъ различныхъ газетныхъ статей, турецкія войска продовольствовались преимущественно средствами края, именно реквизиціями и контрибуціями.

Касательно госпитальной части, въ Константинополѣ находилось 6 госпиталей, и госпиталь Императорской Гвардіи въ Скутари былъ превосходнымъ учрежденіемъ въ этомъ родѣ.

Доказательствомъ совершенно плохаго устройства госпитальной части въ арміи Омера-паши можетъ служить письмо маршала Сентъ-Арно къ французскому военному министру, отъ 19 мая 1854 года, въ которомъ онъ проситъ о присылкѣ изъ Франціи медиковъ для турецкихъ госпиталей. При этомъ маршалъ описываетъ печальное состояніе турецкихъ госпиталей, гдѣ больные и раненые умирали безъ всякой помощи.

Тактическое образованіе турецкихъ войскъ и нравственное ихъ состояніе.

Какъ въ дѣйствующей, такъ и въ резервной, турецкой арміи, введено правильное тактическое устройство; пѣхота и кавалерія маневрируютъ по уставу французскому, артиллерія по уставу прусскому. Въ пѣхотѣ были стрѣлковые баталіоны, и, кромѣ того, въ каждомъ баталіонѣ люди, обученные цѣльной стрѣльбѣ и разсыпному строю. Строевое образованіе не доведено до высокой степени. Часть пѣхоты была вооружена кремневыми ружьями.

Кавалерія въ Турціи, только легкая, находится въ плохомъ состояніи и далеко уступаетъ прежней многочисленной, быстрой и смѣлой турецкой конницѣ; лошади худо выѣзжены и содержатся неисправно, сбруя неудобна, сѣдла слишкомъ глубоки и тяжелы, посадка людей недовольно свободна.

Артиллерія сдѣлала успѣхи болѣе всѣхъ другихъ родовъ оружія, стрѣляетъ мѣтко и двигается довольно быстро, но вовсе не пріучена къ дѣйствію съ другими войсками.

Вотъ какъ доносилъ маршалъ Сентъ-Арно военному министру о состояніи арміи Омера-паши, расположенной у Шумлы: Войска дурно вооружены, дурно одѣты, и въ особенности дурно обуты, но имѣютъ видъ воинственный и хорошо маневрируютъ. Лошади кавалерійскія по большей части малаго роста, но хороши и выносливы. Что есть лучшаго—это артиллерія, упряжь прочная, орудія хорошо содержатся, артиллеристы также хорошо маневрируютъ, какъ и наши; я былъ пораженъ вѣрностью артиллерійской стрѣльбы.

Пѣхота, конница и артиллерія у Турокъ не есть одно цѣлое, какъ это мы видимъ во всѣхъ другихъ европейскихъ арміяхъ, и никогда одна другой не помогаютъ; пѣхота, отбитая или тѣснимая непріятелемъ, не встрѣтитъ никакого содѣйствія отъ кавалеріи, которая всячески старается какъ можно далѣе быть отъ своей пѣхоты; когда же пѣхота одерживаетъ верхъ, конница съ яростью бросается на непріятеля и если атаки ея отбиты, не ищетъ укрытія подъ защитою своей пѣхоты, а, напротивъ того, въ бѣгствѣ своемъ старается отдалиться отъ пѣхоты. Конница такъ же никогда не покушалась содѣйствовать артиллеріи, какъ только она была въ опасности, или даже если непріятель только двигался противъ батареи. Заставить же турецкую пѣхоту отстаивать артиллерію, когда ей угрожаетъ опасность, чрезвычайно трудно и примѣровъ тому можно найти очень немного, въ особенности же, если артиллерія стоитъ въ полѣ, а не за окопами. Турки вообще питаютъ особенное довѣріе къ этому роду оружія, а по тому, какъ только артиллерія не остановила непріятеля, то пѣхота и конница, пораженныя паническимъ страхомъ, обращаются въ бѣгство.

Турки совершенно неспособны къ аванпостной службѣ, равно какъ босняки и албанцы—лучшіе изъ турецкихъ войскъ. Одни только некрасовцы содержатъ передовую цѣпь также зорко, какъ и наши казаки.

Къ дѣйствію въ открытомъ полѣ турецкая пѣхота мало способна, но, за то, чрезвычайно упорно держится въ укрѣпленіяхъ. Это свойство турецкихъ войскъ, замѣченное во всѣ войны, осталось, какъ видно, неизмѣннымъ до 1854 года, не смотря на введенное въ Турціи регулярное устройство. Подтвержденіемъ этому можетъ служить приводимое Базанкуромъ объясненіе, по чему Омеръ-паша, во время осады Силистріи въ 1854 году, оставался въ Шумлѣ, не предпринимая никакого движенія противъ русскаго осаднаго корпуса. Онъ говоритъ, что Омеръ-паша, хорошо зналъ стойкость и достоинство своихъ войскъ за укрѣпленіями, и по тому не хотѣлъ искать встрѣчи съ Русскими въ открытомъ полѣ, а рѣшился ожидать прибытія Союзниковъ.

Что касается до дисциплины, то слѣдующій фактъ можетъ показать, насколько понятіе о дисциплинѣ присуще турецкому солдату.

Изъ отряда генералъ-лейтенанта Ушакова, находившагося у Исакчи, посланъ былъ въ іюлѣ 1854 г. кавалерійскій отрядъ, подъ начальствомъ подполковника гусарскаго графа Радецкаго полка, князя Любомірскаго, къ Черноводамъ. Отрядъ этотъ, въ ночь съ 11-го на 12-е іюля, сдѣлалъ нападеніе на селеніе Черноводы и разсѣялъ находившійся въ немъ отрядъ изъ 800 человѣкъ; начальникъ отряда ханъ Мурза-бей спасся бѣгствомъ, но переписка его была захвачена. Въ этой перепискѣ находился между прочимъ рапортъ хана-Мурзы-бея къ Измаилу-пашѣ, въ которомъ онъ доносилъ, что отрядъ, состоявшій подъ начальствомъ Халиль-аги, отказался идти на рекогносцировку, отговариваясь неполученіемъ жалованья, истощеніемъ лошадей и худымъ состояніемъ оружія, и въ заключеніе пишетъ, что солдаты бранили своихъ офицеровъ и наносили имъ побои.

(Извлечено изъ сочиненій; X. Heuschling. L'Empire de Turquie; Bazancourt. L'expédition de Crimée; статьи помѣщ. въ Сборникѣ Путилова, Русскомъ Инвалидѣ и Allgemeine Zeitung).

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ VI.

(¹) Конвенція, заключенная въ Лондонѣ, 1 (13) іюля 1841 года.

(²) Корабли: *Императрица Марія* (капитанъ 2-го ранга Барановскій); *Чесма* (капитанъ 2-го ранга Микрюковъ); *Ростиславъ* (капитанъ 1-го ранга Кузнецовъ).

(³) Корабли: *Парижъ* (капитанъ 1-го ранга Истоминъ), *Великій Князь Константинъ* (капитанъ 2-го ранга Ергомышевъ); *Три Святителя* (капитанъ 1-го ранга Кутровъ); фрегаты *Кагулъ* (капитанъ-лейтенантъ Спицынъ); *Кулевча* (капитанъ-лейтенантъ Будищевъ).

(⁴) Эскадра Османа-паши. Фрегаты: *Низаміе* (64 оруд.); *Навекъ-Бахри* и *Несими-Зеферъ* (по 60 оруд.); *Даміадъ* (56 оруд.); *Каиди-Зеферъ* (54 оруд.); *Ауни-Аллахъ*, на которомъ находился адмиралъ, и *Фазли-Аллахъ* (бывшій Рафаилъ), по 44 орудія. Корветы: *Неджи-Фешанъ* и *Фейзи-Меабуръ* (по 24 орудія); *Гюли-Сефидъ* (22 орудія). Пароходы: *Таифъ*, въ 450 силъ (20 оруд.) и *Эрекли*, въ 140 силъ (4 орудія).

(⁵) Высочайшее повелѣніе, 4-го іюня 1829 года.

(⁶) Изъ донесенія о Синопскомъ сраженіи генералъ-адъютанту адмиралу князю Меншикову вице-адмирала Нахимова.

(⁷) Статьи Шестакова, Гюббенета, Соколова и пр. Изъ *Морскаго сборника*.

(⁸) Kinglake. The Invasion of the Crimea. Leipzig. 1863. II. 115—116.

(⁹) Kinglake. II. 122—124.

(¹⁰) Neue preissiche Zeitung. 1853.—Allgemeine Zeitung. 14. December. 1853.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ VII.

---

(1) Составъ Мало-валахскаго отряда: полки Екатеринбургскій и Тобольскій пѣхотные, Одесскій егерскій; гусарскіе полки: принца Фридриха-Карла прусскаго и князя Варшавскаго; Донской казачій № 38 полкъ; 1-я батарейная и 1-я легкая батареи 10-й артиллерійской бригады; конно-легкая № 10-го батарея.

(2) Донесеніе генералъ-адъютанту графу Анрепу-Эльмпту генералъ-маіора Бельгарда, отъ 20 декабря 1853 г.

(3) Журналъ дѣйствій войскъ, подъ начальствомъ князя Горчакова. (Военно-Учен. Арх. Главн. Штаба № 3,588).

(4) Журналъ дѣйствій войскъ, подъ начальствомъ князя Горчакова. (Военно-Учен. Арх. Главн. Шт. № 3,588).

(5) Донесеніе командира Тобольскаго пѣхотнаго полка, полковника Баумгартена, командиру 1-ой бригады 10-й пѣхотной дивизіи, генералъ-маіору Бельгарду, отъ 25-го декабря 1853 года.—Подробное описаніе сраженія при Четати, 25 декабря 1853 года. (Военно-Учен. Арх. Главн. Штаба № 3,589, стран. 179—191).

(6) Русскій Инвалидъ. 1856 г. № 80. Описаніе дѣла при Фонтына-Банулуй, составленное однимъ изъ офицеровъ участвовавшихъ въ этомъ дѣлѣ.—Замѣтки генералъ-лейтенанта Жигмонта.

(7) Журналъ дѣйствій войскъ, подъ начальствомъ князя Горчакова. (Военно-Учен. Архива Главн. Штаба № 3,588).

(8) Составъ главныхъ силъ Мало-Валахскаго отряда: три баталіона Екатеринбургскаго пѣхотнаго полка, (четвертый баталіонъ съ двумя орудіями батарейной № 1 батареи оставленъ въ Быйлешти, для прикрытія вагенбурга); семь эскадроновъ гусарскаго принца Фридриха-Карла прусскаго полка, (одинъ эскадронъ оставленъ у сел. Ковей-де-Судъ, на аванпостахъ); пять эскадроновъ гусарскаго князя Варшавскаго полка; десять орудій батарейной № 1 батареи 10-й артиллерійской бригады, конно-легкая № 10 батарея и двѣ сотни Донскаго № 38 полка.

(9) Военно-Ученаго Архива № 3,589, стран. 132.

([10]) Leon Guérin. Histoire de la dernière guerre de Russie, 1853—1856. I. 61.

([11]) Военно-Ученаго Архива № 3,589, стран. 132.

([12]) Изъ письма Императора Николая князю Горчакову, отъ 7 января 1854 года.

([13]) Письмо на Высочайшее Имя князя Горчакова, отъ 21 января 1854 г.

([14]) Изъ записки князя Горчакова, о военныхъ дѣйствiяхъ въ Малой Валахiи, отъ 21 января 1854 года.

([15]) Письмо Государя, отъ 1 февраля 1854 года.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ VIII.

---

(1) Ѳ. Затлеръ. Записки о продовольствіи войскъ въ военное время. I. 205.

(2) Составъ авангарда Мало-Валахскаго отряда: 1-я бригада 10-й пѣхотной дивизіи съ батарейною № 1 и легкою № 1 батареями 10-й артиллерійской бригады; Бугскій уланскій и гусарскій князя Варшавскаго полки съ конно-легкою № 10 батареей; три сотни донскаго № 38 полка. *Журналъ дѣйствій Мало-Валахскаго отряда.*

(3) Составъ войскъ генералъ-лейтенанта *Липранди:* 12-я пѣхотная дивизія съ батареями: батарейною № 4 и легкими № 6, 7 и 8, 12-й артиллерійской бригады, и № 3, 11-й артиллерійской бригады; 4-го сапернаго баталіона одна рота; Бугскій уланскій и гусарскій принца Фридриха-Карла Прусскаго полки; донская № 9 батарея; четыре сотни донскаго казачьяго № 38 полка. Составъ войскъ генералъ-маіора *Бельгарда:* 1-я бригада 10-й пѣхотной дивизіи съ 1-ю батарейною и съ 1-ю легкою батареями 10-й артиллерійской бригады; 4-го сапернаго баталіона одна рота; гусарскій князя Варшавскаго полкъ; дивизіонъ конно-легкой № 10 батареи; двѣ сотни донскаго № 38 полка.

(4) Рапортъ князю Горчакову генералъ-лейтенанта Липранди, отъ 29 января 1854 года, изъ Модлавиты.

(5) Рапортъ князю Горчакову генералъ-лейтенанта Липранди, отъ 5 февраля, изъ Модлавиты.

(6) Рапортъ князю Горчакову генералъ-лейтенанта Липранди, отъ 18 февраля, изъ Модлавиты.

(7) Рапортъ князю Горчакову генералъ-лейтенанта Липранди, отъ 26 февраля, изъ Модлавиты.

(8) Рапортъ генералъ-лейтенанта Липранди, отъ 26 февраля, изъ Модлавиты.

(9) Составъ отряда генералъ-лейтенанта *Соймонова:* Томскій и Колыванскій егерскіе полки; гусарскій Наслѣдника Цесаревича полкъ; батарейная № 2 и легкая № 2 батареи 10-й артиллерійской бригады и конно-легкая батарея № 8.

(10) Изъ донесеній князю Горчакову генералъ-лейтенанта Соймонова.

(11) Изъ письма князя Горчакова князю Долгорукову, отъ 29 ноября 1853 года.

(12) ...„A mon depart de Varsovie le maréchal m'avait dit qu'en cas de opérations sérieuses, il me faudrait demander Schilder, je me flatte donc de ne pas éprouver de refus de sa part; d'ailleurs en Vous ecrivant au sujet de Schilder, j'en ai informé le maréchal, en lui disant que je mettais à profit sa bienveillante proposition. Du reste Schilder m'est bien indispensable. C'est l'homme de la chose". Изъ письма князя Горчакова князю Долгорукову, отъ 14 декабря 1853 года.

(13) Военно-историческій журналъ дѣйствій 3-го, 4-го и 5-го пѣхотныхъ корпусовъ, состоявшихъ подъ начальствомъ князя Горчакова.

(14) Составъ отрядовъ подчиненныхъ генералу Лидерсу:

1) *Браиловскій* отрядъ:

Модлинскаго пѣхотнаго полка	3 баталіона.
Прагскаго „ „	3 „
Замостскаго егерскаго полка	4 „
5-й стрѣлковый баталіонъ	1 „
Одна рота саперъ	1/4 „
Батарейной № 4 батареи	12 орудій.
Легкой № 6 батареи	10 „
„ № 8 „	12 „
Гусарскій принца Фридриха Вильгельма Прусскаго полкъ	8 эскадр.
Казаковъ въ сборѣ	7 сотенъ.
Подвижной артилл. № 15 паркъ.	

2) *Ренискій* отрядъ:

4-й баталіонъ и двѣ роты 2-го баталіона Житомирскаго егерскаго полка	1½ батал.
Батарейной № 3 батареи	2 орудія.

3) *Сатуновскій* отрядъ, подъ командою полковника Довчева.

1-й баталіонъ Подольскаго егерскаго полка	1 баталіонъ.
3-й баталіонъ Житомирскаго егерскаго полка	1 „
Батарейной № 3 батареи	2 орудія.
Легкой № 5 „	4 „

4) *Измаильскій* отрядъ, подъ командою генералъ-маіора Цебрикова.

Подольскаго егерскаго полка	3 баталіона.
Резервныхъ баталіоновъ	3 „
Легкой № 5 батареи	4 орудія.

(Вѣдомость отъ 5 ноября 1853 года).

(15) Изъ распросовъ плѣнныхъ Турокъ.

(16) Къ 6-му ноября 1853 года окончены слѣдующія работы: *въ сел. Карталъ*, помѣщеніе для казачьяго резерва и конюшня на полсотни. *Въ Сатуновѣ*: а) двѣ землянки и кухня на роту; б) помѣщеніе для казачьяго резерва и конюшня на полсотни; в) конюшня для лошадей артиллерійскаго дивизіона. *Въ Измаилѣ:* а) землянки для двухъ

ротъ; б) приспособленіе двухъ артиллерійскихъ сараевъ также для двухъ ротъ; в) балаганы для помѣщенія пяти тысячъ четвертей муки съ пропорціей крупъ; г) приспособленіе нижняго этажа второй оборонительной казармы для госпитальнаго отдѣленія. *На островѣ Четалѣ*: а) въ мостовомъ укрѣпленіи, приспособленіе для помѣщенія одной роты; б) у Краснаго моста, помѣщеніе для одной роты, одной сотни и конюшня на сто лошадей. Сверхъ того нѣсколько помѣщеній для казаковъ *на островѣ Лети*, нѣсколько конюшень для казачьихъ лошадей *на постахъ* и нѣсколько карауленъ и другихъ построекъ при мостахъ. (Журналъ военныхъ дѣйствій).

(17) Военно-историческій журналъ дѣйствій 3-го, 4-го и 5-го корпусовъ, состоявшихъ подъ начальствомъ князя Горчакова. — Письмо князю Горчакова генерала Лидерса, 18 января 1854 г.

(18) Расположеніе войскъ генерала Лидерса въ концѣ января 1854 года.

Въ Галацѣ: корпусный штабъ, штабы 2-й бригады 14-й пѣхотной дивизіи, Житомирскаго егерскаго полка, 5-й артиллерійской дивизіи и 14-й артиллерійской бригады; донскаго № 22 полка; Подольскаго егерскаго полка 3-й и 4 баталіоны; Житомирскаго 1-й и 3-й баталіоны; 5-го саперпаго баталіона три роты; батарейной № 3 батареи 8 орудій и легкой № 5 батареи 4 орудія; донскаго № 22 полка двѣ сотни.

Въ Водени: штабъ, 1-й и 2-й баталіоны Подольскаго егерскаго полка; батарейной № 3 батареи 4 орудія.

Въ Рени: Житомирскаго полка 2-й и 4-й баталіоны; легкой № 5 батареи 8 орудій.

Въ Браиловѣ: штабы 2-й бригады 15-й пѣхотной дивизіи, Замостскаго егерскаго полка и 15-й артиллерійской бригады; 1-й и 2-й баталіоны Люблинскаго егерскаго полка и Замостскій егерскій полкъ; 4-я рота 5-го саперпаго баталіона; гусарскій принца Фридриха Вильгельма полкъ; батарейная № 4 батарея 15-й артиллерійской бригады валахской артиллеріи 8 орудій; Донскаго № 22-го полка двѣ сотни.

Въ Слободзеѣ: штабы 15 пѣхотной дивизіи, 1-й бригады той же дивизіи и Прагскаго пѣхотнаго полка; 1-й баталіонъ того же полка, (2-й, 3-й и 4-й баталіоны въ Сарацени, Періеци и Чекинѣ); легкая № 6 батарея 15-й артиллерійской бригады.

Въ Чочилѣ: полковой штабъ и 3-й баталіонъ Модлинскаго пѣхотнаго полка (1-й, 2-й и 4-й баталіоны въ Татарулѣ, Дудеско и Ульмулѣ).

Въ Визири-дежосъ: полковой штабъ и 4-й баталіонъ Люблинскаго егерскаго полка (3-й баталіонъ въ Валя Кинени).

Въ Скорцару и Янкѣ: 7-я и 8-я легкія батареи 15 артиллерійской бригады.

Въ Тикилешти и Гропени: Донскаго № 22-го полка по одной сотнѣ.

Въ Бертешти-десусъ и окрестныхъ селеніяхъ, Донской № 9 полкъ.

Въ Максимени: (въ Молдавіи), подвижной запасный № 15 паркъ.

(19) Военно-историческій журналъ дѣйствій 3-го, 4-го и 5-го корпусовъ, состоявшихъ подъ начальствомъ князя Горчакова.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ IX.

---

(1) Изъ посмертныхъ записокъ полковника Де-Сажѐ, одного изъ участниковъ дѣйствій за Кавказомъ, 1853 — 1855 годовъ.—Изъ записокъ генерала А. Ѳ. Б—та.

(2) Записки полковника Де-Саже.—Исторія военныхъ дѣйствій въ Азіятской Турціи, въ 1828 и 1829 годахъ, Н. Ушакова.

(3) Росписаніе войскъ Отдѣльнаго Кавказскаго корпуса.

(4) Изъ записокъ полковника Де-Сажѐ.

(5) Изъ записокъ генерала Д. И. Романовскаго.

(6) Донесеніе Государю князя Воронцова отъ 19 октября 1853 года.—Показанія чиновника Сосницкаго.

(7) Донесеніе Кутаискому военному губернатору, генералъ-маіору князю Гагарину, полковника Карганова, отъ 17 октября 1853 года.

(8) Составъ войскъ генералъ-маіора князя Орбеліани въ дѣлѣ при Баяндурѣ: $1^{3}/_{4}$ баталіона Грузинскаго гренадерскаго Его Имп. Выс. Велик. князя Константина Николаевича полка; $2^{3}/_{4}$ баталіона Эриванскаго карабинернаго Наслѣдника Цесаревича (нынѣ лейбъ-гренадерск. Его Велич.) полка; 1 батал. Куринскаго егерскаго князя Воронцова (нынѣ пѣхотнаго Куринскаго Его Имп. Выс. Вел. князя Павла Александровича) полка; кавказскій саперный и кавказскій стрѣлковый баталіоны; четыре эскадрона Нижегородскаго драгунскаго (нынѣ драгунскаго Нижегородскаго Его Велич. короля Виртембергскаго) полка; 1-я, 2-я батарейныя и 1-я легкая батареи кавказской гренадерской артиллерійской бригады; дивизіонъ донской № 7-го батареи.

(9) Донесеніе князя Воронцова, отъ 8 ноября 1853 года.—Изъ записокъ генераловъ Д. И. Романовкаго и А. Ѳ. Б—та.

(10) Изъ записокъ А. Ѳ. Б—та.

(11) Изъ записокъ кавказскаго офицера.

(12) Донесеніе Государю князя Воронцова, отъ 8 ноября 1853 года. Извѣстія о военныхъ дѣйствіяхъ, съ 2-го по 7-е ноября 1853 года.

(13) Составъ войскъ князя Андроникова: четыре баталіона Виленскаго егерскаго полка; два баталіона Бѣлостокскаго и шесть ротъ

Брестскаго пѣхотныхъ полковъ; 2-я легкая батарея 13-й артиллерійской бригады; два горныхъ орудія; девять сотень донскихъ казачьихъ полковъ № 2 и 21-го; двѣ дружины пѣшей грузинской милиціи и горійская дворянская сотня.

(14) Изъ записокъ кавказскаго офицера.

(15) Изъ записокъ кавказскаго офицера. — Изъ записокъ генерала А. В. Фрейганга.

(16) Рапорты князю Воронцову генералъ-лейтенанта князя Андроникова, отъ 15 и 20 ноября 1853 года. — Изъ записокъ кавказскаго офицера.

(17) Изъ записокъ кавказскаго офицера.

(18) Составъ Александропольскаго корпуса: 1-й баталіонъ и три роты 4-го баталіона гренадерскаго Его Высоч. Велик. князя Константина Николаевича полка; 1-й, 2-й, 3-й баталіоны и три роты 4-го баталіона карабинернаго Его Высочества Наслѣдника Цесаревича полка; 4-й баталіонъ егерскаго князя Воронцова полка; 1-й и 2-й баталіоны пѣхотнаго князя Варшавскаго полка; кавказскій стрѣлковый баталіонъ; двѣ роты кавказскаго сапернаго баталіона; драгунскій наслѣднаго принца Виртембергскаго, донской казачій № 4-го и сводный линейный казачій полки; сборная сотня конной милиціи; 2-я батарейная и 1-я легкая батареи кавказской гренадерской, 5-я батарейная батарея 21-й артиллерійской бригады (съ 8-ю легкими орудіями) и донская казачья № 7-го батарея.

(19) Изъ записокъ генерала Д. И. Романовскаго.

(20) Изъ записокъ генерала А. Ѳ. Б—та.

(21) Изъ записокъ генерала Д. И. Романовскаго.

(22) Изъ записокъ генерала А. Ѳ. Б—та и полковника Де-Сажѐ.

(23) Изъ записокъ генерала Д. И. Романовскаго.

(24) Изъ записокъ генераловъ М. Я. Ольшевскаго и Д. И. Романовскаго и полковн. Де-Сажѐ.

(25) Изъ записокъ генер. Д. И. Романовскаго.

(26) Рапортъ князю Воронцову командующаго дѣйствующимъ корпусомъ на турецкой границѣ, генералъ-лейтенанта князя Бебутова, отъ 21-го ноября 1853 года. — Записки полковника Де-Сажѐ. — Записки генераловъ Д. И. Романовскаго и А. Ѳ. Б—та.

Съ нашей стороны, въ сраженіи при Башъ-Кадыкларѣ.

убито:	1 штабъ-офицеръ,	8 оберъ-офицеровъ,	308 нижн. чиновъ.			
ранено:	9 „	24 „	762 „ „			
контуж.:	3 „	12 „	116 „ „			
Всего	13 „	44 „	1,186 „ „			

(27) Изъ записокъ полковника Де-Сажѐ.

(28) Изъ записокъ генерала Д. И. Романовскаго.

(29) Изъ записокъ генерала М. Я. Ольшевскаго.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ X.

---

(1) Н. Ушаковъ. Записки очевидца о войнѣ Россія противъ Турціи и Западныхъ державъ (1853—1855). *XIX вѣкъ*. Книга 2-я.

(2) Письмо лорда Сеймура къ англійскому министру лорду Кларендону, отъ 26 декабря 1853 года, изъ Петербурга.

(3) Jasmund. Aktenstücke zur orientalische Frage. 1. XXXVII.—Rosen. Geschichte der Türkei. II. 197.

(4) Депеша графа Нессельрода, отъ 4 (16) января 1854 года.

(5) Нота графа Кларендона барону Брунову, отъ 31 января н. ст. и Друэнъ де Люиза генералу графу Киселеву, отъ 1 февраля н. ст. 1854 года.

(6) Ноты барона Брунова и генерала Киселева отъ 23 января (4 февраля) 1854 года.

(7) Jasmund. 1. XLI.

(8) Проектъ договора и нота графа Нессельрода (въ концѣ января н. ст. 1854 года).

(9) Депеша прусскаго министра иностранныхъ дѣлъ прусскому посланнику въ Петербургѣ, отъ 31 января н. ст. 1854 года.

(10) Депеши англійскаго посланника въ Вѣнѣ, графа Вестморланда графу Кларендону, отъ 4 февраля н. ст. 1854 года.

(11) Письмо Наполеона III, отъ 29 января н. ст. 1854 года.

(12) Письмо Императора Николая, отъ 28 января (9 февраля) 1854 года.

(13) Rüstow. Der Krieg gegen Russland. I. 39.

(14) Высочайшій манифестъ 9 февраля 1854 года.

„Мы уже возвѣстили любезнымъ Нашимъ вѣрноподданнымъ о причинѣ несогласій Нашихъ съ Оттоманскою Портою.

„Съ тѣхъ поръ, не взирая на открытіе военныхъ дѣйствій, Мы непреставали искренно желать, какъ и понынѣ желаемъ, прекращенія кровопролитія. Мы питали даже надежду, что размышленіе и время убѣдятъ турецкое правительство въ его заблужденіи порожденномъ коварными наущеніями, въ коихъ Наши справедливыя, на

трактатахъ основанныя требованія, представлены были, какъ посягательство на его независимость, скрывающее замыслы на преобладаніе. Но тщетны были доселѣ Наши ожиданія.—Англійское и французское правительства вступились за Турцію, и появленіе соединенныхъ ихъ флотовъ у Царьграда послужило вящшимъ поощреніемъ ея упорству.—Наконецъ обѣ западныя державы, безъ предварительнаго объявленія войны, ввели свои флоты въ Черное море, провозгласивъ намѣреніе защищать Турокъ и препятствовать Нашимъ военнымъ судамъ въ свободномъ плаваніи для обороны береговъ нашихъ.

„Послѣ столь неслыханнаго между просвѣщенными государствами образа дѣйствій, Мы отозвали Наши посольства изъ Англіи и Франціи и прервали всякія политическія сношенія съ сими державами.

„И такъ противъ Россіи, сражающейся за православіе, рядомъ съ врагами христіанства, становятся Англія и Франція!

„Но Россія не измѣнитъ святому своему призванію, и если на предѣлы ея нападутъ враги, то мы готовы встрѣтить ихъ съ твердостію, завѣщанною намъ предками. Мы и нынѣ не тотъ ли самый народъ русскій, о доблестяхъ коего свидѣтельствуютъ достопамятныя событія 1812 года! Да поможетъ намъ Всевышній доказать сіе на дѣлѣ! Въ этомъ упованіи, подвизаясь за угнетенныхъ братьевъ, исповѣдующихъ вѣру Христову, единымъ сердцемъ всея Россіи воззовемъ:

„Господь нашъ! Избавитель нашъ! Кого убоимся! Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его!“

(15) Нота графа Кларендона графу Нессельроду, отъ 27 февраля н. ст. 1854 года.

(16) О согласіи Прусскаго Короля на предложеніе поддерживать требованія западныхъ державъ, упоминается въ депешѣ англійскаго посланника при берлинскомъ дворѣ, лорда Блумфильда, графу Кларендону, отъ 4-го марта н. ст. 1854 года.

(17) Циркуляръ отъ 18 февраля (2 марта) 1854 года.

(18) Трактатъ между Франціею, Англіею и Турціею 12 марта н. ст. 1854 года, за подписью генерала графа Барагè д'Ильè, виконта Стратфорда Редклифа и Мустафы Решидъ-паши.

(19) Союзный трактатъ между Англіею и Франціею, 10 апрѣля н. ст. 1854 года.

(20) Высочайшій манифестъ 11 апрѣля 1854 года.

„Съ самаго начала несогласій Нашихъ съ турецкимъ правительствомъ, Мы торжественно возвѣстили любезнымъ Нашимъ вѣрноподданнымъ что единое чувство справедливости побуждаетъ Насъ возстановить нарушенныя права православныхъ христіанъ подвластныхъ Портѣ Оттоманской. Мы не искали и не ищемъ завоеваній, ни преобладательнаго въ Турціи вліянія, сверхъ того, которое, по существующимъ договорамъ, принадлежитъ Россіи.

„Тогда же встрѣтили Мы сперва недовѣрчивость, а вскорѣ и тайное противоборство французскаго и англійскаго правительствъ, стремившихся превратнымъ толкованіемъ намѣреній Нашихъ, ввести Порту въ заблужденіе. Наконецъ, сбросивъ нынѣ всякую личину, Англія и Франція объявили, что несогласіе наше съ Турціею есть дѣло въ глазахъ ихъ второстепенное, но что общая ихъ цѣль—обез-

силить Россію, отторгнуть у нея часть ея областей и низвести Отечество Наше съ той степени могущества, на которую оно возведено Всевышнею десницею.

„Православной ли Россіи опасаться сихъ угрозъ? Готовая сокрушить дерзость враговъ, уклонится ли она отъ священной цѣли, Промысломъ Всемогущимъ, ей предназначенной? — Нѣтъ!! Россія не забыла Бога! Она ополчилась не за мірскія выгоды; она сражается за вѣру христіанскую и защиту единовѣрныхъ своихъ братій, терзаемыхъ неистовыми врагами.

„Да познаетъ-же все христіанство, что какъ мыслитъ Царь Русскій, такъ мыслитъ, такъ дышетъ съ Нимъ, вся Русская семья—вѣрный Богу и Единородному Сыну Его, искупителю нашему Іисусу Христу, православный русскій народъ.

„За вѣру и христіанство подвизаемся! Съ нами Богъ, никто же на ны!"

([21]) Протоколъ вѣнской конференціи, отъ 9 апрѣля н. ст. 1854 г.

([22]) Союзный трактатъ и военная конвенція между Австріею и Пруссіею, 20 апрѣля н. ст. 1854 года.

([23]) Сборникъ извѣстій, относящихся до настоящей войны (1853—1856 г.). Кн. 13-я. Стран. 4—5.

([24]) Высочайшій указъ Правительствующему Сенату, отъ 21 февраля 1854 года.

([25]) Высочайшій указъ Правительствующему Сенату, отъ 16 февраля 1854 года.

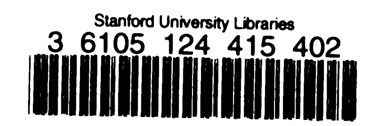
([26]) Сборникъ извѣстій и проч. кн. 13-я.

([27]) Высочайшій указъ на имя военнаго министра, отъ 10 марта 1854 года.

([28]) Въ циркулярномъ предписаніи министра внутреннихъ дѣлъ, отъ 14 марта 1854 года, исчислены Высочайше дарованныя преимущества нижнимъ чинамъ, желающимъ поступить на вторичную службу: „1) Золотой или серебрянный шевронъ по цвѣту пуговицъ. 2) Производить имъ двойной окладъ жалованья, со дня зачисленія на службу. 3) При самомъ поступленіи на вторичную службу наградить ихъ серебряными медалями, съ надписью: за усердіе, для ношенія въ петлицѣ, на Анненской лентѣ. 4) Сверхъ сего выдавать въ единовременную награду: унтеръ-офицерамъ гвардіи—по 5 рубл. серебр., арміи—по 3 рубля серебр., а рядовымъ гвардіи—по 3 р., арміи по 1 р. 50 коп. серебромъ. 5) Зачислять ихъ на службу въ ближайшіе резервы, или въ тѣ резервы, куда сами пожелаютъ. 6) Зачисляемыхъ въ резервы не посылать на пополненіе дѣйствующихъ войскъ, исключая тѣ случаи, когда сами нижніе чины пожелаютъ служить въ дѣйствующихъ войскахъ, и сами-же о переводѣ ихъ туда изъ резервовъ, или при изъявленіи желанія поступить на службу, просить будутъ. 7) Дѣтямъ отставныхъ нижнихъ чиновъ, поступившихъ по настоящему приглашенію на вторичную службу, производить отъ казны, во время нахожденія ихъ отцевъ на вторичной службѣ, провіантъ, сыновьямъ, несостоящимъ въ баталіонахъ и полубаталіонахъ кантонистовъ, до семи-лѣтняго возраста — въ половинной, и съ окончаніемъ семи-лѣтняго возраста — въ полной солдатской дачѣ; дочерямъ же

всякаго возраста — въ половинной противъ солдатской дачѣ. 8) Женамъ и дѣтямъ сихъ нижнихъ чиновъ, на все время, какое пробудутъ ихъ мужья и отцы на вторичной службѣ, отводить обывательскія квартиры, или выдавать квартирныя деньги, смотря по тому, гдѣ и какъ положено отбывать постойную повинность. 9) Поручить оставшихся въ мѣстахъ жительства женъ и дѣтей, обоего пола, отставныхъ, поступившихъ на вторичную службу нижнихъ чиновъ, особому и самоближайшему попеченію начальниковъ губерній, и пригласить сословія: дворянское, купеческое, мѣщанское и общество крестьянъ удѣльныхъ, казенныхъ и военныхъ поселянъ, оказывать имъ вспоможенія, подобно тому, какъ помянутыя сословія и общества, къ совершенному удовольствію Его Величества, приняли на себя со всею готовностью обязанность снабжать пособіями семейства безсрочно-отпускныхъ нижнихъ чиновъ, призванныхъ въ настоящее время на дѣйствительную службу. 10) Съ окончаніемъ войны, всѣхъ поступившихъ по приглашенію на вторичную службу нижнихъ чиновъ уволить въ чистую отставку, съ назначеніемъ имъ въ пенсіонъ, по смерть, полутора оклада жалованья, не взирая на то, сколько бы лѣтъ ни пробыли они на вторичной службѣ. 11) При увольненіи сихъ нижнихъ чиновъ вторично въ отставку, отдать ихъ имъ сыновей, прижитыхъ со дня первой отставки до вторичнаго вступленія въ службу. 12) Тѣмъ изъ сихъ призываемыхъ на службу отставныхъ нижнихъ чиновъ, которые не пожелаютъ взять вторичной отставки, дозволить оставаться на дальнѣйшей службѣ, съ предоставленіемъ имъ, по числу лѣтъ службы, одинаковыхъ преимуществъ съ добровольно отказавшимися отъ безсрочнаго отпуска, и потомъ отъ отставки, и оставшимися на дальнѣйшей службѣ.

([29]) Высочайшее повелѣніе 2 апрѣля 1854 года.

Stanford University Libraries
3 6105 124 415 402

